Рокиа – Виновна: Сгорая от любви

Переведено специально для группы
˜”*°•†Мир фэнтези†•°*”˜ http://Wfbooks.ru
Название: Guilty. Burn for love / Виновна. Сгорая от любви
Автор: Рокиа / Rokia
Серии: Guilty #2 / Виновна #2
Перевод: nasya29
Редактор: nasya29

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Аннотация

ПОТЕРЯННАЯ ЛЮБОВЬ, ОБРЕЧЕННАЯ САМОЙ СУДЬБОЙ. ПРИНЦ, ГОТОВЫЙ ОБРАТИТЬ КОРОЛЕВСТВО В ПЕПЕЛ РАДИ СВОЕЙ МЕСТИ.

Спустя два года после потери Лавинии Артур больше не тот, что прежде. Сбежав из Королевства, которое должен был защищать, но которое отвергло его, он окончательно принимает свою темную природу и находит убежище в Гренландии. Здесь он проводит дни, планируя месть врагам и испепеляя одним лишь прикосновением любого, кто осмелится встать у него на пути. Но именно сейчас, когда уже близится неизбежная схватка с его братом Эдоардо, занявшим трон вместо него, его путь пересекается с путем Ясмин — девушки, которая потеряла воспоминания о своем прошлом, но выглядит в точности как Лавиния.

Артур не может поверить, что это она: он видел ее смерть своими собственными глазами, когда ее убили, чтобы нанести удар по нему. И все же эта встреча пробуждает чувства, похороненные под яростью. Пророчество, казавшееся угасшим, сбывается, становясь еще мощнее: Ясмин несет в себе силу огня и черпает мощь в самом Артуре, но им придется научиться сосуществовать, чтобы победить в грядущей войне. Вместе они — непобедимое оружие, их связь выкована судьбой. Зло и его Невеста наконец воссоединились, как и было предсказано, чтобы раз и навсегда разорвать цепь преследований и изменить этот мир.

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Оглавление

Пролог 4
Глава 1 6
Глава 2 13
Глава 3 21
Глава 4 31
Глава 5 40
Глава 6 52
Глава 7 62
Глава 8 71
Глава 9 81
Глава 10 91
Глава 11 98
Глава 12 111
Глава 13 122
Глава 14 137
Глава 15 150
Глава 16 166
Глава 17 176
Глава 18 184
Глава 19 192
Глава 20 201
Глава 21 210
Глава 22 220
Глава 23 230
Глава 24 238
Глава 25 246
Глава 26 255
Глава 27 265
Глава 28 273
Глава 29 281
Глава 30. ЧАСТЬ ПЕРВАЯ 290
Глава 30. ЧАСТЬ ВТОРАЯ 301
Эпилог 307

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Пролог

Его описывали тысячей разных способов — от самых катастрофических до самых омерзительных.

Аномалия природы.

Сын, сожженный собственным отцом.

Причина человеческих страданий.

Но ни один эпитет не способен передать его ненасытную жажду крови, то, как он сжигает людей одним лишь прикосновением и садится наблюдать за тем, как огонь пожирает их плоть. Чудовище, которое упивается терзающей болью в последних задушенных хрипах своих жертв. Спокойствие охотника, жестокость демона и хладнокровное безразличие убийцы.

Он давит нас как насекомых, одного за другим, и пирует на нашем пепле. Я бегу, ноги грозят подкоситься в любой момент, а сердце колотится так сильно, что становится больно. Робин спотыкается и падает на землю. Его глаза широко распахнуты от ужаса, а тело сотрясает дрожь, пригвождая к месту. Я ползу, намертво одеревеневшими мышцами ног, и забиваюсь за телегу с бочками.

Высовываю голову. «Псст! Шевелись!» — испуганно шепчу я ему. — «Он увидит тебя! Иди сюд…» — я зажимаю рот ладонью, подавляя подступивший к горлу рвотный позыв. Робин полыхает прямо у меня на глазах, зловоние крови и обугленной плоти смешивается с криками, разрывающими его тело. Он давит нас как насекомых, одного за другим, и пирует на нашем пепле. Сгорел заживо… Как… как он это сделал? Он ведь даже не коснулся его.

Прижавшись спиной к огромному колесу телеги, я посвящаю эти последние мгновения молитве. Блядь, блядь, блядь. Мы согласились искать зацепки, ведущие к убежищу Зла, но оказались во власти худшего хищника на лице земли. Слезы катятся по моим щекам вместе с тысячью сожалений, когда внезапный грохот разрывает воздух. Очередные леденящие душу крики. Я сжимаю в руке винтовку и заглядываю в щели между бочками, замечая командира, спрятавшегося за невысокой каменной стеной. Его губы дрожат, в руке он держит розовый бантик — бантик дочери, которую он оставил дома, в Королевстве Америка.

Веселое насвистывание нарушает тишину — так эта аномалия природы предвкушает встречу со своими следующими жертвами. Он идет сюда, мы все умрем.

— Нам ни за что не следовало соглашаться на это задание. Нас отправили на убой, блядь… — сквозь зубы ругаюсь я.

Меня трясет, горячая жидкость мочит штаны, запах мочи смешивается с запахом пота. С трудом сглатываю слюну, я не хочу сгореть дотла, не хочу… не хочу умирать вот так. Прижимаю винтовку к груди, делая то, что может оказаться моими последними вздохами. Его шаги отдаются эхом в тишине этого тупика.

— Убей меня, если хочешь, но хотя бы… оставь моей семье тело для погребения, у меня дочь… умоляю. — Голос командира — это отчаянная мольба, которая разрывает мне грудь. Щелчок пальцев, и запах горелой плоти смешивается с его стонами боли. Я закрываю глаза и зажимаю рот рукой. Он сжег его. Я… я… остался один.

— Ты закончил здесь? Мы привлекаем слишком много внимания, пламя перекинулось на лес.

Второй мужской голос заглушает крики командира.

— Я закончил, — отзывается первый, и мурашки бегут по моей спине от звука его хриплого, спокойного голоса. Невозмутимый, ледяной и ужасающий. — Выходи оттуда, или хочешь сгореть вместе с деревом этой бочки?

Мое сердце пропускает удар. Он говорит со мной, он знает, где я… он всегда это знал. Сжав зубы, я делаю последнюю отчаянную попытку. Падаю перед ним на колени, не смея поднять глаз от земли.

— Ум-мо-моляю… я с-сделаю все, ч-что п-прикажете, — заикаюсь я. Капли пота катятся со лба, пока я зарываю ладони в сырую землю. — Я н-ничего не расс-скажу Королевству Америка… вы м-можете ис-использовать меня как шпиона.

— Убей его без этих фокусов, Артур, — различаю я голос того, первого мужчины.

— Элайджа, ты меня обижаешь. Когда это я играл? Они сами пришли ко мне, а я лишь радушно их принял. Но раз уж сегодня я настроен милосердно, ты можешь идти.

Я поднимаю голову и, приоткрыв пересохшие губы, встречаюсь с ним взглядом. Задерживаю дыхание. Где-то на задворках своего разума я рисовал его в образе чудовища, изуродованного пламенем, чем-то отвратительным и монструозным. Именно так нам его всегда и описывали. Вместо этого я оказываюсь лицом к лицу с мужчиной с мягкими золотистыми кудрями и белоснежной кожей. Нечеловеческая пустота, окрашивающая его взгляд — такой же яростный, как и полыхающий вокруг него огонь, — единственный признак его демонического безумия, наряду с каплями крови, усеявшими его лицо. Он приподнимает уголок губ в ужасающей усмешке. Я не должен был… смотреть на него.

Я поднимаюсь с земли и опускаю глаза. Ноги подкашиваются, стоит мне встать в полный рост.

— Слишком поздно, — издевательски протягивает он. Щелчок пальцев, и огонь пожирает меня.

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Глава 1

Это неправда.
Это неправда.
Это неправда.
Разбуди меня, умоляю.
Кричи на меня, скажи, что ненавидишь меня и… что угодно.
Я могу жить далеко от тебя, могу даже жить, зная, что ты меня ненавидишь.
Но, Лавиния, прошу тебя, заклинаю и умоляю.
Вернись ко мне…
Я не смогу жить, если тебя не будет.
— Письмо номер 1 Артур

Гренландия, 12 октября 2024 года
Ясмин

Правило рынка номер один: ради каких бы то ни было температур на свете работа никогда не прекращается, здесь не существует перерывов и даже коротких пауз.

Я опускаю последний ящик с рыбой на деревянный прилавок и прокашливаюсь.

— Свежая рыба, дамы и господа! Последний ящик по специальной цене только для вас! — Холод щиплет кончик носа, я вздыхаю, и из моих губ вырываются облачка пара. Вздрагиваю и тру ладони, чтобы согреться. Пальто, перчатки и слои одежды будто бесполезны — холод все равно проникает до самых костей.

Торговая улица кишит покупателями, которые бродят от одного навеса к другому в поисках самых выгодных цен, а торговцы пускают в ход свои лучшие уловки, стремясь завлечь как можно больше людей.

Я замечаю пожилую пару, которая бросает любопытные взгляды на наш прилавок. Отлично, принесем домой немного монет.

— Что я могу для вас сделать? О, эта рыба восхитительна, госпожа, она из Южного моря. — Я достаю пакет из-под прилавка. — Мы сами ее поймали. Сколько вам положить?

— Давайте три вот тех маленьких, на эти дни хватит.

Я киваю.

— Отличный выбор, дорогая. — Наполняю пакет и завязываю его небольшим узлом. — Мама, я отправляю тебе эту милую пару. Прошу вас, в ту сторону. — Протягиваю пакет покупательнице и указываю на Мари, сидящую на краю прилавке.

Что-то касается моего плеча, я поворачиваю голову — поношенную перчатку отца невозможно не узнать. Одной рукой он поглаживает длинную белую бороду на подбородке, приоткрывает губы, и запах вина ударяет мне в ноздри.

— И сегодня мы тоже распродали почти всю рыбу! Другие лавки с трудом могут опустошить один ящик, а наш товар идет нарасхват, — похихикивает он.

В конце концов, вещи, которые делают Ханса Дорси счастливым, ограничиваются всего двумя: превосходство над конкурентами и хорошее вино.

Лоффи высовывается из-за его ног, в расстегнутой куртке и с растрепанными волосами:

— Отличное качество и непревзойденная цена! — Он повторяет семейный девиз, сопровождая его поднятым вверх большим пальцем. Вечно он возвращается взъерошенным. Я вздыхаю, наклоняюсь к нему и провожу рукой по его волосам.

— Где твой капюшон, Лоффи? Разве ты не видишь, что холодно? И застегни куртку, господи боже. Ты же заболеешь! — Пока я застегиваю его пальто, боковым зрением замечаю, как отец подходит к концу прилавка и садится рядом с мамой.

Лоффи приподнимает плечи.

— Утром он был на мне, а потом… потом его забрал призрак!

Каждый раз, когда он натворит дел, во всем виноваты призраки, демоны или драконы. Безнадежный случай.

— Мы почти закончили, посиди здесь, а потом посмотрим, куда ты его засунул. — Я поднимаю его обеими руками и усаживаю на пустой ящик. Он подпирает подбородок рукой и бормочет что-то невнятное.

— Извините, можно мне полкило вот этого?

— Конечно, сейчас сделаю. — Я снова перемещаюсь к прилавку. Надеваю защитные перчатки и наполняю пакет свежей треской.

— Он уничтожит мир огнем своей мести! — вовсю ликует тем временем Лоффи.

Я перехожу к весам слева от себя. Бросаю быстрый взгляд на Лоффи — тот стоит, вытянув руки вперед и сблизив ладони в боевой позе… будто в любой момент из его пальцев может вырваться пламя.

Я вздыхаю. Опять эта чертова легенда.

— И сжигая всех своих врагов, он позволит себе умереть.

Женщина передо мной слегка улыбается.

— Ну и сказочка, мягко говоря, жутковатая, малыш.

Откуда он только берет эти идеи? Все из-за непомерного количества времени, которое он проводит перед телевизором.

Я убираю пакет с весов и протягиваю его женщине.

— Пожалуйста, касса с той стороны, — улыбаюсь я, указывая на Мари. Она берет пакет из моих рук и отходит.

— Это история про Зло! — выкрикивает Лоффи, широко расставив ноги.

Я скрещиваю руки на груди и испепеляю его взглядом.

— Пункт первый: ты рискуешь упасть. Сядь. И пункт второй: смотри поменьше жутких мультфильмов.

— Это не мультфильм! Зло существует на самом деле, я слышал, как об этом рассказывал торговец хлебом… говорят, он укрылся здесь, на нашей земле. Разве это не захватывающе, сестренка? — Он подпрыгивает, ящик шатается под его ногами.

— И, дай угадаю, это тот самый призрак, который украл твою шапку?

— Он ходит среди нас, притворяется обычным гражданином, но на самом деле несет в себе пламя своего прошлого. — Лоффи спрыгивает с ящика, игнорируя мой вопрос.

У него текут сопли, но он слишком увлечен своим рассказом, чтобы остановиться и вытереть нос. Я достаю платок из кармана куртки и наклоняюсь к нему.

— Сморкайся и перестань молоть чепуху. — Зажимаю ему нос платком, слегка надавливая пальцами, и он с силой сморкается, зажмурив глаза.

— Сестренка, твой шрам становится меньше, — говорит он, глядя на мой лоб. Я выбрасываю платок в урну под прилавком. — Твои воспоминания вернутся, когда он исчезнет?

— Лоффи! — Голос Мари разражается подобно грому. — Что мы тебе говорили?

Он зажимает рот руками, его щеки краснеют, и он опускает взгляд на мыски своих ботинок.

— Я забыл… — лепечет он.

Я глажу его по голове.

— Все хорошо. Нас никто не слышал.

— Если твои воспоминания вернутся, сестренка… — шепчет Лоффи, приставив ладони к губам, чтобы его не услышали. — …ты ведь все равно останешься с нами, правда?

Нежность, сквозящая в этой его неуверенности, приятно щекочет сердце. Я поджимаю плечи.

— Ну, я не знаю… может, раньше я была владелицей какого-нибудь умопомрачительного особняка!

Он следит за движением моих губ, страх оказаться брошенным пожирает его, но он не хочет этого показывать.

— Что ж, никто так и не пришел искать тебя. — Он задирает подбородок, избегая моего взгляда. — А если никто тебя не ищет, ты останешься с нами.

— Лоффи, однажды Дорси… — я протягиваю свой мизинец к его мизинцу, семейный девиз — одна из наших любимых фраз, и в его глазах тут же вспыхивает огонек. — …навсегда Дорси! — Он сцепляет свой мизинец с моим, и все его страхи улетучиваются.

Я не хочу открывать ящик Пандоры, откуда может вырваться рой ос. Я хочу и дальше видеть, как Лоффи просыпается по утрам с растрепанными волосами, хочу продолжать есть вкусную еду мамы Мари, хочу по-прежнему слышать раскатистый смех папы Ханса, пока он подсчитывает дневную выручку.

И меня до ужаса пугает мысль о том, что я могу оказаться кем-то другим.

Внезапный грохот заставляет меня вздрогнуть. Крик Мари пронзает воздух, я вскакиваю на ноги с ушедшим в пятки сердцем.

— Вор! Вор! Наши деньги… этот человек, держите его! — кричит папа Ханс, повалившийся на землю кверху ногами вместе с упавшим рядом стулом. Он поднимает руку и указывает на человека в капюшоне, который несет со всей дури по улице с кассовым ящиком в руках. Блядь, только этого не хватало…

Продавцы из соседних палаток собираются вокруг нас, кто-то помогает отцу подняться на ноги. Я вздрагиваю при виде крови, струящейся по его правой щеке. Ему нанесли рану, но он слишком занят руганью и подсчетом убытков, чтобы заметить это.

Я бросаюсь к нему, сердце бешено колотится в груди.

— Этот ублюдок, у него был нож… подошел, чтобы спросить дорогу… все произошло быстро, он толкнул меня… — Он стискивает зубы, его глаза округлены от шока.

Я достаю чистый платок из карманов и прижимаю его к ране.

— Главное, что вы оба в порядке. Я принесу марлю, держи прижатым здесь… Лоффи, принеси мне…

Я оборачиваюсь, но увидеть Лоффи, несущегося по покрытой льдом улице, явно не входило в мои планы.

— Я поймаю тебя, вот увидишь! — кричит он. — Я спасу свою семью! — Он сворачивает за угол, исчезая из виду.

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Мне не хватает воздуха. Это не может быть правдой. Мама во всю глотку кричит ему остановиться, Ханс поджимает губы, прижав руку к груди, а я едва могу моргать.

— Я-я пойду заберу его, не волнуйтесь, — быстро говорю я. — Вызывайте полицию. — Я бегу по следам Лоффи, ветер хлещет меня по щекам. Небо надо мной начинает темнеть, а холод пробирается под кожу. Несколько капель воды касаются лица, пока я пытаюсь не поскользнуться на обледенелом асфальте.

Элайджа

Я сжимаю бинокль в пальцах, указательным поворачиваю колесико, чтобы разглядеть получше. Высокий, лет тридцати, худощавого телосложения, синяя маска закрывает половину лица. Нашел. Он бежит по краю ледника, отделяющего сушу от моря, прижимая что-то к боку. Справа я замечаю небольшую пустую лодку, покачивающуюся на воде. Он использует ее, чтобы сбежать. Мы должны перехватить его раньше. За ним гонится ребенок.

Опускаю бинокль.

— Это он. Не трогай его, он нужен нам живым, а не испепеленным. Если ты убьешь и его по ошибке, нам придется ждать месяцы, прежде чем мы найдем другую зацепку.

Тишина. Он вообще меня слушает или я сотрясаю воздух? Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на него: лежит справа от меня, закинув руки за голову и закрыв глаза. Абсолютно обманчивый покой окружает человека, способного сжечь любого, к кому прикоснется. Его руки скрыты перчатками, не оставляющими открытым ни единого сантиметра кожи.

— Напоминаю тебе, что мы не можем использовать огнестрельное оружие, оно производит слишком много шума и привлечет ненужное внимание. Нам нужен этот человек, иначе мы можем забыть о помощи со стороны Гренландии. — И в этот раз никакой реакции. Мы уже несколько месяцев ищем деталь, которая позволит нам заручиться сотрудничеством Гренландии. И сейчас эта деталь прямо перед нашими глазами. — Ты меня слышишь, Артур?

Едва заметная гримаса кривит его губы, когда он приподнимается и садится, разминая шею вправо и влево до хруста.

— Я понял. — Слабенький шепот, который тут же растворяется в воздухе.

Он открывает глаза и встречается со мной взглядом; огонь в его ирисах источает леденящий холод, пронизывающий меня до самых костей. Я вижу его каждый день, и все же не могу выдерживать этот взор дольше нескольких секунд. С трудом сглатываю слюну. Призрак, ходящий по земле, которого удерживает в живых лишь одно-единственное желание. Сжечь их всех дотла.

Я снова перевожу взгляд на нашу цель.

— Он вон там, — говорю я, указывая указательным пальцем. Наш человек в спешке и панике забирается в свою лодку. — Бежит, поджав хвост… Должно быть, украл что-то у того пацана, раз тот преследует его еще с рынка…

Я не успеваю закончить фразу: Артур поднимается на ноги и выходит из укрытия. Как всегда. Вечно он поступает по-своему, не обращая внимания ни на что и ни на кого. Я слежу за происходящим через бинокль. Артур останавливается в паре метров от него и слегка наклоняет голову вправо. Опущенные плечи и это пугающее, леденящее спокойствие, с которым он изучает любую жертву, прежде чем растерзать ее. За эти два года я видел подобное бесчисленное множество раз, но сейчас я лишь надеюсь и

молюсь, чтобы в этот раз он сдержал себя чуть сильнее. Этот человек нужен нам живым.

Жрецы, Эдоардо и Королевство Америка… весь мир охотится за нами, остальные королевства — их союзники, запуганные жаждой мести, которую несет в себе Зло. Мы отчаянно нуждаемся в надежной опоре, на которую можно положиться, и единственная земля, способная в этот исторический момент предоставить нам убежище, — Гренландия. Она никогда не была втянута ни в какие конфликты или войны… по крайней мере до тех пор, пока человек, возглавлявший этот народ, не был подло убит в стенах собственного дома. Его сын, Нанук Олсен, позволил нам укрыться здесь, но с одним условием: мы должны найти того, кто предал и лишил жизни его отца.

— Осторожнее… — шепчу я скорее самому себе, чем ему, чувствуя, как желудок сжимается в тугой узел от напряжения. Артур доходит до кромки воды и останавливается в нескольких шагах от нашей цели. Мы уже близко.

Он достает из-за пояса острое лезвие и небрежно крутит его между пальцев, забавляясь. Мужчина замечает его, но делает вид, будто ничего не происходит, продолжая возиться со швартовами, пока не освобождает лодку. Корпус начинает отходить от берега, мужчина запрыгивает на борт и принимается быстро грести. Мне почти жаль его. Он так и не понял, что если ты попал в прицел Артура, спасения нет.

— Стой, чертов вор! Верни сундук! — Жалкий, сорванный крик привлекает мое внимание. Это тот самый пацан, он останавливается рядом с Артуром и говорит ему что-то, чего я не могу разобрать. Артур, разумеется, не отвечает и даже не удостаивает его взглядом. Тогда мальчик без тени страха бросается прямо в воду. Что он делает? Это же опасно. Он слишком хрупкий, сомневаюсь, что он сможет совладать с приливом и добраться до лодки, не утонув.

Артур поднимает руку и молниеносным движением наносит удар. Лезвие с визгом вонзается в цель, и воздух пронзает полный боли вопль. Пожалуйста, только бы он его не убил. Я кручу колесико бинокля, чтобы проверить: мужчина корчится от мук, нож засел глубоко в его правом предплечье.

Артур заходит в воду, и с каждым его шагом вокруг поднимается плотный шлейф пара, похожий на туман. Ледяная вода не причиняет ему ни малейшего дискомфорта, он ее попросту не чувствует: его тело раскалено, это чистая лава, его прикосновение — огонь. В его венах течет первозданная сила, которой обладает Зло.

Вода доходит ему до пояса. Легким, непринужденным движением он протягивает руку к лодке и хватает ее за борт. Он тащит ее к берегу так, словно она сделана из птичьих перьев. Я облегченно вздыхаю. Готово. Теперь нам остается только пытать его до тех пор, пока он не выложит все, что нам нужно знать.

Я прячу бинокль в карман куртки и выхожу из укрытия. Артур закидывает раненого себе на плечо — у того закрыты глаза и безжизненно запрокинута голова. Выглядит мертвым. Мои глаза округляются, я приоткрываю рот.

— Что ты с ним…

— Не суетись, он просто потерял сознание. Забирай его, и уходим. — Он сгружает его мне на руки вместе с лезвием, все еще торчащим из плоти, затем обходит меня и направляется прочь, не проронив больше ни слова. С каждым днем он все сильнее забывает, как вообще общаются с людьми.

— Лоффи! — Отчаянный женский крик прорезает воздух. Я оборачиваюсь и вдали замечаю женщину в белом пальто до колен и черной шапке. Ее сапоги

судорожно топчут обледенелый берег, она мчится вперед, не оглядываясь назад, и в каждом ее движении сквозит абсолютная безысходность. Должно быть, это мать того мальчишки. Я снова перевожу взгляд на замерзающее море и замечаю маленькую голову: ребенок из последних сил цепляется за скалу посреди воды. Он стучит зубами, его губы посинели, а пальцы медленно соскальзывают. Ему так холодно, что он не может издать ни звука.

Артур уже дошел до машины, но, возможно…

Я ускоряю шаг и вырастаю прямо перед ним. Кивком головы указываю на берег.

— Там ребенок цепляется за скалу.

Он приподнимает голову и вонзает в меня пустой, безжизненный взгляд. Мурашки бегут по моей коже.

— И что с того?

— Ты хочешь бросить его там замерзать?

Он и бровью не ведет, и мне приходится приложить усилия, чтобы не выдать ужас, который внушает мне его апатичный голос.

— Почему бы и нет? — шепчет он, и я готов поклясться, что замечаю на его губах едва заметную, издевательскую усмешку.

Он обходит меня и открывает дверцу автомобиля. Ком сжимает мне горло. Человечность полностью покинула его тело с того рокового дня, когда мир лишил его собственной половины. Его чистой, искренней части, обладавшей обликом ангела с глазами цвета неба. Если бы только она увидела, как он поворачивается спиной к ребенку, молящему о помощи… она бы ни за что не поверила, что это тот самый мужчина, которого она любила каждой клеточкой своего существа. Я качаю головой. Пожалуй, если я уеду и вызову спасателей…

Они не успеют. Прилив поднимается, у малого намертво заиндевели пальцы, он долго не продержится. Я прислоняю бесчувственного мужчину к машине и бросаюсь к берегу. Я вытащу мальчишку из воды и, не привлекая внимания, исчезну до того, как он или его мать успеют заметить что-то странное.

Я делаю огромные шаги, заходя в море; вздрагиваю, когда вода начинает доходить до пояса. Еще несколько метров. Я гребу руками и отталкиваюсь ногами, пробиваясь к скале, за которую он держится. Хватаю его за туловище, он дрожит как осиновый лист, но без раздумий вцепляется в мои плечи.

— Все хорошо, дыши, — шепчу я, и он слабо кивает. Я удерживаю его одной рукой, а другой опираюсь на скалу. Дело сделано.

Я поднимаю взгляд на берег и прищуриваюсь. Женщина бросается в воду и плывет в мою сторону. Что она творит? Теперь мне придется спасать двоих вместо одного. Шапка слетает с ее головы, обнажая светлые волосы длиной чуть ниже ушей.

Я приоткрываю рот.

— Что за…

Я моргаю, тру мокрой ладонью глаза, но картина перед веками не меняется. Округлые глаза, небесно-голубые ирисы и лицо, белое как снег — точь-в-точь как у нее. На что я сейчас смотрю?

Она продвигается вперед, но с трудом справляется с течением. Задыхается, беспорядочно бьет руками по воде, ее лицо искажено судорогой боли. Шок накрывает меня с такой силой, что я теряю способность здраво мыслить.

Как это возможно… как? Как? Как?

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Она ловит ртом воздух, и ее голос умоляет о помощи. Крик, который, подобно древнему зову, подобно возвращению затерянного эха, вновь разжигает в нем пламя.

Ясмин

Не колеблясь больше ни секунды, я делаю шаг за шагом, погружаясь в ледяное море. Страх сжимает мой желудок мертвой хваткой, перехватывая дыхание, но я не могу позволить своей фобии перед глубокой водой остановить меня в этот критический момент. Тот темнокожий мужчина закидывает Лоффи себе на плечо, поворачивается, и его глаза встречаются с моими. Он что, сообщник этого вора? Ну конечно, у него такое выражение лица, будто он увидел призрака. Он испуганно моргает, уставившись на меня с оцепенением, словно мое появление — это досадная, незапланированная помеха.

Я должна забрать Лоффи у него. Вдох, выдох, я справлюсь. Вздрагиваю — вода обжигающе холодная, она омывает мои ноги, поднимаясь все выше. Холод парализует мышцы, но я обязана двигаться дальше. Я должна… забрать… Лоффи.

Зубы стучат, меня начинает бить неудержимая дрожь. Прилив поднимается, вода уже стоит выше подбородка, и каждая мышца одеревенела от стужи.

— Помогите! — Я не могу пошевелиться. Яростные волны вот-вот накроют меня с головой. Вода попадает в рот, я кашляю и задираю лицо вверх. — Помогите, — хриплю я, но этот слабый крик мгновенно уносится ветром.

Паника поглощает меня, становится трудно даже держать веки открытыми. Я закрываю глаза и стискиваю зубы. Внезапно странное, невероятное тепло разливается вокруг. Что-то мощное влечет меня вверх. Что-то горячее, во что я впиваюсь ногтями, выгибая спину и всем телом ища этот контакт. В ладонях начинает покалывать, к ним возвращается чувствительность; я моргаю, пытаясь сфокусировать взгляд на том, что меня окружает.

Я дрожу как осиновый лист, прижатая к массивной груди, которая кажется отлитой из металла и источает нечеловеческий, первозданный жар. Моя челюсть едва не падает на землю, когда я замечаю густое белое облако, окутавшее все вокруг. Какого хера вода вокруг нас испаряется?

Я поднимаю голову, и в мое сознание врезается лицо, словно высеченное самым безжалостным из творцов. Красота, пронзенная глубокой скорбью: слеза катится по его щеке, срывается и падает мне прямо на лоб, а я из последних сил сдерживаюсь, чтобы не потянуться и не стереть её. Его пальцы намертво прижимают мое тело к себе, будто я могу раствориться в воздухе и улететь.

Я не понимаю, почему этот мужчина…

Он приоткрывает губы, и из них вырывается мольба, сотканная из чистой боли:

— Лавиния?

…почему он так смотрит на меня?

Два янтарных самоцвета, затуманенных слезами и иссеченных страданием, которое носит имя лишь одной женщины.

Лавиния.

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Глава 2

Если бы только я бежал чуть быстрее,
если бы только я был немного сильнее, если бы... если бы...
Я схожу с ума.
Ты ведь не ушла навсегда, правда?
— Письмо номер 12
Артур

Королевство Америка
Вирджиния

Звуки ударов, которые Его Высочество наносит по боксерской груше, эхом разносятся по всему спортзалу. Он тренируется как одержимый параноик, повсюду видящий врагов. Его обнаженный торс покрыт слоем пота, костяшки пальцев сбиты, а лицо усыпано порезами, оставшимися после прошлых тренировок на мечах.

Я прижимаюсь спиной к стене; мышцы ног горят и молят о передышке, но мне нельзя садиться. Я обязана находиться там же, где и он, и притворяться, будто все это не вызывает у меня подступившую к горлу тошноту. Фаворитка Короля — девушка при дворе, обреченная служить ему с того мгновения, как он открывает глаза утром, и до того, как закрывает их ночью.

Удары прекращаются, его грудь тяжело вздымается и опускается, жадно ловя воздух. Он поднимает правую руку — я тут же срываюсь с места и подхожу, держа бутылочку с водой. Не встречаясь с ним взглядом, я протягиваю её и застываю с преклоненной головой, как того требует придворный этикет. Капли крови вновь пачкают пол спортзала. Его костяшки настолько стерты от ударов, что кровь хлещет отовсюду, но его это не волнует — он слишком одержим страхом, который пожирает его даже во сне.

Он делает глоток, и звук сжимаемой в его ладонях пластиковой бутылки нарушает тишину. Мы никогда не разговариваем, я лишь угадываю его жесты и исполняю свои обязанности, тщательно скрывая отвращение ко всему, что он теперь из себя представляет.

Он протягивает руку с пустой бутылкой, я забираю её и возвращаюсь на свое место. Звуки ударов возобновляются с прежней неистовостью, а я остаюсь стоять неподвижно. В ожидании, когда он поднимет правую руку для воды, левую для полотенца, или же просто уйдет, завершив эту мучительную ежедневную тренировку.

Шум у двери привлекает мое внимание. Я поворачиваю голову, и стражник делает мне знак подойти. Никто и никогда не смеет тревожить Короля во время тренировок. Я убираю полотенце со своего плеча и кладу его на полку рядом с бутылками с водой.

— Твое присутствие требуется в саду, — объясняет он.

— Кто меня зовет?

— Придворная дама.

Желудок сжимается от нехорошего предчувствия. Придворная дама Ингрид. Выбранная нынешним Верховным жрецом, она является самой влиятельной женщиной при дворе и обожает выискивать потенциальных предателей в каждом углу дворца, а её гвардейцы всегда готовы беспрекословно повиноваться ей. Она полностью

разделяет жесткую идеологию новых жрецов, любит внушать страх и подвергать ужасным наказаниям любого, кто нарушит правила.

— Моя обязанность — прислуживать Его Высочеству, я не могу уйти.

— Стража заменит тебя. У меня приказ сопроводить тебя, прошу сюда. — Он властно вытягивает руку, не терпя никаких возражений. Я вздыхаю, понимая: откажись я, он потащит меня силой. Киваю и следую за ним, и с каждым шагом мысли запутываются в голове тугими узлами. Зачем отправлять за мной стражу? Тревога перехватывает дыхание, но я расслабляю губы и приоткрываю их ровно настолько, чтобы сделать глубокий вдох. Здесь при малейшем намеке на неуверенность тебя бросят в холодную и темную камеру по подозрению в государственной измене.

Запах гари щекочет мне ноздри. Я хмурюсь: неужели что-то горит? Но стражник впереди идет без тени сомнения, словно в происходящем нет ничего странного. Что-то сжигают, я уверена в этом. Вскоре я вижу своих товарищей, выстроившихся в ряд с низко опущенными головами — здесь собрались почти все служащие двора. Сбившись в углу сада, они неподвижно и беспомощно смотрят на огромное пламя перед собой. Но что…

Ингрид в окружении двух телохранителей бросает какие-то вещи в яростно полыхающий огонь. На её губах играет жуткая улыбка, темные волосы собраны в длинный хвост, а морщинки у глаз прорезаются глубже каждый раз, когда она поддается эмоциям.

— О, а вот и ты… — ликует она, едва завидев меня. — …я не хотела, чтобы ты пропустила эту прекрасную церемонию очищения.

Я приподнимаю бровь. Что здесь происходит? Перевожу взгляд на девушек, но ни одной из них не позволено поднять глаз.

— Ты, должно быть, в растерянности, подойди же ближе, давай, — говорит она быстрым взмахом руки. С явной неохотой я шагаю к огромному костру, и ком сжимает мне горло. Я замираю. Я узнаю эти туфли, платья, ожерелья, пижамы, кольца и даже книги. Мои губы приоткрываются, и слеза скатывается по щеке. Я узнаю каждую вещь, потому что всё это — личные вещи придворной дамы Анджелины. Единственные воспоминания, оставшиеся в этом дворце. Как она их нашла?

Они горят, теряя цвет и форму, горят и превращаются в груду темного, грязного пепла.

Почему эти вещи здесь? Я ведь спрятала всё в своей комнате, я защищала их… Я не понимаю. Кто ей их отдал?

— Поразительно, что можно обнаружить, если копнуть поглубже. Правда ведь, Вирджиния? — спрашивает она, но в этот раз я не могу притворяться, не могу скрывать свои чувства, не могу больше разыгрывать этот спектакль, который душит меня последние два года. Я поднимаю голову, даже не пытаясь утаить ярость, закипающую в моих венах.

Она кривит губы в улыбке и пожимает плечами:

— Вы вечно заставляете меня играть роль злодейки, ведете себя как капризные дети. Я так хотела, чтобы вы любили и уважали меня, но, судя по всему… вы были слишком привязаны к этой предательнице.

Сделав глубокий вдох, я сжимаю кулаки и прямо встречаю её взгляд:

— Анджелина, — отчетливо выговариваю я имя по буквам. Страх покидает мое тело, окончательно измотанное этим жестоким цирком, в котором я больше не желаю участвовать.

Ингрид брезгливо кривится:

— В наказание, моя дорогая, мне придется преподать тебе урок, который послужит примером и для твоих товарищей. — Вот чего она искала с самого начала: зацепку, крошечную деталь, хоть что-то, способное оправдать её желание сломить единственного человека при дворе, который не подчиняется ей слепо.

Она делает едва заметный кивок головой, и стражники подталкивают меня к ней, крепко перехватив за руки. Ингрид достает из кармана юбки черный хлыст-трость, разворачивает его и проводит пальцами по его острому наконечнику. Лезвие зловеще поблескивает под лучами солнца.

— Выше локтей.

Одним резким движением рукава моей блузки разрывают в клочья — так стремительно, что я даже не успеваю этого осознать. Я вздрагиваю, когда прохладу, ласкавшую обнаженную кожу, сменяет жгучая, невыносимая боль.

— Пусть это послужит предостережением: память о предателях Короны хранить запрещено. — Она с силой наносит удар по правому предплечью, и полосы мгновенно багровеют от крови. Затем она нацеливает трость точно в то место, где кожа уже лопнула, и наносит новый удар, заставляющий каждую клеточку моего тела вспыхнуть огнем. Я прикусываю язык, подавляя рвущийся наружу крик боли. Я не стану кричать, я не доставлю ей этого удовольствия.

— То, что ты фаворитка Короля, не означает, что тебе дозволено нарушать правила дворца. Ты обязана подчиняться моим приказам, я ясно выразилась?

— Госпожа, я думаю, Вирджиния все поняла… — дрожащий голос Терезы доносится до моих ушей едва различимым шепотом.

Ингрид качает головой:

— О нет, сомневаюсь. Поглядите только, сколько барахла она прятала под своей кроватью! — Она наклоняется, поднимает с земли дневник Анджелины и швыряет его в огонь. — Это неповиновение должно быть наказано самым примерным образом.

Я выдыхаю сквозь накатывающую дрожь, которая перерастает в слезы. Раскиданные по земле книги и руководства, которые Анджелина читала вечерами перед сном… на страницах все еще видны её пометки. Ингрид безразлично топчет их ногами, приближаясь ко мне, вновь заносит трость и бьет еще сильнее:

— О предателях не плачут, — шипит она.

Один, два, три, четыре… восемь, девять, десять.

Она останавливается, переводит дыхание и поправляет волосы. Я чувствую, что вот-вот потеряю сознание. Кровь струится вниз, образуя темный ручеек, пачкающий землю. Я заставляю себя держать глаза открытыми и не рухнуть на землю, умоляя о пощаде. На правой руке нет ни единого живого места, кожа горит так сильно, словно готова отслоиться от тела.

Придворная дама переносит трость к другой руке и заносит её в воздух; я покорно опускаю голову, готовясь принять новую череду разрывающих ударов.

— Ваше Высочество. — Тон Ингрид, прежде надменный и торжествующий, мгновенно становится покорным и тихим. Она опускает взгляд. — Что привело вас сюда?

Я приподнимаю лицо со слезами на глазах: Эдоардо в сопровождении личной охраны пристально смотрит на мою покрытую кровью руку и сжимает челюсти. На нем серая толстовка, волосы и лоб мокрые от пота.

Он переводит ледяной взгляд на Ингрид:

— Мне теперь нужно ваше разрешение, Дама? — Хладнокровно чеканит он каждое слово.

Позади меня дворцовые девушки и гвардия Ингрид застывают в глубоком, низком поклоне, не смея разогнуться.

— Мой Король, как могли бы вы просить разрешения на перемещение по собственному дворцу? Я лишь показывала прислуге, что происходит, когда нарушаются правила. Это личные вещи предательницы Анджелины Йиферд, — говорит она, указывая указательным пальцем вправо. — Я нашла их под матрасом вашей фаворитки, поэтому я подвергаю её заслуженному наказанию.

Шаги Эдоардо приближаются. Одним ударом ноги он швыряет все оставшиеся книги Анджелины прямо в полыхающее пламя. Я вздрагиваю, сердце замирает в груди. Огонь разгорается сильнее, и дым разносится по воздуху вместе со зловещим запахом горящей бумаги.

Нет…

Последние крупицы памяти о придворной даме Анджелине превращаются в прах за считанные мгновения. Кое-где в повисшей тишине слышатся едва уловимые всхлипы. Я поворачиваю голову: лица девушек искажены судорогой скорби. Скорбь и страх неистово бурлят внутри них, но они подавляют их, чтобы не оказаться обреченными на изгнание или казнь.

Я сжимаю ладони в кулаки и устремляю взгляд на Эдоардо. У нас нет тела, чтобы предать его земле, нам запрещено оплакивать её уход, у нас нет права даже произносить её имя, а теперь… теперь у нас не осталось абсолютно ничего, что напоминало бы о ней.

— Больше нет никаких причин продолжать это публичное судилище. Проблема решена. — Голос Эдоардо звучит спокойно и ровно, словно он только что не уничтожил собственными руками последние вещи женщины, которая его вырастила. Женщины, которая до самых последних минут своей жизни бесконечно верила ему и видела в нем хорошего человека.

— Ваше Высочество, простите меня. Я не думаю, что этого достаточно, девка должна понести суровое наказание.

— Эта девка — фаворитка Короля, а Король здесь я, — гремит Эдоардо. — И я приказываю немедленно прекратить это зрелище. Я достаточно ясно выразился или мне нужно повторить?

Ингрид покорно склоняет голову:

— Как пожелаете, Ваше Высочество.

— Никто не смеет отдавать приказы фаворитке без моего согласия. Наказывать её или поощрять — это моя и только моя забота. Я ясно выразился?

— Да, Ваше Высочество.

Эдоардо поворачивается ко мне, но в моей груди живет лишь глубокое отвращение к этому фальшивому героизму. Я выдерживаю его взгляд, задыхаясь от ярости, которая лишает меня сил. Мерзавец, проклятый мерзавец. Надеюсь, он чувствует всю ту ненависть, горечь и презрение, что полыхают во мне. Надеюсь, он слышит всхлипы девушек, распростертых у его ног и дрожащих от страха выказать хотя бы одну неуместную эмоцию. Надеюсь, всё это будет преследовать его совесть. Надеюсь, он почувствует это и захлебнется в собственной вине.

— У меня заседание совета, — объявляет он с полным безразличием.

И что с того? Я моргаю, и резкая вспышка боли заставляет мои губы исказиться в судорожной гримасе. Порезы горят так сильно, что я не могу даже пошевелить кистью.

Он приоткрывает губы и добавляет:

— Вирджиния, подготовь всё необходимое, мы не можем опаздывать.

С рукой, растерзанной кровоточащими ранами, и телом, бьющимся в ознобе, я, по его мнению, должна как ни в чем не бывало продолжать исполнять свою роль и беспрекословно прислуживать ему.

Чего еще я ожидала от существа, которое предало собственного брата и лишило жизни Лавинию?

Я поднимаюсь на ноги, без поклонов и политеса, пока слезы вот-вот готовы хлынуть из глаз.

— Как пожелаете. — Этот шепот едва скрывает ядовитую колкость. В полном оцепенении я переступаю порог главных дверей и поднимаюсь по лестнице, направляясь в покои Короля. Гвардейцы, которых я встречаю в коридоре, отводят глаза: никому во дворце не дозволено помогать девушке, наказанной Придворной дамой. Несмотря на струйки крови, стекающие из ран, и мое осунувшееся от муки лицо, никто не смеет остановиться. Этот дворец превратился в место, где любое проявление сострадания может быть расценено как скрытая измена. Какая мерзость.

Я застываю перед дверью. Мне хочется протянуть руку и толкнуть её, но я содрогаюсь от одной мысли о том, что придется пошевелить предплечьем. Вздыхаю, шевелю пальцами, и пульсирующая боль оказывается настолько острой, что я вынуждена стиснуть зубы.

— Ты в ужасном состоянии, давай зайдем. — Мужской голос за спиной застает меня врасплох. Ясс, придворный врач, крепко сжимает в руке белый саквояж и свободной рукой открывает дверь.

— Что ты здесь делаешь?

Дверь за моей спиной закрывается.

Он опускает саквояж на стол, привычным движением распахивает его и достает марлю, антисептик и иглу.

— Боюсь, придется наложить несколько швов. — Он бросает на меня беглый взгляд и поправляет очки на переносице. — И не смотри на меня так, Его Высочество приказал тебя осмотреть.

Эти нелепые слова гулким эхом отдаются в моей голове.

— Нет.

Он моргает:

— Что?

— Я отказываюсь от его приказов. Я сама позабочусь о себе, а теперь, если позволишь, у меня есть обязанности, которые я должна выполнить.

Он замирает, встречаясь со мной взглядом.

— Послушай, Вирджиния, я понимаю, что ты чувствуешь обиду из-за…

— Я сказала, что справлюсь сама. У меня есть хотя бы это право? — шиплю я, и моя нижняя губа начинает подрагивать.

Он опускает голову и кивает. Закрывает саквояж, оставляя часть медикаментов на столе.

— Используй их и, пожалуйста, не нагружай руку, иначе останутся уродливые шрамы.

Я ничего не отвечаю. Он молча выходит из комнаты и прикрывает за собой дверь. *«Его Высочество приказал тебя осмотреть»*. Я гипнотизирую взглядом марлю и антисептик на столе, даже не думая приближаться к ним. Горькая усмешка кривит мои губы; я вонзаю ногти в ладони и поворачиваюсь к гардеробной.

Костюм для заседания совета висит слишком высоко. Проклятие. Я протягиваю левую руку и прикусываю язык, сдерживая крик. Любое движение лишь усиливает жжение от порезов, нанесенных Дамой Ингрид. Аккуратно снимаю костюм с вешалки, стараясь не испачкать его кровью, и раскладываю на кровати, но внезапный сильный приступ головокружения заставляет меня замереть. Зажмуриваюсь и делаю глубокий вдох. Почти готово, нужно лишь продержаться еще немного. Дрожащей ладонью я прижимаю раненую правую руку к груди.

Дверь распахивается с оглушительным грохотом, и я вздрагиваю от испуга: в покои входят двое мужчин из личной охраны Короля, а за ними — Его Величество Эдоардо.

Его лицо застыло в ледяной, непроницаемой маске.

— Держите её. — Всего два слова, и его люди мгновенно окружают меня. Он хочет завершить работу Ингрид? Это и есть то самое наказание, о котором она говорила? Я пячусь назад, но один из гвардейцев хватает меня за плечо и бесцеремонно поднимает мою правую руку, заставляя меня застонать от боли. Эдоардо проходит мимо, приближается к столику, открывает антисептик и смачивает марлевые салфетки. Что он творит? Он разворачивается и прижимает их прямо к кровоточащим порезам.

Я судорожно вздрагиваю, жжение удваивается там, где марля касается лопнувшей кожи. Я не хочу, чтобы он ко мне прикасался. Пытаюсь вырвать руку, но его люди лишают меня любой возможности двигаться.

— Я сказала, что сделаю всё сама, — чеканю я каждое слово, чувствуя, как язык горит от ярости.

— У фаворитки Короля не может быть ран на руках, которые мешают ей исполнять свои обязанности наилучшим образом. — Этот ровный, бесстрастный тон лишь подпитывает то омерзение, что я испытываю к нему. Эдоардо поворачивается к одному из гвардейцев: — Позови придворного врача, нужно наложить швы.

— Слушаюсь, Сир, — кивает стражник и спешно покидает комнату.

Что он о себе возомнил?

— Я сказала, что не хочу! — Мой голос срывается на крик, неистовый гнев переполняет меня и вырывается наружу. — Как мне еще повторить это вам, Ваша Светлость? Я не хочу, чтобы вы прикасались ко мне, не хочу видеть вас дольше необходимого, не хочу принимать вашу жалкую милость. Вы вызываете у меня тошноту!

Его глаза оценивающе сканируют меня с головы до ног. Он — собранный и невозмутимый, я — превращенная в комок дрожи и крови. Мое дыхание учащено, глаза полны слез, пропитанных ненавистью, а желудок сжат так сильно, что мне трудно сделать даже короткий вдох.

Придворный врач заходит в покои во второй раз, отвешивает короткий поклон Королю, после чего подходит к столу и открывает свой саквояж.

— Я сказала, что не хочу, — шиплю я, чувствуя, как нервы натянуты до предела.

Эдоардо отходит вглубь комнаты, прислоняется спиной к стене и скрещивает руки на груди. Мои желания не значат абсолютно ничего против воли Короля целой

нации, повелевающего армиями. Он безразлично смотрит в потолок, не обращая внимания на злость, которая буквально разрывает мне внутренности.

Что-то прокалывает кожу; я вздрагиваю и резко дергаюсь, но люди Эдоардо намертво фиксируют мои плечи и усиливают хватку. Я опускаю взгляд: на моем правом предплечье кончик иглы стремительно стягивает края порезов, оставленных Ингрид. Врач орудует инструментом ловко и легко, продевая нить из одного лоскута кожи в другой и затягивая узелки.

— Тебе нельзя нагружать руку, я оставлю таблетки от боли. Кроме того, в первые дни нужно менять повязки и обрабатывать раны. — Он закрывает швы прямоугольными пластырями и бинтует руку до самого локтя. Затем складывает инструменты обратно в саквояж, поворачивается к Королю и склоняет голову: — Ваше Высочество, здесь я закончил.

Короткий кивок в знак согласия.

— Можешь идти. — Эдоардо переводит взгляд на гвардейцев за моей спиной: — Вы тоже, оставьте нас наедине.

Королевская охрана и врач покидают комнату. Дверь закрывается, и, между нами, тяжелым туманом повисает тишина. Что еще ему нужно? Неужели он так и не понял, насколько сильно я его ненавижу?

Он издает тихий вздох, отстраняется от стены и медленно подходит ко мне. Достает что-то из кармана, скрывая это в ладони.

— Если хочешь ненавидеть меня, убедись, что у тебя достаточно сил, чтобы выдержать эту ненависть.

— До или после того, как вы воспользуетесь своей властью, чтобы уничтожить всё живое?

И он прекрасно понимает, что я имею в виду не только сегодняшний случай. Он отлично знает, что никто и никогда не забудет, как он убил Лавинию. Трус, неспособный нести бремя короны. Трус, неспособный защитить свой народ от тех, кто морит его голодом.

Он делает движение в мою сторону, но я резко отступаю.

— Я не требую от тебя слепого повиновения, какого жду от любого гражданина этой страны. Но при других людях не переходи черту, не бунтуй, иначе…

— Иначе вы приговорите меня к смерти точно так же, как поступили с Дамой?

Он качает головой:

— Я никого не приговаривал.

— Вы защитили её? Возразили против её казни? Нет, и я прекрасно это помню. Вы и пальцем не пошевелили ради женщины, которая вас вырастила. И если я все еще нахожусь при этом дворе и прислуживаю вам, то лишь потому, что уважаю последнюю волю Анджелины и обещание, которое я ей дала, — едва ли не выплевываю я слова, чувствуя, как узел, завязавшийся в груди, рвется наружу.

Он удивленно приподнимает бровь:

— Обещание? — шепчет он, и впервые на этой маске холода и апатии, которую он носит каждый день, появляется трещина. — Какое обещание?

Последние мгновения жизни Дамы всплывают в моей памяти, и слезы вновь подступают к глазам:

— Не оставлять вас одного.

Минута абсолютного молчания. Слезы застилают его глаза, но не падают, удерживаемые железным самообладанием. Может, даже они боятся приказов Короля этой нации?

Глаза, черные как смоль, но в то же время хрупкие, словно треснувший кристалл, готовый вот-вот разлететься на тысячи осколков. Это противоречие сбивает меня с толку и повергает в замешательство: то, что я вижу на его лице, напрочь расходится с образом человека, который всего несколько минут назад хладнокровно сжег любую память о Даме.

Он протягивает руку; я пячусь, но он слегка касается моего левого бока и удерживает меня на месте. Что…? Пальцами он едва ощутимо надавливает на мои волосы.

— Я один из самых ужасных монстров, так что ты совершенно права, когда смотришь на меня с ненавистью. Продолжай в том же духе, мне это нужно, чтобы помнить: я не достоин вести за собой свой народ. — Под его глазами залегли глубокие тени, пока он аккуратно вплетает что-то в мои волосы. — Но приглушай свои чувства перед остальными, потому что любая твоя эмоция написана у тебя на лице. — Он отпускает меня и делает шаг назад, после чего указывает рукой на дверь: — Ты свободна.

Ком в горле душит меня, я не нахожу слов для ответа. По крайней мере, он понял, насколько сильно я желаю ему сгинуть с лица земли. Я прохожу мимо него и выскальзываю из комнаты.

— Лицемер, — шиплю я сквозь зубы.

Иду по длинной бордовой ковровой дорожке, ведущей к лестнице, но собственное отражение в витражных окнах заставляет меня замереть. Что-то поблескивает в моих волосах; я поднимаю руку и бережно снимаю это. Серебряная заколка, украшенная листьями, усыпанными крошечными бриллиантами.

«Я уверена, что Эдоардо никогда не причинит мне вреда, я вырастила его как родного сына».

— Это же… — слова с трудом срываются с губ, и слезы, которые я так долго сдерживала, наконец переливаются через край, оставляя мокрые дорожки на моих щеках. Человек, играющий роль безэмоционального Короля, втайне хранил у себя заколку Анджелины.

«Эдоардо может казаться самым холодным из мужчин, и ему нравится заставлять других верить в это, но он никогда таким не был».

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Глава 3

Элайджа говорит, что я должен перестать причинять себе боль, но это единственный способ заставить умолкнуть мысли. Сломать левую руку было больно, но эта мука длилась всего пару минут — ровно столько, чтобы вернуть ясность сознания, а затем твое отсутствие вновь принялось пожирать мой разум. И я почувствовал, что схожу с ума. Проклятие, проклятие, проклятие. Я не справляюсь. Клянусь тебе, Лавиния. Не справляюсь. Я не могу поверить, что тебя здесь нет.

— Письмо номер 23

Артур

Ясмин

Он не перестает пристально смотреть на меня.

Словно электрический разряд прошивает мой позвоночник, и тысячи мурашек рассыпаются по коже.

Мужчина перемещается к берегу; его руки в черных перчатках скользят по моим бедрам, и я вздрагиваю. Я отстраняюсь от него и делаю шаг назад — во мне смешиваются испуг и полное замешательство, а холод вновь принимается кусать тело. Мое дыхание превращается в трепетный, прерывистый вдох. Мужчина приподнимает брови, приоткрывает губы, и когда он моргает, слеза скатывается по его щеке.

Он все еще плачет. Позади него другой человек удерживает Лоффи на плече. Оливковая кожа и шрам, перечеркивающий правый глаз; я замечаю пистолет, выступающий из кармана джинсов. Бандит? Сообщник вора, который нас обкрадывал? Я бросаюсь к нему; в ладонях покалывает, а сердце колотится так сильно, что эхо ударов отдается в барабанных перепонках. Протягиваю руки и всем сердцем молюсь, чтобы он отдал мне Лоффи, не причинив ему вреда. Мужчина со смертельно побледневшим лицом и округлившимися глазами молча разглядывает меня.

Что он так вылупился?

— Это мой брат, я не уйду отсюда без него. Отдайте его мне, или я вызову полицию. — Я вонзаю в него ледяной взгляд и заставляю свой голос звучать твердо и непреклонно, протягивая руки к ребенку.

Мужчина позволяет Лоффи соскользнуть в мои объятия, и я крепко прижимаю малыша к груди. Тиски в желудке ослабевают, пока я пытаюсь хоть немного согреть его. Он ледяной.

— Лоффи, ты в порядке? Ты меня слышишь? — шепчу я, гладя его по волосам, и его ручки обвивают мою шею.

— Сестренка, мне холодно, — едва слышно лепечет он, содрогаясь от озноба.

— Все хорошо, сейчас мы пойдем туда, где тепло.

Я разворачиваюсь, но человек с пугающим шрамом на глазу преграждает мне путь. Он вырастает передо мной точно стена; я крепче сжимаю Лоффи в руках и отступаю на шаг.

— Мы были бы рады предоставить вам сухую одежду, ребенок может потерять сознание, если вы поведете его по улице в таком виде. Это займет всего несколько минут.

— Не беспокойтесь, мы зайдем в магазин. — Я не могу отвести взгляд от пистолета, торчащего из его кармана. Кто он — преступник или страж порядка? Я не могу ему доверять.

Он улавливает направление моего взгляда и слегка кривит губы в подобии улыбки.

— Мы не причиним вам вреда, мы работаем на семью Олсен и следим за общественным порядком. — Он достает из кармана жетон с эмблемой в виде полумесяца. — С вашего позволения, мы сопроводим вас к ним, чтобы вы могли рассказать о случившемся и подать заявление.

Олсены — семья, которая управляет Гренландией. Я не раз слышала их фамилию на рынке и в разговорах отца с прохожими. Их власть держится не на придворных интригах ради престолонаследия и не на странных пророчествах — их выбрал сам народ.

Я внутренне зажимаюсь: лучше не привлекать к себе лишнего внимания. Начнутся расспросы о моем происхождении, и если что-то пойдет не так, они могут догадаться…

— Мы справимся сами. Благодарю вас.

Мужчина качает головой.

— Я вынужден настоять, прошу вас, пройдемте сюда. — Он указывает рукой вправо. Если я не подчинюсь, это вызовет подозрения, к тому же Лоффи непрерывно дрожит и стучит зубами. Вздыхаю — мне достаточно будет просто повторить то, что я говорю всегда, и уйти оттуда как можно скорее.

Киваю:

— Хорошо. — Мужчина указывает дорогу, и я следую за ним; мои ноги настолько онемели от холода, что я едва могу ими перебирать.

Я оглядываюсь на берег, но того человека, который вытащил меня из воды, там больше нет. Он словно растворился за эти несколько минут, и я понятия не имею, кто он такой, откуда взялся и почему его кожа была раскалена как лава.

Но самое главное: почему он плакал?

Элайджа

— Я просил поймать шпиона, а не приводить двух гражданских на грани обморожения.

Нанук Олсен, старший сын покойного губернатора, обладает капризным нравом и дурной привычкой отпускать ироничные шуточки в самые неподходящие моменты.

Он меряет шагами гостиную.

— Тут все непросто. — Я промакиваю сухим полотенцем лицо, собирая капли воды, все еще стекающие с волос. Бросаю взгляд на Артура — тот за все время не проронил ни слова. Он неподвижно стоит у панорамного окна, выходящего в комнату, где сидит она — женщина, которая выглядит точь-в-точь как Лавиния.

Аласи Олсен, сестра-близнец Нанука, протягивает ей сухие вещи. Девушка поднимается и с ребенком на руках направляется в сторону ванной.

— Что сложного в тираде «не впутывать гражданских»? Просвети меня, Элайджа. А заодно объясни, почему твой приятель выглядит так, будто впал в кому. — Он кивает в сторону Артура. — Что с ним стряслось? Он что, призрака увидел?

Хуже. Но как объяснить происходящее тому, кто не знает всей истории, связывающей их? Тому, кто ведать не ведает о прошлом, искалеченном проклятой судьбой? И на сей раз рок оказался еще более коварен: две капли воды, зеркальное

сходство которых заставляет кожу покрываться мурашками. Боюсь даже представить, что сейчас творится в голове у Артура.

Я подхожу к нему и кладу руку на плечо. Он поворачивает голову, и боль, плещущаяся в его глазах, — лишь верхушка глубоко погребенного айсберга. Покрасневшие белки и ввалившиеся глаза человека, которого преследует призрак былых сожалений.

— Они идентичны, но это не она. — Его губы кривятся в горькой усмешке. — Никто и никогда не станет ею. — Он отстраняется, проходит мимо меня и выходит за входную дверь.

Нанук всплескивает руками.

— И куда это он направился? Нам нужно решить, что делать с этими гражданскими. Сейчас не время для его духовного уединения на этом проклятом холме.

Место, где он похоронил Лавинию. Там он проводит большую часть своих дней, сидя на земле в оглушительном безмолвии, отгораживающем его от всего мира. В дождь, в шквальный ветер, в снегопад или под палящим солнцем… он просто садится рядом с ней и, когда никто не видит, отдается глухим, удушающим рыданиям. Вздыхаю. Это единственный уголок, где прежний Артур ненадолго возвращается к жизни.

— Женщина, которую мы спасли, как две половины одного целого похожа на Лавинию, — объясняю я, чувствуя ком в горле.

У Нанука округляются глаза.

— Лавинию? Ту самую Лавинию? Из-за которой весь этот сыр-бор? Ты имеешь в виду ту, что похоронена там, наверху?

Я киваю.

— Вот почему он так потрясен. Бывшая, восставшая из преисподней, — это, должно быть, колоссальный удар по психике.

— Если бы он услышал, как ты об этом говоришь…

— Он бы меня четвертовал, я знаю. Наш друг слегка вспыльчив, и теперь, когда эта девчонка ходит среди нас, я боюсь, что он может сорваться в любой момент и перерезать глотку первому встречному, — ворчит он в ответ.

Я вздыхаю и устремляю взор на стеклянную перегородку: она вернулась, уже переодетая в сухую одежду, с еще влажными волосами.

В комнату заходит сестра Нанука. Фамильное сходство между братом и сестрой Олсен отчетливо читается в чертах лица: маленькие темные глаза и тонкие губы. Нанук носит косички длиной до ушей, которые неизменно собирает на затылке. Она же держится куда элегантнее, позволяя длинным волосам цвета речного песка рассыпаться по спине.

— Они могут идти? — Она присаживается на кушетку. — Мало того, что они насквозь промокли, так еще и перенесли весьма крупную кражу, — произносит она, закидывая ногу на ногу. — Вы так и не забрали их ящик?

Какой ящик? В моей памяти вспышкой проносится воспоминание о криках того мальчишки.

— Нет, к сожалению. Ты знаешь, кто они? Где живут?

— Семья Дорси, лучшие торговцы рыбой в наших краях. Они занимаются этим уже не первое поколение, папа иногда закупался у них. Она — старшая дочь, а тот

малец — её брат. Когда вор ограбил их, ребенок бросился в погоню, а она пыталась догнать его и остановить.

Двойник Лавинии — обычная торговка, любимая дочь и сестра. Ничего общего с Невестой Зла, проклятой сиротой и опасной преступницей, находящейся в международном розыске. Две противоположные судьбы, которые никогда не пересекались. Облегченный вздох срывается с моих губ. Возможно, эта девушка сможет прожить спокойную жизнь, вдали от тьмы, которая испокон веков преследует Лавинию.

— Мы компенсируем им ущерб за счет праздника фонарей, возьмем их рыбу для банкетов. Что скажешь, Аласи? — Нанук устраивается в угловом кресле.

Аласи кивает:

— Отличная мысль, это хотя бы частично покроет их убытки. Я отправлю запрос завтра. А сейчас лучше отпустить их, пойду попрошу водителя подвезти их до дома. — Она поднимается и выходит из зала.

Прежде чем они уедут, мне необходимо убедиться, что она не узнала лицо Артура. Самый разыскиваемый человек в мире потерял бдительность и позабыл, что ему нельзя никому показываться. Если кто-то из горожан узнает его и донесет о нашем присутствии, Гренландия окажется втянута в войну быстрее, чем успеет моргнуть глазом.

— Ты куда навострился? Нам еще нужно обсудить шпиона, которого я запер в чулане, помнишь? — шепотом цедит Нанук, чтобы его не услышали. — Вы меня с ума сведете!

Аласи застывает в дверях, а я поворачиваю ручку двери, разделяющей две комнаты. Я воспользуюсь этим моментом, чтобы прощупать почву.

При моем появлении она поднимается на ноги, а ребенок тут же прячется за её юбку. Я прочищаю горло:

— Нам очень жаль, что так вышло, к сожалению, нам не удалось вернуть ваш ящик с деньгами.

— Не беспокойтесь, — шепчет она, и я внутренне содрогаюсь. Проклятие, даже голос точь-в-точь как у нее. — Нам сказали, что мы можем идти? Родители, должно быть, с ума сходят от тревоги.

— Да, водитель отвезет вас домой. Могу я узнать ваше имя?

— Ясмин Дорси, — отвечает она твердым, уверенным тоном, поглаживая малыша по голове. — Это Лоффи Дорси. Ну же, представься.

— Очень приятно, господин полицейский, — произносит малец приглушенным, слегка дрожащим голоском. На нем надеты очки размером едва ли не в половину лица.

Я улыбаюсь и вновь поворачиваюсь к двойнику Лавинии:

— Вы из местных?

— Да, мы часто ходим по морям, большую часть года проводим на судне, ловим рыбу. Но когда наступают холода, всегда возвращаемся домой.

— Разумеется, рыбачить в непогоду — дело непростое, — киваю я. — Могу я спросить, бывали ли вы когда-нибудь в Королевстве Америка?

Что-то в его лице ожесточается — едва заметно, мимолетно, а может, мне просто показалось.

— Никогда, — одно-единственное слово. Она выдерживает мой взгляд с абсолютной, непоколебимой твердостью. — Я никогда там не была.

Это правда. В её тоне или осанке нет ни капли неуверенности, ни намека на ложь. Дверь с грохотом распахивается, и в кабинет вихрем влетает Аласи.

— Машина подана! Прошу сюда, я вас провожу.

— Благодарю, — незнакомка берет братишку за руку и проходит мимо меня к выходу.

Каждая деталь её облика зеркально отражает Лавинию… Даже в её походке с поразительной точностью угадывается сама Невеста Зла. Жутко до глубины души, насколько судьба любит забавляться, переплетая нити их жизней. У самого порога она застывает и оборачивается в мою сторону.

— Один вопрос, — говорит она, слегка нахмурив брови. — Тот человек, который спас меня…

Я внутренне напрягаюсь, но сохраняю внешнее хладнокровие. Артур.

— …он назвал меня каким-то именем, я не совсем расслышала…

Мои губы растягиваются в натянутой, фальшивой улыбке.

— Вы просто напомнили нам одну нашу дорогую коллегу, только и всего. Простите, если наше поведение показалось вам странным. Сходство действительно невероятное.

— …Лавиния! — восклицает она. — Он назвал меня Лавинией.

Я с трудом сглатываю слюну, заставляя себя оставаться бесстрастным. Похоже, она не особо сильна в политике королевств и не изучает ориентировки на преступников… иначе она бы уже сообразила, что Артур — самый разыскиваемый человек в мире. Само Зло. В то же время я не могу позволить, чтобы его лицо врезалось ей в память, или чтобы у нее зародилось подозрение, будто за всем этим кроется какая-то тайна.

Никто не должен прознать, что Зло скрывается на единственной нейтральной земле между королевствами.

— Она была нашей подругой и коллегой, к несчастью, мы потеряли её некоторое время назад. Мы все храним о ней самые теплые воспоминания, — произношу я эти слова с горькой усмешкой.

Она удивленно приподнимает брови.

— Оу, мне очень жаль. Конечно, я понимаю, — шепчет она. — Спасибо за помощь. — Она разворачивается и вместе с братом покидает комнату.

— Мы бы хотели отблагодарить вас за потерю, если завтра кто-то из вас сможет заглянуть к нам, у нас есть интересное предложение… — голос Аласи затихает в глубине коридора, пока она провожает их к выходу.

Ясмин Дорси.

Торговка, которая как две капли воды похожа на Лавинию Лайен, даже не подозревает, какую ношу она несет на своих плечах.

Ясмин

Убедительно ли я прозвучала? Не слишком ли долго сомневалась перед ответом? Поверили ли они мне?

— Ай! — Кипяток обжигает пальцы, и я резко отдергиваю руку.

— Все в порядке, милая? — доносится до меня голос Мари. Её шаги эхом отдаются на кухонном полу. Я кручу ручку крана вправо, позволяя холодной воде унять жжение.

Мари кладет руку мне на плечо.

— Я сама тут закончу, не хочешь помочь Лоффи с уроками? Его дислексия становится все запущеннее, но тебя он вроде понимает, когда ты объясняешь ему ход вычислений.

— Конечно, — киваю я. Поворачиваю вентиль и перекрываю воду.

— Тебя что-то тревожит? Ты сама не своя с тех пор, как вчера вернулась из поместья Олсенов.

Я прикусываю губу — возможно, если я выскажусь, это поможет разложить мысли по полочкам.

— Ну… боюсь, я была не слишком убедительна. Мне бы очень не хотелось, чтобы они прознали, что я не та, за кого себя выдаю.

Она улыбается мне, и у уголков её глаз собираются лучики мелких морщинок. Взгляд Мари теплеет.

— Никто ничего не узнает, Ганс все тщательно продумал. Даже если они станут копать, по документам выйдет, что Ясмин Дорси какое-то время не было дома. И это чистая правда: мы ведь переезжали ради её лечения, когда у нее обнаружили опухоль груди. Мы потеряли её, и я до сих пор верю, что сама судьба пожелала, чтобы ты заняла место ангела, который нас покинул.

Её глаза блестят от слез при упоминании дочери, чью личность я присвоила. Чувство вины мертвым грузом давит на грудь, а желудок сжимается в тугой узел.

— Мари, я… — шепчу я, слова с трудом срываются с губ. Я прижимаю ладонь к сердцу. —…Я буду вечно вам благодарна. Я никогда не стану настоящей Ясмин, она навсегда останется истинной дочерью своих преданных родителей и сестрой этого очаровательного сорванца. И я в жизни не смогу отблагодарить её за то, что ношу её вещи и сплю в её постели…

Она останавливает меня взмахом руки.

— Видеть тебя в её вещах помогает хотя бы немного заполнить ту пустоту, что оставило её исчезновение. Тебе не нужно извиняться или бояться, что ты занимаешь чужое место. Мы стали твоей семьей, готовой спасти тебя, когда ты идешь ко дну, и пойти на ложь ради поддельных бумаг… — Она заговорщически подмигивает мне, что заставляет меня улыбнуться.

Я сжимаю её ладонь. Семья. Я понятия не имею, что это значит, и даже не знаю, была ли она у меня когда-то. Есть ли у меня отец или мать? Искали ли они меня все эти годы? Вопросы, на которые у меня нет ответов, но Дорси дарят мне покой, который я боюсь потерять; покой, который пахнет теплой выпечкой, что Мари готовит по утрам, который звучит раскатистым смехом Ганса, когда я обыгрываю его в карты, и который отражается на лице Лоффи, когда он хватается за голову, потому что только что что-то разбил.

— Сестренка, я готов!

Худенькие ручонки обхватывают мою ногу. Я опускаю взгляд — Лоффи тянет меня за собой.

— Пошли, пошли, — умоляет он.

Мари утирает слезы, улыбается и кивком головы велит мне идти за ним.

Я киваю, беру его за руку, и мы переходим в гостиную.

— Какую таблицу повторим сегодня?

— На пять?

Я качаю головой:

— Лоффи, нельзя постоянно выбирать только пятерку!

Он бурчит что-то невнятное себе под нос.

Я — Ясмин Дорси, дочь Мари и Ганса Дорси. Никто и никогда не узнает правду.

Мари приготовила столько рыбных закусок для дегустации, что присланная Олсенами машина теперь забита под завязку. Стоило ей узнать, что нам поручили бранч для фестиваля фонарей, как она развернула на кухне такую бурную деятельность, какой я еще не видывала.

Водитель нетерпеливо барабанит пальцами по рулю.

— С таким умопомрачительным ароматом вести машину — настоящее испытание.

Сидя на переднем пассажирском сиденье, я поворачиваю голову и кошусь на пакеты сзади. Мари меня убьет, если они перевернутся на какой-нибудь кочке.

— Это должны были быть всего лишь образцы, но мама вечно все преувеличивает, — я снова перевожу взгляд вперед и перебираю пальцами ремень безопасности. — Я пыталась ей сказать, что это, пожалуй, чересчур, но…

Мужчина почесывает бороду на подбородке.

— Олсены будут просто счастливы, мисс Ясмин.

Автомобиль сбавляет ход посреди обледенелой дороги, металлические ворота распахиваются, и взору открывается двухэтажный деревянный дом. Я подаюсь лицом к стеклу; простота этого жилища поражает меня. Никакой вычурной роскоши, чтобы выставить напоказ свое положение, — обычный, скромный деревянный особняк, точно такой же, как у остальных жителей этой земли.

Машина останавливается перед дверью, водитель выходит, и я следую его примеру. Морозный воздух обрушивается на меня мгновенно; я сильнее кутаюсь в пальто и поспешно открываю заднюю дверцу. Хватаю пакеты — по два в каждую руку, — и тепло от еды приятно согревает пальцы.

— Добро пожаловать! — Голос звучит нежно и мелодично. Аласи Олсен закидывает длинные каштановые волосы за спину и приветственно поднимает руку. Её глубокие темные глаза с явным восторгом устремляются на пакеты. — Я знала, что Дорси меня не подведут, заходи скорее, погрейся. — Взмахом руки она приглашает меня внутрь.

Я переступаю порог, и она тут же забирает у меня два пакета.

— Давай их сюда, отнесем на стол и начнем пробовать! Предупреждаю, Нанук сметет все в один миг. Этот парень — сущий зверь в человеческом обличье.

Я улыбаюсь. Нанук — это, должно быть, её брат. Отец Ганс упоминал, что именно он стал губернатором Гренландии после недавней кончины их родителя. Интересно, каково это — взвалить на себя такую внезапную ответственность? Мы идем по узкому коридору, стены которого сплошь увешаны семейными фотографиями. На одной из них я узнаю маленькую Аласи, а рядом с ней сидит надутый мальчуган со скрещенными на груди руками.

— М-м-м, пахнет едой! — Мужской голос нарушает тишину, и Аласи закатывает глаза. Мы заходим, судя по всему, в гостиную. Практически во всю стену тянется уютный кожаный диван, а в центре комнаты стоит деревянный стол. Благодаря камину, от которого исходит приятное тепло, я мгновенно согреваюсь.

Парень с косичками, собранными на затылке, и оливковой кожей буквально тонет в подушках дивана, расплываясь в широкой улыбке.

— Бинго! А я как раз почувствовал легкий голод.

— Спаси нас кто-нибудь. Объясняю, дорогая Ясмин: у желудка моего брата есть начало, но ученые до сих пор не нашли, где он заканчивается. Исследования все еще ведутся.

Он хлопает в ладоши:

— Очень остроумно. Ты никогда не думала пойти работать в цирк?

Я едва сдерживаю порыв рассмеяться в голос.

— Глядя на тебя, я думаю об этом каждый день, но наш отец в гробу бы перевернулся, узнай он, во что превратилась его фамилия. — Аласи направляется к столу, и я иду следом. Близнецы Олсен продолжают обмениваться колкими шпильками, и у меня наводящая улыбка сама собой появляется на лице от этих завуалированных проявлений братской любви. Неужели мы с Лоффи станем такими же, когда вырастем?

Я опускаю пакеты на стол и достаю контейнеры с разнообразными закусками для фестиваля.

Прочистив горло, я заставляю близнецов обернуться ко мне.

— Мы решили представить вам каждый вид рыбы через совершенно новый рецепт. — Я наизусть повторяю слова мамы, которые она заставила меня зазубрить до полного изнеможения, так что они мне чуть ли не снились. — Эти кусочки завернуты в листья латука с добавлением капли соуса, который подчеркивает вкус начинки. Уверяю вас, они будут буквально таять во рту. — Я расставляю блюда на столе, и их глаза загораются неподдельным аппетитом.

— Пожалуйста, угощайтесь. — Я протягиваю им приборы, которые привезла с собой.

— О боже, я так ждала, когда ты это скажешь! — Аласи откусывает кусочек сэндвича с лососем, зажмуривается и смакует его так, будто не ела несколько лет.

— М-м-м, — стон наслаждения вырывается у Нанука. Я потеряла счет тому, сколько разных порций он уже умудрился запихать в рот, и теперь с трудом разбираю его слова. — У тефя офень прияфный гофос, и гофоришь ты инфересно, но нельзя болтать перед едой… дорогая?..

— Ясмин, — тихо произношу я. — Ясмин Дорси.

Он кивает, продолжая жевать с набитыми щеками, и я сильно сомневаюсь, что он вообще расслышал мое имя. Мои губы расплываются в улыбке — мне не терпится рассказать маме, как высоко оценили её тяжелый труд.

— Мы будем рады добавить, убрать или изменить все, что вам не понравится, — добавляю я, выставляя оставшиеся порции. — Это лишь первые наброски, в течение недели мы можем привезти еще образцы на пробу.

— Теперь я понимаю, почему папа выбрал в качестве поставщиков именно вас. — Аласи промакивает уголки губ салфеткой. — Это просто феноменально. Думаю, нам понадобятся огромные объемы, как я уже упоминала. Еды должно хватить на весь вечер… Как думаешь, вы справитесь?

Я моргаю от неожиданности:

— Значит, все подходит?

— Ясмин, верно? — Нанук одной рукой сгребает еще пять порций. — Как действующий губернатор земель Гренландии… — Он прижимает свободную ладонь к груди в районе сердца, выпячивает грудь с набитым едой ртом и прочищает горло: — Я, Нанук Олсен…

— Единственный момент, когда ты вспоминаешь о своем титуле, — это когда на кону стоит еда.

Я оборачиваюсь. Прислонившись к дверному косяку, стоит мужчина, который спас Лоффи, — широкоплечий, со скрещенными на груди руками. Шрам, пересекающий его правый глаз, снова заставляет меня внутренне содрогнуться. Его взгляд останавливается на мне.

— Элайджа, напоминаю тебе, что подобные оскорбления в адрес губернатора чреваты последствиями, — парирует Нанук, но Элайджа смотрит на меня настолько пристально, что я невольно начинаю сомневаться, не застряло ли у меня что-то в волосах.

— Привет, Ясмин, — негромко произносит он.

Что он здесь делает? Я заставляю себя улыбнуться:

— Господин Элайджа.

— Давай на «ты». — Он подходит к столу, опирается на него ладонями и барабанит пальцами. — Это ты сама приготовила?

Суровость его черт лица резко контрастирует с мягким, вкрадчивым тоном голоса. Уголки его губ теплеют, и он адресует мне точно такую же улыбку, как и в нашу прошлую встречу.

— Моя семья, — шепчу я. — Я лишь немного помогала. Хотите… — я осекаюсь. — Хочешь попробовать?

Он кивает, и я передаю ему рулетик из меч-рыбы, заправленный соусом ручной работы, который приготовила мама.

— Как там малыш? — Он берет угощение и проглатывает его в мгновение ока.

— С Лоффи все хорошо, спасибо еще раз за… ну… за все.

Я нервно перебираю край своей кофты, надеясь выглядеть непринужденно: мне совсем не нужен новый допрос о моем прошлом. Он лишь понимающе кивает, и прежде, чем он успевает задать очередной вопрос, я прошу Аласи показать, где здесь ванная. Спрятаться там, пока они не закончат дегустацию, кажется мне единственным разумным выходом.

— Не торопись! — Голос Аласи затихает в глубине коридора.

Я поворачиваю ключ в замке. Размеры ванны заставляют меня буквально раскрыть рот от изумления. Лоффи бы просто с ума сошел от такого зрелища. Он бы вообще не вылезал из воды. Когда я в последний раз помогала ему купаться, мне пришлось подкупать его шоколадом, чтобы он соизволил выйти. Я улыбаюсь одному лишь воспоминанию об этом.

Подхожу к огромному окну, которое заливает светом всю ванную комнату, отодвигаю занавеску — небо затянуто пушистыми, мягкими облаками.

Если, когда я вернусь домой, погода останется такой же чудесной, нужно будет обязательно взять Лоффи на прогулку.

Но улыбка мгновенно сходит с моего лица, стоит мне заметить мужчину, сидящего спиной ко мне на небольшом холме в полном, абсолютном одиночестве. На нем нет ни пальто, ни куртки. Я хмурюсь… температура на улице определенно ниже нуля. Вглядываюсь сильнее: он не шевелит ни единым мускулом. Неужели он замерз насмерть? Вдруг ему плохо или он потерял сознание?

Я крепко сжимаю край шторы, готовая задернуть её и побежать звать на помощь ребят в гостиной, как вдруг он наклоняется к самой земле. Опускает ладони на траву, и его губы… его губы целуют стебли прямо у его ног.

Мое сердце пропускает удар. Я прижимаю руку к груди и только сейчас замечаю, что мои пальцы мелко дрожат.

— Что со мной такое? — шепчу я, чувствуя, как перехватывает дыхание.

Я снова устремляю взгляд в окно, и странная, давящая тяжесть заполняет мою грудь. Мужчина поворачивает голову в профиль, и в ту же секунду я узнаю парня, который вытащил меня из воды, — того самого, чья кожа была настолько горячей, что напоминала раскаленную лаву. Это он.

Тысячи вопросов роем проносятся в голове. Что он делает здесь, сидя на пронизывающем милосердном холоде посреди этого пустыря? Почему он поцеловал этот клочок земли? И как он до сих пор не потерял сознание от стужи?

Но самое главное…

Я приоткрываю губы:

— Почему мне так невыносимо грустно?

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Глава 4

Знаешь, Лавиния, у меня осталась всего одна вещь, напоминающая о тебе. Тот плюшевый мишка, которого ты так любила и который напоминал тебе обо мне, когда ты скучала. Теперь я сам прижимаю его к себе, когда мне не хватает тебя.

Письмо номер 31

— Артур

Ясмин

Я закрываю пятый контейнер, плотно обматывая края пищевой пленкой, и переставляю его в угол гостиной к остальным готовым посылкам. Вот так должно быть в самый раз. Перевожу взгляд на стол: осталось еще восемь, и я закончу.

Вытираю лоб рукавом, как вдруг до моих ноздрей доносится отчетливый запах гари.

— Папа, проверь, пожалуйста, духовку! — С этими бесконечными заказами для фестиваля мы рискуем остаться без ужина. Мы работаем без продыху весь день.

— Слушаюсь! — бурчит он, поднимаясь с ковра и едва не наступая на коробки с едой. Его шаги эхом отдаются на кухне. Он принимается шумно щелкать переключателями, и краем глаза я замечаю, как отец чешет затылок, уставившись на кнопку выключения с растерянным видом ребенка, потерявшегося в супермаркете.

Я беру со стола следующий контейнер и обтягиваю его пленкой.

— Нажми дважды на красную. — Звук выключившейся духовки заставляет меня облегченно вздохнуть. Справился.

— В мое время эти штуковины были куда проще, — ворчит он.

— А еще в твое время у тебя были мускулы, которыми ты мог сдвинуть целую телегу с рыбой. — Мама Мари заходит в гостиную, неся новую партию упаковочной пленки. — Но мы ведь не жалуемся на это каждый день, Ганс.

И снова эти вечные препирательства. Но за ними кроется вся нежность любви, которая так и не увяла с годами.

Мари опускается рядом со мной и помогает запечатать последние коробки.

— Думаю, на сегодня работы достаточно. Завтра будь аккуратнее, когда повезешь все это в поместье Олсенов. Не хотелось бы, чтобы контейнеры перевернулись по дороге.

— Наверняка мне помогут их донести. — Я прочищаю горло, отрезаю кусок пленки и закрываю коробку. — Они совсем не такие, какими представляешь себе членов правящей семьи: невероятно отзывчивые и простые в общении.

— Ну, мы ведь не часть королевств. Ты что, ожидала увидеть там стражников и золотые фонтаны? — Мари отвечает мне тем же тоном, каким я обычно объясняю правила Лоффи. — Близнецы Олсен — твои ровесники, они просто продолжают традиции своей семьи, которая долгие годы оберегала нас от конфликтов и бессмысленных войн за престол.

Я киваю. Династия правителей, которая предпочитает жить бок о бок со своим народом, не утопая в безумной роскоши и не прибегая к тирании.

Ганс опускается в кресло справа от меня.

— Господин Олсен был великим человеком, его уход стал настоящим ударом. На его похоронах плакал каждый житель этой земли. Он не был из тех правителей, что

кичатся короной и скипетром. — Отец качает головой и почесывает бороду. — Нет-нет. Он каждое утро приходил на рынок, покупал рыбу у нас и у других торговцев. Глядя на него со стороны, никто бы не признал в нем губернатора Гренландии. Он любил этот край сильнее, чем кто-либо другой. Какая невосполнимая потеря…

Фотографии на стенах дома Олсенов! Ну, конечно. Семейные портреты, развешанные вдоль коридора, теперь обретают в моих мыслях четкий, осмысленный контур.

Мари тяжело вздыхает:

— Они потеряли мать еще детьми, а два года назад не стало и отца. Близнецы обладают невероятной стойкостью — это истинный символ духа нашей земли.

Вот почему они не заводят разговоров о родителях и так привязаны друг к другу. Я сдвигаю упакованные коробки в один угол, чтобы завтра утром оставалось лишь собрать их и погрузить в машину.

— А как они погибли?

Ганс почесывает живот.

— Она — от болезни… — Он кривит губы. — …А вот его, его нашли мертвым в собственном доме. В спальне.

Мороз пробегает по коже, я замираю.

— Как? — шепчу я.

Убит в собственном доме. От одной этой мысли тяжелый камень давит на грудь.

— Вот это «как» все и пытаются понять. Он был слишком открытым правителем, доступным для любого гражданина. Но обратной стороной этой медали стало то, что в суматохе кто угодно мог войти и выйти из его дома — хоть с ножом, хоть с букетом цветов. — Тень ложится на его лицо, а вены на шее напрягаются. — Олсены всегда были мирными людьми, их никто не трогал, потому что они сами никогда не ввязывались в грязные дела. Кто бы это ни сделал, он понятия не имеет, насколько народ предан этой семье.

Я еще никогда не видела отца Ганса в таком состоянии. Он крепко сжимает кулак, его грудь тяжело вздымается, а с губ одна за другой срываются клятвы мести. Мне бы хотелось увидеть правителя, которого так искренне любили.

В этот момент гнетущую атмосферу нарушает Лоффи. Он влетает в комнату на полной скорости, задрав правую руку под прямым углом и сжав пальцы в кулак:

— Зло вернется и сотрет все с лица земли! — Он носится зигзагами между контейнерами, которые мы только что запечатали, и мое сердце замирает при каждом его прыжке.

— Вот опять началось, — бормочет мама Мари.

Лоффи проносится прямо передо мной, и я ловким движением подхватываю его под мышки. Попался. Я целую его в мягкую щеку, и его звонкий смех теплом разливается в моей груди.

— Ты разве не видишь, что бегать здесь опасно? — ласково говорю я ему.

Его глаза загораются:

— А можно мне завтра поехать с тобой?

Я опускаю его на свободный край ковра и присаживаюсь, чтобы наши глаза были на одном уровне.

— Только если сможешь без запинки рассказать мне таблицу умножения на восемь.

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Её он ненавидит больше всего на свете. Я перепробовала массу способов, чтобы вбить её ему в голову, но все тщетно. Малыш обиженно надувает губы, хлопает ресницами и строит мне самые умилительные глазки на всем континенте.

Я качаю головой:

— Никаких щенячьих нежностей. На этот раз твоя уловка не сработает, давай, иди. — Я аккуратно подталкиваю его за плечо в сторону от еды. Он не спорит и, понурив голову, бредет в спальню.

Мари усмехается:

— На твоем месте я бы не радовалась раньше времени. — Она поднимается, потирая колени. — Знаешь ли, Лоффи умеет быть упрямым.

— Ну, не думаю, что он сможет за одну ночь выучить таблицу, которую ненавидит больше всего.

На этот раз смеется уже Ганс, и в их смехе сквозит какое-то заговорщичество, которого я не понимаю.

Беру свои слова обратно. Этот мальчишка меня обставил.

— Это их сад! Сестренка, посмотри, какая красота! — Этот детский голосок никак не вяжется с той хитростью, с которой он меня обманул.

Я наблюдаю за ним через зеркало заднего вида, пока мы въезжаем в ворота поместья Олсенов. Его губы расплываются в улыбке до ушей, ладошки прижаты к стеклу, а глаза жадно впитывают каждую деталь пейзажа.

— А мне можно там поиграть?

Я вздыхаю:

— Лоффи, сначала нам нужно доставить еду. И что я тебе говорила?

Он оборачивается:

— Я буду вести себя хорошо, — обещает он, прикладывая руку к козырьку, словно солдат.

Водитель улыбается:

— Какой образцовый ребенок! — Образцовый? Знали бы они, как он сегодня утром без единой запинки оттарабанил мне всю таблицу на восемь.

Машина останавливается, я открываю дверцу, и резкий холод пробирает меня до самых костей. И это при том, что сегодня я оделась в два раза теплее. Я достаю пакеты по одному, водитель помогает донести их до входа. Лоффи расстегивает ремень, пулей выскакивает наружу и, буквально открыв рот от восторга, застывает перед огромной, возвышающейся над ним дверью. Его глаза загораются еще ярче, когда он переводит взгляд на заснеженную поляну, окружающую дом.

Я хватаю его за руку и легонько щелкаю по носу:

— Никаких глупостей, — шепчу я сквозь зубы.

Он кивает, но у меня такое чувство, что мои слова для него — пустой звук по сравнению с тем восторгом, с которым он озирается по сторонам.

— С возвращением! — прерывает нас голос Аласи. — Привет, маленький сладкий пирожок!

Она грациозно спускается по ступенькам; её шея укутана в белый шарф, а длинные волосы мерно покачиваются в такт шагам.

Лоффи крепче сжимает мою ладонь, и я вижу, как его щеки заливает румянец.

— Он сегодня под большим впечатлением.

Лоффи прочищает горло:

— Очень приятно, Аласи Олсен. Я — Лоффи Дорси. — Он изображает подобие чинного поклона.

Она улыбается и отвечает ему легким реверансом:

— Мы с твоей сестрой немного поработаем ради фестиваля, а ты пока не хочешь поиграть в саду? — Она указывает рукой на заснеженную лужайку справа от нас.

Малышу не нужно повторять дважды. Он мгновенно вырывает руку и с криком мчится по дорожке, расправив руки в стороны, словно крылья.

— Будь осторожен! — кричу я вслед, но сомневаюсь, что он меня услышал.

Мы забираем пакеты из прихожей и переносим их в гостиную. Ярлыки, которые я наклеила утром, помогают распределять коробки, не открывая их. Аласи подает мне их одну за другой, а я аккуратно расставляю на столе.

— Что ты наденешь завтра?

Она имеет в виду на фестиваль?

— Я не планирую идти.

Аласи удивленно приоткрывает губы:

— Оу, ну конечно же ты пойдешь! Только не говори мне, что собиралась работать весь вечер.

«Ну вообще-то да. В смысле… а почему бы и нет?»

Она протягивает мне очередную коробку, недоуменно нахмурив брови:

— Ты всегда такая исполнительная?

Я забираю контейнер из её рук и ставлю его в общий ряд.

— Мне особо больше нечем заняться.

— Правда? — Она склоняет голову набок. — И какая же у тебя мечта? Ну, помимо работы в семейной рыбной лавке, разумеется.

Я улыбаюсь, уловив легкую нотку беззлобной иронии в её словах. Моя мечта.

— Видеть, как растет Лоффи.

— И всё?

— Играть с папой в карты, много-много раз.

— А еще?

— Готовить вместе с мамой, — признаюсь я.

Я тянусь к следующей коробке, но Аласи перехватывает её прямо у меня из рук.

— Расскажи мне о том, что касается лично тебя, Ясмин. О том, что сделало бы счастливой именно тебя. Какое-нибудь желание, которое не связано с семьей, а принадлежит только тебе одной.

— Я бы хотела… — шепчу я. *Остаться частью этого пазла, из которого меня могут вышвырнуть в любой момент.* Мои губы растягиваются в улыбке. — …У меня уже есть всё, что делает меня счастливой.

Аласи качает головой, бормочет что-то невнятное себе под нос и снова принимается подавать мне контейнеры. То, как она забавно морщит нос, меня смешит. В её глазах я, должно быть, кажусь сумасшедшей, которая предпочитает отсиживаться в тихой гавани вместо того, чтобы брать от жизни все. Но я просто не могу представить себе ничего более волнующего. Я зубами и ногтями цепляюсь за то, что имею сейчас, и за покой, который это мне приносит. Словно я ворую этот кусочек счастья у судьбы.

Я решаю вернуть ей вопрос:

— А чего бы хотелось тебе?

Она качает плечами:

— Смотря когда. Раньше я хотела рисовать.

«Раньше»? Её взгляд устремляется в какую-то неопределенную точку гостиной, тишина поглощает её, и вся та веселая ирония, с которой она подкалывала меня минуту назад, бесследно исчезает. Я молча продолжаю доставать контейнеры из коробок, уважая её уединение.

— Я обожала писать картины, — негромко добавляет она.

— Правда? Мне бы очень хотелось взглянуть на твои работы.

Она моргает, словно очнувшись от нахлынувших мыслей.

— Это в прошлом. Теперь я хочу совсем другого.

— И чего же?

— Отомстить ублюдкам, которые отняли у нас отца. Романтично, правда?

Я замираю. Она как ни в чем не бывало продолжает раскладывать вещи, а я ошарашенно смотрю на неё. Отец, убитый в этих самых стенах… Черт, Ганс ведь рассказывал мне об этом вчера вечером. Мороз пробегает по коже. Тяжело сглотнув, я делаю к ней несмелый шаг.

— Мне очень жаль… — тихо шепчу я.

И её повлажневшие глаза говорят о том, что другие слова здесь не нужны.

Спустя несколько часов непрерывной работы мы наконец заканчиваем со всеми коробками. Боже, как же я мечтаю просто лечь сегодня в кровать. Я опускаюсь на диван и усаживаю Лоффи к себе на колени. Мимо проходит Аласи с подносом, полным печенья; малыш тут же тянет руку и набивает рот так, что едва не давится. Ну кто бы сомневался.

Я хватаю стакан с водой, стоящий справа от меня, и подношу к его губам:

— Помедленнее!

Нанук буквально тонет в кресле напротив нас.

— Твой брат просто золото. Приводи его почаще.

— Да уж, он принес в этот дом немного искренней радости, — вздыхает Аласи, устраиваясь поудобнее рядом с братом. Когда они сидят вот так, бок о бок, их сходство поражает, хотя характеры у них абсолютно разные.

Лоффи залпом выпивает воду, протягивает мне пустой стакан и громко прочищает горло:

— Но вы же одинаковые!

Близнецы переглядываются и улыбаются.

— Они двойняшки, — объясняю я, ласково поглаживая его по спине. — Близнецы всегда очень похожи, видишь?

Он понимающе кивает:

— Вот это крутотень! — Он весело болтает ногами в воздухе, а затем выкладывает: — Представляешь, а если бы у Зла тоже был близнец? Это же двойная суперсила, сестренка!

Я закатываю глаза:

— Опять ты за свое?

Он заливисто хохочет, демонстрируя застрявшие между зубами крошки. Я лишь качаю головой, едва сдерживая смешок.

— Какая прелесть, — губы Аласи натягиваются в тонкую, натянутую линию. — Но откуда… с чего ты… — Она озадаченно чешет макушку.

— Моя сестра хотела спросить: откуда ты вообще это взял, чемпион? — Нанук подпирает подбородок кулаком и выжидающе смотрит на него.

Лоффи резко умолкает и косится на меня. Надо же, включил скромника.

— Он просто помешан на этом. Услышал какую-то историю на рынке и с тех пор никак не угомонится.

Нанук одобрительно хлопает в ладоши:

— Потрясающий малый! — В этот момент раздается телефонный звонок, вынуждая его выйти из комнаты.

«Потрясающий» — это пока дело не доходит до уроков, правил поведения и умения не влипать в неприятности.

Аласи поднимается на ноги:

— Пойду предупрежу водителя, что вы готовы ехать.

— Спасибо, — тихо отвечаю я. Стоит ей скрыться за дверью, как Лоффи шустро сползает с моих колен.

— Я сейчас, заберу сокровище, которое нашел до этого, — бросает он на ходу.

— Живее, нам пора домой, — напоминаю я.

Он кивает и уносится прочь. Я тяжело вздыхаю, откидываюсь на спинку дивана, и мои веки наливаются свинцовой тяжестью. Если бы я могла, я бы уснула прямо здесь. В полном одиночестве среди этих стен, старинных ваз и аромата теплого печенья, испеченного Аласи.

Однако тяжелые шаги Лоффи, напоминающие подземные толчки при землетрясении, бесцеремонно нарушают тишину. И вот он уже стоит передо мной, мертвой хваткой вцепившись в плюшевого мишку. Игрушка выглядит ужасно потрепанной и старой, её некогда яркий мех поблек и выцвел.

— Где ты его взял, Лоффи?

— Я играл в саду, и он меня позвал! Можно мы заберем его домой? Он мне так нравится!

Наверное, какая-то старая детская игрушка близнецов Олсен. Скорее всего.

— Я куплю тебе нового, чистого мишку, обещаю. Этот не наш, и он может быть очень дорог для Аласи или Нанука. Мы не можем его взять, — я стараюсь говорить как можно мягче, отчетливо выговаривая каждое слово.

Малыш обиженно кривит губы:

— Но мне нужен этот! — Он поднимает игрушку повыше, но в этот момент одна лапа мишки с треском отрывается и падает на пол. Лоффи мгновенно бледнеет. — Ой… я нечаянно.

Я поднимаю оторванную деталь и осматриваю лопнувший шов — дома работы на швейной машинке буквально на пару минут. Лоффи виновато опускает плечи. Я глажу его по волосам, заставляя посмотреть на меня:

— Мы починим его, не переживай. Сейчас дождемся Аласи и спросим, можно ли забрать его с собой. Скажем, что подлечим его.

Внезапно низкий мужской голос разрезает воздух, словно выкачивая весь кислород из комнаты:

— Кто позволил тебе трогать его?

Сердце уходит в пятки. Я резко поворачиваю голову: у дверного косяка стоит мужчина пугающей, порочной, золотой красоты. Его руки обтянуты черными кожаными перчатками, а взгляд намертво прикован к Лоффи. Я взлетаю с дивана как ошпаренная, все еще сжимая в руке оторванную лапу медведя. Этот человек буквально притягивает к себе все тени в комнате, и Лоффи от ужаса прячется за мои ноги.

— Ты оторвал ему лапу, — ледяным шепотом произносит он. Он медленно шагает к нам, и мне приходится задрать голову, чтобы встретиться с ним взглядом. Когда он останавливается всего в паре шагов, мое сердце начинает бешено колотиться. — Знаешь, что за этим следует?

Лоффи мертвой хваткой впивается ногтями в мою ногу.

— Это значит, что я должен оторвать лапу тебе, — чеканит он с такой убийственной серьезностью, что сомневаться в его намерениях не приходится. Я чувствую, как моего брата буквально трясет от страха. Неужели обязательно так издеваться над ребенком?

Я приоткрываю рот:

— Вы его пугаете.

Мужчина присаживается на корточки, оказываясь на одном уровне с Лоффи.

— Я еще даже не начинал. Выходи давай, я оторву её быстро.

Малыш прижимается ко мне еще сильнее.

— Перестаньте! — повышаю я голос.

— Или ты хочешь, чтобы я сжег её? Чтобы ты раз и навсегда запомнил, что чужие вещи трогать нельзя? — Уголки его губ расползаются в жутком оскале, который пугает даже меня. Ладно, это уже слишком.

Он протягивает руку в черной перчатке к Лоффи, но я на опережение перехватываю его, крепко сжав пальцы вокруг его запястья. Я изо всех сил впиваюсь ногтями в его кожу, мгновенно ощущая, какая она неестественно горячая.

— Я сказала: прекратите, — отчетливо выговариваю я каждое слово.

Его глаза вспыхивают и переключаются на меня. Но на этот раз в них нет слез тоски или ностальгии. Он смотрит на меня с диким, неподдельным изумлением — так, словно столкнулся с системной ошибкой мироздания.

Он слегка наклоняет голову, его взгляд мечется к точке, где мои пальцы сжимают его запястье.

Его зрачки расширяются:

— Ты только что дотронулась до меня.

Артур

— Ты только что дотронулась до меня.

Но она не вспыхивает пламенем. Она не превращается в пепел, не кричит, объятая огнем. Ничего. Абсолютно ничего. Я тупо уставился на её тонкие пальцы, которые держат мое запястье с такой силой, что это едва ощутимо щекочет кожу.

— Хочешь и мне руку оторвать? — шипит она сквозь зубы.

Я сужаю глаза, судорожно анализируя каждую деталь этого контакта, но в ней ничего не меняется. Никаких ожогов. Ей не больно. Пустота.

— Ах нет, может, хочешь сжечь её мне? Чтобы напомнить, к чему мне нельзя прикасаться? Ты ведь только так умеешь общаться, да?

Странная энергия начинает покалывать мои пальцы, но это вовсе не то дикое наслаждение, которое я испытываю, когда ярость огня вырывается из моего тела наружу. Нет. Всё иначе. Такое чувство, будто она… высасывает мою силу.

Она. Девчонка, обладающая лицом и телом той, по кому я выл месяцами. Той, кого я заживо похоронил в самых темных чертогах своей истерзанной души. Я позволяю себе задержать взгляд на её лице лишь на долю секунды. Она стоит прямо передо мной, гневно выгнув брови, а её щеки пылают так, словно готовы взорваться в любой момент.

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

«Это не она», — повторяю я себе. *«Это не она».* Повторяю еще раз. *«Это не она».* Но моему сердцу плевать на доводы разума — оно бьется как безумное, словно голодный младенец, который не желает ничего слушать.

— Что здесь происходит? — голос Элайджи громом разносится по гостиной. Позади него застывает Аласи; её улыбка мгновенно тает, стоит ей почувствовать висящее в воздухе мертвенное напряжение.

В ту же секунду хватка пальцев девчонки на моем запястье слабеет, уступая место полнейшему замешательству. Она резко отдергивает руку и крепко берет за ладонь своего братишку.

— Спросите у своего коллеги, — бросает она, глядя на Элайджу. — Он с радостью объяснит вам, как угрожал сжечь ребенка. С вашего позволения.

Она обходит его, не давая вставить ни слова, и быстрым шагом уводит испуганного мальчика прочь из комнаты. Аласи провожает меня испепеляющим взглядом.

— Погоди, Ясмин! Я вас провожу, — кричит она и устремляется вслед за ними, исчезая из виду.

Элайджа встает прямо передо мной, изогнув бровь и указывая рукой на стол.

— Потуши это пламя, пока ты не спалил весь дом. Я думал, ты уже научился держать себя в руках.

Я прослеживаю за его жестом и замечаю, что верхушку стоявшей на столе лампы медленно пожирает язычок синего огня. Это был не я. Но даже если я скажу ему об этом, он все равно не поверит. Я поднимаю ладонь и мысленно призываю пламя к себе — оно исчезает в мгновение ока.

Элайджа скрещивает руки на груди:

— Ну? И что ты натворил? Что значит «угрожал сжечь ребенка прямо при ней»? Мне бы очень не хотелось, чтобы ты забывал: эта девушка уверена, что мы правительственные агенты, а не самые разыскиваемые преступники в мире.

— Она… — я тяжело вздыхаю. Как ему вообще об этом сказать? Я и сам до сих пор едва могу в это поверить. Может… может, её прикосновение было случайным? Недостаточно плотным? Я поднимаю руку и всматриваюсь в запястье: на коже остались едва заметные следы от её ногтей. Нет, она действительно меня держала.

— Слушай, Артур, я знаю, как сильно тебя это злит. И я даже представить не могу, насколько тяжело тебе дается всё это дерьмо. Я виноват, забыл предупредить тебя, что она приедет сегодня, это мой просчет. Но ты не имеешь права угрожать…

Я качаю головой:

— Элайджа. Она ко мне прикоснулась.

У него буквально отвисает челюсть.

— Быть не может…

Я протягиваю ему руку, демонстрируя запястье.

— Она ко мне прикоснулась, — повторяю я, скорее для самого себя, чем для него.

Потому что с тех самых пор, как у меня силой отобрали Лавинию, всё, к чему я прикасался, обращалось в пепел. Я поднимаю ладони и смотрю на них с диким, растерянным недоверием. И что теперь это значит? Почему её мой огонь пощадил, в то время как это же самое пламя заживо сжигает меня изнутри?

— Ты… это просто невозможно. — Элайджа запускает пятерню в волосы. — У нас ушли месяцы на то, чтобы ты просто научился управлять этим огнем! Чтобы перестал покрываться ожогами, чтобы не превращал в уголь еду, которую подносишь ко рту,

чтобы земля не полыхала под твоими шагами. Месяцы и месяцы чертовой борьбы ради контроля над силой, способной испепелить любого человека в секунду. Здесь явно кроется что-то, чего мы в упор не видим…

Он принимается мерить комнату шагами, заставляя меня пересказывать случившееся снова и снова, до мельчайших деталей. Но это ничего не меняет. Ни одна мелочь не способна объяснить причины этой изощренной шутки судьбы.

Эта девчонка — не просто живое отражение глаз, которые я любил больше жизни.

Она неуязвима для огня, что течет по моим венам.

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Глава 5

Правило номер три:

Если кто-то причинит тебе боль, ты говоришь мне.

Правило номер четыре:

Потому что я лично позабочусь о том, чтобы его смерть была как можно более долгой и мучительной.

— Письмо номер 38

Артур

Фестиваль фонарей, Гренландия

Ясмин

Я протягиваю пакет паре, стоящей перед прилавком.

— Прошу, ваш заказ. Хорошего праздника!

Глаза мамы Мари светятся от чистого восторга. Она засучивает рукава и заполняет пустеющую витрину новой партией закусок.

— Расхватывают прямо на лету! — ликует она. Её улыбка становится все шире по мере того, как движется очередь. А хвост её по-прежнему длинный: тут и те, кто пришел по второму кругу, и любопытные, жаждущие попробовать наши блюда впервые.

К прилавку робко подходит девочка в розовой шапочке:

— Можно мне с треской?

Я оценивающе осматриваю оставшиеся рулетики и нахожу лишь один в самом углу. Нужно принести еще.

— Держи, милая, веселого праздника! — выкрикиваю я, стараясь перекрыть гремящую на заднем плане музыку.

Даже представить не могу, как обрадуется папа, когда увидит сегодняшнюю выручку — если, конечно, Лоффи к тому времени не разорит его окончательно своими нескончаемыми просьбами покататься на каруселях.

Я стягиваю рабочий фартук:

— Мам, я быстро сбегаю за новой партией!

Она кивает, а я застегиваю пальто и натягиваю перчатки. Стоит мне сделать шаг за пределы обогреваемого павильона, как резкий мороз заставляет меня содрогнуться. Черт, вдали от печи здесь просто ледник. Я спешу по узкой заснеженной улочке, соединяющей праздничную площадь с воротами поместья Олсенов.

Яркие огни лавок празднично бликуют на стенах домов. Аттракционы, тиры, гадалки — отовсюду доносятся взрывы хохота, музыка и звон нескончаемых бокалов согревающего спиртного.

— Ну, сегодня ты точно накачаешь себе мышцы, я уже третий раз вижу, как ты бегаешь туда-сюда, — с белозубой улыбкой приветствует меня водитель, открывая ворота.

— Спасибо, клиентам конца и края нет. — Я аккуратно поднимаюсь по лестнице, покрытой предательской ледяной коркой. Если поскользнусь, костей не соберу. — Мне нужно забрать партию рыбы для Аласи. Помощь не нужна, спасибо, отдыхай, — бросаю я, тяжело дыша, когда наконец добираюсь до верха.

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Я вхожу в гостиную и плотно прижимаю за собой дверь. Тру ладони друг об друга, пытаясь разогнать кровь.

— Так, посмотрим… — шепчу я. — Должны быть здесь. — Я перебираю коробки на столе. — Лосось, дорада… да где же треска?

Я опускаюсь на колени, чтобы проверить нижний ряд упаковок в углу, как вдруг за спиной раздается глухой, тяжелый стук. Сердце испуганно екает. Что это? Я резко вскидываю голову и каменею: передо мной стоят трое мужчин, каждый вдвое шире меня в плечах, а нижняя часть их лиц скрыта черными масками. Я вижу их впервые в жизни, в этом сомнений нет. Я медленно поднимаюсь, и один из них стягивает маску, обнажая тонкие губы и острый, угловатый подбородок.

— Мы раньше не встречались? — цедит он.

— Вряд ли, — я делаю осторожный шаг назад. — Вы кто такие?

Троица обменивается беглыми взглядами. Один из них сразу отходит назад и перекрывает выход, подперев спиной дверь.

— Друзья Олсенов, — ухмыляется главарь. — Искали хозяев дома, но их, похоже, сегодня нет.

Они все на фестивале, как они могут этого не знать? Его мерзкие зеленые глаза впиваются в меня с навязчивым, липким вниманием.

Мужчина без маски наклоняет голову и лениво почесывает щеку:

— Так как, ты говоришь, тебя зовут?

Я судорожно запускаю руку в карман пальто, перебираю пальцами ткань, но там пусто… Черт, я оставила телефон за прилавком. Паника ледяной волной накрывает меня изнутри. Что делать? Я изо всех сил пытаюсь сохранить внешнее хладнокровие и с трудом сглатываю вставший в горле ком.

— Ясмин, — шепчу я, пытаясь сделать шаг в сторону выхода. — Простите, мне нужно возвращаться к работе.

Мужчина мертвой хваткой вцепляется в мое предплечье. Мои зрачки расширяются, я пытаюсь резко вырваться, но он дергает меня на себя с тройной силой.

— Какая жалость. А я уверен, что это не твое имя.

В этот миг из меня словно выкачивают весь кислород. Я словно падаю в бездонную, глухую яму, а сердце бешено колотится где-то у самого горла. Мужчина приближает свое лицо к моему, грубо сжимает грязными пальцами мой подбородок, и к горлу подступает тошнотворный спазм рефлекторного отвращения.

— Точь-в-точь она, — выдыхает он, и его взгляд наполняется больной, извращенной похотью.

— Да как такое возможно? Мы же сами видели, как она подохла, — подает голос второй, тот, что караулит у двери. — Тащим её к Жрецам, они отвалят нам столько золота, что до конца дней ни в чем нуждаться не будем.

Их слова не укладываются в голове, я яростно бьюсь в его руках, но пальцы подонка лишь сильнее въедаются в мою плоть.

— А-а-ах! — вскрикиваю я от резкой боли.

— Ник! Вечно ты со своей животной силой, — гогочет третий, будто все происходящее — забавная шутка или дурацкий анекдот. — Я проверю, что снаружи. Заканчивайте побыстрее и валим отсюда. Лучше вернуться с ней, чем с пустыми руками. — Он толкает дверь и выскакивает в коридор.

Их остается двое.

— Кэмерон вечно все портит, но мы-то успеем немного развлечься перед долгой дорогой. Бывала когда-нибудь в королевстве Америка, детка? У нас там отличные, комфортабельные камеры, — продолжает Ник. Его голос так и дрожит от возбуждения, пока его жадные пальцы сдергивают застежку-молнию моего пальто.

Я бледнею, но мой первобытный страх только сильнее подстегивает его азарт. Я пытаюсь закричать: «Помоги-», но его тяжелая ладонь намертво зажимает мне рот. Он заходит со спины, напрочь заламывая мне руки. Я отчаянно вырываюсь, брыкаюсь, но он лишь сильнее сжимает кольцо своих рук, полностью игнорируя слезы, которые градом катятся по моим щекам.

— Детка, расслабься… тебе тоже понравится, поверь мне, — его склизкий язык касается моего уха. Я кричу, но из груди вырывается лишь приглушенное, жалкое мычание. — Что-что? Что ты говоришь? Что тебе не терпится? Кевин, живей, девка уже горит от желания.

— Сейчас буду. — Второй ублюдок сдергивает с брюк ремень, и его глаза лихорадочно блестят от голодного, плотоядного вожделения.

Но я не цветок, с которого они могут безнаказанно сорвать нектар. Я не порция горячей еды, призванная утолить их скотский голод. Я не…

Мужчина, чье лицо все еще скрыто маской, выхватывает нож. Одним резким движением он полосует мой свитер и швыряет обрезки на пол, а следом распарывает белую майку, оставляя меня в одном белье. Мою кожу мгновенно пробирает крупная дрожь отвращения.

— О-о, отличный вид, — бормочет он, похабно облизываясь.

…Я не…

Он тянет свои грязные пальцы к моей груди. Я извиваюсь, со всей силы бью его ногами в грудь, но он железной хваткой фиксирует мои лодыжки, грубо разводя их в стороны. Нет! Мои глаза широко распахиваются в немом ужасе, тело парализует от разрывающего изнутри рыдания и крупной, неконтролируемой дрожи.

…Нет! Нет! Нет!

Я намертво стискиваю кулаки, его пальцы уже бесстыдно блуждают по моему телу. Я кричу так, что горло обжигает огнем, но наружу пробивается лишь слабый, хриплый свист, напрочь задавленный держащей меня рукой.

Я — не их собственность.

И в этот момент где-то в самых глубоких, потаенных уголках моего существа начинает закипать что-то первородное, темное и яростное. Мне хочется раздавить их, выжать до последней капли, чтобы они рассыпались в жалкий, серый пепел. Мои губы против воли кривятся. Я выдавливаю безумную, презрительную усмешку прямо в лицо этой падали, которой нужно связать девчонку, чтобы просто посметь к ней прикоснуться.

— Она что, совсем свихнулась?! Эта сука ржет!

Мой насильник заносит кулак для удара. Я до предела выгибаю шею, сжимая челюсти в ожидании боли, но удара не следует. Лицо подонка внезапно становится землисто-синим, он судорожно хватает ртом воздух и вцепляется руками в собственное горло. А затем какая-то невесомая, страшная сила отрывает его от пола и с глухим стуком размазывает по стене.

Золотоволосый парень, стоящий на пороге, кривит губы в улыбке, которую в любой другой ситуации я бы назвала зловещей. Но сейчас волна дикого, спасительного облегчения затапливает мою грудь, мгновенно снимая удушающий груз. Он медленно,

неторопливо стягивает с рук черные перчатки, глядя прямо за мою спину — на ублюдка, который все еще держит меня.

— Вы кого-то искали? — вкрадчиво, пугающе спокойно спрашивает он.

Я чувствую, как тварь позади меня начинает дрожать так сильно, что его хватка ослабевает сама собой.

— Ты… ты… мы нашли тебя! Ты прятался здесь со своей проклятой девкой. Вот когда в королевстве узнают…!

Девка? Королевство?

Парень лишь усмехается в ответ на его жалкие угрозы, делая плавный шаг вперед:

— Ну, это только если ты выживешь. А я напомню, репутация у меня дурная. Я ведь даже собственного отца не пожалел.

Мне следовало бы до смерти испугаться этих слов. Следовало бы воспользоваться моментом и бежать отсюда сломя голову, подальше от них всех, но я просто закрываю глаза. И истошный, захлебывающийся крик боли животного, которое только что собиралось меня изнасиловать, звучит для моих ушей как самая сладкая колыбельная. Его руки безжизненно соскальзывают с моего тела, освобождая рот. Все кончено.

Из моей груди вырывается судорожный, рваный всхлип, который я не в силах сдержать. Все позади. Я открываю глаза, но мир расплывается от слез; я поднимаю дрожащие ладони, чувствуя, как горячие капли обжигают пальцы. На мои плечи опускается что-то тяжелое и теплое. Я щурюсь, пытаясь сфокусировать взгляд, и узнаю свое пальто, которое этот парень набросил на меня, чтобы прикрыть.

Меня все еще бьет крупная, неудержимая дрожь. Я поднимаю голову. Этот юноша с пугающей, беспощадной красотой только что спас мне жизнь. Его глаза прикованы исключительно к моему лицу. Он не позволяет себе опустить взгляд на мою обнаженную грудь.

Ни на единую долю секунды.

— Ты ни в чем не виновата, — шепчет он с такой отчаянной настойчивостью, будто для него жизненно необходимо, чтобы я услышала и поняла это прямо сейчас.

Его слова падают глубоко мне в душу, унимая внутренний огонь и дрожь. Желудок наконец отпускает тугой спазм, и я бессильно опускаю плечи. Он… пытается меня утешить?

— Они истекут кровью и сдохнут. Больше они никогда тебя не тронут.

Два тела бесформенными кучами валяются на полу, стремительно утопая в огромной, расползающейся луже багровой крови. Но пожар, зажегшийся в моих собственных венах, даже не думает утихать.

— Их б-было трое, — заикаясь, выдавливаю я.

Он молча кивает:

— Я найду последнего и выпотрошу его.

«Этого мало», — проносится в моей голове.

— Этого мало, — шепчу я вслух, до боли вонзая ногти в собственные ладони. — Этого мало! — срываясь на крик, повторяю я.

И всё мое естество содрогается в диком, первобытном, жестоком порыве. В безумном импульсе, который стремительно утягивает меня на самое дно темного, древнего и разрушительного водоворота.

Артур

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Рыдания сотрясают её тело, словно жухлый лист на зимнем ветру, а по щекам непрерывным потоком катятся слезы.

— Этого мало! — её истошный крик прорезает пространство с такой яростью и презрением, что, кажется, сметает всё на своем пути.

Она мертвой хваткой цепляется за мою обнаженную ладонь, и дикая, взрывная искра с треском прошивает мне руку, проникает в сознание и вонзается прямо в грудь. Что со мной происходит? Дыхание перехватывает, а каждая капля крови закипает, превращаясь в лаву. Почему я чувствую это? Я стискиваю зубы; кажется, будто каждый сантиметр моей кожи вот-вот разорвется на части.

— Я — не ваша собственность, — чеканит она, сжимая мои пальцы еще сильнее, и её радужки внезапно вспыхивают яростным, огненным алым блеском.

Я испуганно приоткрываю рот: это невозможно. Она вскидывает свободную руку, и из её ладони вырывается волна ревущего, раскаленного синего пламени, которое заживо пожирает плоть двух распростертых на полу мужчин.

— Это за меня… — её голос полностью перекрывает огненный гул.

Безумная, искаженная улыбка искажает её лицо. Она переплетает свои пальцы с моими и до крови вонзает ногти в мою кожу, оставляя глубокие царапины. Интенсивность огня мгновенно возрастает.

— …и за всех тех, кого вы лапали без их согласия!

Тяжелый, удушливый запах горелого мяса заполняет всё вокруг. Я начинаю кашлять: едкий дым забивает легкие, а пламя стремительно расползается по стенам, слизывая обои.

— Идите в ад! — кричит она, и огромное окно с оглушительным звонком разлетается на тысячи осколков.

Я успеваю вскинуть руку, закрывая её лицо от летящих стеклянных брызг, которые болезненно режут мне щеку. Она же сейчас здесь всё обрушит. Свободной рукой я резко обхватываю её за талию и дергаю назад, разрывая наш контакт. Подняв ладонь, я с силой втягиваю бушующий огонь обратно в себя, пока в комнате не гаснет последняя искра.

— Что… — заикается она. Девушка испуганно смотрит на свои ладони, и её снова начинает бить крупная дрожь. — Что… я… что я… — Слезы градом катятся по её лицу. — Я их…

Её глаза округляются от ужаса при виде того, что осталось от двух нападавших. Она бессильно падает на колени и со слабым, удушливым хрипом выплевывает всё содержимое своего желудка прямо на обгоревший пол.

Дверь с грохотом распахивается. На пороге возникает Элайджа. Он переводит ошарашенный взгляд с меня на девчонку, высоко задрав брови и приоткрыв рот. Я молча разглядываю кости, намертво прикипевшие к сожженному паркету; их тошнотворное зловоние отравляет каждый атом в этой комнате. Она испепелила их. Выжгла их плоть, кости и внутренние органы, попутно обуглив мебель и добрую половину боковой стены.

— Ты не поверишь, но… — я тяжело вздыхаю. — …это она их уничтожила.

Элайджа

Мои глаза округляются от шока.

— Ты хотел сказать, что это *ты* их уничтожил, верно?

Артур кривит губы в циничной усмешке:

— Я искромсал их ножом. А она… — он кивает головой в сторону Ясмин, которую буквально выворачивает наизнанку от судорожных спазмов, словно она только что очнулась от кошмара, — …она стерла их в порошок.

Я медленно иду по комнате, осторожно обходя дымящиеся останки. Мысли в голове путаются. Это бред. То, что она могла безболезненно прикасаться к Артуру, уже само по себе было чертовой загадкой, но использовать пламя точно так же, как он… Такого еще никто никогда не видел. Я делаю осторожный шаг в её сторону, но она издает дикий, предупреждающий крик, который заставляет меня замереть на месте.

— Да что с ней такое?

— Эти два ублюдка пытались её изнасиловать. Они получили то, что заслужили, — отрезает Артур.

Его спокойный, даже удовлетворенный тон резко контрастирует с той паникой, которая бьет девушку. Ясмин, тяжело и прерывисто дыша, уставилась на свои ладони.

Она медленно поднимается. Её лицо бледное как полотно, глаза дикие. Судорожно кутаясь в пальто с разорванными краями, она, пошатываясь, бредет к выходу.

— Я… не… я не хотела, — шепчет она, тяжело опираясь рукой о стену. — Я не хотела, клянусь.

Я поворачиваюсь к Артуру:

— Они успели ей что-то сказать?

Он вздыхает, не сводя с нее пристального взгляда, и лениво прячет руки в карманы джинсов:

— Почти ничего, как мне кажется. Нам нужно как можно скорее найти третьего и прикончить его до того, как он покинет эти земли. И скажи своему параноидальному мозгу, что опасности нет.

Третий мужчина?

Я прижимаю ладонь к лобному узлу.

— Если она проболтается… — я осекаюсь и резко понижаю голос: — Если она расскажет об этом кому-то не тому, или, что еще хуже, если этот третий ублюдок уйдет живым и невредимым, мы можем помахать ручкой всему нашему плану.

Мне даже страшно представить, какой хаос тогда начнется. Сюда слетятся карательные отряды из каждого королевства, чтобы выкурить нас. Эта земля в мгновение ока превратится в поле тотальной кровавой бойни.

— Ты думаешь, я ожидал, что она способна на такое? — раздраженно огрызается Артур. — Я удивлен не меньше твоего. Она снова вцепилась в меня, и начался сущий ад.

Что?

— Погоди секунду… Она снова до тебя дотронулась? Расскажи всё пошагово, ничего не упускай.

Он проходит мимо меня, на ходу натягивая черные перчатки:

— Она схватила меня за руку, её глаза вспыхнули красным, и из её ладоней повалило синее пламя.

Она — единственная, кто может прикасаться к Артуру и не превращаться в горстку пепла, и при этом она способна призывать огонь… но, чтобы сделать это, ей обязательно нужно войти с ним в физический контакт?

— Я пойду осмотрю окрестности. А ты набери Аласи. Она сможет поговорить с ней нормальным языком и не напугать до смерти. — Артур толкает дверь и скрывается в коридоре.

Я быстро достаю телефон и отправляю короткое сообщение близнецам Олсен. Затем перевожу взгляд на девушку и прочищаю горло, стараясь говорить как можно мягче:

— Ясмин, дорогая. Я вижу, что ты сейчас напугана и потрясена. Поверь мне, я не причиню тебе вреда, — вкрадчиво шепчу я.

Она медленно поднимает голову, и я встречаюсь с её заплаканными, покрасневшими глазами.

— С тобой когда-нибудь раньше случалось подобное… ну… чтобы ты сжигала предметы?

Она судорожно качает головой:

— Никогда, — заикается она. — Это… это была не я. Это просто не могла быть я! — всхлипывает она.

Я понимающе киваю. Ей совершенно точно нужен прямой контакт с Артуром, чтобы подпитываться его огнем. Уж не знаю, по какой причине или по какому абсурдному закону природы это работает. Возможно, всё дело в том, что она — чертова копия Лавинии. Мне нужно было бы увидеть её в действии лично, чтобы… Господи, о чем я думаю! Девушка только что пережила попытку насилия, а я устроил ей допрос.

— Ты, должно быть, напуг…

Но договорить я не успеваю. Её уже след простыл.

Дверь распахнута настежь, а её смутный силуэт стремительно удаляется в сторону кованых ворот.

Я расстилаю карту на столе и маркером обвожу границы по краям.

— Единственный способ поймать его — перекрыть все ходы до того, как он успеет сбежать. Если, конечно, он уже не связался со своими. Если это так, то через пару дней нас ждет крайне неприятный визит из королевства Америка.

— Границы заблокированы. Никого подозрительного не выпускали, а значит, наш беглец все еще прячется где-то здесь, — вздыхает Нанук, сжимая в руках кружку с горячим напитком.

Аласи опускается в кресло, её взгляд прикован к обугленному углу гостиной.

— Мне страшно даже подумать, что произошло бы, если бы Артур не подоспел вовремя.

Ясмин сейчас разбита, до смерти напугана, запутана и раздавлена. Как она вообще сможет объяснить себе то, что увидела? То, что сотворила своими руками.

— Два нападавших испепелены, а третий в бегах и в любой момент может навлечь войну на мой народ. — Нанук саркастично поднимает кружку в воздух. — Потрясающее завершение праздничного вечера.

Я награждаю его ледяным взглядом:

— Никакой войны не будет. Во всяком ли случае, не сейчас.

Нам сейчас меньше всего нужна бессмысленная резня. Нам необходимо искать союзников. Если мы начнем действовать в одиночку, то сможем нанести лишь один точечный удар. А наша цель — не просто отрубить одну змеиную голову. Мы хотим заставить рухнуть саму корону.

— Они придут, — низкий голос Артура разрезает тишину. Он стоит, прислонившись спиной к стене, и неотрывно смотрит на угол комнаты, уничтоженный огнем. — Они обязательно ухватятся за эту возможность, чтобы выяснить, почему их шпионы дохнут на этой земле.

Я лениво кручу маркер между пальцев:

— Мы встретим их, не привлекая лишнего внимания. Точнее… встретите *вы*, — я перевожу взгляд на близнецов Олсен.

Аласи недовольно кривит губы:

— Ну да, преподнесем им отравленные напитки…

— Сестра, где твои манеры? — Нанук с улыбкой качает головой. — Напитки нужно подавать исключительно в комплекте с ножом, который совершенно случайно прилетит им прямо в грудь.

Я тяжело вздыхаю:

— «Не привлекать внимания» означает совсем не это.

Нанук подходит и фамильярно хлопает меня по плечу:

— Я понял, Элайджа. Ты сегодня сам не свой. Это из-за той девчонки, что пуляет огнем, ты ходишь с такой кислой миной?

«Девчонка, что пуляет огнем». Мне искренне хочется понять, по какой такой иронии судьбы будущее этой нейтральной земли сейчас зависит от его плоских шуточек.

Он ухмыляется:

— К слову, ты сейчас смотришь на меня так, будто я букашка, которую тебе не терпится раздавить.

— Эта девчонка, — цежу я сквозь зубы, — наша новая огромная проблема. Я понятия не имею, сколько она успела понять, что ей наговорили эти твари и как она планирует действовать дальше.

Нам нужен кто-то, кому она безоговорочно доверяет. Кто-то, кто сможет контролировать её для меня, следить за каждым её шагом и читать её мысли. Кто-то, кто сможет изучать её на близком расстоянии, втихую, не привлекая внимания и, главное, не пугая её еще сильнее.

Кто-то вроде…

— Я могла бы поговорить с ней завтра утром, — нежный голос Аласи звучит для моих ушей как спасительная музыка. — Уж я-то точно не внушаю ей такого ужаса, как вы двое.

Я одобряюще киваю, и тяжелый камень на сердце становится чуть легче. Если она действительно способна повелевать огнем, нам жизненно необходимо разобраться, как устроена её сила. Я мерно постукиваю маркером по столу.

Нанук поглубже вжимается в подушки дивана:

— А что, если нам использовать её в своих интересах?

Артур не произносит ни слова, но его голова едва заметно поворачивается в сторону губернатора.

— Ну а что? Нам бы чертовски пригодилась двойная мощь. Подумайте над этим. Если она примкнет к нам, если научится управлять этим дерьмом так же, как Артур, у нас в рукаве появится козырный туз невероятной ценности.

Использовать её как оружие не входило в наши планы. Более того, само её существование в этих планах никогда не значилось. Слова Нанука были не лишены здравого смысла, но как, черт возьми, претворить их в жизнь?

— Она была до смерти напугана самой собой, — пробормотал я, отчетливо вспоминая, с каким омерзением и ужасом она разглядывала собственные ладони. — Не думаю, что мы сможем заставить её развивать эту силу или, тем более, сделать врагом королевств.

Для неё и её семьи это стало бы чистейшим самоубийством. Не говоря уже о том, что я понятия не имел, как отреагирует Артур на её появление в нашем кругу. Он стоял, прислонившись спиной к стене, намертво сжав губы. На его лицо вновь вернулась та привычная маска холодного безразличия, которую я изучил до мельчайших черточек. Она сидела на нем как влитая — казалось, этот парень вообще лишен каких-либо эмоций. Если бы не едва заметная, напряженная складка у него на лбу…

Ясмин

«Ясмин».

Я до крови вонзаю ногти в ладони. Тошнотворный, сладковатый запах их сожженных тел до сих пор стоит в ноздрях; едкая желчь подступает к горлу, и я насильно заставляю себя сглотнуть, отчаянно борясь с позывом выплеснуть наружу весь свой скудный завтрак.

«Ясмин».

Грязные, жесткие пальцы, бесстыдно лапающие мою грудь. Взгляд, сочащийся голодной, больной похотью. Животная, удушающая хватка, фантомное присутствие которой я до сих пор отчетливо ощущаю на своей коже.

Что-то резко касается моего плеча. Мои глаза испуганно округляются, я рефлекторно вскидываю руку для удара, но в последний миг замираю.

Мама Мари испуганно поднимает ладони:

— Тише, я не хотела тебя напугать, — вкрадчиво шепчет она, кивая головой на плиту. — Молоко убегает. Оно же сейчас пригорит.

Я поспешно отворачиваюсь от нее, кручу ручку конфорки и гашу огонь.

— Прости меня, — едва слышно бормочу я.

— Ты в порядке? Ты сама не своя со вчерашнего вечера, мечешься как проклятая. И бледная как смерть, — Мари осторожно прижимает ладонь к моему лбу. — Хм, жара нет… Может, съела что-то не то? Живот не болит?

Её теплый, заботливый голос звучит так притягательно, что мне до безумия хочется уткнуться носом в её плечо, разрыдаться, принять её утешение и навсегда забыть то, что я видела. И то, что я сотворила.

Я молча переливаю молоко в кружку.

— Ясмин, — снова зовет она, заглядывая мне в лицо. — Что случилось?

«Вчера вечером на меня напали двое мужчин, и я заживо сожгла их». Нет, ни за что. Мой ответ вызовет у нее лишь ужас и глубокое отвращение ко мне. Точно такое же, какое я сама сейчас испытываю к себе. Что, если она испугается и выставит меня за дверь? И это было бы справедливо. Мне не место в её доме, я не имею права расти как её дочь, потому что только чудовища способны сжигать людей дотла.

— Просто голова немного раскалывается, — вру я, чувствуя, как желудок скручивает тугой, болезненный узел. — Мне отвести Лоффи в школу?

— Я сама его отведу, тебе нужно прилечь. Отдохни сегодня, похоже, мы тебя совсем заездили.

Густая тревога в её глазах заставляет меня задыхаться от чувства вины. Но я не могу выдать ей правду. Мне страшно даже представить, какой первобытный страх отразится на её лице, когда она посмотрит на меня.

Я бессильно опускаюсь на кухонный стул. С бьющимся у самого горла сердцем я слежу за каждым её движением, пока она надевает куртку. Мой язык буквально зудит

от отчаянного желания остановить её и во всем признаться. Я крепче сжимаю пальцами теплую кружку и заставляю себя отвести взгляд.

— Сестренка, завяжи мне волшебный узел! — раздается звонкий голосок.

Я заставляю себя улыбнуться, наклоняюсь и привычным движением затягиваю шнурки сначала на одном ботинке Лоффи, затем на другом.

— Веди себя хорошо, договорились?

Лоффи звонко чмокает меня в щеку, и в это короткое мгновение липкий страх в моей груди на секунду рассыпается в прах. Они с мамой Мари выходят, и в доме воцаряется глухая, звенящая тишина.

Я подношу кружку к губам, но перед глазами снова вспыхивают кадры вчерашней ночи, и внутренности опять выворачивает узлом. Обгоревшие куски костей, намертво прикипевшие к паркетной плитке, и сизый дым, заполняющий каждый угол комнаты… Я едва сдерживаю новый рвотный позыв.

— Я так больше не могу, — шепчу я в пустоту, но собственное тело яростно отвергает любые мои попытки вычеркнуть, стереть этот кошмар из памяти.

Дзинь. Дзинь.

Я ставлю кружку на стол и иду к дверям. Наверное, Лоффи опять что-то забыл. Но когда я распахиваю замок, на пороге оказываются вовсе не брат с матерью.

— Ясмин! — Аласи мгновенно сжимает меня в таких крепких объятиях, что у меня перехватывает дыхание.

Она не дает мне вставить ни слова: без лишних приглашений проходит внутрь и по-хозяйски устраивается на диване. Я закрываю дверь, чувствуя, как внутри всё каменеет. Что именно ей известно? Ей… ей рассказали о том, что случилось? Я сжимаю пальцы в кулаки и сажусь напротив нее.

— На тебе лица нет, расслабься. Ты не на допросе.

Я поднимаю на нее тяжелый взгляд:

— Тебе… что они тебе сказали?

Она небрежно скидывает куртку:

— Что эти ублюдки получили ровно то, что заслужили. А что? Ты ждешь от меня сострадания к тварям, которые пытались изнасиловать девушку?

Я испуганно приоткрываю рот:

— Это вышло случайно, я не хотела… — я до боли прикусываю нижнюю губу. — …я не хотела делать этого. И я до сих пор не понимаю, как вообще такое возможно.

— Ты имеешь в виду их испепеление?

Я с трудом сглатываю. Значит, рассказали. Вот только в её глазах нет ни капли осуждения или страха. И где-то в глубине души я не могу понять, почему она ведет себя так, будто в этом нет абсолютно ничего сверхъестественного.

— Я правда не хотела, клянусь тебе, — едва слышно шепчу я. — Я со вчерашнего дня не могу избавиться от этого жуткого запаха. Стоит мне вспомнить о нем, как меня начинает тошнить.

— Ясмин, — мягко прерывает она меня, протягивая руку и нежно гладя по щеке. — Они получили по заслугам. И я безумно рада, что Артур успел вмешаться.

Артур. Парень, который спас меня.

— Он… он что-нибудь говорил?

Она кивает:

— Да. — Аласи делает короткую паузу, и мое сердце испуганно сжимается.

Он ведь был там. Стоял и молча смотрел, как я заживо сжигаю людей. Мне страшно даже помыслить о том, что… что он теперь обо мне думает.

— Третий нападавший всё еще на свободе, — продолжает Аласи. — Артур сейчас выслеживает его. Но ради твоей же безопасности тебе лучше переехать на время к нам.

Я решительно качаю головой:

— Они искали не меня. Здесь, со своей семьей, я буду в полной безопасности. Я никуда не уеду.

Лицо Аласи мгновенно мрачнеет, а губы сжимаются в жесткую линию:

— Тот третий мужчина видел тебя в лицо?

— Да, но…

— Значит, ты в огромной опасности, Ясмин! Он мог выследить тебя, он может подкараулить тебя на рынке или напасть, когда ты останешься одна. Я не могу так рисковать.

Я глубоко вздыхаю и мягко сжимаю её ладонь:

— Аласи, я очень ценю твою заботу. Но у этого человека нет ни единой причины охотиться за мной. Их нападение было нацелено исключительно на ваш дом, я просто оказалась там в самый неподходящий момент. Они искали что-то, что меня вообще не касается и в чем я даже не разбираюсь. Так что осторожность нужно проявлять вам с братом, а не мне.

Она открывает было рот, чтобы возразить, но я мягко перебиваю её:

— Какой им смысл преследовать меня? Никакого. Когда поймаете его, просто дай мне знать. А пока я буду вдвойне осторожна.

Смирившись, она нехотя кивает и, к моему облегчению, больше не настаивает.

— Если ты твердо так решила, я уважаю твой выбор, — вздыхает она, опуская плечи. — Но запиши мой номер. Чуть что — звони мне сию же секунду.

Мой отчаянный бег всё-таки принес плоды. Школьный звонок заливается оглушительной трелью, и двери распахиваются — наружу с криками вываливается бурлящая толпа детей. Успела.

Я пытаюсь перевести дыхание, судорожно сканируя глазами мелькающие детские макушки. Но нигде — нигде! — не нахожу синей кепки Лоффи или его рюкзака с супергероями. Я протискиваюсь ближе к массивным дверям, лавируя между мамочками, которые уже вовсю обнимают своих чад. Прислонившись спиной к невысокой каменной кладке, я неотрывно слежу за его классом.

Проходит пять минут, затем десять. Возле школы остаются лишь единицы родителей. Чертовщина какая-то. Лоффи всегда вылетает из школы в первых рядах, потому что вечно хочет есть. Неужели застрял в туалете? Или, что хуже, опять ввязался в потасовку со старшеклассниками?

Решив прояснить ситуацию, я перехватываю учителя истории, которого Лоффи так отчаянно ненавидел:

— Извините, я сестра Лоффи Дорси. Я не видела, чтобы он выходил.

Мужчина поправляет очки на переносице и удивленно смотрит на меня:

— О, разумеется, вы его не видели! За ним ведь пришел мужчина с подписанной доверенностью. Сказал, что ваш близкий друг семьи. Он забрал мальчика буквально за пару минут до звонка.

Что?..

— Нет, этого не может… — в моем кармане внезапно начинает бешено вибрировать телефон.

Я судорожно выхватываю его, снимаю блокировку, и в ту же секунду ледяной узел намертво перекрывает мне дыхание.

«Мисс Дорси?»

Я делаю шаг назад. Этого просто не может быть. Еще один шаг назад. Только не он.

Пальцы бьет крупная дрожь, я до боли сжимаю пластиковый корпус смартфона, пока слезы с каждым ударом сердца застилают мне глаза. На экране высвечивается короткое текстовое сообщение:

«Обратишься в полицию — ты его больше никогда не увидишь. Справедливый обмен: заставь своих дружков отдать мне всё, что они знают, и мальчик вернется домой целым и невредимым. Я позвоню позже, чтобы обсудить детали».

Сердце колотится в груди как бешеное, кувалдой выбивая остатки воздуха. Ослепшая от нахлынувших слез, я трясущимися руками вытаскиваю из кармана бумажку с номером Аласи и вслепую вбиваю цифры.

— Алло! — звонкий, безмятежный голос Аласи раздается в динамике, но слова застревают у меня в горле, отказываясь превращаться в звуки. — Алло? Кто это?

— А-аласи… — я судорожно сглатываю, из последних сил заставляя себя говорить разборчиво. — …Он забрал Лоффи.

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Глава 6

Даже когда я, шатаясь, выходил из кровавой бани Арены, чистота твоего взгляда отражалась в моих глазах и возвращала мне чувство того, что я человек. Ты всегда была там: готовая перевязать мои раны и напомнить о тех мелочах, за которые я отчаянно цеплялся в надежде остаться кем-то, кого ты всё еще сможешь узнать. Теперь я молюсь лишь о том, чтобы ты не смотрела на меня, потому что во мне не осталось ничего, что ты могла бы узнать.

— Письмо номер 42

Артур

Ясмин

Я до боли прикусываю нижнюю губу.

Прошел уже целый час, и удушающая тревога продолжает безжалостно выжигать мне грудь изнутри.

— Они найдут выход, — Аласи протягивает мне стакан прохладной воды. — Не изводи себя так.

— Почему мне нельзя войти и послушать? Это ведь жизнь моего брата!

— Ситуация слишком деликатная, но мы со всем разберемся. Ты должна нам довериться: Элайджа и Артур знают, что делают, да и Нанук с ними.

Я неотрывно гипнотизирую дверную ручку в надежде, что она наконец повернется и кто-нибудь выйдет к нам, но ничего не происходит. Они заперлись в кабинете целую вечность назад, и у меня уже руки чешутся начать рвать на себе волосы. Как он там? Жив ли? Я выуживаю из кармана телефон и в сотый раз всматриваюсь в присланную фотографию: Лоффи мирно смотрит телевизор, сидя на потрепанном сером диване, даже не подозревая, в какой смертельной опасности находится.

— Если родители узнают… — от одной этой мысли на грудную клетку давит неподъемная бетонная плита.

— Ты ведь сказала, что они вернутся только поздно вечером, верно?

Я прижимаю ладонь к пылающему лбу:

— Да, они дотемна останутся на рынке. Я должна была помогать им, но… — в горле снова встает комок. *«Заставь своих дружков отдать мне всё, что они знают»*. Что именно этот ублюдок имел в виду? И почему они так долго тянут?

Не выдержав, я решительно шагаю к двери и с грохотом распахиваю её, прерывая Нанука на полуслове. Он и Элайджа тут же умолкают, ошарашенно переглядываясь.

Я тяжело дышу, едва сдерживая дрожь в голосе:

— Мой брат находится в заложниках у этого человека слишком долго. И всё ради того, что вы прячете и во что не хотите меня посвящать.

— У тебя есть предложения получше?

Низкий, бархатный и пугающе резкий мужской голос мгновенно заставляет комнату казаться слишком тесной и душной. Я поворачиваю голову и замираю: он сидит во главе стола. Мягкие золотые кудри небрежно падают на лоб, а черты лица кажутся почти ангельскими.

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Он. Парень, который хладнокровно наблюдал, как я стираю людей в пепел. Его взгляд затягивает меня в глухую, темную пустоту, заставляя чувствовать себя ничтожно маленькой.

— Отдайте ему всё, что он требует, — твердо заявляю я. — Я понятия не имею, что он ищет и почему я вообще стала его мишенью. Я ничего не понимаю в ваших играх, но вы обязаны что-то сделать.

— Ну, идея так себе, если честно, — нарушает тишину Нанук. — Даже если мы отдадим ему то, что он просит, у нас нет никаких гарантий, что…

Я резко перебиваю его:

— Да чего именно он хочет?!

Они снова обмениваются многозначительными взглядами, полностью исключая меня из своего безмолвного диалога.

— Мы прекрасно понимаем, в каком ты сейчас шоке. Действительно понимаем. Но… — Элайджа пытается взять ситуацию под контроль, но у меня нет ни малейшего желания выслушивать его пустые утешения. Что вообще может быть ценнее жизни ребенка?

— Никаких «но»! — настаиваю я. — Лоффи — мой брат, он еще совсем маленький мальчик. Боже, если бы не… — я вовремя прикусываю язык.

— Если бы не что? — Артур лениво опирается локтями о стол и подается вперед. — Договаривай.

— Артур, девочка напугана до полусмерти… — предостерегающе шепчет Элайджа.

— Настолько напугана, что решила своевольничать и пропустила мимо ушей дельный совет Аласи, — парирует он с таким ледяным раздражением, что у меня внутри всё закипает от злости.

— Откуда я могла знать?! Со мной никогда в жизни не происходило ничего подобного, и я понятия не имею, как… как я вообще смогла… — Моя нижняя губа начинает мелко, предательски дрожать. Я сжимаю кулаки до побеления костяшек, краска стыда заливает щеки, а дыхание становится рваным.

Мне хочется, чтобы всё это оказалось затянувшимся ночным кошмаром.

В гробовой тишине раздаются неторопливые шаги. Я поднимаю глаза и буквально тону в безумной, обволакивающей сладости его янтарных радужек.

— …Испепелить людей, — безжалостно заканчивает он мою фразу, даже не пытаясь сгладить или скрыть тот ужас, в котором я виновна. К желудку снова подступает тошнотворный спазм. Я делаю глубокий вдох, пытаясь унять дрожь.

— Это вышло случайно, — отчетливо выговариваю я каждое слово.

Он слегка наклоняет голову набок:

— Какая разница? Ты всё равно сожгла их. До самых костей.

К горлу опять подкатывает желчь. Я закрываю рот ладонью, судорожно дыша через нос. Аласи сочувственно гладит меня по спине.

— Хватит, Артур. Сейчас не время для твоих уколов, — строго осаждает она его.

— Напротив, сейчас самое время. Если она, конечно, хочет вернуть своего брата живым.

Я хмурюсь, медленно опуская руки вдоль тела:

— Что?

— Мы будем тебя изучать.

Я ошарашенно моргаю. Изучать меня? Мне ведь не послышалось?

В разговор вмешивается Элайджа:

— Мы бы хотели понять, как и в какие моменты активируется эта твоя… — он подбирает слова, — …способность призывать пламя. Это необходимо ради твоей же безопасности и безопасности тех, кто находится рядом с тобой.

Я награждаю его испепеляющим взглядом:

— Вы хотите изучать меня как какую-то бомбу с часовым механизмом?! Я не опасна! — срываюсь я на крик. — Я никогда раньше ничего не сжигала и никого не убивала! У меня была самая обычная, нормальная жизнь, и я никогда не была втянута ни в какое дерьмо, пока не встретила вас!

На губах Артура играет такой зловещий, торжествующий оскал, что у меня земля уходит из-под ног. Он небрежно закидывает ногу на ногу и кивает в сторону двери:

— Что ж, тогда ты можешь прямо сейчас пойти и забрать своего брата в одиночку. И молись, чтобы, когда ты дотронешься до него, ты случайно не выжгла ему легкие.

Ледяной пот прошибает спину. *Испепелить Лоффи?* Перед глазами один за другим проносятся самые страшные, кошмарные сценарии. Что, если я действительно могу причинить ему вред? Когда буду помогать с уроками, обниму перед сном или когда мы будем вместе смотреть мультики на диване… Сердце сжимается от дикой боли, вынуждая меня схватиться за край стола, чтобы не упасть.

Кто-то мягко берет меня за руку. Я поднимаю голову и встречаюсь с теплой улыбкой Аласи.

— Ясмин, милая, никто из нас не считает тебя угрозой для семьи или окружающих. Видишь? Я держу тебя за руку и знаю, что ты не причинишь мне вреда, — её голос звучит удивительно спокойно и убедительно. — Но мы действительно считаем, что нам нужно разобраться, как устроена твоя сила. Никто не станет принуждать тебя к тому, чего ты не хочешь, но ты не можешь просто отмахнуться от того, что произошло вчера.

Я тяжело сглатываю, чувствуя, как ломается мое сопротивление:

— А как же мой брат?

— Мы вернем его в целости и сохранности, — на этот раз твердо произносит Элайджа. — Всё закончится до того, как твои родители переступят порог дома. Тебе нужно просто позволить нам помочь тебе.

Как бы мне ни была противна сама мысль о том, чтобы копаться в той чертовщине, что проснулась во мне, я обреченно киваю:

— Хорошо.

Стоило мне произнести это несчастное слово, как мужчины активизируются с такой невероятной скоростью, будто подобные спецоперации для них — обычное дело. Нанук привычным движением закрепляет два тяжелых ножа по бокам пояса, Элайджа загоняет патроны в обойму пистолета, убирает его в кобуру и расстилает на столе карту местности. Я молча стою в углу, наблюдая, как они обмениваются короткими, отрывистыми репликами.

— Вот адрес, который он скинул. Здесь есть две слепые зоны, их нужно перекрыть. Мы с Нануком займем эти позиции. Артур, тебе уступает право развлечь нашего гостя.

Артур медленно натягивает на ладони неизменные черные кожаные перчатки:

— Не будем заставлять его ждать.

— Было бы гораздо разумнее остаться ждать их дома, — недовольно ворчит Аласи, захлопывая дверцу машины.

Я упрямо качаю головой:

— Даже не думай. И так чудо, что я до сих пор смирно сижу на этом парковке, сложа руки.

Я прищуриваюсь, внимательно вглядываясь в серые фасады многоэтажек прямо перед нами. Чуть поодаль Элайджа прижимается спиной к бетонной стене и коротким движением касается наушника скрытой связи. Его губы шевелятся, но до меня не долетает ни звука. Проклятье. Я нервно стучу носком сапога по асфальту. Справа от меня Аласи опирается спиной о капот и тяжело вздыхает:

— Всё будет хорошо, Ясмин.

За время нашей поездки я услышала эту фразу, наверное, раз десять. Я крепче скрещиваю руки на груди:

— Я успокоюсь только тогда, когда Лоффи будет сидеть здесь, рядом со мной.

Элайджа бесшумно скользит вдоль стены, сворачивает за угол и мгновенно исчезает из виду. Я вытягиваю шею, приподнимаюсь на цыпочки, но обзор напрочь заблокирован.

Аласи мягко перехватывает меня за предплечье:

— Ясмин, пожалуйста, доверься им. Нам нельзя высовываться, иначе мы поставим жизнь твоего брата под удар.

Я покорно киваю, хотя на сердце с каждым мгновением становится всё тяжелее. Мне просто нужно знать, на каком они этапе. Нашли ли они его? Был ли адрес верным? Всё ли с ним в порядке? Успел ли этот ублюдок причинить ему вред? Ранил ли его? Плакал ли Лоффи? Связали ли его?..

Минуты тянутся как резина, вопросы в моей голове сменяют друг друга с бешеной скоростью, а воображение рисует картины одна страшнее другой, едва не доводя меня до безумия.

Вдруг морозный воздух на части разрывает оглушительный, раскатистый грохот. Я мгновенно бледнею и задерживаю дыхание.

— Ч-что это было? — шепчу я, чувствуя, как подкашиваются ноги. — Звук шел из того здания.

Аласи молчит. Я резко поворачиваюсь к ней и вижу в её глазах точно такое же замешательство.

— Судя по всему, завязался бой.

Её слова набатом бьют мне по барабанным перепонкам. Я начинаю лихорадочно терзать собственные пальцы, раздирая кожу ногтями до тех пор, пока не проступает кровь. Лоффи, лежащий на полу без дыхания… Лоффи, истекающий кровью… Лоффи, которого увозят еще дальше…

— Я сейчас сойду с ума, — стискиваю я зубы.

— Ясмин, послушай меня. Их трое, а похититель один. Я не хочу преувеличивать боевые навыки своего брата или Элайджи, но я видела их в деле — они лучшие из лучших. Ни один план Элайджи никогда не проваливался, и ни один нож Нанука еще не пролетал мимо цели.

Раздается еще один взрыв — на этот раз куда мощнее и сокрушительнее предыдущего. Я судорожно пытаюсь сделать вдох. Всё будет хорошо… я должна верить. Всё будет хорошо.

— А… — шепотом выдавливаю я. — …А он?

Мне не нужно называть его имя. В выражении лица Аласи в эту секунду странным образом смешиваются затаенный страх и глубокое, благоговейное восхищение:

— Артур способен в одиночку вырезать целую армию.

— Тогда почему… почему он просто не пошел и не забрал Лоффи сам с самого начала?

Она поворачивается и ловит мой взгляд.

— Элайджа и Нанук пошли туда вовсе не для того, чтобы помогать ему, Ясмин.

Она смотрит на меня в упор, а я чувствую, как внутри всё леденеет от непонимания.

— Что… что ты имеешь в виду? — с трудом срывается с моих губ едва слышный вопрос.

Раздался еще один взрыв.

Губы Аласи страдальчески поползли вниз.

— Элайджа и Нанук пошли туда только для того, чтобы сдерживать Артура. Он… он бывает неоправданно жесток.

В моей груди зашлась в бешеном ритме сирена — сердце колотилось как сумасшедшее. *Жесток.* Настоящее чудовище, раз ему требуются надсмотрщики, способные вовремя схватить за руку. Я невольно вздрогнула. Может, именно поэтому он и бровью не повел, когда я вчера заживо сожгла тех подонков?..

Мне не дали возможности додумать эту мысль. Из клубов пыли показались Элайджа и Нанук, а чуть позади, в тени, шел Артур. Мое дыхание перехватило, а колени предательски задрожали.

Где Лоффи?

Я всматривалась в их лица, испачканные гарью и копотью, в голове воцарился полный хаос, выжигая остатки терпения и здравого смысла.

— Где он?! — сорвалась я на крик.

Элайджа и Нанук синхронно расступились, и я оказалась лицом к лицу с Артуром. Он смотрел на меня так, словно я была самой досадной и раздражающей помехой на этой земле.

«Он бывает неоправданно жесток», — до сих пор звенели в ушах слова Аласи. Я сжала кулаки до боли. Что, если этот психопат ранил моего брата? Что, если он сорвался и покалечил ребенка?

Внезапный разряд тока заставил мои пальцы мелко заколоть. Артур, кажется, уловил это движение — его ледяной взгляд мгновенно переместился на мои ладони.

— Мой. Брат, — отчеканила я каждую букву, чувствуя, как горло перетягивает тугая удавка.

Он промолчал. И это молчание лишь подлило масла в огонь моих худших опасений.

Я судорожно глотала воздух, словно мне со всего размаху въехали кулаком под дых. Кровь закипела в венах, и меня с головой накрыла волна первобытной паники.

Я сделала шаг вплотную к нему.

— Клянусь тебе, если по твоей вине с ним хоть что-то случилось, ты станешь следующим, от кого останутся одни обгоревшие кости, — выплюнула я ему прямо в лицо.

Губы Артура дрогнули в скучающей, презрительной усмешке. Он лениво сделал шаг в сторону, и мое сердце пропустило удар.

Там, прячась за его широкой спиной, стоял Лоффи. Он как ни в чем не бывало крутил в руках лямки своего школьного рюкзака с супергероями. Я коршуном бросилась к нему, сгребла в охапку и сжала в таких удушающих объятиях, что мальчик протестующе закряхтел, уткнувшись мне в грудь.

Горячая слеза обожгла щеку. Дикое, спасительное облегчение наконец позволило мне сделать полноценный вдох.

— Ну ма-а-ам, перестань, сестренка! — заворчал он, пытаясь вырваться. — Ты меня позоришь перед моими новыми друзьями!

Я отстранилась, мягко взяла его за подбородок и принялась лихорадочно осматривать.

— Что произошло? Он… этот человек что-нибудь сделал тебе?

Ни единой царапины, ни одного синяка. Лицо чистое, как обычно.

Лоффи радостно закивал:

— Он испек мне печенье! А потом началась игра в войнушку, и я бежал быстрее всех!

Я абсолютно ничего не понимала из его лепета, но главное — его не била крупная дрожь от пережитого ужаса.

— Лоффи вел себя как настоящий мужчина, — подал голос Элайджа, окончательно развеивая мои страхи. — Он послушно ждал тебя и даже не капризничал, когда твой «старый друг» пришел забрать его из школы. И более того, он пообещал держать в секрете этот наш супергеройский полдень. Верно, солдат?

Лоффи гордо выпятил грудь колесом:

— Так точно, сэр!

Это зрелище вызвало у меня слабую улыбку, размазав слезы по лицу. Я сняла с его плеч тяжелый рюкзак и крепко взяла за маленькую ладошку.

— Пойдем домой? — тихо спросила я.

— А можно сегодня без уроков? Я немного устал.

Я ласково взъерошила его волосы:

— Сегодня никаких уроков.

Аласи вызвалась подвезти нас. Лоффи пулей припустил к задним сиденьям машины и едва не пересчитал носом порог в попытке забраться внутрь. Нанук подхватил его подмышки, легко забросил в салон и бережно застегнул ремень безопасности.

— Чудесный мальчик, — Элайджа тем временем вытирал испачканные сажей щеки носовым платком. — И очень любит приключения.

— Да, Лоффи у нас особенный, — пробормотала я.

Я заозиралась по сторонам, пытаясь отыскать глазами Артура, но золотистая макушка словно растворилась в воздухе. Я до крови прикусила внутреннюю сторону щеки. *Боже, я ведь только что угрожала сжечь его заживо на глазах у всех.* Не то чтобы я действительно была на это способна, но всё же…

— Знаете… я наговорила лишнего. От страха и злости. Надеюсь, вы понимаете, — виновато выдавила я.

Аласи негромко усмехнулась:

— О, даже не бери в голову. Зато теперь можешь гордиться: ты первый человек в мире, который в открытую угрожал Артуру и остался после этого в живых.

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Должно быть, это задумывалось как шутка, но от слов Аласи у меня кровь застыла в жилах. Я с трудом сглотнула и озвучила вопрос, который весь этот час выжигал мне мозг:

— Что стало с похитителем?

Элайджа поднял на меня тяжелый, проницательный взгляд:

— Он вас больше не побеспокоит.

Я молча кивнула. Значит, мертв.

— А те взрывы?..

— Направленные микро-взрывы. Перед началом операции я лично убедился, что в здании нет посторонних. Ни в моих интересах, ни в интересах Нанука нет пункта о невинных жертвах или раненых гражданских.

О роли Артура во всем этом хаосе он деликатно умалчивал, что лишь добавляло этому парню очков в копилку «главной загадки века». Я решила закрыть тему — сейчас было не время, да и, по правде говоря, меня это волновать не должно.

— Спасибо вам, — едва слышно прошептала я.

Я забралась в салон машины и села рядом с Лоффи, который уже вовсю донимал Нанука и Аласи миллионом дурацких вопросов. В зеркале заднего вида я поймала ответный взгляд Элайджи, провожавший каждое мое движение. Иногда мне казалось, что в глубине его глаз прячется нечто древнее и пугающее, но он лишь хранил непроницаемое молчание.

И снова это странное, тягучее чувство в груди…

Внезапный резкий звонок телефона Нанука бесцеремонно оборвал мои мысли. Он едва успел поднести трубку к уху, как в то же мгновение завибрировал и мобильный Аласи. За долю секунды их лица хищно заострились, превратившись в каменные маски. Аласи с силой стиснула челюсти и наотмашь рубанула кулаком по рулевому колесу.

Нанук резко обернулся к выходу из машины, практически игнорируя наше присутствие:

— Элайджа! — рявкнул он во весь голос. — Они идут!

Королевство Америка Вирджиния

Я крепко перехватываю тяжелый хрустальный кубок, аккуратно разливая темно-бордовое вино по серебряным бокалам членов Совета. Над длинным столом эхом разносится гул яростных споров: по правую сторону баррикад брызжут слюной Верховные Жрецы, по левую — высокомерно процеживают слова сквозь зубы представители высшего света. Обе фракции на дух друг друга не переносят, и единственным клеем, удерживающим этот зверинец от открытой резни, является корона: Его Высочество Эдуард, безмолвно восседающий во главе стола.

Я бесшумно шагаю к его креслу, замирая по левую руку, как того требует строжайший придворный этикет, и замираю в ожидании малейшего кивка или едва заметного движения царственного пальца.

— Если мы урежем дотации и перекроем финансирование простому народу, улицы захлебнутся в кровавых бунтах! — Тиберий, родной дядя Эдуарда, срывается на крик, стуча ладонью по дубовой столешнице. — И поверьте мне, это последнее, что нам сейчас нужно!

Он и его амбициозная дочь Анна — единственные представители королевской крови, у кого хватило смелости остаться в составе Совета. Все остальные члены

династии в панике разбежались, до смерти напуганные изощренной местью Зла, которое средь бела дня растерзало покойного Короля.

Верховный Жрец кривит губы в хищной, самодовольной усмешке:

— О нет, дорогой Тиберий. Это как раз именно то, чего мы добиваемся. Мы до краев накормим их голод правильной, направленной яростью.

— Народное недовольство еще никогда не приводило к конструктивному решению проблем, Жрец! — огрызается тот, багровея от злости.

— Что вы, я абсолютно в этом убежден, — вкрадчиво, словно яд, вливает свои слова священник. — Если отобрать у цепного пса кость, он станет безумным, неуправляемым и вполне может искусать собственного хозяина. Может. Но… если вы отнимете у пса еду и лично ткнете его носом в того, кто лишил его сладкого лакомства… поверьте мне на слово: он превратится в идеального, преданного волкодава.

Я внутренне содрогаюсь. Порочный, извращенный план Верховного Жреца становился предельно ясен: они хотят использовать отчаяние и нищету собственного народа, чтобы превратить миллионы людей в послушное оружие для охоты на Зло.

Жрец медленно поворачивает голову к Эдуарду. Молодой Король отвечает ему едва заметным, едва уловимым кивком согласия.

Колючий, удушающий узел стягивает мне легкие. Я делаю глубокий вдох сквозь нос, заставляя каждую мышцу своего лица окаменеть — слуги не имеют права на эмоции.

Жрец победоносно улыбается:

— Образцовый монарх порой обязан выглядеть жестоким в глазах толпы. Но каждое его решение всегда продиктовано исключительно заботой о Высшем Благе.

Эдуард лениво ведет указательным пальцем по тонкому, инкрустированному серебром ободку своего бокала. Его голос звучит абсолютно равнодушно:

— Что-то еще?

Никто не поднимает руки. Самые острые и насущные вопросы уже практически исчерпаны, и Жрецы получили всё, чего добивались.

— Если позволите, Ваше Высочество, — Верховный Жрец прочищает горло. — Я прошу вашего соизволения на небольшую экспедицию на нейтральные земли. К нашей дорогой соседке — в Гренландию.

По залу прокатывается глухой ропот.

— Я думал, у нас с ними соглашение, — в голосе Эдуарда звучит мысль большинства присутствующих.

— О, безусловно. Мой визит как раз и призван послужить для того, чтобы убедиться: они его соблюдают.

— А с чего бы им его нарушать? — вопрос исходит от представителя семьи Скиммель, аристократов-коммерсантов. Их корабли полностью зависят от рыбного рынка, который предоставляет Гренландия.

— Потому что верность — вещь колеблющаяся, — парирует Жрец, медленно переводя взгляд на меня. — И одна маленькая птичка напела мне, будто видела Невесту Зла, разгуливающую по их улицам.

Мои глаза расширяются от шока. Хрустальный кубок выскальзывает из пальцев, но я молниеносным рефлекторным движением перехватываю его у самого пола, чудом не разлив вино на ковер.

— Да как такое возможно?!

— Это не может быть правдой!

— Её же казнил лично Его Высочество!

— Да, мы все это видели!

И Жрецы, и высший свет впадают в полное замешательство. Единственным, кто не проявляет ни капли страха, остается Эдуард. Он медленно поднимается на ноги, и в зале мгновенно воцаряется мертвая тишина.

— Прежде чем поддаваться панике, мы обязаны убедиться, что это не просто женщина, которая очень на нее похожа. Жрец, ты отправишься завтра утром вместе с моим дядей и королевским конвоем. До тех пор эти слухи не должны покинуть стен этого Совета.

Все безмолвно склоняют головы. Эдуард решительным шагом выходит из зала, и я тенью следую за ним вместе с отрядом гвардейцев личной охраны. Он идет размашистыми, быстрыми шагами; я едва успеваю за ним, тяжело дыша, пока в моей голове царит полнейший туман. *Неужели она действительно жива?*

При приближении Короля каждый придворный служащий замирает, вжимается в стену коридора и складывается в девяностоградусном поклоне, не смея поднять глаз. Эдуард стремительно входит в кабинет, стража остается снаружи, а я поспешно закрываю за собой тяжелую дубовую дверь.

Король тяжело опускается в кожаное кресло, вытягивает руку и дрожащими пальцами хватает бутылку скотча. Снова пьет. Он наливает алкоголь, янтарные брызги летят прямо на полированный стол, но ему плевать. Он подносит стакан к губам и осушает его одним глотком.

Эдуард зажмуривается, и его губы кривятся в болезненной гримасе.

— Окно… — невнятно бормочет он. — Душно…

Я обхожу рабочий стол, поворачиваю оконную ручку, и поток ледяного свежего воздуха бьет мне в щеки. Но его дыхание становится всё более рваным и хриплым. Он судорожно, но тщетно пытается ослабить узел галстука.

— С вашего позволения, Ваше Высочество, — вкрадчиво шепчу я.

Он устало опускает руки, позволяя мне приблизиться. Я опускаюсь перед ним на колени, подношу пальцы к тугому шелковому узлу и медленно, сантиметр за сантиметром, ослабляю его.

— Как думаешь, она жива? — выдыхает он сиплым, пропитанным алкоголем голосом.

Я упорно держу взгляд на ткани между своими пальцами:

— То, что я думаю, не имеет значения.

— Но ты ведь надеешься, что она жива?

Я едва заметно киваю:

— Всем сердцем.

Эти слова могли бы прямо сейчас подписать мне смертный приговор, но я не боюсь быть искренней с ним. С тех пор как он подарил мне заколку Дамы, я раз за разом замечаю проблески человечности в том, кого раньше считала лишь безвольной марионеткой в руках Жрецов.

— Я знаю, — раздается тихий, почти призрачный шепот.

Его взгляд буквально прожигает мне лоб. Я поднимаю голову и натыкаюсь на его глаза, прикованные к моим — мутные, подернутые вуалью глубокой, надломленной уязвимости.

— Я никогда не хотел её убивать.

Признание, обнажающее призрака его вечного, удушающего сожаления. И всё же… он убил Лавинию.

Мои пальцы мертвой хваткой сжимаются вокруг полоски шелка.

— Но вы это сделали, — цежу я сквозь зубы, чувствуя, как тяжесть этой жестокой, сырой потери буквально раздавливает мне легкие.

Он поднимает правую руку. Его ладонь дрожит так сильно, что ему приходится перехватить её левой у запястья.

— Вот эта рука убила её. Эта самая рука… — в его голосе клокочет ярость, направленная на самого себя. — …Она двинулась сама, подчиняясь импульсу, который был сильнее меня. Я не смог остановиться. И теперь она каждую ночь приходит в мои кошмары с тем самым криком.

Он судорожно прижимает ладони к вискам. Слова срываются с его губ неконтролируемым, инстинктивным потоком и один за другим вонзаются мне в память. Глубокие черные тени залегли у него под глазами, отражая смертельную усталость истощенного, беззащитного тела, которое находится в вечном заложничестве у собственных призраков.

Он убил её. Помни об этом, Вирджиния.

Меня пробирает крупная дрожь. Я быстро моргаю и отстраняюсь, мгновенно восстанавливая ту невидимую, законную дистанцию, что должна разделять Короля и его служанку.

— Могу я еще чем-то помочь вам, Ваше Высочество?

Блеклая, безжизненная улыбка искажает его губы.

— Да, — он резко расправляет плечи и смотрит на меня в упор. — Завтра утром ты отправишься вместе с ними.

Я испуганно приоткрываю рот:

— Но я…

— Ты, — бесцеремонно перебивает он меня, — единственная, кто сможет её узнать.

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Глава 7

Ты — последнее тело, к которому я прикоснулся, и теперь всё, чего касается моя рука, сгорает. Мне нравится думать, что ты — единственная женщина, способная коснуться такой души, как моя, и именно поэтому любой другой обращается в пепел от моего прикосновения.

— Письмо номер 54

Артур

Вирджиния

Пелена облаков над головой рассеивается. Я прищуриваюсь и сквозь соленые брызги замечаю суровые очертания юго-западного побережья Гренландии. Мы почти на месте. Королевские гвардейцы выстроились идеальными шеренгами вдоль бортов корабля — их белоснежные мундиры и начищенные золотые пуговицы резко выделяются на фоне нависшего свинцового неба. Тяжелое полотнище с королевским гербом яростно бьется на ветру, а протяжный, торжественный звук трубы разносится над волнами, возвещая о нашем прибытии.

— Земля, отринувшая Священное Писание, — со вздохом произносит Верховный Жрец. Он равняется со мной по правому борту и дарит мне едва заметную, приторную улыбку.

Внутри у меня всё переворачивается от омерзения, но я заставляю себя склонить голову в безупречном придворном реверансе.

— О, не стоит, дитя мое, — притворно машет рукой он. — Лучше скажи, нравится ли фаворитке Короля Гренландия?

Я упорно смотрю на приближающийся горизонт, избегая встречаться с ним взглядом. Передо мной стоит человек, который хладнокровно убил Даму. Я делаю медленный вдох и выдох, чувствуя, как внутри всё дрожит от дикого, неистового желания увидеть, как этот ублюдок подыхает в самых страшных муках.

— Это мирная и гостеприимная земля, — отвечаю я абсолютно плоским, лишенным эмоций тоном, который никак не выдает бушующую во мне жажду мести, капля за каплей иссушающую мою душу.

Он негромко смеется, и этот сухой, дребезжащий смех бьет мне по барабанным перепонкам, заставляя кожу покрыться ледяными мурашками.

— Ты отлично зазубрила дворцовый протокол, девочка. Вот только я не устраиваю тебе допрос.

Береговая линия становится всё ближе. Боже, да когда же мы наконец причалим? Нужно вытерпеть. Это вопрос нескольких минут — корабль бросит якорь, и эта пытка на палубе закончится.

Жрец тем временем продолжает, смакуя каждое слово:

— Главная беда этой земли в том, что никто снаружи не видит, что происходит у нее внутри. А то, чего ты не видишь, ты не можешь контролировать.

Я незаметно переступаю с ноги на ногу. *Притворяйся, Вирджиния. Играй свою роль.*

— Конечно, сейчас там могут оказаться лишь стада великолепных оленей да парочка колоритных рыбных рынков. И я искренне на это надеюсь. Но… там также

могут укрываться и враги короны. А ты прекрасно понимаешь: любой, кто укрывает нашего врага, сам автоматически становится врагом Нового Света.

Я мысленно каменею. Его слова, пропитанные ядом, вонзаются в мое сознание, точно крошечные пули. *Притворяйся, Вирджиния.* Я натягиваю на лицо маску вежливого безразличия и прячу внутренний ужас за фальшивой улыбкой.

— Я напоминаю тебе об этом лишь потому, что, насколько мне известно, вы с покойной Дамой были близки, — с плохо скрываемым презрением добавляет он.

Я с трудом подавляю бунтующий импульс внутри себя и заставляю себя дышать ровно.

— Помни: статус фаворитки Короля не дает иммунитета перед законами королевства. Не забывай об этом.

Я внутренне содрогаюсь. Мне приходится призвать на помощь каждую крупицу своей воли, чтобы сохранить непроницаемое лицо и не сорваться на крик. Я медленно поворачиваю голову к нему, не моргая:

— О подобном невозможно забыть, Верховный Жрец. Ваше постоянное присутствие напоминает мне об этом каждый день.

Уголок его губ ползет вверх. Насмешка? Или его это забавляет?

— Разумеется. Но мой долг — предотвращать любые… неприятные последствия, — от этого суррогата святоши меня откровенно тошнит.

Жрец бесцеремонно опускает тяжелую ладонь на мое правое плечо и с силой вонзает пальцы в плоть, нажимая на нервные окончания так, что у меня почти отнимается рука.

— Знаешь, дорогая Вирджиния, Король проявляет к тебе весьма трогательную заботу, — он делает театральную паузу, пока я из последних сил сдерживаю стон боли. — Будет очень жаль, если вслед за Дамой ты тоже… покинешь его. В таком случае рядом с ним не останется вообще никого.

Я судорожно приоткрываю рот. Искаженное, полное муки лицо Дамы Анжелины в её последние секунды жизни мгновенно вспыхивает перед моими глазами, выжигая воздух в легкие и лишая меня возможности вытолкнуть хоть слово. Жрец с удовлетворением разжимает пальцы и, победно улыбаясь, отходит в сторону.

— Гвардия, на исходные позиции! Приготовиться к швартовке!

Я выдыхаю вместе с прерывистым, судорожным всхлипом, силой загоняя назад готовые брызнуть слезы. *Притворяйся, Вирджиния.* Я встаю в ровную шеренгу позади Тиберия, чувствуя, как мое израненное сердце истекает кровью в тисках тернового венца. *Притворяйся.*

Несколько крепких, широкоплечих мужчин в тяжелых меховых парках ловко швартуют корабль, натягивая канаты и намертво фиксируя их узлами на причальных тумбах. Их суровые, обветренные лица, высеченные жестоким полярным климатом, разительно отличаются от утонченных, изнеженных черт обитателей американского двора. Гвардейцы ровным строем спускаются по трапу, и я шагаю следом за дядей Эдуарда, которого по правую руку сопровождает Верховный Жрец.

Ни один из местных жителей, стоящих на пристани, не склоняет головы. В их глазах нет и тени почтения. Мы шествуем под их откровенно презрительными взглядами, чувствуя себя мелкими, никчемными рыбешками в чужом, взбунтовавшемся море. И где их лидер? Я знаю, что в Гренландии нет ни королей, ни королев, но ведь должен быть хоть кто-то, избранный народом для представления их

интересов? Вот только среди этих гигантов, которые кажутся втрое крупнее любого из наших гвардейцев, я не вижу никого похожего на правителя.

— Мне бы очень хотелось сказать традиционное: «Какой приятный сюрприз, мы так вас ждали», но я ограничусь лишь… «какой сюрприз», — к нашей процессии неторопливой, уверенной походкой приближается молодой человек со смуглой, золотистой кожей. На его плечи накинута тяжелая белая шкура, а волосы заплетены в ровные, тугие косички.

— Нанук Олсен, — Верховный Жрец растягивает губы в лицемерной улыбке. — Если бы ты не был так неприлично молод, я бы решил, что передо мной стоит твой покойный отец. В конце концов, манеры у вас абсолютно одинаковые.

Нанук. Так вот как зовут парня, который взял в свои руки бразды правления Гренландией после гибели старого лидера.

— Это вы еще мою сестру не видели, — его ироничный, почти издевательский тон напрочь перечеркивает любые правила королевского этикета.

В ту же секунду из-за его спины выступает девушка с точно такими же фамильными чертами лица. Длинные, цвета мокрого песка волосы мягко падают ей на плечи, миндалевидные глаза смотрят спокойно, а тонкие губы трогает едва заметная вежливая улыбка.

— Простите моего брата, — произносит она мягким, удивительно певучим и элегантным голосом, склоняясь в изящном полупоклоне. — Если бы нас известили о вашем визите чуть раньше, я бы лично заставила его повторить правила приема высокопоставленных эмиссаров великого королевства Америка. Надеюсь, ваше плавание прошло гладко?

Она без малейшего страха выдерживает пристальный, давящий взгляд Жреца. Тот маслянисто улыбается ей:

— Слухи о вашей исключительной красоте, дитя мое, нисколько не лгали. Истинный грех, что такое очарование заперто в этих безжизненных льдах.

— Эти льды никого не держат взаперти. Хотя вам, с вашими… специфическими привычками, это наверняка покажется дикостью, — вставляет Нанук, и воздух между ними мгновенно электризуется от растущего напряжения.

Аласи едва заметно, предостерегающе сжимает локоть брата:

— Наши гости, должно быть, продрогли до костей — их облачение совершенно не приспособлено к нашим суровым температурам. Прошу вас, мы сочтем за честь предложить вам согревающие напитки.

— Мы с огромным удовольствием последуем за вами, но сперва… — Жрец плавно вскидывает руку, и королевские гвардейцы по этому знаку мгновенно рассредоточиваются, веером расходясь по узким городским улочкам.

Близнецы Олсен обмениваются молниеносными, полными тревоги взглядами. Желваки на лице Нанука резко заостряются, а безупречная улыбка Аласи на мгновение дает трещину.

— Вы что же, боитесь моего народа, Жрец? — с явным вызовом цедит Нанук.

— О, помилуй, мальчик мой, как тебе вообще могло прийти такое в голову? Вы — наши верные и преданные соседи с незапамятных времен. Однако, как тебе прекрасно известно, наше королевство сейчас втянуто в крайне досадную войну. И пока мы с вами будем наслаждаться светской беседой, мои люди просто… убедятся, что каждый ваш гражданин находится в полной безопасности.

Лжец. Ему нужна только она. Но он не может заявить об этом открыто. Не может обвинить целую автономию в измене, не имея на руках прямых улик. Он собирается перерыть каждую подворотню. Паршивый, сфабрикованный предлог, позволяющий ему запустить свои грязные руки на территорию, где люди испокон веков плевали на его фанатичные догмы.

Нанук сжимает кулаки с такой силой, что его костяшки становятся мертвенно-белыми.

— Как пожелаете.

Элайджа

В прихожей раздается резкий, долгожданный треск домофона. Наконец-то. Я стремительно шагаю к двери и распахиваю замок.

— Ясмин, — облегченно выдыхаю я.

— Я не опоздала? Пришлось сначала завезти Лоффи в школу, — она стягивает черную вязаную шапку, открывая лицо. Белое пальто доходит ей почти до колен.

Я пропускаю её внутрь, но прежде, чем закрыть дверь, бросаю быстрый, оценивающий взгляд на улицу. Никакого подозрительного движения. Всё тихо.

— Аласи и Нанук ушли буквально пять минут назад. Береговые дозоры заметили королевский флагман на подходе к порту.

Артур оказался чертовски прав. Впрочем, кто лучше него знает, как планирует свои карательные шахматные партии высший Совет Америки? По крайней мере, у нас есть хотя бы минимальное преимущество во времени.

Я быстро иду по коридору, открываю неприметную дверь кладовой и жду, пока Ясмин зайдет внутрь, после чего плотно прикрываю за нами створку.

— И сколько они здесь пробудут? — в её голосе сквозит нервное напряжение. — Я ведь не могу прятаться тут вечно.

Я решительно отодвигаю в сторону тяжелый стеллаж, заставленный пыльными, пожелтевшими от времени книгами, опускаюсь на корточки и принимаюсь мерно простукивать носком обуви каждую напольную плитку.

— Пару часов. От силы четыре, — раздается глухой, пустой звук. — Есть.

Я поддеваю края пальцами и с усилием приподнимаю маскировочную панель.

— Они перевернут вверх дном каждую улицу, обыщут каждый дом. Пока этот цирк не закончится, тебе смертельно опасно оставаться с семьей. Тот похититель наверняка успел передать твои приметы руководству до того, как Артур его… успокоил. А поскольку он мертв, тебя могут забрать для допроса. Или, что гораздо хуже, официально предъявить обвинение в убийстве офицера короны.

Ясмин мгновенно бледнеет, и на секунду меня колет острое чувство вины. Но, в конце концов, это ложь лишь наполовину. Я ведь не могу сказать ей правду: *«Ты — точная копия Лавинии, покойной Невесты Зла. Если они найдут тебя, то утащат в Вирджинию и устроят показательную казнь на площади, чтобы доказать свою силу. А всю Гренландию за то, что тебя прятали, объявят изменниками и вырежут без капли жалости»*.

Я откидываю тяжелую крышку напольного люка:

— Вот, спускайся сюда. Осторожнее на первом уступе.

Ясмин аккуратно опускает ногу и неловким, робким прыжком приземляется на дощатый пол секретного убежища, скрытого глубоко под фундаментом резиденции Олсенов. Она испуганно озирается по сторонам, разглядывая полумрак:

— Сюда ведь никто не сунется? Ты уверен?

— В этом подземелье отец Нанука прятал своих детей каждый раз, когда к нему заявлялись подобные «высокие гости» из Совета. Не переживай. Я приду за тобой сразу же, как только их корабли отчалят от берега.

Она медленно поднимает на меня глаза из темноты люка:

— Хорошо, — едва слышный, беззащитный шепот.

Вдруг входная дверь дома с грохотом распахивается. В коридор размашистыми, тяжелыми шагами влетает Артур. Мне хватает одного взгляда на его хищно заострившееся лицо, чтобы понять: всё пошло к черту.

— Смена сценария, — бросает он сквозь зубы, швыряя на ходу перчатки. — Нас прижали.

Я молча киваю, чувствуя, как внутри всё каменеет.

Ясмин

Над моей головой эхом разносятся невнятные голоса и тяжелые шаги. Люк распахивается, свет с верхнего этажа заливает пол, и внезапный глухой стук прорезает воздух. О нет. Меньше всего на свете я ожидала оказаться запертой в этом подземелье именно с ним. Но сейчас он стоит прямо передо мной.

Крышка люка захлопывается, и тонкие лучи света, пробивающиеся сквозь щели в потолке, заставляют искриться его золотистые кудри. Что мне делать? Поздороваться?

Я робко приподнимаю руку:

— Привет, — шепчу я, словно еще вчера не угрожала сжечь его заживо.

Кровь мгновенно приливает к щекам, а сердце колотится так бешено, что я боюсь, этот стук слышен даже снаружи. Артур ничего не отвечает. Он просто отходит к самому краю тесной каморки и прижимается спиной к стене. И на что я надеялась? На нём простая черная футболка, которая так плотно облегает грудь, что… Боже, кажется, её сшили прямо на нём.

Я поспешно отвожу взгляд, сажусь на пол как можно дальше от него и буквально тону в оглушительной тишине, окутавшей нас. Стоп. А почему он вообще здесь, со мной? Набравшись смелости, я прочищаю горло и тихо спрашиваю:

— Тебя Элайджа прислал?

Он смотрит исключительно в пол и лишь сквозь зубы цедит:

— Мы не обязаны разговаривать.

Я судорожно глотаю воздух. Впрочем, пожалуй, я это заслужила. Я ведь даже ни разу не поблагодарила его за то, что он спас меня от тех троих подонков. А если вдуматься… наши пути постоянно пересекаются именно тогда, когда я нахожусь на волосок от гибели. Когда я бросилась в воду за Лоффи, потеряла равновесие и начала тонуть, именно он вытащил меня на берег. И когда те мужчины схватили меня, он убил их.

— Слушай… — бормочу я. — Мне жаль, что я наговорила тебе тогда. Я была очень напугана и…

— Не нужно, — выдыхает он, бесцеремонно обрывая меня на полуслове.

Его затылок покоится на стене, а глаза устремлены куда угодно, только не на меня. Он ведет себя так, словно я вызываю у него глубокое отвращение, и он физически не выносит моего вида.

— Нет, мне это нужно, — настаиваю я. — Я прошу прощения за свои слова и спасибо, что вмешался.

На его губах на мгновение проскальзывает странная, ностальгическая улыбка — какая-то мысль явно промелькнула в его голове, — но он тут же снова замыкается в своем непроницаемом молчании.

Я подтягиваю колени к груди.

— Я знаю, что мы начали не с той ноты… — шепчу я. — Мы ведь даже толком не представились друг другу…

— В этом нет никакой необходимости.

— Ясмин, — упрямо перебиваю я. — Ясмин Дорси. А ты, должно быть, Артур…?

Он тяжело вздыхает:

— Ты ждешь, что я назову тебе свою фамилию?

Чертовски трудно общаться с человеком, который принципиально не желает смотреть тебе в глаза. Он так отчаянно избегает моего взгляда, что я начинаю верить, будто внушаю ему брезгливость. Да нет, наверняка так и есть.

— Я прошу слишком многого?

Мой вопрос снова повисает в воздухе, оставшись без ответа. Великолепно. Внезапный приступ кашля заставляет меня сжаться в комок — скопившаяся здесь пыль забивает легкие и нещадно дерет горло. Я тянусь к сумке, достаю бутылку воды и делаю несколько глотков. Убирая её обратно, я натыкаюсь взглядом на плюшевую голову игрушки — той самой, из-за которой Артур устроил Лоффи форменный террор. Я тихо вздыхаю. Я ведь заново сшила её, чтобы вернуть ему при первой же возможности, но…

Бум. Бум. Бум.

Я мгновенно вскакиваю на ноги, сердце уходит в пятки. Пальцы Артура молниеносно скользят к поясу, и он большим пальцем ласкает рукоять ножа. Прямо над нами раздаются тяжелые, методичные удары. Солдаты? От каждого их шага сверху посыпалась мелкая пыль, забиваясь в ноздри. Я крепко прижимаю ладонь к губам, из последних сил подавляя желание чихнуть. Шаги наверху постепенно затихают, а затем и вовсе исчезают.

— Они ушли? — шепотом выдыхаю я.

Желваки на его лице заостряются:

— Пока да. — Он убирает руку от ножа.

Я делаю глубокий вдох, узел в желудке немного ослабевает, и сердце постепенно возвращается к нормальному ритму. Как ему удается оставаться настолько хладнокровным? Он снова скрещивает руки на груди и закрывает глаза, откинув голову назад. Ведет себя так, будто в этом мире вообще нет ничего, что могло бы его удивить или испугать. Я сажусь обратно на пол, обхватив руками дрожащие колени.

— Находясь здесь, со мной, ты рискуешь… Зачем ты это делаешь? — спрашиваю я, чувствуя, как по позвоночнику пробегает ледяная судорога. Из моего рта вырывается крошечное облачко пара, и я сильнее кутаюсь в пальто. Подземелье стремительно вымерзает. — Т-тебе нравится играть со смертью? Находишь это забавным?

— Почему ты дрожишь? — его резкий голос разрезает тишину.

— Во-вопрос скорее в том, почему не дрожишь ты, — поправляю я его. — Тебе вообще не холодно?

Артур открывает глаза и быстро осматривает углы:

— Они обыскивают дом. Должно быть, задели переключатели в комнате и вырубили отопление.

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

На нём нет даже куртки, но от пронизывающего холода здесь зуб на зуб не попадает почему-то только у меня. Я вздыхаю, чувствуя, как мороз безжалостно пробирается под самую кожу.

— Твои губы… — тихо произносит он.

Я поднимаю голову, непрерывно стуча зубами. Какая же дура. Я-то наивно решила, что он соизволил снизойти до меня, а он по-прежнему гипнотизирует плитку на полу.

— …Они синеют.

Я с трудом размыкаю онемевшие губы, и даже это короткое движение причиняет тупую боль:

— Ты говоришь это, даже не имея сме-смелости посмотреть на меня.

Веки наливаются свинцом, я сжимаю пальцы в кулаки, пытаясь удержать ускользающее сознание, и делаю вдох.

— Твое присутствие раздражает, — сухо отрезает он.

— Тогда за-зачем ты здесь? — отчетливо, с трудом выговариваю я. Тело настолько оцепенело, что я рискую прикусить собственный язык.

— Потому что кое-кто считает, что ты нуждаешься в защите.

Я даже не знаю, что мне делать: радоваться тому, что он наконец начал отвечать на мои вопросы, или оскорбиться, ведь меня только что назвали обузой, которую он обязан защищать против воли.

Я шумно выдыхаю:

— Мне не нужна никакая дурацкая защита.

Артур резко опускает руки, его глаза наконец встречаются с моими, и в их глубине вспыхивает яростная искра, напрочь раскалывая его привычную маску безразличия.

— Что? — я удерживаю веки открытыми из последних сил, совершенно не чувствуя пальцев рук и ног. — П-почему ты т-так на меня смотришь?

Он приоткрывает рот, но тут же захлопывает его. Кажется, внутри него рвется наружу какая-то невыносимая, болезненная тирада, но он силой подавляет её, вновь скрываясь за глухой стеной молчания. Опять. Хотя, видит бог, я не сказала ничего крамольного. Меня сотрясает очередной приступ дрожи, я бессильно опускаю щеку на колени, а мое дыхание превращается в слабый, едва уловимый шелест.

Мне хочется просто поспать. Буквально минуту. Одну или две… Я закрываю глаза, позволяя звенящей тишине убаюкать себя, пока ледяной холод метр за метром захватывает мои мышцы. Запертая в этой леденящей броне своего тела, мысль о том, чтобы снова открыть глаза, кажется мне чем-то бесконечно далеким и невыполнимым.

Вдруг руку пронзает легкое покалывание. Я инстинктивно сжимаю пальцы, и волна восхитительного, спасительного тепла мгновенно разливается по всему телу. Я тихо стонаю, когда густой, терпкий аромат мускуса заполняет мои легкие, пьяня каждую клеточку существа. Боже, дышать еще никогда не было так сладко. Я сильнее впиваюсь пальцами во что-то, мои подушечки скользят по горячей, мягкой поверхности. Стоп. Где я?

Я распахиваю глаза. Если бы прямо сейчас существовал способ вырыть под собой землю и провалиться сквозь нее, я бы сделала это не задумываясь. Моя щека покоится прямо на широкой груди Артура, рука намертво обвивает его торс, а сама я калачиком свернулась на его коленях. Лицо мгновенно вспыхивает пунцовой краской — слава богу, из такого положения он не может его видеть.

— Проснулась, — шепчет он.

От его низкого, хриплого голоса грудная клетка под моей щекой ощутимо вибрирует, и я сгораю от еще большего стыда. Как он понял? Может, просто догадался? Что, если я замру и…

— У тебя всегда так бешено стучит сердце?

Я с трудом сглатываю слюну и поднимаю голову. Он слегка наклоняет лицо, заглядывая мне прямо в глаза. И, видит бог, лучше бы он продолжал игнорировать меня. Как мне теперь объяснить этот грохот в ушах и то удушающее чувство, будто я стою перед ним абсолютно прозрачная, вывернутая наизнанку?

— К тебе возвращается цвет, — он наконец отводит взгляд, и внутри меня разливается колоссальное облегчение. — Ты была уже синей.

— Ты… ты пересел сюда специально?

— Ты отключилась. Я перестал слышать твой пульс, — он тяжело вздыхает. — И мне совсем не улыбается, чтобы Элайджа решил, будто я тебя придушил.

Я покорно киваю:

— Сколько прошло времени?

Он кривит губы:

— Два часа.

Я бледнею. Скоро нужно забирать Лоффи из школы, я не могу провести остаток дня, прячась в этой сырой норе. Я судорожно сжимаю руки, но мои пальцы упираются в его предплечье, и я со свистом отдергиваю их. Какая же я идиотка, я ведь до сих пор висну на нём!

— Прости, я сейчас же отойду.

Я упираюсь ладонью в пол, и ледяной холод плитки заставляет меня судорожно вздрогнуть.

— Если хочешь снова заработать гипотермию — валяй.

Он небрежно закидывает ногу на ногу, а я уставлюсь на него в полном шоке. Его тело излучает какое-то неестественное, почти первобытное тепло. Он абсолютно неуязвим для этого жуткого холода, и я понятия не имею, как, черт возьми, это объяснить.

— Ты… — шепчу я. Медленно, дюйм за дюймом, я протягиваю руку к его лицу и едва уловимо касаюсь кончиками пальцев его подбородка. — …Ты просто огненный, — выдыхаю я, не веря собственным ощущениям.

Он резко перехватывает мое запястье и с силой прижимает мою ладонь к своей груди:

— Я позволил тебе приблизиться исключительно из-за критической ситуации. Но никто не имеет права так ко мне прикасаться.

Я ошарашенно хлопаю ресницами.

— Извини… — вырывается у меня слабый вздох.

В ту же секунду дикая, раскаленная вспышка прошибает мой мозг. Я со свистом стискиваю зубы от неописуемой, парализующей боли.

Губы Артура шевелятся, но его голос доносится до меня словно сквозь толщу воды. Я судорожно прижимаю ладонь к виску, не в силах вымолвить ни звука, пока по моей щеке катится одинокая слеза.

«Значит, никто не имеет права прикасаться к тебе…»

Тысячи острых игл одна за другой вонзаются в мое сознание, безжалостно выталкивая на поверхность чужие, пугающие образы, которые буквально разрывают

мне череп. Я мертвой хваткой вцепляюсь в плечи Артура, беззвучно крича от невыносимой муки.

Он крепко, до хруста прижимает меня к себе, так что мои губы практически касаются основания его шеи. Я зажмуриваюсь и стонаю от судорог, которые выкачивают из меня последние остатки сил.

«Тебе можно касаться меня всегда, Лавиния».

Я резко вздыхаю. Боль мгновенно отступает, и спасительный кислород вновь наполняет мои легкие. Я открываю глаза и медленно разжимаю пальцы, покрытая крупной дрожью от корней волос до кончиков пальцев. Что это, черт возьми, было?! Еще одна слеза катится по щеке — я оказалась в заложниках у чужого, властного и пугающего призрака.

С удушающим комком в горле я тону в янтарных омутах глаз Артура, чувствуя, как черная пустота внутри меня разрастается до космических масштабов.

Щелчок.

Я резко поворачиваю голову. Крышка люка со скрипом откидывается, и яркий свет заливает плитку пола.

— Они закончили, — Элайджа делает нам знак подниматься.

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Глава 8

Из-за меня каждая твоя жизнь и каждое твое земное воплощение обречены познавать лишь боль и страдания. Они клеймят тебя Невестой Зла». А всё, что ты сделала, — это просто полюбила меня.

— Письмо номер 68

Артур

Гренландия

Вирджиния

Я молча провожаю взглядом королевские флагманы, уходящие в открытое море. На причале остался лишь наш корабль — тот, что должен вернуть домой меня и немногочисленный отряд гвардейцев, как только мы завершим последнюю формальность. Я смотрю на суровые гренландские пейзажи сквозь стекло автомобиля, который семья Олсен столь неохотно предоставила в наше распоряжение, и с горечью думаю о том, насколько этот визит уничтожил хрупкий мир между нашими землями.

Отношения с Гренландией всегда были мирными, но теперь варварские действия Верховного Жреца растоптали годы согласия. Обыски в жилых домах, вооруженные патрули на улицах и жестокое, скотское отношение к любому, кого заподозрили в нежелании подчиняться великому королевству Америка.

Габриэль, сидящий на переднем сиденье, тяжело вздыхает:

— Это плохо кончится. Сначала они осыпают их завуалированными угрозами, а теперь присылают нас раздавать королевские «дары» — и мы обязаны подчиниться. Как нам после этого смотреть Олсенам в глаза? Весь этот фарс — очередная грязная подлость, прикрытая фальшивым благодетелем.

Я утыкаюсь лбом в холодное стекло:

— Он делает это намеренно. Хочет запугать местных и одновременно наказать меня.

Алекс, крутящий руль, недоуменно качает головой:

— С какой стати ему наказывать тебя?

Потому что во мне он видит следующую мишень. Я лишь неопределенно передергиваю плечами:

— Я не вхожу в число его любимиц.

Я с трудом узнаю улицы, хотя мы проезжали здесь всего пару часов назад во время облавы. Стены домов изуродованы агитационными плакатами против Зла, мусорные баки перевернуты, почтовые ящики сорваны с петель, а письма раскиданы по обледенелому асфальту. Кое-где собираются небольшие группки местных жителей — в их опустошенных, серых от потрясения глазах читается немой шок. Они молча сдирают листовки и наводят порядок после погрома, устроенного нашей гвардией.

На краю обледеневшей дороги сидят двое маленьких детей. Их рты испуганно приоткрыты, а взгляды блуждают по руинам их привычного мирного дня. Я сжимаю зубы от этого зрелища. В их глазах затаилась глубокая, звенящая обида, но осторожность заставляет их молчать даже перед лицом обнаглевших чужаков, ворвавшихся в их дома. Душная, неподъемная тяжесть давит мне на грудную клетку. С каким лицом мы теперь будем передавать им эти жалкие мешки с зимним пайком?

— Приехали, — голос Габриэля вырывает меня из оцепенения, заставляя желудок сжаться в тугой узел.

Я поднимаю голову. Перед нами медленно открываются тяжелые ворота резиденции Олсен. Навстречу машине выходят двое мужчин в густых меховых парках. На их лицах написано брезгливое отвращение, которое они даже не пытаются скрыть.

Алекс опускает стекло:

— Гуманитарный груз от королевства Америка.

— Груз? — один из мужчин хищно скалится, обмениваясь с напарником быстрым взглядом, полным ярости и недоумения. И я не могу их винить.

Я выхожу из салона под их тяжелыми, пристальными взглядами. Открываю багажник, беру тяжелые холщовые мешки и протягиваю им:

— Мы всего лишь выполняем приказ. Мы прекрасно поймем, если вы откажетесь их принимать. Но, думаю, и в ваших, и в наших интересах закончить этот визит как можно скорее.

Один из гренландцев утыкается взглядом в золотую брошь с королевским гербом на моей груди. Несколько секунд он колеблется, но затем резко забирает мешки из моих рук и коротко кивает товарищу. Узел в моем животе немного ослабевает. Габриэль выходит наружу, помогая разгрузить остальное. Наличие на нём военной формы заставляет мужчин окончательно окаменеть — они демонстративно избегают даже случайного касания с ним. И они правы. На нём та же форма, в которой всего час назад другие солдаты приставляли стволы к головам их соседей.

— Мы поможем занести их внутрь…

— Не нужно, — твердый, хлесткий женский голос обрывает меня на полуслове.

Аласи Олсен стремительно шагает к нам. Она останавливается в паре метров, брезгливо окинув взглядом мешки у моих ног, и кривит губы:

— Ваш корабль уже на причале. Не думаю, что стоит заставлять капитана ждать. Я права?

В её глазах полыхает пожар первобытной ненависти, но она сдерживает его с такой филигранной точностью, словно днями репетировала эту маску перед зеркалом. Она натягивает на губы вежливую, пустую улыбку.

Я покорно киваю:

— Мы уходим.

Габриэль направляется к водительской двери, я тянусь к ручке задней, как вдруг морозный воздух прорезает рев мощного автомобильного двигателя. Мимо ворот на бешеной скорости проносится внедорожник. На мгновение стекло со стороны пассажира опускается, и мое дыхание застревает в горле, превращаясь в сиплый свист.

Два чистых голубых глаза. Длинная, разметавшаяся по плечам золотистая грива волос. Точная, абсолютная копия той девушки, которую я оплакивала долгие месяцы.

Её взгляд пересекается с моим лишь на долю секунды, после чего она равнодушно отворачивается, уставившись на дорогу впереди. Я мертвой хваткой вцепляюсь в дверцу машины, чувствуя, как колени превращаются в желе, а легким не хватает воздуха.

Аласи мгновенно делает шаг в сторону, полностью перекрывая мне обзор, и скрещивает руки на груди с откровенной угрозой:

— Еще раз спасибо за ваши дары.

Я отчаянно пытаюсь заглянуть ей за спину, но внедорожник уже скрылся за поворотом. Меня бьет такая крупная, неконтролируемая дрожь, что мне приходится сделать колоссальное усилие над собой, чтобы просто залезть в салон. С бешено колотящимся сердцем я проваливаюсь в глухой, темный омут, из которого больше нет возврата.

Она жива. Лавиния жива.

Королевство Америка

В глазах всё плывет от дикой, удушающей усталости. Веки кажутся свинцовыми. Внезапное легкое прикосновение к предплечью заставляет меня вздрогнуть и с трудом открыть глаза.

— Сколько чашек кофе ты выпила с утра? — шепотом спрашивает Тереза, сидящая по правую руку от меня.

— Недостаточно. Ночью не удалось сомкнуть глаз. Я бы всё отдала, чтобы поспать хоть пару часов, но, если я пропущу его семинар о природе Зла, Верховный Жрец сочтет это за открытый акт государственной измены.

Огромная потоковая аудитория забита до отказа. Повсюду сидят его фанатичные послушники — их белоснежные сутаны до боли режут глаза, резко контрастируя с черными платьями нас, дворцовых слуг, которых заставили молча стоять живым щитом в самом конце зала. Студенты лихорадочно строчат лекции, пока Жрец с пафосным, экстатическим упоением декламирует строки из писаний.

— Я не понимаю, какого черта новая Драма заставляет нас торчать на этих проповедях, — едва слышно ворчит Тереза. — Это вообще не наши обязанности. Какого смысла стоять здесь как безжизненные манекены, когда во дворце гора невыполненной работы? Анжелина никогда бы не устроила подобный бред.

Я тихо вздыхаю. *Это правда.* Анжелина была нашей защитой, она жестко разграничивала влияние церкви и королевской власти во дворце. Теперь же эта грань стерта в порошок — Жрецы практически сожрали трон.

Один из послушников на заднем ряду тянет руку, резво встает и задает вопрос:

— Святой отец, но почему абсолютно каждый человек, который хоть раз соприкоснулся со Злом, неизбежно несет на себе клеймо проклятия?

Верховный Жрец расплывается в сытой, хищной улыбке:

— Блестящий вопрос, Брайан! — в его голосе сквозит неприкрытый восторг. Он неторопливо спускается по проходу между рядами. — Пожалуй, я объясню это на максимально наглядном, историческом примере. На примере Невесты Зла.

Каждая мышца в моем теле каменеет. Мимолетный, призрачный образ её лица, который я только что видела в Гренландии, вновь штормом врывается в сознание, зажимая сердце в тиски. *Она жива.*

— Невеста Зла была самой обычной, земной женщиной, — вещает Жрец, расхаживая по залу. — Из выдающегося в ней была лишь красота, которую глупцы называли чистой и ангельской. Но она совершила самый страшный, смертный грех: она полюбила величайшее и самое кровожадное чудовище в истории человечества. И что говорят наши Священные Тексты на этот счет? Ну же, порадуйте меня своими знаниями.

В зале взметается несколько рук.

— Слушаю тебя, Теодор.

Студент вытягивается в струнку:

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

— Существует два канонических толкования. В одних писаниях говорится, что она до последнего не верила в истинную сущность Зла, в других же — что она прекрасно знала, кем является её избранник, но всё равно продолжала слепо любить его.

— В точку, — Жрец резко останавливается. Его скользкий, маслянистый взгляд медленно сканирует дальние ряды и впивается мне прямо под кожу. — Вам может показаться несправедливым, что женщину карают за то, чего она, возможно, не осознавала. Но вы должны помнить: Священное Писание — это хирургически точный, беспристрастный инструмент. Оно безошибочно видит вину там, где обыватель слеп.

Я незаметно сжимаю кулаки так, что ногти вонзаются в ладони. Жрец упорно сверлит меня глазами, отчаянно пытаясь поймать малейшую дрожь на моем лице или минутную слабость.

— И Лавиния Лайен виновна. Виновна в том, что посмела его полюбить.

По залу проносится согласный гул послушников, они усердно кивают и конспектируют слова учителя. Единственные, на чьих лицах нет и тени восторга, — это мы. Шеренга дворцовых слуг и несколько королевских гвардейцев личной охраны. Те немногие, кто помнил Лавинию Лайен как верного друга, добрую коллегу и простую девушку, с которой мы годами делили тяготы дворцовой службы.

Жрец наконец теряет ко мне интерес и поворачивается к кафедре:

— И за этот грех она была проклята. Проклята на вечный круг перерождений, где каждое её новое воплощение будет соткано исключительно из боли, лишений и страданий. Всё ради того, чтобы она никогда больше не смогла познать истинную любовь и воссоединиться со своим чудовищем. Потому что… кто-нибудь из вас знает, что произойдет, если Зло и его Невеста найдут друг друга в одной из жизней?

В аудитории воцаряется звенящая, гробовая тишина.

— Если вы вдумаетесь, проклятие веками филигранно предотвращало их встречу. В каждой из прошлых жизней Невеста обрывала свое существование задолго до того, как успевала пересечься с ним. А само Зло вычислялось и уничтожалось Королем при первых же признаках пробуждения — пока оно еще слабо, уязвимо и не имеет полного доступа к своей первородной силе. И у этой вечной изоляции есть сакральная причина, о которой знают единицы, — он поправляет очки на переносице. — Зло повелевает тем самым адским пламенем, которым оно когда-то было выжжено и низвергнуто с Небес. Но если его Невеста вернется к нему… ни одна армия мира, ни одно королевское войско не сможет сдержать их натиск. Потому что она тоже получит полный, безграничный доступ к его огню.

Мой рот испуганно приоткрывается, а челюсть буквально идет вниз. Точно такая же волна немого шока и оцепенения накрывает всех слуг вокруг меня. Что это, черт возьми, значит? Желудок скручивает в тугой, болезненный канат.

— То есть… она тоже сможет сжигать нас заживо?! — испуганно выкрикивает студент с центрального ряда. Среди послушников начинается паника.

— Тихо! Соблюдайте порядок! — повышает голос Жрец, призывая зал к тишине. — Её пламя отличается от первородного огня Зла. Она способна лишь черпать его из него, а это значит, что в одиночку, без своего монстра под боком, она абсолютно беспомощна. Такого воссоединения еще никогда не случалось в истории, поэтому наши данные поверхностны и гипотетичны. Всё, что мы знаем наверняка: Зло само по себе — это оружие массового поражения, способное стирать с лица земли целые государства. Но Зло и его Невеста вместе… — он делает глубокий вдох, и его лицо

искажает гримаса первобытного ужаса. — …Это тотальная, необратимая катастрофа для всего человечества.

Тайна, которую я храню в своей груди, начинает душить меня с такой силой, что каждый новый вдох превращается в изощренную пытку. Кислород попросту не доходит до легких. Я незаметно опираюсь спиной о каменную стену, судорожно пытаясь выровнять дыхание. *Нельзя выдать себя. Только не сейчас.*

— Впрочем, у нас нет причин для беспокойства! — победоносно резюмирует Жрец, и на его лицо возвращается самодовольное выражение. — Наш доблестный Король надежно защитил свой народ. Он лично казнил девку, и теперь она больше никогда не представит для нас угрозы.

Я содрогаюсь. Облегчение, разом озарившее лица присутствующих в зале, вызывает у меня такое глубокое, физическое отвращение, что глаза начинает нестерпимо щипать от подступающих слез. Мне нужно уйти. Срочно.

— Тереза… — выдавливаю я сквозь крепко сжатые зубы. Дыхание перехватывает, а на лбу выступают крупные капли холодного пота.

Коллега сочувственно сжимает мое плечо: — Иди, мы тебя прикроем.

Я хочу поблагодарить её, но язык словно прирос к гортани — я не способна вытолкнуть ни единого звука. Сделав шаг назад, я незаметно выскальзываю из душной аудитории и практически бегом устремляюсь в сторону королевской кухни. Сейчас там не должно быть ни души, и это мой единственный шанс. Как я вообще смогу объяснить кому-то этот удушающий, первобытный ужас, который прямо сейчас заживо сжирает меня изнутри?

Я держусь на ногах исключительно благодаря остаткам силы воли, буквально волоча собственное тело ступенька за ступенькой вниз по винтовой лестнице. Едва дыша, я влетаю на кухню. Пусто. Слава богу. Бессильно опустившись на высокий деревянный табурет, я упираюсь локтями в столешницу и судорожно запускаю пальцы в волосы.

— Я схожу с ума, — невнятно лепечу я в пустоту.

Это было наяву или мне всё привиделось в бреду? Я неистово мотаю головой. Нет, нет… я видела её собственными глазами и готова поклясться на чем угодно: это была она. Но ведь это физически невозможно! А если то, что наплел Жрец в аудитории, правда… Если она действительно жива, и *он* тоже… Меня с головой затягивает в глухие, вязкие трясины. В висках пульсирует тяжелая, пульсирующая боль, заставляя губы кривиться в гримасе муки.

Я поднимаю отяжелевший взгляд и замираю: прямо передо мной стоит человек, которого я меньше всего на свете хотела бы сегодня лицезреть.

— Ты меня игнорируешь?

Я испуганно вскакиваю с места, рефлекторно склоняю голову и тут же заставляю себя выпрямиться. — Ваше Высочество, — я судорожно прочищаю пересохшее горло. — Это кухня. Вам не положено здесь находиться.

— Это еще почему? Мне принадлежит каждый чертов сантиметр этого дворца, так с какой стати я не могу ходить там, где мне вздумается?

Я поспешно опускаю глаза. Больше всего на свете мне сейчас хочется просто раствориться в воздухе, лишь бы не сталкиваться с его проницательным взглядом и не отвечать на вопрос, который — я знаю наверняка — он мне сейчас задаст.

— Что ты от меня скрываешь?

— Ничего.

— Ты не смотришь мне в глаза, — в его голосе проскальзывают почти обиженные, резкие нотки.

Я едва заметно приподнимаю подбородок: — Этикет строго предписывает, что слуги…

— Как будто тебя когда-то волновал этот этикет, — раздраженно фыркает он. — Ты не считаешь меня своим Королем, и это ни для кого не секрет.

Я силой заталкиваю всю свою неуверенность и панику в самый темный угол сознания. Высоко поднимаю голову и твердо встречаю его взгляд: — Верховный Жрец уже предоставил вам подробный отчет о поездке, — чеканю я плоским, бесстрастным тоном, словно заученную реплику из чужого сценария, от которого не собираюсь отступать ни на шаг.

— И у тебя нет абсолютно ничего, что ты могла бы добавить от себя?

— Ничего, Ваше Высочество, — отрезаю я — жестко, прямо и бескомпромиссно.

И тут же решаю перехватить инициативу, пока в кухню кто-нибудь не зашел или пока Эдуард не возобновил свой допрос с пристрастием: — Но у меня есть вопрос.

Он удивленно выгибает бровь: — Спрашивай.

— Что вы имели в виду, когда там, в кабинете, сказали, будто в день казни Лавинии потеряли контроль над собственной рукой?

Эдуард слегка склоняет голову набок, скрупулезно изучая выражение моего лица, после чего медленно опирается поясницей о край стола. — Надо же. Это первый раз, когда ты сама задаешь мне вопрос или проявляешь хоть какой-то искренний интерес к тому, что связано со мной.

Он медленно, методично закатывает правый рукав своей королевской рубашки до самого локтя. — Я имел в виду именно это.

Я с трудом подавляю вздох: обширный, уродливый пласт багровой, грубо обугленной кожи кольцом обвивает его руку от локтевого сустава и выше.

Ясмин

Лоффи медленно ведет указательным пальчиком по строчкам, читая вслух и старательно подчеркивая карандашом ключевые слова. Кажется, это параграф по истории или естествознанию. В какой-то момент он поднимает на меня свои круглые глаза: — Правильно ведь, сестренка?

Я машинально киваю, и он тут же возвращается к чтению, хотя я понятия не имею, что там правильно, а что нет. Я поджимаю ноги под себя на стуле и делаю глубокий вдох. В моей голове, точно заезженная пластинка, без остановки крутятся чужие, не принадлежащие мне образы и совершенно чуждые эмоции. Я определенно схожу с ума. Возможно… возможно, это просто последствия того жуткого подвального холода и гипотермии. Да, точно. Должно быть, всё дело в этом.

— Это была чистой воды провокация, черт возьми! Ничего подобного раньше не случалось! До чего мы докатились? У нас ведь был договор о взаимном уважении, и теперь посмотрите на нас! — Ханс с размаху сдергивает с плеч тяжелое зимнее пальто и буквально рушится на диван, его зычный, громоподобный голос заполняет весь дом. — Нас просто растоптали их армией, как каких-то бесправных холопов! — взрывается он.

Мари входит в гостиную следом за ним, держа в охапке кучу скомканных, разорванных бумажных листов. — И что ты предлагаешь нам делать, Ханс? Объявить официальную войну одному из самых могущественных королевств на планете? — она тяжело вздыхает и свободной рукой стягивает с шеи шерстяной шарф.

Муж яростно качает головой: — Ну уж точно не сидеть молча, глядя, как они творят всё, что им вздумается! Это нас ни к чему хорошему не приведет. Ты видела, что они устроили на рынке? Эти гвардейцы налетели на нас так, словно мы — банда беглых убийц! Они разнесли в щепки весь прилавок Гиббсона только за то, что он отказался отойти в сторону по их первому щелчку!

Я мягко глажу Лоффи по спине, склоняясь к его уху: — Давай закончим с уроками чуть позже, ладно? Хочешь собрать тот большой пазл у себя в комнате? — шепчу я.

Мальчику не нужно повторять дважды. Он с готовностью захлопывает учебник, спрыгивает со стула и, победно вскинув правую руку вверх, с криком: «Макси-турбо!» скрывается в коридоре. Слава богу, он не задает лишних вопросов о том, что происходит вокруг. Я бы всё равно не нашлась, как объяснить ребенку весь этот кошмар.

Я поднимаюсь и выхожу к Хансу и Мари в гостиную, опускаясь в кресло напротив журнального столика. На их лицах застыла та же горькая, давящая обида, которую я видела у каждого соседа по пути домой, и от этого мне становится по-настоящему жутко. Я чувствую себя последней тварью, ведь я не могу быть честной даже с теми людьми, которые приняли меня в свою семью как родную.

— Ясмин, у тебя всё в порядке? Я писала тебе сообщения, но ты так и не ответила, — Мари садится рядом с мужем, сбрасывая на столик ворох разорванных бумаг.

— Я… — я испуганно каменею. Я ведь пряталась в подвале исключительно потому, что являюсь прямой причиной этой облавы. — Я просто… — Я судорожно сглатываю, не в силах с ходу сочинить очередную ложь. — А что это такое? — я тянусь рукой к столу и поднимаю один из обрывков.

Я глубоко презираю себя за ложь, особенно когда приходится врать тем, кто мне дороже всех на свете. Но в последнее время я только и делаю, что ухожу от ответов, громоздя одну чудовищную ложь на другую.

Ханс недовольно кривит губы: — Это остатки тех мерзких плакатов, которыми эти ублюдки заклеили весь наш район. Мы ходим и срываем их. Нам чужды их святые войны и охота на ведьм. Через несколько минут Олсены выйдут в прямой эфир, посмотрим, что они решат предпринять в ответ на это хамство.

Он берет пульт и начинает раздраженно щелкать каналами на телевизоре.

Мари согласно кивает: — Мы обязаны сохранить мир любой ценой. Королевство Америка пытается заразить нас тем же параноидальным страхом, в котором живут их собственные граждане, Ханс. Они хотят внушить нам, будто мы в смертельной опасности и только их фанатичные ценности способны нас спасти. Они наводнили наши улицы этими омерзительными листовками, надеясь отравить наши умы страхом. — Она устало качает головой и поднимается на ноги. — Горячий чай поможет мне хоть немного успокоить нервы. Ясмин, тебе налить?

Я молча киваю. Она уходит на кухню, а Ханс продолжает что-то сердито бормотать под нос, с силой вдавливая кнопки на пульте. Я аккуратно придвигаю к себе несколько клочков разорванных агиток, пытаясь составить их вместе, и перед моими глазами вырисовываются крупные буквы, выведенные кроваво-красной краской:

«Его тело принадлежит преисподней, монстр, восставший из пепла ради того, чтобы истребить нас всех».

Я беру другой кусок с обугленным краем, переворачиваю его, и слова складываются в новое, пугающее предложение:

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

«Он обманывает и подчиняет себе, прячась за человеческим обликом, но его дух осквернен величайшим проклятием».

Так вот, значит, на кого они охотятся с таким остервенением? Остальные фрагменты текста безнадежно уничтожены, мне удается разобрать лишь одну короткую строчку в самом низу:

«Вечный враг нации: Зло».

А прямо над текстом, на уцелевшей половине листа, красуется детальный карандашный набросок мужского лица.

Я резко хмурюсь. Мое сердце пропускает удар. Почему этот портрет кажется мне до боли, до безумия знакомым? Этот характерный излом бровей, застывший в вечно хмуром, суровом выражении; этот разрез больших глаз и четко очерченные, резкие скулы…

Я сильнее сжимаю бумагу пальцами и зажмуриваюсь, чувствуя, как реальность уходит из-под ног.

— Держи, милая, — Мари аккуратно ставит передо мной чашку с дымящимся чаем и садится обратно на диван. — Не забивай себе голову этой грязной пропагандой, выбрось в мусор.

— Началось! Включают трансляцию конференции, — громко объявляет Ханс, прибавляя звук на телевизоре.

Они оба мгновенно приковывают взгляды к экрану. Я медленно подношу чашку к губам, но мои глаза намертво прикованы к карандашному рисунку мужчины, который, если верить листовке, способен уничтожить всё человечество.

Где же я его видела…?

Я застыла, оказавшись в абсолютном плену у этого портрета, который одновременно притягивал меня с неведомой силой и внушал дикий, безотчетный ужас.

Спустя полчаса я стою перед входной дверью дома Олсенов. Она, как обычно, гостеприимно приоткрыта.

Я несмело стучу по косяку пару раз: — Извините, можно войти?

— Да ты вообще ничего не смыслишь в этом! — яростно орет из глубины дома Нанук.

— О, это я-то ничего не смыслю?! — тут же взрывается в ответ Аласи.

Я тихо проскальзываю внутрь, прикрывая за собой дверь, и иду на звук их голосов, которые безжалостно сталкиваются в яростной, непримиримой словесной дуэли. Замерев на самом пороге гостиной, я наблюдаю, как брат и сестра буквально рвут друг друга на части, обмениваясь ядовитыми репликами.

— Да к черту всю эту вашу дипломатию! — в сердцах рявкает Нанук, резко взмахивая руками. — Ты же сама всё видела! Этот ублюдок нам прямым текстом подтвердил, что это именно он приложил руку к убийству нашего отца!

Я невольно сжимаюсь. Пожалуй, мне стоило незаметно уйти и перенести наш разговор на другой день. Мы ведь договаривались встретиться именно сегодня, чтобы Олсены помогли мне разобраться, что за чертовщина происходит со мной и откуда в моей голове берутся эти пугающие аномалии.

— Я сидела прямо рядом с тобой, кретин! — кричит в ответ Аласи, и её голос срывается от подступающих слез. — Ты думаешь, мне было легко улыбаться этому подонку, когда мне хотелось до хруста вонзить кинжал прямо ему в грудь?! Самую большую и тяжелую жертву ради безопасности нашего народа сейчас приношу я, пока ты устраиваешь свои бесполезные, показушные истерики!

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Я испуганно приоткрываю рот. Да, сейчас определенно лучший момент для того, чтобы тихо исчезнуть.

Нанук резко обхватывает себя руками за ребра, и его грудь содрогается в глухом, истерическом смехе: — Ну конечно! Великое королевство Америка убивает нашего отца, затем заявляется в наш собственный дом, чтобы наглядно напомнить, где наше место, а мы что должны делать? Покорно склонить голову? Какая потрясающая, блестящая стратегия, дорогая сестренка! Отец бы точно гордился твоей «отвагой»!

Щеки Аласи мгновенно вспыхивают густым, пунцовым румянцем. — Во-первых, прикуси язык и не смей разговаривать со мной в таком тоне, — чеканно, с расстановкой произносит она. — Во-вторых, как, по-твоему, отец умудрялся удерживать этот хрупкий мир на протяжении стольких лет? И в-третьих: мы не станем ввязываться в войну, которую сейчас попросту не способны потянуть. Ты уяснил это, Нанук Олсен? Я вступаю в бой только тогда, когда на сто процентов уверена в своей победе. А до тех пор засунь свой уязвленный гордый норов куда подальше.

Я делаю осторожный шаг назад, затем еще один и еще. Лучше мне уйти прямо сейчас и вернуться в другой ра…

— Ясмин, идем, я тебя провожу. Если я побуду в одном помещении с этим кретином еще хоть минуту, у меня откроется язва, — хлесткий голос Аласи заставляет меня буквально прирасти к полу.

Она стремительно шагает в мою сторону, намеренно избегая встречаться со мной взглядом. Я молча следую за ней по длинному коридору. Должна ли я хоть как-то прокомментировать то, что только что невольно подслушала? Я едва заметно качаю головой. Нет. Это исключительно их семейные дела, и мне не следует совать туда свой нос.

— Ты уж прости нас, но этот визит Жреца принес кучу проблем и перевернул всё вверх дном, — тяжело вздыхает Аласи.

Я понимающе киваю. Она идет настолько быстро, что мне приходится практически бежать, чтобы не отставать. Очевидно, так она пытается выплеснуть остатки кипящей внутри ярости и фрустрации. — Я понимаю, — тихо шепчу я. — Правда, я вовсе не собиралась подслушивать. Я уже собиралась уходить.

Аласи резко сворачивает за угол, и мы оказываемся в просторном, залитом мягким светом зале. По периметру тянутся массивные стеллажи, доверху забитые книгами, которые расставлены в идеальном, безукоризненном порядке. Я никогда раньше не бывала в этой части их огромного дома.

— Уходить? Куда это? Неужели ты решила сбежать прямо перед началом нашего первого занятия? — неожиданно шутит она, и её голос мгновенно обретает прежние, привычные и теплые нотки.

Она останавливается в самом конце библиотеки, где прямо перед нами открывается крутой зев винтовой лестницы, уходящей глубоко вниз. Я послушно следую за ней, преодолевая ступеньку за ступенькой, и мы спускаемся в просторное подземное помещение. Похоже, это бывший подвал, который Олсены полностью переоборудовали под высокотехнологичный тренировочный зал.

Повсюду аккуратно разложены плотные маты, подвешены тяжелые боксерские груши, стоят ростовые тренировочные манекены, а стены буквально усыпаны стендами с холодным и огнестрельным оружием самых разных калибров и размеров. Я потрясенно распахиваю глаза, оглядываясь по сторонам. Куда, черт возьми, я вообще попала?

Аласи мягко опускает ладонь мне на плечо: — Ну как тебе? Нравится? У тебя такой вид, будто ты увидела призрака.

— Ну… скажем так, я не сталкиваюсь с подобным каждый день.

— Тут ты права, — соглашается она. — Но поверь, здесь нет ничего страшного. В этих стенах каждый из нас может показать всё, на что способен — и лучшее, и худшее. Здесь ты никого не покалечишь, но зато сможешь наконец разобраться, что именно в тебе пробудилось, а главное — как этим управлять.

— А где Артур и Элайджа? — я оглядываю полупустой зал, но не вижу парней.

Аласи приподнимает руку и указывает куда-то в дальний правый угол: — Сейчас закончат разминку и полностью в твоем распоряжении.

Я поворачиваю голову, и у меня в буквальном смысле отвисает челюсть. Элайджа с умопомрачительной, сверхчеловеческой скоростью выпускает стрелу за стрелой, без промаха поражая хаотично движущиеся мишени. И это не удивило бы меня так сильно, если бы не один нюанс: он висит под самым потолком вниз головой, зацепившись ногами за толстый трос.

— О боже… — едва слышно выдыхает моя грудь.

Но в ту же секунду серию глухих, ритмичных ударов заставляет меня перевести взгляд чуть ниже. Прямо под Элайджей установлена специальная баллистическая машина, которая на бешеной скорости выстреливает острыми стальными лезвиями прямо в Артура. Он лишь слегка наклоняет голову вправо — и смертоносное лезвие со свистом пролетает в каком-то миллиметре от его щеки. Затем он резко разворачивается спиной к установке и, даже не глядя, плавными, отточенными движениями уклоняется от целого веера последующих ударов. Как, черт возьми, это вообще возможно?! Его мягкие губы трогает едва заметная полуулыбка, а черты лица кажутся абсолютно расслабленными и безмятежными. Он на лету перехватывает рукоять последнего летящего в него ножа и ловко прокручивает его между пальцами.

— Мы ждали тебя.

Его низкий, бархатный голос раскатистым эхом отдается где-то глубоко у меня внутри.

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Глава 9

Я бережно храню в памяти звук твоего смеха, звучавший при каждой моей ошибке, румянец на твоих щеках от каждого моего поцелуя и очертания твоего тела, прильнувшего к моему. В своих снах я всё еще могу касаться тебя, обнимать и целовать. В моих снах ты здесь, со мной. И потому я не могу дождаться секунды, когда закрою глаза и снова вернусь к тебе.

— Письмо номер 71

Артур

Гренландия

Ясмин

Он знал, что мы стоим здесь, даже не оборачиваясь.

Впрочем, чему я удивляюсь? Этот человек только что вслепую, со спины, уклонился от полусотни острых лезвий. Черная футболка плотно обтягивает его торс, с безупречной точностью подчеркивая рельеф мускулов под тканью. Тех самых мускулов, на которых я бесстыдно развалилась в подвале, сама того не осознавая. От одного лишь воспоминания об этом меня накрывает волна жгучего стыда, а щеки мгновенно вспыхивают. Я поспешно опускаю взгляд на носки своих ботинок. Кажется, собирать самые нелепые и позорные ситуации рядом с ним — это мой новый скрытый талант.

— Ясмин, — голос Элайджи бесцеремонно выдергивает меня из плена мыслей.

Я поднимаю голову и вижу, как он легко, одним отточенным движением спрыгивает на пол с огромной высоты. Сделай я нечто подобное, точно вывихнула бы себе все суставы.

— Ты как, лучше?

— Да, всё в порядке, — тихо шепчу я. — Спасибо.

— Вчера ты ушла до моего возвращения, но Артур сказал, что тебя сильно била крупная дрожь. Прости, мы совсем не учли этот момент с отоплением.

Я удивленно выгибаю брови. Неужели Артур посвятил его и во все подробности того, *как именно* он меня согревал? Если да, то пусть земля расступится под моими ногами прямо сейчас.

— Оу, не переживай, — лепечу я едва слышно и тут же торопливо прочищаю горло: — С чего мы начнем?

Элайджа делает приглашающий жест рукой: — Давай перейдем на этот мат. Он единственный в зале сделан из огнеупорного материала — на случай, если что-то пойдет не так.

— На случай, если я окончательно слечу с катушек? Великолепно, — вздыхаю я, сбрасывая пальто.

Аласи перехватывает его из моих рук: — Элайджа не позволит тебе навредить себе, не бойся.

Я нерешительно киваю. Сделав шаг вперед, я прохожу мимо Артура, и в ту же секунду мое сердце испуганной птицей принимается биться о ребра. *Дыши, Ясмин, успокойся.* Я ступаю на плотное покрытие мата. Аласи тем временем с комфортом устраивается на одном из деревянных табуретов в углу зала. Она наблюдает за нами

так, словно пришла на премьеру увлекательного шоу, но её присутствие хотя бы немного разбавляет эту удушающую атмосферу.

— Насколько я успел понять, твой первый выброс силы произошел при совпадении двух факторов, — Элайджа задумчиво подносит руку к подбородку, сканируя меня взглядом с головы до ног. — Первый — это сильный эмоциональный триггер.

— Ярость? — выдыхаю я, и парень утвердительно кивает. — Но я и раньше бывала в ярости, и при этом ничего вокруг не загоралось…

— Потому что отсутствовал второй, ключевой фактор. — Взгляд Элайджи смещается куда-то мне за спину.

Я оборачиваюсь вслед за его траекторией. Навстречу нам идет Артур. Я судорожно сглатываю: кажется, с каждым его шагом концентрация кислорода в этой комнате стремительно близится к нулю. Он заходит на территорию мата, небрежно закатывает рукава футболки до самых локтей и протягивает руки в моем направлении.

— Прямой физический контакт со мной.

Сердце пускается в безумный галоп от одной только мысли, что мне снова придется к нему прикоснуться. — Нет, это исключено… Это бред, он тут вообще ни при чём! — я испуганно перевожу взгляд на Элайджи, в тайной надежде, что произошло чудо и он откажется от этой безумной теории.

— Мы должны проверить все варианты, мы для этого здесь и собрались, — спокойно отсекает он, скрестив руки на груди.

О да, идеальный ответ, именно то, что я «мечтала» услышать. О факторе контакта я как-то совсем не подумала, и теперь стою здесь с повлажневшими от паники ладонями, гипнотизируя четкие вены, проступающие на его предплечьях. А что, если меня снова расшибет дикий приступ мигрени с теми пугающими, чужими образами? Та боль едва не лишила меня чувств.

— Ясмин, не трусь! — подбадривает из своего угла Аласи.

Ага, легко сказать. Я тяжело вздыхаю, медленно протягиваю руки вперед, но замираю в паре сантиметров от его кожи. — А ты не боишься, что я тебя обожгу?

Его глаза намертво приковывают к себе кончики моих пальцев: — Страх — это не то чувство, которое мне знакомо.

— Бояться — это абсолютно естественно для любого человека, — парирую я.

— А я никогда и не утверждал, что я человек.

Я уверена, что это была мрачная ирония, но его леденящий, ровный тон заставляет меня на секунду поверить в эту дикость. Я передергиваю плечами и делаю глубокий, очищающий вдох. — Ладно, — бормочу я, решительно подаюсь вперед и смыкаю пальцы на его предплечьях.

В ту же секунду, едва моя кожа касается его, плотное, почти осязаемое тепло волной прошибает ладони и устремляется выше, мгновенно расслабляя каждую зажатую мышцу. Это чертовски приятно. Никакой головной боли, никакого огня. Мои плечи облегченно опускаются, но Элайджа тут же разрушает этот момент покоя: — А теперь сосредоточься на эмоции.

— На какой? — спрашиваю я, хотя внутренне мне хочется крикнуть: *«И, черт возьми, как?!»*

— На той, которую ты испытывала во время нападения в переулке, — на этот раз звучит голос Артура. — Вернись в ту секунду.

Я невольно вздрагиваю, и Элайджа тут же вмешивается: — Артур, я не думаю, что она готова заново пережить этот кошмар. Нам нужно двигаться постепенно.

— У нас нет времени на то, чтобы мешкать и двигаться постепенно, — сухо и жестко обрубает его Артур.

Деликатность и сострадание, как обычно, обошли его стороной. Или он просто физически не переваривает мое присутствие — что гораздо ближе к истине, учитывая, что он сам мне об этом заявил.

Я возмущенно приоткрываю рот: — Мне бесконечно жаль, что я не вписываюсь в твой плотный график, но я не собираюсь ворошить этот ад в своей голове.

Он переводит взгляд на меня, и боже, каждый раз, когда эти янтарные глаза смотрят на меня, сохранять рассудок становится непосильной задачей. Сейчас в них читается ядовитая смесь скуки и брезгливости. Он слегка наклоняет голову набок и медленно облизывает губы: — Почему? Тебя так ужасает мысль о том, как ты испепелила их, оставив лишь груду костей? Или тебя до сих пор до усрачки пугает то, как легко они зажали тебя в углу?

Желудок скручивает такой болезненный, спазматический узел, что у меня перехватывает дыхание. — Я сказала — я не хочу, — цежу я сквозь зубы.

Но вся напускная твердость моего голоса разбивается о его ледяную броню. Уголок его губ ползет вверх в издевательской, напрочь лишенной эмпатии усмешке: — Ну же. Расскажи. Что именно ты тогда чувствовала?

Я судорожно втягиваю воздух носом. У него нет ни капли жалости. Ни грамма.

— Артур, прекрати сейчас же! — голос Аласи доносится до меня словно сквозь плотный слой ваты.

Я пытаюсь резко отдернуть руки, но его пальцы намертво перехватывают мои запястья, блокируя любое движение. Мощный, болезненный разряд тока прошибает предплечья и бьет прямой наводкой в висок. Черт, как же больно! Я кривлюсь, шумно стискивая зубы, и мои ногти инстинктивно, до крови вонзаются в его кожу.

— Что ты чувствуешь? — безжалостно удерживает он меня, пока раскаленная игла боли буквально прошивает мой мозг насквозь.

Я зажмуриваюсь, чувствуя, как по щеке катится горячая слеза. — Артур… — мой голос срывается, хотя я из последних сил заставляю себя не зарыдать на глазах у всех.

— Говори.

Я сжимаю свободную ладонь в кулак, впиваясь ногтями в собственную ладонь. — Я чувствую себя… грязной.

Это слово — *«грязной»* — срывается с моих губ неосознанно, помимо моей воли. Я чувствую себя грязной.

Артур отпускает мои руки так резко, словно обжёгся. Я испуганно качаюсь назад, теряя равновесие, но Элайджа успевает вовремя подхватить меня за плечи, спасая от падения на пол. Артур застывает, буравя меня яростным, испепеляющим взглядом. Его лицо искажает странная, пугающая гримаса — я никогда прежде не видела его таким, — а крупные вены на шее начинают бешено пульсировать. Я что, обожгла его? С замиранием сердца я бросаю взгляд на его руки, но там нет никаких ожогов — лишь багровые царапины, оставленные моими ногтями.

— Ты… — его голос ощутимо дрожит, грудная клетка ходит ходуном, словно он задыхается от невидимого удара. — Что ты сейчас сказала?

Элайджа решительно заслоняет меня собой: — Артур, остынь…

— Не лезь! — громом раскатывается его рык по залу. — Что. Ты. Только. Что. Сказала?!

Мое сердце бьется в каком-то безумном, предсмертном ритме, а в ушах стоит такой оглушительный звон, что я едва слышу собственный голос: — Я-я сказала… — лепечу я пересохшим горлом. — Я…

Я прижимаю ладонь к пульсирующему лбу. Это случилось снова. Перед моими глазами на долю секунды вспыхнуло четкое видение: он сидел прямо напротив меня и смотрел с такой бесконечной, щемящей нежностью… Но это был совершенно другой Артур. Не этот разъяренный монстр, который стоит передо мной сейчас, готовый взорваться от слепой ярости.

— Как ты это сделала? — шипит он, опасно сужая глаза.

— Да ничего я не делала! — задыхаюсь я от несправедливости.

Но его взгляд буквально перемалывает меня в порошок, дюйм за дюймом сдирая кожу. Он знает. Он точно знает, что именно я увидела в его голове.

— Ясмин, ты не обязана ни перед кем оправдываться, — Аласи мгновенно оказывается рядом со мной. Я даже не заметила, как она подбежала, но мысленно благодарю небеса за то, что между мной и этим безумцем есть кто-то еще.

Артур резко вскидывает руку, указывая на меня обвиняющим пальцем: — Что бы ты сейчас ни провернула… — выплевывает он с леденящим, сочащимся брезгливостью презрением, — …держись подальше от моей головы. Ты меня поняла?

Я лишь беспомощно глотаю воздух, чувствуя, как его отвращение физически оседает на моей коже, завязывая внутренности в тугой узел. Он резко разворачивается и размашистым шагом покидает тренировочный зал. Элайджа тут же устремляется вслед за ним, оставляя нас в тишине. В горле встает горький, удушливый комок.

— Пожалуй, на сегодня хватит. Тебе лучше вернуться завтра, Ясмин, — мягко произносит Аласи, протягивая мне бутылку прохладной воды. — Не принимай это близко к сердцу. Я понятия не имею, какая муха его укусила, но это явно его личные демоны. Не бери в голову. Завтра всё пройдет гораздо лучше.

«Завтра всё пройдет лучше».

Ну да, конечно.

На самом деле это полностью моя вина, просто я понятия не имею, как ей это объяснить.

Я медленно спускаюсь по крутой винтовой лестнице, преодолевая ступеньку за ступенькой. В груди ворочается липкая тревога, а все мышцы скованы сильным напряжением. Сегодня всё точно будет по-другому. Что бы я ни сотворила вчера, это больше не повторится. Я соберусь с мыслями, искренне извинюсь перед ним и попытаюсь объяснить, что я сделала это неосознанно…

— А вот и ты! Добро пожаловать, — звонкий голос Элайджи прерывает поток моих мыслей.

Он стоит посреди зала, удерживая в руках массивный деревянный арбалет, а у его ног расположилась вместительная корзина, доверху набитая тренировочными стрелами.

Я натягиваю на лицо слабую, вежливую улыбку: — Ты тренировался?

— О, нет, — парень открыто улыбается мне. Я подхожу ближе, останавливаясь в паре шагов от него. — Я готовил инвентарь для тебя. Вот этот арбалет — учебный, как раз для новичков. Самое то, чтобы набить руку и прочувствовать оружие.

Набить руку? Я недоуменно хмурю брови, чувствуя, как внутри всё замирает. Я судорожно прочищаю внезапно пересохшее горло: — Я не совсем понимаю… А где Артур?

— Сегодня ты тренируешься со мной, — спокойно произносит Элайджа. — Мы займемся укреплением мышц, концентрацией и точностью. Всё это жизненно необходимо, чтобы ты могла держать себя в руках, когда вы вернетесь к активной практике с Артуром.

Я удивленно хлопаю ресницами, и на смену первому шоку внезапно приходит странное, липкое чувство, до боли похожее на горькую обиду. Я обреченно опускаю плечи и молча киваю. *Значит, он меня избегает?*

Впрочем, Элайджа не дает мне времени на то, чтобы окончательно погрязнуть в невеселых мыслях. Он без лишних слов устраивает мне три часа зубодробительных, изнуряющих упражнений, под конец которых даже самая огромная мишень на стене кажется мне недосягаемой.

Я искренне восхищаюсь тем ангельским терпением, с которым парень следит за каждым моим движением: он мягко поправляет мне локоть, выравнивает осанку и подбадривает каждый раз, когда стрела улетает в молоко. Он не теряет самообладания даже в тот момент, когда я умудряюсь засадить стрелу прямиком в роскошную потолочную люстру.

— Спасибо тебе… за всё, — тяжело дыша, хриплю я в перерыве между жадными глотками из бутылки.

— Ждем тебя завтра? — открыто улыбается он.

Я киваю: — А Артур…?

Элайджа принимается методично протирать деревянное ложе арбалета мягкой ветошью: — Завтра увидишь.

Завтра. С трудом поверив в его уклончивый ответ, я буквально волочу ноги к лестнице. Руки молят о пощаде, подушечки пальцев болезненно пульсируют даже в покое, а ковер из стрел, хаотично разбросанных по всему полу, служит безмолвным памятником моей катастрофической меткости.

Как я и сомневалась, на следующий день от Артура снова не осталось и следа.

— Нам нужна полная самоотдача! Сразу предупреждаю — щадить я тебя не стану, так и знай, — Аласи легко спрыгивает с мата.

На ней плотный черный топ и легинсы, а собранные в высокий хвост волосы ритмично покачиваются в такт её уверенным шагам. Я невольно засматриваюсь на её подтянутую фигуру. Не думала, что она в такой потрясающей физической форме.

Я судорожно оглядываю зал по периметру: — А где Артур? — шепотом спрашиваю я.

— Сегодня ты полностью в моем распоряжении. — Она по-свойски приобнимает меня за плечи. — Нам нужно срочно укреплять твой мышечный корсет. Элайджа пожаловался, что у тебя совсем нет тонуса, а это критично сразу по двум причинам. Во-первых: ты обязана уметь постоять за себя без всякой магии. Во-вторых: управление первородным пламенем требует колоссальной физической силы.

— Ты заставишь меня тягать железо? — обреченно шепчу я.

— В тяжелой атлетике я не сильна, но вот в рукопашном бою знаю толк.

За следующие пару часов я пересчитала спиной пол не меньше десяти раз, а в какой-то момент всерьез испугалась, что она выбила мне плечевой сустав. Её скромное «знаю толк» оказалось колоссальным преуменьшением. Несмотря на утонченное,

аристократическое лицо и чувственные черты, Аласи наносила удары с такой зубодробительной скоростью, что у меня то и дело темнело в глазах.

— Не вешай нос! В первый раз всем тяжело, давай заново. Повтори связку, которую я тебе показала! — подбадривает она секунд за пять до того, как снова пушечным ядром полететь в мою сторону.

От первого выпала мне чудом удается уклониться, но второй прилетает точечно в солнечное сплетение. Я со свистом сгибаюсь пополам, хватая ртом воздух на полу.

— Ладно, думаю, для двух часов работы более чем достаточно, — Аласи тяжело вздыхает и протягивает мне руку.

Двух с половиной, — мысленно поправляю её я, но для того, чтобы озвучить это вслух, у меня банально не хватает кислорода. Всё это время девушка безжалостно швыряла меня на маты, словно безжизненный мешок с мукой.

— До завтра? — спрашивает она, помогая мне подняться на ноги.

— А Артур…? — сиплю я, пока сердце безумно колотится где-то в районе горла.

Она небрежно стирает каплю пота со лба: — Завтра увидишь его. Держи, тебе нужно восстановить водный баланс.

Она протягивает мне прохладную бутылку, которую я судорожно перехватываю. Припав к горлышку, я закрываю глаза и жадно глотаю живительную влагу, чувствуя, как отступает дикая жажда. Но стоит мне открыть веки, как я замечаю, что Аласи уже отошла в дальний угол зала и о чем-то вполголоса переговаривается со своим человеком.

Я молча бреду к лестнице. Не стоит ей мешать. Что ж, завтра я точно его увижу. Я смогу нормально поговорить с ним и объяснить, как всё было на самом деле. Точнее, попытаюсь донести, что у меня и в мыслях не было совершать то, в чем он меня обвиняет.

На третий день я окончательно убеждаюсь в том, что вселенная надо мной издевается. Угадайте, кто снова наткнулся вообще не на того человека? Я.

— Я, Нанук Олсен, собственной персоной, сегодня преподам тебе главный урок в твоей жизни — урок на выносливость!

Я делаю глубокий вдох и медленно выдыхаю сквозь зубы: — Где Артур?

Он недоуменно кривит физиономию: — Чем я тебя не устраиваю? Ты только посмотри на меня! — Нанук демонстративно прокручивается на пятках вокруг своей оси. — Лучший экземпляр этой фракции — и весь твой.

Я устало прижимаю ладонь к лицу и тяжело вздыхаю: — Дай угадаю. И это мне тоже жизненно необходимо, чтобы «лучше контролировать огонь»?

— О, домашнее задание выполнено на отлично! Умница, люблю инициативных девчонок. А теперь шагом марш сюда, у нас по плану легкая пробежка, скакалка…

Он продолжает что-то увлеченно тараторить, но его голос доносится до меня как глухой, далекий шум. Он меня избегает. Теперь это очевидный, непреложный факт: каждый божий день, когда он должен быть здесь, на тренировках… его просто нет. Я послушно встаю на беговую дорожку. Нанук выставляет скорость, и я принимаюсь монотонно переставлять ноги, стараясь поспевать за полотном. Я бегу, чувствуя дикую боль в каждой мышце после прошлых дней, и изнутри меня начинает пожирать глухая, удушающая обида на весь этот цирк.

— В какое время… его можно застать здесь? — тяжело дыша, выдавливаю я между затяжными шагами. — Пожалуйста… я смертельно устала от ваших пустых обещаний в духе «увидишь завтра».

Нанук вальяжно опирается локтем о поручень тренажера: — А что тебе вообще от него нужно?

— Чтобы он меня хотя бы выслушал! — в сердцах бросаю я, окончательно сбивая дыхание. — Клянусь, я ничего не делала специально… Но как мне объясниться, если он шарахается от меня как от прокаженной?!

Парень забавно морщит нос: — О-о, вот это его знатно перекосит.

Я начинаю откровенно задыхаться на дорожке: — Нанук, пожалуйс…

— Он приходит сюда тренироваться в шесть утра, — бесцеремонно перебивает меня Олсен, и на его губах расплывается хитрая, предвкушающая улыбка. — Черт, это будет чертовски веселое зрелище! — добавляет он с явным азартом в голосе.

От неожиданности я едва не вязну ногами в полотне беговой дорожки. — Ты… ты сейчас серьезно мне помогаешь? — бормочу я, не веря собственным ушам.

Мышцы на ногах горят синим пламенем, умоляя об остановке, но физическая боль мгновенно отходит на второй план перед слабой, крошечной надеждой, которая робким огоньком вспыхивает в груди.

— Ну, скажем так: мне кажется, наш Артурчик настолько глубоко застрял в своем прошлом, что напрочь отказывается замечать настоящее. Знаешь, это похоже на то, как ты до кровавых мозолей держишься за канат, который только режет ладони и причиняет боль. Естественно, мое имя ему не называй, иначе я рискую остаться без головы. — Он задорно подмигивает мне.

Я судорожно вцепляюсь пальцами в ремешок сумки, чувствуя, как от дикого, липкого волнения внутренности завязываются в тугой узел. Потолочная лампа над головой противно подмигивает. Я бросаю короткий взгляд на настенные часы: без пяти шесть. Я делаю глубокий, судорожный вдох. *Соберись, Ясмин. Ты сможешь.*

Я просто выложу ему всё, что знаю сама, пусть в этом и нет ни капли логики. Но, возможно, после этого он хотя бы перестанет смотреть на меня так, словно я ограбила его средь бела дня.

Я сладко сбегаю ладонью по губам, зевая и зажмуривая глаза. Этой ночью мне не удалось сомкнуть глаз ни на минуту — я без конца прокручивала в голове сотни вариантов того, как правильно начать этот чертов разговор. Но сейчас, стоя здесь, все заготовленные фразы кажутся мне абсолютно идиотскими и бесполезными.

Щелчок. Скрип.

Я резко вздрагиваю, и сердце мгновенно ухает куда-то в пятки. Я стремительно оборачиваюсь, шумно сглатывая скопившуюся слюну. Дверная ручка медленно поворачивается, и дверь плавно уходит внутрь помещения. Я инстинктивно задерживаю дыхание.

— Кто тебя сюда впустил? — леденящий, бритвенно-острый тон заставляет меня напрочь позабыть все слова, что я репетировала полночи.

Артур даже не смотрит в мою сторону. У меня начинает складываться стойкое ощущение, что у этого парня в череп вшит какой-то персональный радар, который истошно сигналит каждый раз, стоит мне оказаться в радиусе ста метров.

— Д-дверь была открыта, — заикаясь, лепечу я.

О да, гениально. Просто сто процентов убедительности. Он молча закрывает за собой дверь. С каждым его шагом вглубь зала мне начинает казаться, что он буквально высасывает из воздуха последние атомы кислорода. Просторное подземное помещение в одно мгновение сужается до размеров крошечной клетки, в которой нам двоим слишком тесно.

— Была открыта, и ты решила, что имеешь полное право вваливаться в чужой дом? — Он проходит мимо, так и не удостоив меня даже мимолетным взглядом. — Впрочем, тебе не привыкать брать то, что тебе никогда не принадлежало.

Эти слова с размаху вонзаются мне под ребра, словно наточенные клинки. — Ты несправедлив ко мне! Ты предвзят!

Артур стоит ко мне спиной. Он спокойно снимает со стенда тяжелый боевой пистолет и начинает неторопливо загонять патроны в магазин. Его ледяное, демонстративное молчание доводит меня до точки кипения. Пойдя на абсолютно безумный, отчаянный шаг, я преодолеваю разделяющее нас расстояние и буквально вырастаю прямо перед ним, намертво перекрывая ему обзор на ростовую мишень, в которую он собирался стрелять.

Артур делает короткое движение языком за щекой, опасно сужая глаза: — Опрометчивый шаг.

Я заставляю себя сделать вдох: — Я понятия не имею, что именно я сделала такого, за что ты меня так люто презираешь, но…

— Как давно ты копаешься в моих воспоминаниях? — безжалостно перебивает он, намертво фиксируя пистолет в правой руке.

— Я не знала, что это *твои* воспоминания! Со мной никогда в жизни не происходило ничего подобного… пока я не встретила тебя!

Он слегка наклоняет голову набок и задумчиво проводит холодной сталью ствола по своему подбородку: — Значит, это случалось и в другие разы, когда мы были рядом. Что конкретно ты видела?

«Тебе можно касаться меня всегда, Лавиния».

Слова, пропитанные невыносимой, щемящей нежностью запретной страсти, мгновенно вспыхивают в моем мозгу, застилая глаза туманом. — Ничего, — задыхаясь, вру я, чувствуя, как щеки заливает пунцовая краска.

— У меня в руках огнестрельное оружие, а о моем терпении в этих краях ходят не самые лучшие слухи. Врать мне — очень глупая затея.

Сердце колотится в груди с такой бешеной силой, что мне кажется, его отчетливый стук раскатывается эхом по всему подвалу.

Артур едва заметно кривит губы в холодной усмешке: — Ну? Я жду.

— Да не вру я тебе! — восклицаю я, едва ли не плача от бессилия. — Я понятия не имела, что это за картинки! Я искренне пыталась их игнорировать, потому что они казались мне полнейшим бредом. Я не могла даже предположить, что это чья-то чужая память! Точно так же, как до недавнего времени не знала, что способна изрыгать гребаный огонь из собственных ладоней!

Он смотрит мне прямо в глаза, проникая взглядом под самую кожу, словно знает лабиринт моего разума наизусть. — Тогда отвечай: что еще ты видела?

— Одну сцену… — я болезненно прикусываю губу. — …Кому-то ты разрешил касаться себя. Вот и всё, — выдыхаю я на одном дыхании.

Артур не отвечает. И это звенящее, тяжелое молчание заставляет меня паниковать еще сильнее. Возможно, если я верну ему игрушку, это хоть немного разрядит обстановку?

Я торопливо расстегиваю сумку и достаю плюшевого медвежонка, которого бережно уложила туда этим утром. — Вот, — мой голос ощутимо дрожит. — Я зашила его и привела в порядок.

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Сделав пару нерешительных шагов вперед, я протягиваю ладонь с медведем. Сердце бьется в груди как сумасшедшее. Я с трудом сглатываю, наблюдая, как Артур медленно опускает пистолет и убирает его в карман джинсов.

Он берет игрушку. Его пальцы касаются потрепанного меха с такой невероятной осторожностью, словно в руках у него не копеечный текстиль, а бесценный, редкий алмаз — нечто до ужаса хрупкое. Этот жест настолько пронзительно диссонирует с его репутацией безжалостного, жестокого чудовища, которую он так старательно вокруг себя выстроил. Что бы ни значил для него этот медвежонок, это определенно та самая веревка, о которой говорил Нанук. Та, которую он отказывается выпустить из рук, даже когда она режет ладони до мяса. И сейчас, в эту секунду, Артур выглядит… как потерянный ребенок, который просто не умеет справляться с собственными эмоциями.

Я делаю еще один робкий шаг к нему: — Послушай, мы начали не с той ноты, и мне правда жаль, что у нас до сих пор не получалось найти общий язык. Клянусь, я не знаю, как у меня это выходит. Скажи, неужели с тобой никогда не случалось такого, что ты совершал нечто… почти нечеловеческое, совершенно не понимая, как и почему это произошло?

Артур резко вскидывает на меня взгляд, и все заготовленные слова мгновенно умирают у меня на губах. — То есть я не хотела сказать, что ты… ну, в общем…

— Ты считываешь это, когда касаешься меня? — тихо перебивает он.

— Я не знаю. До сих пор это случалось всего дважды, — едва слышно шепчу я.

Видеть, как этот опасный парень бережно сжимает в руках нечто настолько мягкое и трогательное, полностью разрушает тот монструозный, пугающий образ, который он транслирует миру. Да, он словно был рожден для того, чтобы внушать первобытный ужас, крушить и обращать всё в пепел. Но внутри него сидит что-то настолько надломленное и хрупкое, что заставляет его каждую секунду находиться в режиме боевой готовности.

— А с другими людьми ты можешь это проделывать?

— Со мной никогда ничего подобного не происходило. До встречи с тобой.

— А с неодушевленными предметами?

Я недоуменно хмурюсь: — Зачем мне… — я качаю головой. — До тебя у меня вообще ничего такого не было. Я понятия не имею, возможно ли коснуться какой-то вещи и увидеть её прошлое.

Он опускает глаза на медвежонка. — Я бы многое отдал, чтобы узнать, о чем она тогда думала, — едва различимым, глухим шепотом роняет он в пустоту.

«Кто — она?» — готово сорваться с моего языка, но Артур мгновенно замыкается в себе, уходя на такую глубину своего личного горя, где любое прикосновение или контакт становятся невозможными.

— Я могу… попробовать. Вдруг когда-нибудь у меня получится, — тихо произношу я.

Его янтарные глаза снова пересекаются с моими. Я не имею ни малейшего представления, что творится в его голове — он подавляет любые эмоции с поистине пугающим, феноменальным контролем.

— Завтра. В шесть вечера.

Слюна перекрывает мне дыхание, я судорожно кашляю пару раз и сипло прочищаю горло: — Это значит… ты больше не будешь меня избегать?

Артур подходит к одному из деревянных стеллажей и с какой-то совершенно преувеличенной, трепетной бережностью усаживает медвежонка на полку. — Ты придешь?

Задавая этот вопрос вслух, я чувствую себя ужасно глупой и инфантильной. Но стоит ему коротко, едва заметно кивнуть, как меня затапливает такое колоссальное облегчение, что губы сами собой расплываются в улыбке. — Отлично. Тогда я, пожалуй, пойду… Ну, то есть… не буду мешать тебе тренироваться и заниматься своими делами, — на ходу лепечу я какую-то невнятную чушь и поспешно ретируюсь в сторону винтовой лестницы.

Впервые за всё это время мне кажется, что мы сделали один маленький, но настоящий шаг навстречу друг другу.

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Глава 10

Пресс-релизы Королевства и газеты рисуют мой портрет весьма любопытным образом, знаешь?

«Свирепый, безжалостный, порочный, брутальный и бесчеловечный».

«Способный обмануть, запутать, выследить, растоптать и испепелить всё, что встанет между ним и его местью».

Меня это оскорбляет. Я гораздо хуже.

— Письмо номер 85

Артур

Ясмин

Я резко каменею. — Я хочу остановиться, — выдыхаю я.

Артур выпускает мои руки, и я тупо уставляюсь на собственные ладони, покрытые тонкой пленкой пота. Они что, перегреваются?

— Что ты чувствуешь в них? — спрашивает он.

— Это трудно описать… они покалывают и… сколько нам еще это продолжать? — я повышаю голос, обращаясь к Элайдже, который сидит в нескольких метрах справа от меня.

Он что-то быстро чертит в блокноте, и чем дольше он пишет, тем глубже резкая морщина прорезает его лоб.

— Мы почти закончили, — отвечает он, но за последние четыре часа я слышу это уже в третий раз.

Я делаю глубокий вдох, но даже воздух в комнате кажется раскаленным до предела. Внезапный приступ головокружения заставляет меня зажмуриться.

— Мне как-то странно… — невнятно бормочу я. Лоб мгновенно становится мокрым от пота, а ноги превращаются в вату.

Артур бесшумно заходит мне за спину. Его ладонь медленно скользит по моему позвоночнику и застывает на бедре. Все ощущения мгновенно обостряются до предела: сердце пускается в безумный пляс, а покалывание снова впивается иголками в кончики пальцев.

— Сосредоточься, — шепчет он. Его хриплый голос касается моего уха, и я уже не понимаю, действительно ли он так близко или это плод моего воспаленного сознания. — Подними руки. Вот так.

Он перехватывает мои ладони и направляет их к противоположной стене.

— Закрой глаза. Вдох и выдох.

Он ведет меня за собой с такой мягкой, размеренной уверенностью, какой я в нем и не предполагала.

Я послушно закрываю глаза и следую за его голосом. Вдох и выдох. Вдох и выдох. Вдох и выдох. Мощная волна жара стремительно поднимается откуда-то изнутри, прокатывается от голеней к бедрам, взмывает к груди и тяжелым потоком изливается в руки. Я резко распахиваю глаза, всё мое тело натягивается как струна.

Артур перемещает ладонь мне на плечо: — Продолжай.

Он говорит очень тихо, так, чтобы слышала только я. И едва его пальцы слегка задевают основание моей шеи, как из моих ладоней с сухим треском срывается искра

синего пламени и начинает дрожать в воздухе прямо предо мной. В ту же секунду Артур резко отпускает меня и делает шаг назад, лишая всякой опоры.

Я испуганно вздрагиваю, чувствуя, как сердце ухает в пятки. — Это… это я? — хватаю я ртом воздух.

— Попробуй сдвинуть его.

Мои вытянутые вперед руки крупно дрожат: — Сдвинуть? Да я понятия не имею, что вообще сейчас делаю!

— Ты можешь направить его вправо или влево? — к словам Артура подключается ровный голос Элайджи.

Да за кого они меня принимают? Острая, бритвенная боль стреляет в висок, заставляя меня инстинктивно опустить одну руку. Синяя искра бессильно падает на пол и тут же гаснет сама по себе.

Раскаленная энергия мгновенно утекает из ладоней, и меня накрывает волна чудовищной, свинцовой усталости. Я практически падаю на колени, судорожно глотая воздух.

— Сработало. Осталось всего несколько шагов, — голос Элайджи гулким эхом раскатывается между бетонными стенами. — Повторим.

Я задыхаюсь. Каждая клетка моего тела отчаянно молится о том, чтобы всё это оказалось дурацкой шуткой, но выражение его лица напрочь лишено иронии. Собрав последние крохи сил, я, покачиваясь, поднимаюсь на ноги.

— Ты куда? — на этот раз звучит голос Артура.

Я резко оборачиваюсь и вскидываю руки: — Я вам не подопытный кролик в лаборатории! Я человек! Я торчу здесь четыре часа, выжимая из себя то, что выжигает меня изнутри, а вы требуете, чтобы я попробовала еще раз? Да что с вами обоими не так?!

Ни один из них не проронил ни слова.

— Ты уже уходишь? Значит, я вовремя. Вы ей сказали? — Аласи медленно спускается по лестнице, ступенька за ступенькой, крепко зажав в пальцах какой-то лист бумаги.

Сказали что?

— Нет, как видишь, — сухо отзывается Артур.

Я перевожу взгляд с одного на другого, и от того, *как* они на меня смотрят, мои внутренности завязываются в тугой, болезненный узел. Что они должны были мне сказать?

Аласи останавливается прямо передо мной: — Пожалуй, нам лучше присесть.

— Зачем? Что случилось? — шепчу я, чувствуя, как внутри всё леденеет от предчувствия беды.

Она протягивает мне бумагу. В её глазах застыло выражение, которое я не могу расшифровать. — Держи, — тихо произносит она.

Я беру лист в руки, совершенно не понимая, что там может быть…

Я недоуменно хмурюсь. Секунду. На листе — детальный, выведенный карандашом портрет. Мои черты лица, прорисованные до единой черточки, до мельчайшего изгиба.

— Это же я… — срывается с моих губ едва различимый шепот. — Что это значит?

— Вчера это пришло из Королевства Азия.

Липкий, удушливый панический страх медленно запускает свои когти мне в грудь. — И?

— И они знают, на что ты способна.

Мои глаза испуганно округляются: — Вы… вы им рассказали?

— Нет! Разумеется, нет! — я испуганно пячусь назад, чувствуя, как в горле встает тяжелый комок, но Аласи неотступно делает шаг за шагом в мою сторону. — Мы предполагаем, что информацию слил тот шпион… Ну, помнишь, который похитил твоего брата? Высока вероятность, что он работал сразу на несколько Королевств и успел передать данные до того, как его поймали.

Комната начинает медленно кружиться перед глазами. Я прижимаюсь спиной к холодной стене и отчаянно мотаю головой. Нет. Этого просто не может быть. Дрожащими пальцами я приподнимаю лист к свету и снова всматриваюсь в рисунок, судорожно пытаясь отыскать хоть какую-то деталь, хоть одно отличие, доказывающее, что на портрете не я. Но отличий нет. Это я.

— И что теперь? — выдыхаю я надломленным, сиплым голосом. — Меня выдадут Королевству Америка? Их гвардейцы уже едут сюда, чтобы забрать меня?

Я больше никогда не увижу Лоффи. Ни Ханса, ни Мари. Никого из тех, за кого я так отчаянно, до кровавых мозолей цеплялась все эти годы. Потому что я — чудовище. Какая нормальная дочь или сестра способна заживо сжигать людей?

— Нет, — ледяной голос Артура силой выдергивает меня из темной бездны собственных мыслей. — Они ничего не скажут.

Тяжелое напряжение в плечах немного отпускает. — Ничего? — выдыхаю я. — Но почему?

— Потому что… — Аласи снова перехватывает инициативу в разговоре, — …взамен они требуют, чтобы ты продемонстрировала им свое пламя вживую. Они хотят лично убедиться, что ты не представляешь угрозы для человечества.

Эти слова бьют наотмашь, словно мне под ребра вогнали каленый клинок. Я беспомощно ловлю ртом воздух под их тяжелыми, выжидающими взглядами. Бомба замедленного действия, которая может рвануть в любую секунду — вот как они на меня смотрят. Как на «угрозу для всего человечества». Горло сжимает удушливый спазм, я изо всех сил сглатываю горькие слезы, которые нестерпимо жгут глаза. Резким движением я рву лист напополам, затем еще раз и просто бросаю обрывки к их ногам.

— Нет. Спасибо.

Я резко разворачиваюсь, чтобы уйти, но Аласи мертвой хваткой вцепляется в мое плечо.

— К несчастью, мы обязаны подчиниться, — она тяжело вздыхает. — У нас нет выбора. Встреча назначена через две недели, и мы должны явиться туда с Ясмин, которая способна полностью контролировать себя.

Я недоуменно выгибаю брови. — Вы… вы уже согласились за меня, — шепчу я, и их глухое, монолитное молчание бьет по барабанным перепонкам оглушительным подтверждением. Я яростно стискиваю зубы. — Я не анимальное чудовище и не угроза для этого мира. И я никуда не поеду! Что, по-вашему, я должна сказать своей семье?!

Я с силой вырываю руку из её хватки и стремительно иду к лестнице, чувствуя, как кровь закипает в венах.

— Это отвратительная идея, нам нужно всё спокойно обсудить! — кричит вслед Элайджа. Я слышу тяжелый топот его шагов у себя за спиной.

— Мне больше нечего обсуждать.

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Аласи резко обходит меня, перерезает траекторию и буквально блокирует своим телом выход на лестницу. Я пытаюсь протиснуться мимо, но она намертво хватает меня за запястье.

— Послушай меня! Если мы откажемся, они сдадут тебя Королевству Америка со всеми потрохами, и тогда…

— Хватит!

Я яростно вскидываю руку, пытаясь оттолкнуть её от себя, но в следующую секунду Аласи с глухим стуком падает на пол, и её истошный, полный боли крик взрывает тишину зала.

Она в кольце ярко-красного, ревущего пламени. Огня, который я не помню, как зажгла. Огня, который я абсолютно не умею тушить.

Каждая клетка моего тела парализована мощным, бесконечным коротким замыканием. Кто-то резко набрасывает на нее плотное полотно, сбивая пламя; тяжелый шлейф сизого дыма мгновенно заполняет пространство, проникая глубоко в мои легкие, но я не способна ни закашляться, ни сделать хотя бы шаг вперед. Элайджа уже стоит перед ней на коленях, бережно и панически зажав её лицо в своих ладонях. *Что же я натворила?*

Аласи судорожно прижимает правую руку к груди, её губы исторгают хриплый стон, а всё лицо искажается в мучительной гримасе.

— Воды… Бинты… Шрам, — обрывки фраз Элайджи долетают до меня словно сквозь толщу воды, пока одна-единственная горячая слеза медленно катится по моей щеке.

Я поднимаю перед собой дрожащие ладони. Зрение окончательно расплывается, дыхания критически не хватает. *Что я натворила? Боже, что я сделала?*

Я медленно поворачиваю корпус вправо. Взгляд Артура намертво прикован к моим ходящим ходуном пальцам. Заметив это, я мгновенно прячу их, сжимая в кулаки.

Он тяжело, шумно вздыхает: — Если ты не планируешь прямо сейчас выйти на улицу и заживо сжечь первого встречного на дороге… сядь и слушай.

Вечер накануне

Элайджа

— Самая оберегаемая и пугающая женщина в мире… — Нанук лениво перелистывает пожелтевшие страницы Священного Писания, закинув ноги на край массивного стола. — …Способная подчинять себе яростные языки пламени, обнажая тем самым свою порочную, темную природу. Ни время, ни пространство никогда не видели их союза. Зло и его Невеста никогда не должны сосуществовать в одной эпохе, иначе их разрушительная сила не узнает границ.

— Жаль только, что наша Ясмин пока бесконечно далека от статуса самой пугающей женщины в мире, — негромко, с тяжелым вздохом отзываюсь я.

— Ну, как по мне, авторы этих текстов знатно перегнули с эпитетами. Ясмин похожа на кого угодно, но только не на расчетливую, безжалостную тварь, — Нанук с глухим хлопком закрывает фолиант. — И кстати, мы точно уверены, что использовать её втемную, без её согласия — это правильный шаг? Всё было бы в разы проще, если бы мы открыли ей правду, и она сама выбрала нашу сторону. Учитывая, какая роль ей уготована во всем этом дерьме.

Аласи, сидящая рядом с братом, согласно кивает: — Я солидарна с Нануком. Терпеть не могу ложь, и мне тошно видеть, как она спотыкается, даже близко не

осознавая, какой монументальный груз тащит на своих плечах. Сколько еще мы собираемся кормить её этими сказками?

Лгать ей и манипулировать каждым её шагом никогда не входило в мои планы. Она вообще не должна была стать частью этого уравнения. Живой слепок Лавинии, единственная женщина на этой проклятой планете, которая до мельчайшего капилляра, до каждого изгиба тела реинкарнирует в себе образ Невесты Зла.

Нанук и Аласи выжидающе смотрят на меня, требуя ответа. Но единственный человек в этой комнате, у которого этот ответ действительно есть, прямо сейчас стоит во главе стола. Тот, кто гипнотизирует расстеленную карту Королевств, монотонно постукивая указательным пальцем по деревянному краю. Он буквально пожирает глазами каждый миллиметр пергамента, и он настолько глубоко ушел в себя, что я почти физически вижу, как в его голове со скрипом прокручиваются шестеренки нового, куда более масштабного плана.

Я нарушаю тишину: — Всё зависит исключительно от того, сколько времени у нас осталось.

— Две недели, — в голосе Аласи отчетливо звенит подступающая паника. — Королевство Азия даст нам всего один шанс, организует лишь одну встречу. И если Ясмин к тому моменту не сможет доказать, что она действительно Невеста Зла…

— Этого не случится, — на корню обрубает её Артур и резко поворачивается ко мне: — Что ей нужно, чтобы сломать этот блок?

— Доверие, — выдыхаю я. — Ей откровенно не по себе, это же очевидно. Какая-то часть её существа до сих пор наотрез отказывается верить в то, что она способна управлять первородным пламенем. Из-за этого она сама себя глушит. Один шаг вперед и три назад. Страх парализует её, не дает открыться, и огонь просто не находит выхода.

Нанук коротко и невесело усмехается: — Знаете, я бы тоже хрен кому доверился, если бы Артур смотрел на меня так, словно я худшее из порождений ада.

Аласи награждает брата испепеляющим взглядом. Этому идиоту точно когда-нибудь оторвут голову за его неуместные, глупые шуточки.

Она негромко прочищает горло: — Как бы то ни было, за две недели Ясмин, конечно, может сделать какой-то рывок… Но это чертовски маловероятный сценарий. Нам жизненно необходим план «Б» на случай, если она окажется не готова. Я не собираюсь профукать наше единственное и неповторимое окно возможностей. Нам нужно убедить Короля Азии помочь нам и встать на нашу сторону. Мы просто не имеем права на ошибку.

Я тяжело вздыхаю. Она чертовски права. Малейший промах — и мы навсегда потеряем сильнейшего союзника, которого только можно представить. Единственное из пяти Королевств, которое готово рискнуть всем и пойти наперекор могущественному Королевству Америка. Но этот альянс станет возможен только в одном случае: если мы предоставим им неопровержимое, монументальный аргумент. То, чего никто из них никак не ожидает увидеть. Невеста Зла.

Артур медленно, с хрустом разминает шею, переводя взгляд из стороны в сторону: — Ошибку? — переспрашивает он, и его взгляд в эту секунду способен в пепел сжечь этот дубовый стол. — Никто из нас не ошибется, — чеканит он, вынося окончательный вердикт.

— Ошибиться может Ясмин — тот самый ключевой элемент, который ты совсем недавно встроил в наш план. Вы твердите, что ни одна эпоха еще не видела Зло и его

Невесты, сражающихся на одном фронте. Но мы вообще уверены, что эта девчонка — та самая Невеста? Только ты видел её в деле. Мы с братом сейчас вслепую доверяемся твоему слову и твоим подозрениям. Но за эти десять дней я не увидела своими глазами абсолютно ничего, что доказывало бы эту теорию.

Аласи намертво вцепилась в эту мысль, и я прекрасно её понимаю. Предоставить нам убежище — уже колоссальный, безумный риск. Но ввязаться в священную войну на стороне Зла? После такого любой историк в будущих хрониках заклеймит их фракцию злейшими врагами человечества.

Я снова беру слово, пытаясь разрядить обстановку: — Я прекрасно понимаю, что вы напуганы…

Артур с глухим, тяжелым стуком опускает кулак на столешницу, заставляя меня мгновенно заткнуться: — Мы не обязаны вам доказывать вообще ни-ху-я. Вы просили нас выяснить, кто убрал вашего отца. И кто же это оказался? Люди Королевства Америка, какая, блин, неожиданность. Еще до того, как выловить и передушить всех шпионов, затаившихся на ваших землях, я уже открыто назвал вам имя убийцы. Или у вас память отшибло? Не смейте ставить под сомнение мое слово, когда речь заходит о проклятии, которое отравляет мои вены с начала времен. Ни один из вас не знает эту тьму так, как знаю её я.

В комнате воцаряется мертвая, звенящая тишина. Уголки губ Артура медленно ползут вверх, застывая в поистине леденящей, мертвенной усмешке.

— Я умираю и возрождаюсь только для того, чтобы быть убитым в сценарии, который по кругу повторяется до бесконечности. Священные Писания? — он тихо, страшно смеется, и у меня по коже проносится табун ледяных мурашек. — Эти строки были написаны уже после меня. Из-за меня. Но вы, похоже, упорно упускаете это из виду. Несправедливые проклятия преследуют меня веками, обрекая любого, кто окажется рядом, на вечные, невыносимые муки. И вы всерьез думаете, что я упущу шанс использовать хоть крупицу силы, способной уничтожить их всех?

Он медленно поднимается, обходит стол и вырастает прямо перед близнецами Олсен: — Так что вас останавливает? Внезапный приступ жалости к девчонке, которую вы даже толком не знаете? Или первобытный страх довести до конца месть тем, кто лишил вас отца?

Аласи судорожно сжимает пальцы в кулаки, так, что костяшки белеют: — Мы не собираемся действовать на поводу у слепых импульсов и ставить под удар весь наш народ, который отец защищал ценой собственной жизни все эти годы.

Воздух в помещении становится настолько густым от напряжения, что им трудно дышать. Артур коротко щелкает языком за щекой и упирается ладонями в край стола: — Отлично. Значит, мы преследуем одну цель.

Он спокойно возвращается на свое место рядом со мной, оставляя близнецов Олсен буквально пригвожденными к стульям тем могильным холодом, который он после себя оставил.

Мне нужно срочно вернуть их доверие, иначе этот хрупкий союз рухнет прямо сейчас. Я глухо прочищаю горло: — С Ясмин мы разберемся вместе. Я понимаю, что этот резкий сдвиг в планах вам не по душе. Этого не было в сценарии, это огромный риск, нам придется безбожно лгать ей, но…

— Но зато на нашей стороне окажется всемогущее Королевство Азия, — жестко перебивает Артур. — Вы увидите это своими глазами: никто в этом мире не хочет

катастрофы, которую даже их обожаемые Священные Писания не знают, как остановить. Мы разыграем карту моей дурной славы в сочетании с легендой о Невесте.

Нанук медленно поднимает указательный палец: — И как, черт возьми, мы сделаем из Ясмин ту самую могущественную Невесту? Потому что сейчас она меньше всего похожа на хладнокровную убийцу, о которой строчат в этой проклятой книге.

— О, вы просто не видели, как она испепелила тех наемников в переулке. Поверьте мне, её просто нужно хорошенько подтолкнуть. Стимулировать.

Слова Артура мгновенно воскрешают в моей памяти жуткую картину: обугленные, дымящиеся остатки человеческих тел, хаотично разбросанные по бетонному полу.

— И как мы убедим её поехать с нами в Королевство Азия? Как заставим раскрыть свою силу, использовать её… и при этом сделаем так, чтобы она осталась на нашей стороне и не возненавидела нас? — Аласи устало опирается локтями о стол.

— Аласи, какой рукой ты готова пожертвовать? — внезапно спрашивает Артур. Его тон не предвещает абсолютно ничего хорошего.

— Желательно, ни одной.

— Выбирай, — монотонно повторяет он.

— Ну… левой, если уж до этого дойдет. А к чему такой вопрос?

Я потрясенно приоткрываю рот. Догадка бьет в сознание за секунду до того, как он озвучит её вслух, и тяжелое, удушливое чувство вины железными тисками сдавливает мне грудную клетку.

Артур лишь безразлично дергает плечом: — К тому, что я сожгу её. Не целиком, конечно. Но ровно настолько, чтобы оставить глубокий, приметный шрам.

Нанук ошарашенно хмурится: — Похоже, я упустил какую-то нить разговора. Какого хера ты собираешься жечь мою сестру?

— Вот именно, просвети и меня, — шепотом вторит брату Аласи. В их глазах читается неподдельный ужас и замешательство. Они просто еще не осознали, как далеко этот человек способен зайти ради своей цели.

— Элайджа, может, ты им объяснишь? — тихо роняет Артур, и в его голосе сквозит едва заметное, издевательское веселье.

Я тяжело вздыхаю. Их выжидающие взгляды скрещиваются на мне. — Он обожжет твое левое предплечье, Аласи.

Артур принимается лениво, гипнотически барабанить пальцами по дереву столешницы. — И…? — вкрадчиво шепчет он.

— И сделает так, чтобы Ясмин искренне поверила, будто это сделала она сама.

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Глава 11

Я же говорил тебе, что ненавижу есть в одиночестве, и именно поэтому установил правило номер один. Я должен был сказать тебе кое-что еще: я ненавижу жить без тебя.

— Письмо номер 93

Артур

Ясмин

Еда на столе источает восхитительный аромат — Мари приготовила столько порций, что можно было бы досыта накормить целую армию. Я вяло ковыряюсь вилкой в тарелке; желудок стягивается всё туже, превращаясь в тугой, спазмированный узел, и от одной мысли о том, чтобы проглотить хоть кусочек, меня начинает тошнить. Тонкая струйка пара, поднимающаяся от горячего мяса, в точности повторяет очертания дыма, который преследует меня в кошмарах последние дни. Я до боли сжимаю вилку в пальцах. *«Угроза для всего человечества».* Я судорожно мотаю головой и делаю глубокий вдох. *Катастрофа. Живая бомба. Опасность для любого, кто окажется рядом.* Очередной подступивший к горлу рвотный позыв буквально перекрывает мне дыхание.

— Милая, почему ты ничего не ешь? — в голосе Мари слышна искренняя, глубокая тревога.

Я натянуто улыбаюсь, едва разжимая губы: — У меня просто немного прихватило живот.

И это даже не совсем ложь — последние два дня я физически не могу впихнуть в себя ни единого крекера. Но уж точно я не могу вывалить на них правду.

— Придется вести тебя к врачу, — ворчит Ханс в перерыве между тяжелыми глотками. — Нельзя так долго сидеть на голодном пайке, ты же таешь прямо на глазах, кожа да кости остались.

— Мне просто нужно немного отлежаться, всё пройдет, — едва слышно шепчу я.

Их взгляды буквально сочатся неподдельной, удушающей заботой. Потрясающе. Мало того что я без конца пичкаю их грязной ложью, так теперь еще и заставляю страдать из-за меня.

— Правда, ничего страшного, — добавляю я, пытаясь звучать убедительно.

— Ты что-то недоговариваешь, сестра? — Лоффи с хрустом вонзает зубы в жареную картофелину. — Ты всегда так делаешь, когда врешь.

Он жует с набитым ртом, пачкая соусом пухлые щеки.

Я удивленно выгибаю брови: — Как — «так»?

— Убегаешь как трусиха.

Я испуганно хлопаю ресницами, у меня едва челюсть не отваливается от такой прямоты. За этим невинным, детским лицом скрывается пугающе острое шестое чувство и феноменальная наблюдательность, которую этот мелкий паршивец выдает без каких-либо фильтров. А ведь ему всего восемь лет от роду.

— Лоффи! — строго осаживает его Мари, после чего поворачивается ко мне и мягко кладет ладонь мне на плечо.

Я мгновенно каменею. Перед глазами тут же вспыхивает лицо Аласи, искаженное дикой болью, и кислород снова вышибает из моих легких.

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

— Ты стала такой тихой после того праздника фонариков… — продолжает Мари. — Просто помни, что ты всегда можешь во всем на нас положиться. Мы — твоя семья.

Праздник фонариков. Тот самый день, когда я заживо сожгла тех людей.

Я судорожно киваю, перехватываю вилку, подцепляю немного шпината и силой заталкиваю его в рот. — Всё в порядке, честное слово, — бормочу я, заставляя себя жевать так, словно ничего не происходит. — Просто… немного устала.

Мари понимающе кивает, её рука наконец соскальзывает с моего плеча, и я снова получаю возможность дышать.

— Соседи говорят, что у южного побережья рыба сейчас особенно нежная. Надо бы съездить туда… — Ханс берет инициативу в свои руки, полностью переключая внимание Мари на себя.

Это дает мне секундную передышку в бесконечном круговороте лжи, которым я их окружила. Я аккуратно опускаю вилку. Шпинат намертво застрял комком в горле и категорически отказывается идти дальше. Я незаметно беру бумажную салфетку, подношу к губам, незаметно выплевываю всё туда и намертво зажимаю комок в кулаке.

— Ой, папа, я тоже хочу с вами на рыбалку! — канючит Лоффи, размахивая руками.

Я быстро подхватываю свою тарелку, уношу её в кухню, ставлю в раковину, а скомканную салфетку швыряю на самое дно мусорного ведра.

Мари за столом качает головой: — Лоффи, ты еще слишком мал и неуклюж, чтобы рыбачить с отцом на глубине.

— Это кто еще из нас неуклюжий?! В прошлый раз это была простая ошибка в расчетах, я вообще-то крючок тестировал на прочность! — оскорбленно вопит Лоффи, комично раздувая грудь.

— Ах, вот как? — добродушно хохочет Ханс. — Так вот почему ты в итоге летел в воду вверх тормашками, а за собой тебя тащила какая-то плотва?

— Это была трехголовая акула!

Их звонкий, счастливый смех заполняет весь дом. Я мертвой хваткой вцепляюсь в края раковины, чувствуя, как земля уходит у меня из-под ног. Они ведь могут в любой момент забрать меня у них. За шкирку вышвырнуть из этой идиллии. В конце концов, я здесь — всего лишь чужеродная, грубая заплатка на красивом семейном холсте, которая никогда не впишется в общую картину, а наоборот — рискует сжечь её дотла. Даже если я этого не хочу. Я сжимаю пальцы в кулаки, вонзая ногти глубоко в кожу ладоней. Я хочу остаться с ними как можно дольше… Пусть эта семья мне не принадлежит, пусть это место никогда не было моим настоящим домом. Горло сжимает удушливый спазм, а глаза предательски застилают слезы. Я быстро перехожу в прихожую, сдергиваю с вешалки куртку и натягиваю сапоги.

— Ты куда, сестра? — Лоффи, любопытный как сто чертей, тут же спрыгивает со стула и семенит за мной.

Ханс и Мари тоже оборачиваются. Я не могу ни открыться им, ни объяснить, что за чертовщина со мной происходит, ни признаться, что до безумия, до дрожи в коленях боюсь оказаться настолько опасной тварью, что мне навсегда запретят их видеть. И что мне прикажете соврать? *«Я иду к Олсенам, потому что если я не научусь держать себя в руках, то в один прекрасный день случайно превращу вашего сына в горстку пепла»?*

— Аласи попросила меня помочь ей, — снова вру я, глядя им в глаза. — Нужно раздать сухпайки и теплые одеяла бездомным в кварталах. Могу задержаться, так что не ждите меня к ужину.

Лицо Мари мгновенно добреет и озаряется улыбкой: — Ох, ну конечно! Олсены всегда были такими чуткими и милосердными… Тебе определенно пойдет на пользу немного развеяться и провести время с ней. Лоффи, отстань от сестры, живо за стол доедать!

Я опускаю взгляд на мелкого и натыкаюсь на его подозрительный, прищуренный взор. Я присаживаюсь перед ним на корточки, застегивая сначала правый сапог, затем левый. — Что не так? — тихо спрашиваю я.

— Ты какая-то странная, — он упрямо скрещивает руки на груди.

О да, малыш, ты даже не представляешь насколько. — Тебе кажется, — я пытаюсь выдавить из себя беззаботную улыбку, чтобы поскорее замять тему, но Лоффи решительно делает шаг ко мне.

Я судорожно сглатываю и рефлекторно прячу руки за спину. *Главное — не прикасаться к нему.* Последние три дня я маниакально избегаю любого прямого контакта с людьми: если мне нужно поправить на нем тяжелую куртку, я беру его строго за плечи ткани, а если надо увести — тащу исключительно за лямку рюкзака. Но сейчас на нем нет ни куртки, ни рюкзака, а его ладошки оказываются опасно близко к моему лицу.

— Ты с кем-то тайно встречаешься. С парнем, — безапелляционно заявляет этот мелкий прорицатель, и я едва не прыскаю со смеху ему в лицо от абсурдности обвинения.

— Лоффи, не выдумывай…

Он внезапно кладет ладошку мне на макушку и совершенно серьезно произносит: — Просто знай: если этот ублюдок сделает тебе больно, я вскрою ему грудную клетку и сожру его чертово сердце.

Несмотря на то какими дикими, жестокими и первобытными кажутся эти слова, в этой его неуклюжей, собственнической защите столько чистой детской любви, что у меня мгновенно перехватывает дыхание, а к глазам подступают слезы.

— Обещаешь, Дорси? — шепчу я с трудом.

Лоффи резко прикладывает ладонь к виску, картинно вытягиваясь в струнку, словно преданный солдат: — Обещаю, Дорси.

Мои ладони пылают, они сплошь покрыты багровыми пятнами и сочащимися волдырями. Пот крупными каплями застилает глаза и стекает по щекам, но я не имею права останавливаться. Я обязана выдержать. Я не могу позволить себе еще одну ошибку. Намертво зажмурив глаза, я до хруста впиваюсь пальцами в предплечье Артура и полностью отпускаю контроль над разумом и телом. Мощный разряд чистой статической энергии прошибает меня изнутри от макушки до пят.

— Не вздумай останавливаться, — шелестит над ухом хриплый шепот Артура.

Я яростно стискиваю зубы. Такое чувство, будто вся кожа покрывается жидким огнем, который заживо сжирает меня изнутри, питаясь моим телом. Перед глазами всё плывет, колени подгибаются, и я с глухим стуком роняю свое тело на бетонный пол, наконец выпуская его руку из хватки. Из моей груди вырывается хриплый, свистящий хлыст, когда я отчаянно пытаюсь сделать хотя бы глоток воздуха. Элайджа тут же падает на колени рядом со мной, осторожно смачивая мой лоб прохладной водой, и блаженное спасительное облегчение медленно, по капле возвращает меня к жизни.

Раскаленная температура внутри падает, оставляя меня один на один с крупной, непрекращающейся дрожью во всем теле.

— Заново, — непреклонно требует Артур.

— Это уже пятый раз подряд. Ей необходима передышка, — Элайджа решительно подхватывает меня под мышки и помогает принять вертикальное положение. Он принимает на себя добрую половину моего веса, и зрение постепенно проясняется.

Я не имею права сдаваться сейчас. Я отчаянно мотаю головой: — Нет… я справлюсь.

Я сознательно игнорирую пульсирующие ожоги и волдыри на ладонях, которые, кажется, готовы лопнуть от малейшего движения. Дикая усталость выжигает мышцы до основания, но я заставляю себя дышать. *Я должна это сделать. Чего бы мне это ни стоило.*

— Я лишь говорю, что её тело критически перегрето. Нам нужно искать другой подход, иначе…

Я силой отстраняюсь от Элайджи. Я бесконечно благодарна ему за эти робкие попытки защитить меня, но я не собираюсь малодушно тормозить или бежать. Если я прямо сейчас не докажу им, что способна контролировать этот ад внутри себя и не представляю опасности для окружающих, мне придется навсегда распрощаться с тем крошечным кусочком нормальной жизни, который я себе урвала. Я снова превращусь в безликое ничто без имени и крыши над головой, стану бродячим призраком без документов и прошлого. И никто из этих людей никогда в жизни меня не поймет.

Сделав глубокий, судорожный вдох, я снова протягиваю свои изувеченные пальцы к ладоням Артура. В отличие от моих, его руки кажутся абсолютно гладкими и безупречными, на них нет ни единого следа от ожогов.

Он коротко, пренебрежительно щелкает языком за щекой: — Ты пытаешься кормить пламя собственным страхом. Это тупиковый путь, это никогда не сработает. Она ведь всё чувствует, понимаешь?

Я непонимающе приоткрываю рот: — Она? О ком ты…

Артур медленно проводит подушечкой большого пальца по моим воспаленным багровым ожогам, и я инстинктивно вскрикиваю, дергаясь от пронзительной боли.

— Твоя вспышка. Пламя прекрасно видит, что ты до усрачки его боишься. А огонь по своей природе никогда не уживется со страхом. Ты должна искренне полюбить его, возвести в абсолют, боготворить. Иначе оно просто сожрет тебя дотла, не оставив даже пепла.

Он с силой сжимает мою руку в своей ладони, абсолютно игнорируя то, как его кожа сдирает мои сочащиеся волдыри. Я беспомощно хриплю от невыносимой, адской боли, которая острой вспышкой стреляет прямо в мозг. Но чем сильнее я пытаюсь вырваться, тем жестче становится его хватка. На долю секунды наши взгляды пересекаются, и он даже не пытается скрыть глухое, леденящее презрение, застывшее в его глазах. Я искренне не понимаю этого человека. Он всегда смотрит на меня так, словно я — какая-то фатальная ошибка природы, досадный сбой в системе, который просто путается под ногами и тормозит его великую миссию.

Артур резко отворачивается, брезгливо разжимая пальцы: — Ты халтуришь. Ты не выкладываешься даже на половину. С такой скоростью твоя собственная немощность сожрет тебя гораздо раньше, чем любое Королевство. Хотя, если подумать, именно этого ты и добиваешься в глубине души. Тебе просто нравится вызывать у всех жалость и казаться беспомощной жертвой.

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

— Да что ты вообще можешь знать о том, чего я добиваюсь?! — я яростно скалю зубы, и мощная, удушающая волна первобытного жара мгновенно взмывает вверх, заполняя грудную клетку. Я физически чувствую, как она сокрушительной силой давит изнутри на ребра и грудину, отчаянно пытаясь вырваться наружу, но намертво упирается в какой-то невидимый внутренний барьер.

— О, это очевидно без лишних слов. Ты едва держишься на ногах и монотонно совершаешь одни и те же идиотские ошибки, напрочь игнорируя всё, что я тебе говорю. Ты до дрожи боишься силы, которая живет внутри твоего собственного тела. С таким настроем у тебя никогда ничего не выйдет.

Этот его высокомерный, покровительственный тон и ледяное пренебрежение действуют на мою и без того расшатанную нервную систему как оголенный провод.

— Что ты… что ты понимаешь?! — задыхаясь, выкрикиваю я, пока тело сотрясает крупная, непрекращающаяся дрожь. Кончики пальцев начинает неистово покалывать от какого-то дикого, необъяснимого импульса.

Артур лишь кривит губы в наглой, издевательской усмешке: — Мне не нужно много понимать, чтобы констатировать очевидное. Это просто неоспоримый факт.

Мощная электрическая дуга с треском прошивает мне руки. Я инстинктивно разжимаю пальцы, выпуская его ладони, и в то же мгновение из моих окровавленных подушечек с шипением вырывается идеальный, ослепительно-синий огненный шар. Получилось… Я смогла! Но прямо в этом сиянии перед моими глазами отчетливо проецируется жуткий образ Аласи, объятой бушующим пламенем, и меня мгновенно накрывает лавина леденящей паники. Огонь тут же с тихим хлопком растворяется в воздухе, оставив после себя лишь обугленные ладони, покрытые тонкой, сожженной до мяса кожей. Я с хрипом валюсь на бетонный пол. Элайджа оказывается рядом в ту же секунду — он тут же брызгает на мои изувеченные кисти охлаждающим спреем, который на пару мгновений притупляет эту разрывающую, адскую боль.

— На пять секунд дольше, чем в прошлый раз, — сухо констатирует Артур, даже не наклоняясь. — Всё равно ничтожно мало. Мы даже близко не подошли к минимально приемлемому результату.

— Нельзя требовать от неё всего и сразу, Артур, — Элайджа решительно встает на мою защиту.

Мое сердце колотится в груди как бешеное; если бы я съела хоть что-то за этим чертовым семейным обедом, меня бы сейчас гарантированно вывернуло наизнанку прямо здесь.

— У нас осталось меньше десяти дней, — отрезает Артур, и в его голосе сквозит сталь. — И твои сюсюканья с ней ни хрена нам не помогут.

Сюсюканья? Я бросаю на него свирепый, полный жгучей ненависти взгляд. Этот ублюдок вообще видит, в каком я состоянии?!

— Я сейчас принесу мазь и лед, побудь здесь, — Элайджа быстро поднимается на ноги и уходит, оставляя нас наедине в этом удушающем полумраке.

Остатки нерастраченной ярости до сих пор покалывают кончики моих пальцев. Стоя на коленях, я с трудом закидываю голову назад и натыкаюсь на его хмурый взгляд, в котором, как обычно, читается лишь холодное, леденящее отвращение. Я судорожно пытаюсь поймать ртом воздух: — Тебе… тебе легко говорить, когда не твоё тело горит заживо, правда? Всё, что ты умеешь — это стоять на вершине своей колокольни и судить меня, даже не пытаясь понять, через что я прохожу, — слова пулеметной очередью вылетают из моего горла, пока сердце бьется где-то в районе

подбородка. — Ты смотришь на меня только для того, чтобы в очередной раз напомнить, какое я огнедышащее чудовище. Знаешь… всё было бы гораздо проще, если бы в твоей идеальной оболочке нашлась хотя бы капля банальной эмпатии.

— Ты хочешь, чтобы я тебя пожалел? — в его глазах на мгновение вспыхивает такое отчетливое, концентрированное желание стереть меня с лица земли, что у меня перехватывает дыхание.

Пошатываясь и цепляясь за стену, я с трудом поднимаюсь во весь рост: — Я хочу, чтобы на меня для начала перестали смотреть как на гребаную мину замедленного действия! — Но мои слова отскакивают от него, как от каменной стены; его лицо остается абсолютно бесстрастным. — Впрочем, для тебя это слишком сложная концепция. Тебе ведь куда привычнее продолжать втаптывать меня в грязь. Интересно, в какую такую глубокую задницу ты закопал всё свое человеческое?

Артур слегка наклоняет голову набок, словно моя тирада лишь слегка его позабавила, не оставив на его идеальном лице ни единого эмоционального следа. В этот момент я отчетливо понимаю: эта его ледяная маска, которую он носит с таким безупречным изяществом — вовсе не защита. Ему действительно плевать. Абсолютно на всех.

Он равнодушно передергивает плечами: — Где-то очень далеко и глубоко. А может, у меня её никогда и не было, кто знает. Но на твоем месте я бы тратил энергию не на это дешевое нытье, а на то, чтобы наконец повернуться лицом к своим страхам. Знаешь, маленькая мисс, обладать сокрушительной силой — вовсе не страшно.

— Быть настолько сильной, чтобы калечить и убивать людей — вот что страшно! — перебиваю я его, чувствуя, как в горле встает удушливый ком. — Ты сам прекрасно видел, что я сделала с Аласи! А до этого — с теми подонками на фестивале!

Артур медленно проводит языком по губам: — И что ты предлагаешь? Сесть в кружок, взяться за руки и поплакать вместе? Ты сожгла тех ублюдков? Да, сожгла. И что с того? Мир должен сказать тебе спасибо за то, что ты очистила его от двух ничтожеств, у которых явно были на твой счет самые грязные намерения. Но раз уж твоя нежная совесть до сих пор спать тебе не дает, так и быть, напомни ей: это я их зарезал. И это было чертовски изысканное удовольствие — насаживать их на клинок и слушать, как они хрипят, испуская последний вздох. Ты всего лишь утилизировала трупы, так что успокойся.

Я испуганно уставляюсь на него, не в силах вымолвить ни слова. *Изысканное удовольствие?* То, что заставляет меня просыпаться в холодном поту посреди ночи, для него — чистый кайф. Он рассуждает о человеческих жизнях, которые сам же и оборвал, как о никчемных фигурах на огромной шахматной доске, где он единолично устанавливает правила.

Он делает стремительный шаг вперед, сокращая расстояние, между нами, до каких-то жалких сантиметров: — Если ты так сильно до смерти напугана тем, что случилось с Аласи, тебе стоит научиться принимать свои импульсы, а не зажимать их внутри, как последняя трусиха.

Я судорожно стискиваю челюсти, чувствуя, как по коже пробегает очередная волна озноба. По его логике, я должна с гордостью носить этот шрам, который сама же ей и оставила? Он вообще соображает, что несет?

— Ты сжигаешь всё, к чему прикасаешься. Ну и что? Что в этом пугающего? Ровным счетом ничего. Огонь не должен внушать тебе ужас, Ясмин. А вот твоя слепая ненависть к самой себе — должна. Потому что именно она делает тебя жалкой и

ничтожной. То, что ты не можешь контролировать, в итоге тебя убьет — вбей это в свою пустую голову и начни наконец бороться, вместо того чтобы размазывать сопли по лицу. Проблема ведь не в огне. Проблема в том, как ты сама себя видишь.

Мои плечи бессильно опускаются. Его жестокие, безжалостные слова набатом гремят в моих ушах, прошибая до самых глубин души. Артур спокойно обходит меня, и эхо его размеренных шагов медленно затихает в коридоре. И в это же мгновение тугой узел в моем желудке, державший меня в заложниках столько дней, внезапно ослабевает. Тяжелый, свинцовый пресс на груди растворяется в один миг.

— Жалкая и ничтожная… — едва слышно выдыхаю я в пустоту.

Я опускаю взгляд на свои изувеченные ладони, чувствуя, как тугой клубок противоречий в горле начинает медленно распутываться. Черт возьми, а ведь он прав. Я сама наказываю себя и просто проецирую на окружающих то жестокое осуждение, которым ежедневно пытаю себя изнутри.

— А вот и я, прости, что подзадержался, — негромкий голос Элайджи бесцеремонно вырывает меня из карусели мыслей.

Я оборачиваюсь и вижу в его руках белый медицинский чемоданчик, а следом за ним в дверной проем заходят Нанук и Аласи, нагруженные пакетами с сэндвичами и газировкой. Мой взгляд тут же намертво приковывается к плотной белой повязке, которая закрывает левое предплечье Аласи. Заметив это, она тут же испуганно прячет руку за спину и картинно дует губы: — Ты что, завалила всю кухню этими чертовски вкусными бутербродами только потому, что решила, будто я теперь инвалид и не могу пользоваться рукой? Если так, то давай, сожги мне и вторую, я не против!

Эта её глупая, милая шутка заставляет меня слабо улыбнуться. Они вдвоем без лишних слов усаживаются прямо на синий тренировочный мат, вываливая сэндвичи в фольге и бутылки прямо в центр.

Элайджа аккуратно подходит ко мне ближе: — Артур сказал, что хочет продолжить тренировку сразу после ужина, так что давай сюда свои руки, посмотрим… — тихо бормочет он, открывая баночку и начиная осторожно втирать густую мазь в мои ожоги.

Я судорожно зажмуриваюсь и до хруста сжимаю челюсти. Жжет просто невыносимо, до искр из глаз. Закончив, он плотно и профессионально фиксирует бинты на моих ладонях.

— Тебе нужно съесть хотя бы пару кусочков, чтобы совсем не растерять силы. Опирайся на меня. — Он протягивает мне свое предплечье.

Ему действительно плевать на то, что я могу покалечить его, или он просто не верит, что я на такое способна? Элайджа поднимает голову и смотрит на меня таким мягким, понимающим взглядом, словно без труда читает каждую строчку в моих мыслях: — Ты меня не обожжешь, Ясмин. Я уверен.

Я аккуратно беру его за плотную ткань рукава, панически боясь даже случайно коснуться голой кожи. А ведь это действительно правда: это я, и только я проецирую на них свой собственный страх. Удивительно, как Артур умудряется с такой хирургической точностью находить мои самые уязвимые, израненные места, вытаскивая их на свет так, словно он полноправный хозяин моего разума. Но самое жуткое во всем этом — мне это больше не кажется чем-то неправильным или чужеродным. Как будто, так и должно быть.

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Элайджа бережно помогает мне усесться на мат и устраивается по правую руку от меня. Нанук тут же протягивает мне увесистый сверток в блестящей фольге: — Прошу, Ваше Величество Чудо-Женщина.

Этот дурацкий комиксный титул заставляет меня искренне улыбнуться, на несколько секунд вытесняя пульсирующую боль в руках. — Спасибо, — едва слышно шепчу я, аккуратно опуская сэндвич перед собой, после чего перевожу взгляд на Аласи.

Она с заметным трудом и гримасой боли пытается скрутить пробку с бутылки воды. Господи, какую же невыносимую боль я ей причинила…

— Если ты продолжишь смотреть на меня так, словно я ветеран боевых действий, мне придется притвориться мертвой прямо здесь, — Аласи оборачивается ко мне и тепло, открыто улыбается. — Всё со мной в порядке, Ясмин, это просто мелкий шрам. Ничего смертельного, и уж точно это не повод грызть себя изнутри и бояться поднять на меня глаза.

Последние остатки спазма в моем желудке окончательно капитулируют перед её словами. — Ты… ты правда меня не боишься? — шепчу я, и в этот момент в моей голове словно вспыхивает лампочка.

— Я похожа на испуганную лань, Ясмин? — Она делает ленивый глоток воды. — Мы все сидим здесь, прямо рядом с тобой. И поверь мне, если бы мы действительно тебя боялись, нас бы уже давно здесь не было.

«Проблема ведь не в огне. Проблема в том, как ты сама себя видишь». Я потрясенно хлопаю глазами. Черт возьми, а ведь этот негодяй Артур был абсолютно прав.

Нанук демонстративно хлопает в ладоши, прерывая нашу сентиментальную паузу: — Так, в моем присутствии во время еды разговоры запрещены, иначе я арестую вас всех за создание помех правосудию!

Аласи тут же со смехом отвешивает ему увесистый подзатыльник: — Придурок, твой набитый желудок — это еще не правосудие!

Нанук недовольно разворачивается к ней, бурча под нос какое-то невнятное ругательство, и между ними мгновенно вспыхивает их фирменная, привычная семейная перепалка. Элайджа ободряюще кивает на бутерброд, который лежит передо мной, а я лишь скептически выгибаю бровь. Его бесконечная, трогательная забота кажется мне одновременно такой родной и в то же время пугающе чужой.

— Ладно, — сдаюсь я, аккуратно подхватываю сэндвич и откусываю приличный кусок.

Я спокойно жую, и — о чудо — никакого привычного чувства вины или удушающего пресса. Я осторожно кладу руку на живот: ни намека на тошноту или спазмы. Слова Артура словно сорвали какой-то невидимый внутренний предохранитель, и мне чертовски сильно не хочется этого признавать, но это факт.

— Элайджа, — тихо зову я его, проглотив кусок. — Спасибо тебе.

Он удивленно поднимает глаза: — За что?

За то, что ты меня не боишься, — вертится у меня на языке.

— За то, что обрабатываешь мои раны, держишь меня, когда у меня подкашиваются ноги, защищаешь перед ним, помогаешь подняться… За то, что следишь, чтобы я ела, и прикасаешься ко мне без этого панического ужаса случайно превратиться в горстку пепла. — Когда я озвучиваю весь этот список вслух, масштаб

его заботы поражает меня еще сильнее. — Это… это действительно очень много значит для меня.

Нанук тут же бесцеремонно притягивает Элайджу за плечо, прерывая момент: — Да ладно тебе, наш Элайджа просто местный разнорабочий и по совместительству главный якорь нашей банды. Несмотря на всю свою суровую и грозную мину, в душе он — обычный плюшевый панда.

Элайджа лишь страдальчески закатывает глаза и аккуратно сбрасывает его руку со своего плеча: — Тебе не нужно нас благодарить, Ясмин. Это самое малое, что мы можем сделать для тебя в обмен на… — его голос внезапно обрывается, а взгляд становится пугающе серьезным.

В обмен на что? Я удивленно приоткрываю рот, готовая сорвать этот вопрос с губ, но он технично опережает меня, указывая пальцем на нетронутый сверток: — А это чей сэндвич? Артур свой так и не забрал?

— Забыл, наверное, ну или вообще не знал, что мы их принесем, — пожимает плечами Нанук. — В любом случае, какова бы ни была причина, правило номер один: никогда не беспокой человека на холме.

Аласи одаривает его уничтожающим, свирепым взглядом: — Хватит нести чушь, просто жуй свой бутерброд.

Элайджа спокойно поднимается на ноги, и его лицо снова принимает привычное, безмятежное выражение: — Я отнесу ему. Скоро вернусь. А ты пока ешь, Ясмин, договаривались? Иначе у тебя просто не хватит сил на ночную порцию ада от нашего тренера. — И он стремительно направляется к выходу, не оставив мне ни единого шанса вставить хотя бы слово.

Что, черт возьми, он имел в виду под этим *«в обмен на…»*? И куда он пошел?

— О каком таком холме речь? — тихо спрашиваю я, не в силах подавить внезапно вспыхнувшее во мне любопытство.

Нанук, продолжая увлеченно жевать с открытым ртом, машет рукой: — Ну, это то самое место, где он проводит почти всё свое свободное время. Он там и ест, и думает. Его вообще нереально заставить пообедать вместе со всеми нами за одним столом.

Ну конечно! Это же то самое место, которое я видела из окна ванной комнаты в тот день, прямо перед фестивалем. Он сидел там, сжавшись в комок на леденящем ветру. От одного этого воспоминания мое сердце совершает болезненный кульбит в груди. Я недоуменно хмурю брови: — Но ведь на улице жуткий холод.

Аласи тяжело вздыхает, откладывая бутылку: — Рациональность и Артур — это вещи в принципе несовместимые, Ясмин. Он не просто не следует правилам, он перекраивает их под себя так, как ему вздумается в данную секунду. Поверь мне: чем быстрее ты это примешь, тем проще тебе будет его понять.

В её голосе сквозит какой-то тайный, скрытый подтекст, истинный смысл которого от меня ускользает, но Нанук при этих словах согласно кивает головой.

Понять Артура. Задача, которая кажется мне абсолютно невыполнимой.

Парень, который испытывает чистейшее удовольствие от убийства и живет так, словно абсолютно невосприимчив к боли. Тот самый, который только что назвал меня жалкой и ничтожной, но при этом без малейшего труда проникает в мой разум, как в дом, где он наизусть помнит расположение каждого угла. Человек, который читает самые потаенные части моей души с обезоруживающей, пугающей простотой. *«Ты сжигаешь всё, к чему прикасаешься. Ну и что? Что в этом пугающего? Ровным счетом*

ничего». Эти слова буквально въедаются в меня, глухим эхом отдаваясь в самых темных лабиринтах моей души.

— Ты чего зависла с таким лицом, Ваше Величество Чудо-Женщина? — невнятно бормочет Нанук, продолжая жевать с набитым ртом.

— Да я просто… — я заминаюсь на полуслове. — Я вдруг поняла, что вообще ничего о нем не знаю. Только имя. — И тише, едва различимым шепотом добавляю: — Если оно, конечно, настоящее.

Нанук резко и громко кашляет, едва не подавившись куском сэндвича: — О-о, таинственный незнакомец с вершины холма по имени Артур! — гогочет он. Потрясающе, этот придурок искренне ловит кайф от собственных дурацких шуток.

Я поднимаю голову и встречаюсь взглядом с Аласи. Она смотрит на меня в упор, храня молчание, словно прямо сейчас мысленно взвешивает и с ювелирной точностью подбирает каждое следующее слово.

Наконец она разжимает губы: — О нем действительно никто ничего толком не знает, Ясмин, — она делает короткую, весомую паузу. — Известно лишь одно: упаси тебя бог оказаться в списке его врагов. Поверь мне на слово.

Нанук картинно передергивает плечами, изображая ужас: — Это уж точно. Кому вообще придет в готовую голову добровольно ввязаться в драку с Артуром? Только самоубийце, у которого напрочь отшибло инстинкт самосохранения.

В этот момент в зал возвращается Элайджа, и тема разговора мгновенно сворачивается, оставив после себя гораздо больше жгучих вопросов, чем ответов. Я молча откусываю бутерброд, делая вид, что увлеченно слушаю их болтовню, но на самом деле я бесконечно далека от их компании. Стрелка компаса в моих мыслях намертво заклинила в одном-единственном направлении — в сторону парня, которого все вокруг так панически боятся и который сознательно обрек себя на абсолютное одиночество. Того, кто бесцеремонно заходит в мою голову и выходит из нее, даже не думая спрашивать разрешения.

После ужина ребята расходятся по своим делам, и я остаюсь в тренировочном зале в гордом одиночестве. Я лежу прямо на синем мате, морально готовясь к тому, что сейчас вернется Артур и снова начнет выжимать из меня все соки до последней капли. Глухой, резкий щелчок дверной ручки заставляет меня мгновенно вскочить на ноги. Смертоносное, идеальное оружие в безупречном человеческом обличии — вот кто он такой. Ну как может настолько массивное, мощное тело одновременно обладать такой пугающей грацией и королевской статью? Он идет ко мне размашистым, уверенным шагом, и я готова поклясться, что этот человек способен одним своим присутствием высасывать кислород из воздуха, потому что дышать в зале мгновенно становится чертовски трудно.

— А где Элайджа? — его глубокий бархатный голос вибрацией прокатывается по помещению.

Я судорожно прочищаю пересохшее горло: — Он вернется где-то через час. Помогает Нануку с разгрузкой припасов.

Артур молча принимается неторопливо закатывать рукава своей белоснежной рубашки. Четко прорисованные вены оплетают его предплечья, точно мощные корни древнего дерева, и кончики моих пальцев мгновенно начинает покалывать от безумного, дикого искушения просто коснуться их. *Сосредоточься, Ясмин, возьми себя в руки.* Я делаю несколько шагов навстречу, чувствуя, как грудную клетку буквально раздавливает тяжелым, свинцовым прессом. Если бы я только могла разобрать этого

человека на детали, как сложный пазл с понятной пошаговой инструкцией, возможно, мне удалось бы хоть немного приблизиться к его разгадке.

— О чем ты хочешь меня спросить?

И снова он делает это. Без малейших усилий разгуливает внутри моей головы, как у себя дома. — Мне было бы гораздо проще, если бы… — я резко осекаюсь.

Если бы я понимала, почему ты ведешь себя со мной так, словно я — сложнейший лабиринт, в котором ты наизусть знаешь каждый потайной переулок.

Артур опускает взгляд на мои забинтованные руки, даже не удосужившись посмотреть мне в лицо. Как и всегда.

— Если бы что? — жестко подстегивает он.

— Если бы я могла хоть немного лучше понимать тебя.

Он безразлично опускает руки вдоль тела: — И какая тебе от этого выгода? — этот его холодный, обвиняющий тон заставляет меня недовольно нахмуриться.

— Возможно, я бы чувствовала себя чуточку увереннее… Ну, понимаешь, ты ведь даже не смотришь мне в глаза. А когда всё же снисходишь до этого, в твоем взгляде читается одно лишь ледяное презрение.

Артур молча, едва заметно кивает, не произнося ни слова.

Я тяжело вздыхаю: — И это всё? Весь ответ?

Он упрямо скрещивает руки на груди: — Я ведь уже говорил тебе: твое присутствие здесь меня откровенно раздражает.

Но в следующую секунду его тяжелый взгляд медленно отрывается от пола и скрещивается с моим. На таком опасно близком расстоянии я впервые отчетливо замечаю крошечные, едва заметные золотистые искры, которые мириадами песчинок пунктируют его глубокие ирисы.

— Ну и как? Теперь, когда я смотрю на тебя, ты сможешь наконец вызвать пламя без своего вечного панического страха?

Мои плечи обреченно опускаются: — Возможно, — я сознательно иду на риск, выдавая эту ложь.

Но эта ложь кажется мне абсолютно оправданной перед головокружительной возможностью окончательно утонуть в этом сияющем золотом пульсирующем пространстве, окружающем его зрачки. Он слегка наклоняет голову набок, ни на секунду не разрывая нашего зрительного контакта.

Артур медленно протягивает руки вперед, перехватывает мои ладони и уверенно опускает их на свои запястья: — Тогда пробуй.

— Но… — я судорожно сглатываю, чувствуя, как сердце срывается в безумный, галопирующий ритм.

Черт, кажется, вариант, когда он рассматривал мои пальцы или тупо пялился на носки моих сапог, был куда безопаснее для моей психики. Он слегка приподнимает одну бровь, и я готова поклясться, что в жизни не видела столь идеального, гармоничного лица. У меня буквально перехватывает дыхание.

Я беспомощно приоткрываю рот: — Тебя действительно зовут Артур? — Господи, я вообще не соображаю, какую чушь несу в эту секунду.

Он лениво проводит кончиком языка по нижней губе: — Мы что, опять возвращаемся к этой идиотской клоунаде со знакомством?

— Мне бы это очень помогло! — упрямо возражаю я, отчаянно молясь про себя, чтобы мои щеки прямо сейчас не вспыхнули пунцовым цветом. — Я… я ведь вообще ничего о тебе не знаю. Даже гребаного имени.

— Артур, — отрывисто роняет он. — У меня нет семьи. А значит, нет и фамилии.

Мое сердце на мгновение пропускает тяжелый удар. Ох… Я тупо уставляюсь на него, пока в моей голове диким роем кружатся сотни новых вопросов, но я вовремя прикусываю язык, заставляя себя промолчать. *У него тоже нет семьи. Совсем как у меня.* Это крошечное, вырванное с боем знание кажется мне бесценным трофеем, который я тут же прячу на самое дно памяти. В ту же секунду кончики моих пальцев начинает неистово, ощутимо покалывать, словно сквозь них пропускают слабый ток — это синяя искра отчаянно умоляет выпустить её на свободу. Мощная волна жара стремительно взмывает вверх по телу, и электрический заряд с силой выталкивает энергию в предплечья. Яркое, ослепительно-синее пламя живым факелом вспыхивает между моими пальцами. Но как, черт возьми… Я ведь даже не прикоснулась к его голой коже!

— Держи фокус, не отвлекайся, — хрипло шепчет он, и его раскаленный голос обжигает мне лицо. — Три, четыре… шесть, семь… одиннадцать.

Я изо всех сил напрягаю руки, боясь совершить малейшее лишнее движение: — Я… я даже не понимаю, как это происходит. И что именно я делаю. У меня х-хорошо получается? — предательская дрожь в голосе на корню уничтожает всю ту напускную уверенность, которую я так отчаянно пытаюсь продемонстрировать.

— У тебя получается просто великолепно, — едва слышно, вкрадчиво бормочет он.

От этих слов мое сердце устраивает в груди настоящий ядерный взрыв, и этот бешеный, оглушительный стук молотом эха бьет мне по барабанным перепонкам. Гребаные гормоны, только не сейчас, нашла время сходить с ума! Я на долю секунды вскидываю глаза, и его безупречное лицо в эту секунду идеально сливается с неоновым отсветом синего пламени, создавая какую-то запредельно опасную, почти сюрреалистическую гармонию. Так вот что он имел в виду, когда говорил о подлинной красоте огня… Потому что в моей жизни еще не было ничего более божественного, страстного и одновременно пугающе чистого. Он переводит взгляд на мои губы, затем снова в глаза, и эти ирисы берут меня в такой глухой, глубинный плен, что я окончательно теряю точку опоры. Синяя вспышка плавно растворяется в воздухе, но на этот раз — о чудо — не оставив на моей коже ни единого нового ожога.

— Я… я не понимаю. Как это вообще произошло? — заикаясь, лепечу я.

Та мощная, первобытная энергия, которая секунду назад бурлила в моих венах, бесследно испарилась. Перед глазами мгновенно заплясали темные круги. Вслепую нащупав рукой холодную бетонную стену, я тяжело прижимаюсь к ней спиной, пытаясь восстановить сбитое дыхание.

Артур задумчиво проводит пальцами по подбородку: — Целая минута. Ты удерживала пламя целую минуту, даже не прикасаясь ко мне, — рассуждает он вслух, анализируя ситуацию. — Дело в твоем эмоциональном состоянии. Вот он, тот самый ключ.

Мои щеки мгновенно заливает густая, пунцовая краска. Я судорожно утыкаюсь взглядом в носки своих сапог, из последних сил моля всех богов, чтобы этот менталист не вздумал спросить меня, что именно я сейчас чувствовала. Потому что признаться ему вслух, что моим главным триггером стала его дьявольская, порочная красота и та безумная искра, которая на секунду проскочила между нами — это чистой воды самоубийство.

— Отныне ты имеешь право задать мне один вопрос в конце каждой нашей тренировки, — внезапно чеканит он. — И я обещаю отвечать на него абсолютно искренне.

Я даже не рискую поднять на него глаза: — С чего вдруг такая щедрость?

Он делает несколько стремительных шагов ко мне, и в этот момент мне больше всего на свете хочется, чтобы подо мной разверзлась земля и поглотила меня навсегда.

— Тебе жизненно необходима привязка к эмоциональной сфере, — его шаги затихают где-то совсем рядом, и по характерному звуку пластиковой крышки я понимаю, что он делает глоток воды из бутылки. — Раньше ты ловила глухой блок, потому что банально мне не доверяла. А доверять ты сможешь только в том случае, если почувствуешь хоть какую-то ментальную связь с тем, кто стоит напротив тебя.

Я молча киваю, будучи просто не в состоянии опровергнуть его выводы. Потому что этот ублюдок, как и всегда, видит мой разум насквозь, как свою собственную территорию.

— Итак, твой вопрос?

Я слегка приподнимаю голову. Артур уже стоит ко мне спиной возле огромного оружейного стенда: он уверенно снимает с креплений тяжелую снайперскую винтовку и принимается со щелчком загонять патроны в магазин. Он что, серьезно собрался отрабатывать стрельбу в одиннадцатом часу ночи? Сумасшедший, одержимый фанатик — другого определения для него просто нет.

— У тебя нет вопросов? Что ж, тогда ты свободна. Продолжим завтра.

— Погоди! — я резко подаюсь вперед и испуганно прочищаю горло: — Как… то есть, почему ты всегда ешь в абсолютном одиночестве?

В зале воцаряется тяжелая, звенящая пауза, которая кажется мне бесконечной. Артур плавно вскидывает винтовку к плечу, прицеливается в дальнюю мишень, слегка прищуривает один глаз и с оглушительным грохотом спускает курок.

— Я просто строго соблюдаю одно правило.

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Глава 12

«Энджелин была единственным человеком, который видел в нас просто двоих детей. Она была готова мирить нас после каждой глупой ссоры и заставляла стоять, крепко обнявшись, целых десять минут после каждой стычки. Интересно, что бы она подумала сейчас, узнай она, что мы стали заклятыми врагами?»

— Письмо № 115,

Артур

Королевство Америка

Вирджиния

Я дохожу до самого конца страницы. Свободной рукой крепко сжимаю карманный фонарик, а указательным пальцем медленно, строчка за строчкой, веду по тексту. Тяжелые, налитые свинцом веки отчаянно умоляют хотя бы о короткой паузе; дикое желание просто рухнуть лицом в подушку и провалиться в глубокий сон нарастает с каждой секундой, но у меня нет права терять ни минуты. Уже утром я обязана вернуть эту проклятую книгу Габриэлю вместе с остальными фолиантами. Если я этого не сделаю, послушник, у которого мы стащили их вчера поздно вечером, сразу заметит пропажу на своем рабочем столе.

Я тяжело вздыхаю. Натянутое над головой одеяло едва спасает меня от чужих нескромных глаз. Наш сектор в общежитии до отказа забит такими же служанками, как я, и я понятия не имею, кто из них готов при первой же возможности побежать и заложить меня Даме Ингрид.

Я переворачиваю еще одну страницу. Снова ничего. Ни единой полезной зацепки.

— Эй, Вирджиния? — раздается тихий, заспанный голос.

— Тереза, спи… всё нормально, это просто я, — испуганно шепчу я в темноту, надеясь, что она не станет развивать тему.

Её кровать расположена прямо под моей, и именно поэтому вчера вечером мне не удалось проскользнуть незамеченной, когда я возвращалась с тяжелыми томами жрецов в руках.

— Спи? — недоверчиво переспрашивает она. — Ты вообще видела, который час?

Я нехотя стягиваю одеяло с головы и обнаруживаю, что Тереза уже сидит на постели и пристально смотрит на меня. Её волосы идеально собраны в тугой пучок, а на теле уже красуется официальная дворцовая форма. *О нет.* Сердце испуганно пропускает удар. Я судорожно бросаю взгляд на настенные часы: стрелки безжалостно замерли на шести утра. До утреннего построения у Дамы, где нам будут нарезать задачи на день, осталось ровно пятнадцать минут.

— Только не говори мне, что ты всю ночь просидела над этим барахлом!

Я в панике зарываю пальцы в растрепанные волосы: — И всё это оказалось абсолютно впустую, — обреченно выдыхаю я, щелчком выключая фонарик и захлопывая массивные книги. — Я даже не заметила, как пролетело время.

Я пулей соскакиваю с кровати и мчусь в ванную комнату. Тереза идет по коридору следом за мной: — Зачем ты вообще их читаешь? Серьезно решила податься в ученицы к жрецам?

Мое отражение в зеркале заставляет меня брезгливо поморщиться. Я на полную мощность открываю кран и принимаюсь яростно плескать в лицо ледяной водой. Если

я прямо сейчас не заставлю свой мозг проснуться, то рискую отключиться прямо на ходу во время обхода.

— Конечно нет. Я просто пыталась разобраться в одной чертовски важной вещи, — бросаю я, судорожно промокая лицо полотенцем.

— И как? Разобралась?

Я быстро орудую расческой, стягивая волосы в безупречный, жесткий узел на затылке: — Нет, — я с трудом подавляю подступающий знобящий зевок. — Не особо.

Я выхожу обратно в комнату, искренне надеясь, что на этом допрос окончится, но Тереза продолжает буравить меня взглядом. Она скептически выгибает бровь, пока я в дикой спешке, путаясь в рукавах, натягиваю форменную одежду. Ей лучше ни хрена об этом не знать. Я физически не могу открыться ей и рассказать, что видела Лавинию живой и невредимой в далекой Гренландии, или о том, что Король лично показал мне жуткий ожог на руке, который он якобы получил в момент её убийства.

— С тобой явно что-то происходит, Вирджиния, — тихо произносит подруга. — И это что-то очень серьезное, судя по тому, как ты мечешься все эти дни.

— Просто некоторые детали упорно не хотят складываться в общую картинку… Но мне нужно сначала лично во всем убедиться, понимаешь? Я перерыла кучу бумаг, но не нашла вообще ничего полезного, и это, клянусь, уже начинает сводить меня с ума, — честно признаюсь я, одновременно подтягивая тяжелую юбку и судорожно заправляя подол белой блузки.

Тереза понимающе кивает. Её взгляд плавно перемещается на стопку книг, брошенных на покрывале, после чего она слегка наклоняет голову набок: — А почему бы тебе вместо того, чтобы воровать учебные материалы у сопляков-послушников, просто не наведаться в Королевскую библиотеку?

Я застегиваю верхние пуговицы на воротнике: — Нам туда ход закрыт, ты же знаешь.

Я, разумеется, думала об этом варианте. Вот только доступ в святая святых Королевской библиотеки имеют исключительно высшие жрецы, члены правящего Совета, лично Дама двора и, само собой, Его Величество Король.

— Но ты ведь личная фаворитка Короля.

Я спешно втискиваю ноги в туфли на предписанном этикетом высоком каблуке: — И что ты предлагаешь? Прийти к стражам на входе и заявить, что Король лично отправил меня почитать сказки на ночь?

— Нет, глупая. Но ты вполне можешь выбить себе назначение на уборку этой самой библиотеки и под этим предлогом спокойно найти все свои ответы. — Она бросает мимолетный взгляд на часы. — Это в любом случае куда безопаснее, чем грабить учеников жречества и гробить здоровье бессонными ночами. Ладно, я жду тебя внизу. Поторапливайся, не хватало еще, чтобы Дама Ингрид нашла очередной повод устроить тебе показательную порку.

Я быстро и согласно киваю ей. Тереза выходит из комнаты, а я принимаюсь лихорадочно заправлять постель, пока мои мысли судорожно перестраиваются под совершенно новым углом. А ведь в её словах есть здравое зерно. Если мне действительно удастся получить доступ в залы Королевской библиотеки, мои шансы докопаться до истинных истоков Проклятия (*Male*) возрастут в сотни раз. Те брошюры, по которым учатся послушники, полностью переписаны и перефразированы самими жрецами — они словно хирургически дозируют и фильтруют каждую крупицу знаний, которую дают студентам. Я с силой взбиваю подушку и резкими движениями

выравниваю края простыни. Готово. Я вскидываю глаза на часы и цепенею… До построения осталось ровно пять минут!

Я хватаю книги, прижимаю их правым локтем к боку, настежь распахиваю тяжелую дверь и на полной скорости вылетаю из блока общежития.

Возле каменного парапета, скрестив руки на груди, меня уже поджидает Габриэль. На его лице написано крайнее удержание гнева. — Я торчу здесь уже целых двадцать минут! Скажи мне хотя бы, что ты нашла то, ради чего мы так рисковали!

Я лишь разочарованно качаю головой в ответ: — Ты успеешь вернуть их на место до того, как начнется шумиха? — приглушенно бормочу я, пока мы оба стремительно припускаем в сторону главного административного корпуса дворца.

Аллейные дорожки сейчас абсолютно пусты: к этому часу весь обслуживающий персонал двора уже стягивается на распределение ежедневных обязанностей. Если я опоздаю хотя бы на полминуты, Дама мгновенно зафиксирует мое отсутствие в строю.

Габриэль с силой толкает массивную дубовую створку и придерживает её, пропуская меня вперед: — Придется успеть. Если хоть один придурок из послушников поднимет вой из-за кражи, жрецы тут же начнут копать. А сейчас далеко не самое подходящее время для новой охоты на ведьм.

— Ты прав. Я твоя должница… Расскажешь обо всем позже.

Он коротко кивает, и на этом наши пути расходятся: Габриэль на полной скорости скрывается в правом крыле здания, а я бросаюсь в левое. Сердце испуганно колотится где-то в районе горла, пока я преодолеваю последние метры длинного коридора и резко закладываю вираж за угол, ведущий прямиком на дворцовую кухню. Слава богу, тяжелая дверь еще открыта. Я перевожу дух и незаметно проскальзываю внутрь, стараясь слиться со стеной. Занимаю свое место в шеренге аккурат рядом с Тайлой — девушкой, отвечающей за чистоту дворцового белья. Чуть дальше, на две линии впереди, я замечаю Терезу, которая едва заметно одобряюще кивает мне головой. Пронесло.

— Сегодня у нас нет ни одной лишней секунды на раскачку, — леденящий, звенящий голос Дамы Ингрид заставляет кровь буквально застыть в моих венах. — Мне нужна первая линия служанок в залах для завтрака членов Совета. Вторая линия отправляется на генеральную уборку королевских покоев. Третья…

В своих тонких пальцах она медленно и ритмично прокручивает длинный стальной прут. Тот самый, который она без тени сомнения пускает в ход, стоит ей заметить хотя бы одну выбившуюся из прически прядь у прислуги. Меня пробивает мгновенный озноб; я до сих пор отчетливо помню, как этот кусок железа со свистом опускался на мою руку — шрамы от тех ударов не зажили до сих пор. У Энджелин были принципиально иные методы поддержания дисциплины во дворце: она никогда не опускалась до банальной физической жестокости. Ингрид же, напротив, испытывает извращенное, почти физическое наслаждение от того панического ужаса, который она сеет вокруг себя.

Она резко останавливается прямо напротив Леи — совсем молодой новенькой девчонки служанки.

— О нет… — едва слышно выдыхает Тайла справа от меня.

— Что там такое? Прическа вроде в идеальном порядке, — так же тихо, одними губами уточняю я.

— Туфли… посмотри на её ноги.

Я опускаю взгляд вниз. На Лее нет тех обязательных, предписанных строжайшим дворцовым этикетом умопомрачительных шпилек. Вместо них на её ногах надеты простые, чистые белые спортивные кроссовки.

— Надо же, какая прелесть. Удобно, дорогая? — вкрадчиво шипит Ингрид, и на её лице расплывается такая приторная, уродливая гримаса, что к моему горлу мгновенно подступает тошнота.

— Д-да… Дама Ингрид… У меня просто сильное растяжение лодыжки, и дежурный лекарь строго-настрого запретил… — испуганно лепечет несчастная Лея, стремительно бледнея.

Я делаю глубокий, судорожный вдох, до боли сжимая кулаки: — Какого черта её никто заранее не предупредил? — цежу я сквозь зубы.

В прежние времена Энджелин в наказание за подобное нарушение просто заставила бы её тренировать походку на самых высоких каблуках по десять часов в сутки на протяжении декады, но… Я невольно вздрагиваю от неожиданности. Ингрид с размаху, с дикой силой впечатывает острый наконечник своего железного хлыста прямо в подъем стопы Леи. Из горла бедной девчонки вырывается задушенный, полный невыносимой боли крик.

— Дворцовый этикет — это закон, который обязан соблюдаться беспрекословно, — ледяным тоном чеканит Ингрид.

Лея судорожно кривит губы, из последних сил пытаясь удержать вертикальное положение, пока из её груди один за другим вырываются глухие, хриплые стоны.

— Чтобы это послужило хорошим уроком для каждой из вас! — повышает голос Дама Ингрид, медленно обводя взглядом замершую в ужасе шеренгу. — Правила созданы для того, чтобы им подчинялись, а не для того, чтобы вы устраивали здесь свои личные лавочки ради собственного комфорта! Это Королевский дворец. Находиться в этих стенах — величайшая привилегия, и вы даже близко не способны осознать, сколько сотен несчастных прямо сейчас за воротами мечтают оказаться на вашем месте!

Она наваливается на стальной прут еще сильнее, буквально вкручивая его в ногу девчонки, и Лея с тихим всхлипом ломается, падая на колени: — Вы имеете высочайшую честь лично прислуживать Его Величеству Королю — человеку, который твердой рукой держит бразды правления всем государством и ежеминутно защищает каждого из нас. И я требую от вас абсолютного, тотального уважения и стопроцентной отдачи! Я достаточно ясно выразилась?!

— Да, Дама Ингрид, — нестройным, намертво перепуганным хором отзывается шеренга, и этот звук заставляет надзирательницу удовлетворенно заулыбаться.

Она наконец убирает прут, брезгливо перешагивает через стонущую девушку и медленно двигается дальше вдоль рядов. Лея тут же заваливается вперед, вся её фигура крупно дрожит от шока; она судорожно зажимает рот ладонью, пытаясь подавить рвущиеся наружу истерические, полные боли рыдания. Тяжелый, свинцовый обруч намертво сжимает мою грудную клетку.

Тайла мертвой хваткой вцепляется в мой локоть, чувствуя мое нарастающее напряжение: — Даже не думай дергаться, Вирджиния. Стой смирно. Ты сейчас ничем ей не поможешь, только сделаешь хуже для вас обеих.

— Я знаю, — глухо шепчу я.

Ни одна служанка во дворце не имеет права покинуть строй до тех пор, пока Дама лично не завершит утренний обход. И вот её тяжелые, размеренные шаги

начинают приближаться в моем направлении. Ингрид плавно останавливается прямо напротив меня, её губы кривятся в хищной ухмылке, а мышцы лица напрягаются, превращаясь в каменную маску: — Что-то у тебя сегодня слишком бледный и потрепанный вид, дорогая. Тебя что-то тревожит? Неужели наша драгоценная королевская фаворитка желает, чтобы её сегодня кто-нибудь подменил на посту?

Я послушно опускаю взгляд в пол, как того строго требует регламент этикета при общении с высшим руководством: — Благодарю за вашу чуткость и заботу, Дама Ингрид, но я абсолютно здорова и полностью готова к исполнению своих обязанностей перед Его Величеством.

Я не вижу её лица, но готова дать руку на отсечение: прямо сейчас она буравит меня взглядом, в котором горит лишь одно неистовое желание — уничтожить меня на месте.

— Отлично. Потому что наш Король достоин того, чтобы вокруг него находились исключительно лучшие, а замученное, шатающееся от усталости отребье в его покоях неуместно. Я буду лично следить за каждым твоим шагом сегодня, Вирджиния. А вы, девочки, держитесь наготове — возможно, скоро одной из вас придется занять её место. На этом всё. Живо все по своим рабочим точкам!

Звук её каблуков медленно удаляется по коридору, пока окончательно не растворяется в тишине. Стоит двери захлопнуться, как я тут же срываюсь с места и бросаюсь к передним рядам. Вместе с остальными девчонками мы аккуратно подхватываем бледную Лею под мышки, помогая ей пересесть на низкую деревянную скамью, и я с максимальной осторожностью принимаюсь стягивать с её правой ноги испачканную белую обувь. Белый хлопковый носок, уже успевший насквозь пропитаться темной, сочащейся кровью, заставляет мою кожу покрыться колючими мурашками от ужаса.

В этот момент чьи-то пальцы мягко ложатся на мое плечо. Я вскидываю голову и встречаюсь взглядом с Терезой, которая настойчиво кивает мне в сторону выхода: — Оставь её нам, Вирджиния, мы сами всё обработаем. Живо уходи. Если ты вовремя не явишься в королевские покои к моменту подачи утреннего завтрака Его Величества, ты просто преподнесешь Ингрид идеальный повод на блюдечке, чтобы она сорвала на тебе свои садистские наклонности.

— Вот, я принесла аптечку, — к нам подбегает запыхавшаяся Тайла, крепко сжимая в руках белый пластиковый чемоданчик с красным крестом. — Лея, маленькая моя, сейчас я постараюсь сделать всё максимально аккуратно, но тебе придется немного потерпеть, хорошо? Держись за меня.

Пострадавшая девчонка лишь беззвучно кивает, из последних сил стискивая зубы, пока её лицо искажается в болезненной гримасе. Мне до безумия хочется остаться здесь, помочь им, сделать хоть что-то… Но здравый смысл и предостережение Терезы берут верх. Подруга права на все сто процентов. Ингрид дышит мне прямо в затылок, и малейшее опоздание с завтраком Короля превратит мою жизнь в сущий ад.

Я быстро перехожу к угловому прилавку, подхватываю массивный серебряный поднос и уже на ходу мысленно прикидываю, чем наполнить традиционный утренний завтрак Короля. Но что за… Поднос уже укомплектован по всем правилам.

— Я была твоей должницей, к тому же ты сегодня выглядишь неважно, — Полин задорно подмигивает мне и тут же скрывается в глубине кухни за высокими стеллажами.

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Я крепче сжимаю пальцами идеально собранный поднос: — Спасибо, — мой тихий шепот моментально растворяется в привычном утреннем хаосе кухни, где каждая служанка уже с головой погрузилась в свои обязанности.

Утро обещало быть безумным. Я сосредоточенно поднимаюсь по широким ступеням, ведущим к личным покоям Его Величества. Коридоры дворца буквально кишат гвардейцами; возле дверей я, как и всегда, замираю для обязательного досмотра личной охраной Короля. Они тщательно перерывают каждую тарелку на моем подносе, а затем бесцеремонно сканируют меня ручным металлоискателем. Я едва сдерживаю тяжелый вздох. Идиотские новые правила. Верховный Жрец после убийства покойного Короля внедрил столько параноидальных систем безопасности, что любой, кто приближается к Эдоардо, оказывается вывернут наизнанку и проверен до самых костей.

Я дважды коротко стучу в массивную дверь и аккуратно переступаю порог: — Ваше Величество.

Я застываю в глубоком поклоне, но в ответ раздается лишь оглушительная тишина. Тяжелые портьеры наглухо задернуты, и лишь один-единственный тонкий луч солнца пробивается сквозь щель, едва освещая погруженную во мрак комнату. Я бесшумно опускаю поднос на журнальный столик. Одеяло на огромной кровати сбито в сторону, оставляя открытой только правую руку Короля, которая безжизненно свисает до самого пола. Я делаю несколько шагов ближе, и мне в нос тут же бьет резкий, удушливый запах перегара. Я инстинктивно зажимаю рот ладонью, стараясь не наступить на пустые винные бутылки, сиротливо раскатившиеся по дорогому персидскому ковру. Господи, да сколько же он выпил за ночь?

— Ваше Величество, — негромко зову я, но он даже не шевелится.

Часы на прикроватной тумбочке безжалостно напоминают, что у нас осталось всего пятнадцать минут. Если Король вовремя не явится в зал Совета, вся вина за сорванный график камнем падет на мою голову. И я уже наяву вижу, как Дама Ингрид с садистским восторгом воспользуется этим предлогом, чтобы устроить мне очередную «показательную порку».

Уф, и что мне теперь делать? До сегодняшнего дня он еще ни разу не нажирался до такой степени, чтобы вообще не реагировать на внешние раздражители. По-хорошему, мне стоит подойти и слегка потрясти его за плечо, но строжайший этикет дворца гласит: никто из прислуги не имеет права даже прикасаться к членам королевской семьи. Я делаю глубокий вдох. Ладно, я коснусь его ровно настолько, насколько это необходимо для его же спасения. Если я его сейчас не растолкаю, мне вскоре вообще не придется соблюдать никакие правила.

Я протягиваю руку и осторожно касаюсь его обнаженного предплечья. Мои пальцы замирают прямо над сморщенным, уродливым лоскутом обугленной кожи, который тянется от самого локтя. Господи, какая же это была невыносимая, адская боль… И ведь он никому об этом не рассказал. Запер всё это глубоко внутри себя и просто продолжил жить дальше, делая вид, что ничего не произошло.

Так, стоп, Вирджиния, что за черт?! Жалость, сострадание или нежность — это последние чувства, которые я должна испытывать по отношению к этому человеку. Я случайно задеваю указательным пальцем рваный край его ожога и невольно вздрагиваю. Почему ни в одном официальном гримуаре жрецов нет ни единого упоминания об этом? Наследник, ведущий священную охоту на Проклятие, всегда описывается в хрониках как великий спаситель человечества, исполняющий свой долг

с гордо поднятой головой. Там нет ни слова о первобытном огне, который заживо пожирает и обугливает его собственную плоть. И кто знает, сколько еще жутких тайн скрывает в себе это проклятое клеймо… Интересно, а если…

— Смотреть на мужчину в таком ракурсе с самого утра — весьма опасное занятие, — раздается хриплый голос.

Мое сердце испуганно сжимается в груди, я резко вскидываю голову, чувствуя, как дыхание перехватывает от паники.

— А уж прикасаться к нему — и подавно.

Я пытаюсь судорожно отдернуть руку, но Эдоардо мгновенно перехватывает мою ладонь и крепко зажимает её в своих длинных пальцах. Я встречаюсь взглядом с двумя бездонными темными омутами, которые смотрят на меня сквозь пелену тяжелого сна. Король вопросительно выгибает бровь, требуя объяснений.

Я судорожно прочищаю пересохшее горло: — Я… я пришла разбудить вас, Ваше Величество. Через несколько минут вы обязаны присутствовать на заседании Совета, — бормочу я, отчаянно пытаясь собрать в кучу остатки своей разбитой уверенности.

Его большой палец начинает медленно, почти неощутимо поглаживать мою ладонь. Его кожа кажется неестественно горячей и шершавой по сравнению с моей.

— Твое лицо… — хрипло, едва различимо шепчет он. — Ты что, заболела?

Мое сердце колотится с такой неистовой силой, что мне кажется, он вот-вот услышит этот оглушительный стук.

— Нет, Сир.

Я снова пытаюсь деликатно высвободить руку, но он лишь сильнее сжимает хватку и одним резким движением заставляет меня сесть прямо на край его матраса. Он принимает полусидячее положение, полностью обнажая мускулистую грудь: — Тогда почему ты выглядишь так, словно из тебя заживо выкачали всю кровь? Это дело рук Дамы Ингрид?

Я резко отвожу взгляд в сторону, чувствуя, как к горлу подкатывает плотный, удушливый ком: — Нет, Сир.

— Посмотри на меня.

— Дворцовый этикет строго запрещает…

— Это приказ, — ледяным шепотом обрывает он.

Это утро окончательно превращается в какой-то изощренный бред. Я нехотя поворачиваю к нему голову. Растрепанные темные пряди небрежно падают ему на лоб; он слегка прищуривается, пристально и методично сканируя каждый миллиметр моего лица.

— Почему ты не спала ночью?

— Я спала, — нагло вру я. — Ваше Величество, боюсь, мы серьезно опоздаем, если вы прямо сейчас не…

— Обычно ты появляешься в моих покоях минимум за двадцать минут до назначенного времени. Почему сегодня всё иначе? — отрывисто срезает он, игнорируя мои попытки перевести тему.

Если бы он хотя бы соизволил отпустить мою руку, я уверена, мой мозг соображал бы в разы быстрее. Но он продолжает смотреть на меня так, словно я — сложнейшая головоломка, которую он твердо вознамерился разобрать и собрать обратно по своему личному усмотрению.

— Произошел небольшой инцидент на кухне, — тихо шепчу я, и технически это даже не является чистой ложью.

Эдоардо скептически приподнимает бровь: — Рассказывай.

Я бросаю панический взгляд на настенные часы, и мой желудок делает судорожный кульбит: — Позвольте мне объяснить всё, пока вы будете одеваться, Ваше Величество? — рискую я, выдавливая из себя самую натянутую улыбку, на которую только способна.

К моему облегчению, он наконец разжимает пальцы и уверенно поднимается с постели. Я тут же целомудренно отворачиваюсь к окну. Он лениво бредет в сторону ванной комнаты и плотно закрывает за собой дверь. Облегченно выдохнув, я пулей бросаюсь к окнам, настежь распахиваю тяжелые рамы, впуская в комнату свежий утренний воздух, а затем принимаюсь лихорадочно заправлять постель. На ходу мне приходится уворачиваться от нескольких крупных осколков стекла, разбросанных тут и там прямо по полу: он продолжает методично разрушать себя, и с каждым днем этот кошмар становится всё хуже. Я опускаюсь на корточки, аккуратно сгребая стеклянное крошево в самый дальний, безопасный угол.

— Я слушаю, — его внезапный голос заставляет меня вздрогнуть всем телом.

Краем глаза я замечаю, как он выходит из ванной и направляется к массивному платяному шкафу, уже облаченный в длинный шелковый халат глубокого черного цвета. Это позволяет мне немного перевести дух — слава богу, он хотя бы больше не разгуливает передо мной полуголым. Я торопливо подхожу ближе, протягивая ему официальный костюм на сегодняшний день, который я заботливо подготовила еще вчера вечером.

— Согласно уставу нашего дворца, все придворные служанки обязаны своим внешним видом олицетворять абсолютный достаток, статус и престиж королевской династии, — покорно наклонив голову, я передаю ему накрахмаленную белую блузу и строгие черные брюки.

Эдоардо забирает вещи из моих рук и, совершенно не обращая внимания на мое присутствие, одним движением сбрасывает халат на пол. Я мгновенно отворачиваюсь к стене, чувствуя, как щеки обжигает густой румянец.

— Продолжай.

Я судорожно сглатываю слюну, словно продолжать в такой обстановке — это самая простая вещь на свете: — Каждое утро Дама двора лично проводит жесткую инспекцию, проверяя, чтобы наш внешний вид соответствовал идеалу. Любая, кто нарушает этот кодекс, подвергается суровому наказанию.

— Она тебя тронула?

Я отрицательно качаю головой, упорно продолжая рассматривать замысловатый узор на обоях перед собой. Разговаривать с ним, не видя его лица, оказывается гораздо проще — это хоть немного снимает дикое внутреннее напряжение.

— Нет, Сир, со мной всё в порядке. Она наказала другую девушку, новенькую. За то, что та явилась на построение не на шпильках, а в обычной обуви.

Тихий, отчетливый звук застегивающейся молнии сопровождает его следующий вопрос: — На таких же каблуках, какие прямо сейчас надеты на тебе?

Я молча киваю, кожей ощущая, как его тяжелый взгляд буквально прожигает мои пятки. Этот его странный, обостренный интерес к бытовым деталям жизни прислуги совершенно не вяжется с его официальным статусом. Король великой державы вообще не должен вникать в подобные мелочи, но он упрямо продолжает гнуть свою линию.

— Они неудобные?

— Они являются неотъемлемой частью королевского протокола, Сир.

Он раздраженно фыркает: — Я спросил: они неудобные? — его голос раздается совсем близко, прямо за моей спиной.

— К этому быстро привыкаешь, Ваше Величество, — едва слышно бормочу я.

Его горячее дыхание ощутимо опаляет мою обнаженную шею, но он ведь физически не может стоять настолько близко ко мне. Верно? С замиранием сердца я покорно жду, когда он закончит одеваться, но в комнате на секунду воцаряется абсолютная тишина. Я медленно, сантиметр за сантиметром, поворачиваю голову и обнаруживаю, что Эдоардо стоит, небрежно облокотившись о подоконник, и отрешенно смотрит куда-то вдаль, на бескрайние королевские сады. О чем он думает в эту минуту?

Соблюдая регламент, я аккуратно снимаю с бархатной подушечки золотую корону и делаю шаг к нему.

— Ваша корона, Ваше Величество, — шепчу я.

Обычно эта почетная обязанность возложена на главного королевского советника, но Эдоардо самолично упразднил это правило. Из-за нашей колоссальной разницы в росте эта задача каждый раз превращается для меня в настоящее испытание.

— Ваше Величество, — снова тихо зову я его, но он не реагирует.

Эти странные моменты, когда он внезапно и полностью изолируется от всего внешнего мира, уходя глубоко в себя, в последнее время стали пугающе частыми. Я бросаю мимолетный взгляд на тумбочку: горка сильных психотропных препаратов заметно уменьшилась. Он исправно принимает их, но они, судя по всему, вообще черта с два работают. Эти таблетки, выписанные личным лекарем, давно стали нашей фатальной тайной — во всем дворце об их существовании знаем только я, сам врач и его родной дядя Тибериус.

Король резко поворачивает голову, и мое сердце болезненно сжимается. Густой полумрак спальни до этого момента не позволял мне отчетливо разглядеть его лицо: под его глазами залегли глубокие, мертвенно-фиолетовые тени. Он выглядит так, словно его тело медленно разлагается изнутри под действием какой-то невидимой силы.

— Ты как-то странно смотришь на меня сегодня, Вирджиния.

Я моментально утыкаюсь взглядом в пол: — Вам показалось, Сир.

Он покорно наклоняет голову вперед, давая мне возможность дотянуться. Мои пальцы тонут в его густых темных волосах; я аккуратно приподнимаю тяжелую золотую корону и ровно фиксирую её на его голове. Я уже собираюсь резко отдернуть руки, но Эдоардо молниеносным движением перехватывает мое правое запястье и мягко, но настойчиво притягивает меня вплотную к своей груди.

— Вот видишь. Ты и сейчас делаешь это.

— Я ничего не делаю, — выдыхаю я прямо ему в петлицу.

Его хватка на удивление бережная: он просто держит меня, не позволяя отстраниться, но при этом не причиняет боли и не впивается пальцами в кожу.

— Я вызываю у тебя жалость?

Я испуганно качаю головой. В горле мгновенно пересыхает, а все заготовленные слова намертво застревают в лабиринте мыслей.

Он слегка наклоняет лицо к моему уху: — Сначала ты ненавидишь меня настолько сильно, что физически не можешь выносить моего присутствия в одном помещении дольше получаса. Затем ты всеми силами пытаешься избегать любых контактов со мной. А теперь… теперь во всем твоем поведении сквозит что-то кардинально новое, но я никак не могу понять, что именно.

— Это не… — я судорожно перекрываю себе кислород.

Черт, черт, черт! Я совсем забыла, что у этого ублюдка встроенный, безошибочно работающий радар на любую ложь. Мне нужно срочно, прямо сейчас переключить его внимание на что-то такое, что гарантированно собьет его с толку и дезориентирует. *Есть идея!*

Я заставляю свои плечи расслабиться и уверенно, без тени страха встречаю его тяжелый взгляд: — На самом деле всё гораздо проще, Ваше Величество. Мое поведение связано с тем, что я хочу обратиться к вам с одной личной просьбой.

Он удивленно хмурится. Его пальцы едва заметно скользят по моим запястьям, и от этого мимолетного контакта по моей спине пробегает странная, неожиданно приятная волна покалывания.

— Я бы хотела получить ваше официальное разрешение на уборку в Королевской библиотеке.

— Но разве этими залами занимаются не послушники из ордена Жрецов? Если мне не изменяет память…

— Всё верно, Сир, — шепчу я, чувствуя, как к груди снова подступает удушливый ком.

Я совсем забыла про его феноменальную, пугающую память, благодаря которой он в свое время с легкостью сдавал любые сложнейшие экзамены при дворе.

— Именно поэтому мне и необходимо ваше личное, эксклюзивное одобрение.

Тук-тук.

Я испуганно вздрагиваю, мой взгляд испуганной птицей шарахается сначала к двери, а затем мгновенно перелетает на настенные часы. Ровно семь. Лицо стремительно бледнеет, а сознание буквально захлебывается в ледяном паническом кошмаре. *Господи, ну как, как я могла настолько потерять счет времени?!*

Вместо того чтобы отпустить меня, длинные пальцы Эдоардо скользят по запястью ниже и мертвой хваткой смыкаются вокруг моей ладони.

— Почему ты боишься? — тихо, с искренним непониманием спрашивает он.

Тук-тук.

— Нам нельзя находиться в таком положении, — умоляюще шепчу я едва различимым, срывающимся голосом. Мое сердце в этот момент испуганно колотится где-то в районе горла, совершая один безумный удар за другим.

Король делает еще один шаг вперед, сокращая и без того призрачную дистанцию. Я практически спиной чувствую, как меня намертво прижимает к твердым мышцам его живота: — Кто это сказал? — вкрадчиво уточняет он.

Я судорожно приоткрываю губы, но физически не успеваю вытолкнуть из себя ни единого слова. Из-за двери доносится ровный, официальный голос: — Ваше Величество, я прибыл, чтобы сопроводить вас на заседание Совета.

Это главный советник двора. А в королевской спальне сейчас царит монументальный, неописуемый хаос: Король так и не притронулся к завтраку, не принял свои жизненно важные психотропные препараты, а я, личная служанка, стою здесь, намертво прижатая к его телу, нарушая абсолютно все мыслимые и немыслимые правила векового этикета.

— Ты вся дрожишь, — его горячее дыхание снова касается моей кожи. Эдоардо смотрит на меня с каким-то странным, почти завороженным выражением, словно я для него — внезапный эпицентр разрушительного землетрясения. — Ты действительно до смерти напугана.

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Я делаю тяжелый выдох, чувствуя, как желудок скручивается в тугой болезненный узел: — Ваше Величество, я всего лишь обычная дворцовая служанка. Вы постоянно забываете об этом?

Тук-тук. — Сир, вы меня слышите? — дверная ручка начинает медленно, со скрипом поворачиваться, и каждый мускул в моем теле мгновенно парализует от первобытного ужаса.

Мне конец. Это смерть. Если советник прямо сейчас не сдаст меня личной гвардии за вопиющее нарушение субординации и невыполнение обязанностей, то Дама Ингрид лично организует для меня публичную гильотину на главной площади.

— Личная фаворитка Короля, — ледяным тоном поправляет он меня, словно эта едва заметная деталь меняет саму суть происходящего.

Эдоардо резко поворачивает голову в сторону двери, и его глубокий, властный голос тяжелой вибрацией разносится по пространству погруженной во мрак комнаты: — Перенесите заседание на час позже.

За дверью на секунду воцаряется гробовая тишина, сменяющаяся быстрым и безукоризненно покорным ответом: — Как прикажете, Ваша Светлость. Могу я сделать для вас что-то еще, Сир?

— Сопроводите мою фаворитку в Королевскую библиотеку. Сегодня она лично займется очисткой книжных стеллажей.

Я в шоке округляю глаза. Эдоардо, удовлетворенный произведенным эффектом, наконец разжимает пальцы и выпускает мою руку из своего плена.

— Будет исполнено, Сир, — доносится из-за двери.

Король делает едва заметный кивок в сторону выхода, и на его губах играет едва различимая, ироничная ухмылка: — Ты слишком часто забываешь о том, что ты — моя фаворитка. А не какая-то там обычная девка из прислуги.

Мои щеки мгновенно вспыхивают густым, обжигающим румянцем. Подобная прямота застает меня врасплох, выбивая последнюю почву из-под ног.

Эдоардо слегка приподнимает уголок губ в редкой для него полуулыбке: — Тебе помочь дойти до двери? Или сам справишься?

Я лишь судорожно качаю головой, окончательно растеряв способность формулировать хоть сколько-нибудь членораздельные фразы. Медленно пячусь назад, затем резко разворачиваюсь и почти бегу к выходу. С каждым сделанным шагом я физически, кожей чувствую, как его тяжелый, обжигающий взгляд буквально прожигает мне лопатки.

Внутри меня бушует настоящий ураган. Хаос заполняет мысли, стягивая их в бесконечную, тугую гирлянду неразрешимых узлов. Я рывком открываю дверь и тут же плотно захлопываю её за своей спиной.

Пожилой советник двора молча делает приглашающий жест и чинно покорно идет впереди меня по длинному ковру коридора. В его бесстрастном лице нет ни капли удивления, его глаза не ставят под сомнение ни единое слово Эдоардо. Раз Король сказал, значит, так оно и есть.

«Ты слишком часто забываешь о том, что ты — моя фаворитка», — эти слова набатом продолжают стучать в моих висках в такт шагам.

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Глава 13

«И даже если наши разумы не смогут узнать друг друга, это сделают наши души, заявляя права друг на друга. А если наши души не смогут узнать друг друга, это сделают наши тела, пожирая разделяющее их пространство. Потому что мы с тобой — одно целое».

— Письмо № 140,
Артур

Ясмин

Я туго сжимаю пальцы и делаю глубокий выдох, не отрывая взгляда от ревущего синего шара, зависшего прямо предо мной. *Вправо. А теперь удерживай силу.* Виски неистово пульсируют, раскаленная энергия мощным потоком струится по венам моих рук, но эта боль уже давно стала вполне терпимой. Я больше не пытаюсь сжаться, не пытаюсь трусливо сбежать — я просто смотрю на огонь, заставляя его беспрекословно подчиняться моим мысленным командам.

— Невероятно… — едва слышно шепчет Нанук, и я готова поклясться, что именно он сейчас восторженно хлопает в ладоши.

Я изо всех сил стараюсь прочно стоять на ногах и не испепелить здесь всё к чертям случайной искрой. Боковым зрением я отчетливо вижу Артура, замершего чуть правее от меня. Из-за расстояния я не могу до конца разобрать выражение его лица, но даже если бы я подошла вплотную, я знаю: этот человек ни за что на свете не позволил бы ни одной живой эмоции отразиться на своем безупречном лице.

— А теперь попробуй полностью растворить его, погасить.

Голос Элайджи бесцеремонно вторгается в мои мысли. Он звучит откуда-то слева, но я не решаюсь даже на миллиметр повернуть голову, чтобы банально не потерять хрупкий баланс.

— Тебе может помочь один фокус: пройди тот же путь, но в обратном направлении. Просто мысленно вернись к тому самому образу, который ты используешь для розжига пламени.

То есть к человеку, который стоит всего в нескольких сантиметрах от меня. К парню с непослушными золотистыми кудрями и абсолютно непроницаемым, нечитаемым взглядом. Меня до глубины души, до безумия смущает тот факт, что для управления смертоносным стихийным огнем мне жизненно необходимо концентрироваться именно на нем. Мои щеки мгновенно заливает еще более густая, пунцовая краска, но я даже не пытаюсь спрятать лицо. Пускай думают, что это обычное следствие того, что температура моего тела сейчас подскочила до предела. Им явно не стоит знать об истинном, пугающем и необъяснимом эффекте, который Артур оказывает на меня одним своим присутствием.

Я плотно закрываю глаза и полностью погружаюсь в себя. Я принимаюсь по памяти детально рисовать его лицо в своем воображении: бережно окрашиваю радужки его глаз в теплые тона полуденного солнца, а затем аккуратно добавляю те самые темные искры, которые мириадами песчинок окружают его зрачки.

— Оно уменьшается! Что бы ты сейчас ни делала, Ясмин, ты на абсолютно правильном пути, — вкрадчиво шепчет Элайджа.

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Я резко распахиваю глаза: огромный синий огненный шар на глазах сжимается до размеров крошечной искры и с сухим щелчком растворяется в воздухе. Я бессильно опускаю затекшие руки. Мощный заряд адреналина мгновенно покидает тело, и мышцы тут же сводит мелкая, болезненная судорога, заставляя меня страдальчески скривить губы. Черт, я, наверное, никогда в жизни не привыкну к этому чувству. Мой организм словно натурально питается колоссальной первобытной силой огня, а когда тот гаснет, я испытываю самую настоящую, физическую ломку.

— Да ты у нас теперь просто стихийное бедствие ходячее! — Нанук вовсю заливается аплодисментами.

Я поворачиваю голову и вижу, что он сидит на высоком стуле на максимально безопасном от меня расстоянии, одобрительно качая головой.

— Придется мне придумать тебе новое прозвище, Ваше Величество Чудо-Женщина. Осталось только хоть немного поработать над твоим финальным выходом, а то эти твои синие искры едва не лишили меня моих роскошных волос.

Элайджа с теплой улыбкой протягивает мне прохладную пластиковую бутылку. Прежде чем сделать первый жадный глоток, я на пару секунд прижимаю её к своим пылающим щекам, пытаясь унять жар.

— Ты наконец-то нащупала свой ключ, — искренне радуется он. — Думаю, я смогу помочь тебе довести этот контроль до идеала, если ты поделишься со мной: какой именно образ ты визуализируешь в момент розжига?

От его невинного вопроса вода мгновенно попадает мне не в то горло. Я принимаюсь судорожно, надрывно кашлять, и мой испуганный взгляд инстинктивно пролетает мимо Элайджи и намертво застывает на *нем*.

Артур стоит, небрежно запустив одну руку в карман своих черных джинсов, а второй лениво перелистывает рабочий блокнот Элайджи, где тот педантично фиксирует все мои малейшие успехи и фазы улучшения.

— Ну… я даже не знаю, — я судорожно сглатываю вставший в горле ком. — Я толком не успеваю зафиксировать, о чем именно думаю. В голове в этот момент крутится слишком много разных, хаотичных мыслей, — шепчу я, и в моем голосе сейчас звучит куда больше растерянности, чем железобетонной уверенности.

Элайджа понимающе кивает: — Ладно, без проблем. Давай для начала проверим твои ладони. Ты продолжаешь мазать их лечебной мазью?

— Да, наношу каждый вечер перед сном. Мама даже отдает мне свои личные запасы. Она свято уверена, что я так жутко обгорела, когда помогала волонтерам разводить костры для бездомных, чтобы те могли согреться ночью.

Ложь в адрес собственной матери уже отскакивает от моих зубов практически на автомате. Я послушно протягиваю Элайдже руки, позволяя ему аккуратно размотать белые бинты и лично оценить состояние ожогов, полученных за последние дни тренировок. Я тяжело вздыхаю и снова совершаю тактическую ошибку — поддаюсь непреодолимому, глубинному импульсу и кошусь в правую сторону. Туда, куда все мое существо буквально умоляет меня повернуться.

Один непослушный золотистый локон снова небрежно упал Артуру на лоб, и внутри меня внезапно просыпается дикое, совершенно безумное желание просто подойти и аккуратно заправить его на место. Простая белая футболка выгодно подчеркивает его мощные, рельефные бицепсы, но сам он при этом кажется абсолютно, пугающе равнодушным к тому урагану эмоций, который с корнем выворачивает мой желудок наизнанку при каждом его малейшем движении.

— Ожоги нужно продолжать обрабатывать с максимальной осторожностью, это принципиально важно, поняла? — напутствует Элайджа.

Я судорожно прочищаю внезапно пересохшее горло и заставляю себя смотреть строго перед собой: — Да, конечно. Я всё делаю.

— Элайджа, выйди-ка сюда на пару слов! — громкий крик Нанука со стороны верхних трибун заставляет нас вздрогнуть.

Рядом с ним стоят двое крепких мужчин, в которых я без труда узнаю штатных сотрудников личной безопасности клана Олсен. Элайджа согласно кивает и в мгновение ока взлетает по ступеням вверх, направляясь к ним.

И я остаюсь в тренировочном зале один на один с Артуром.

— Твой сегодняшний вопрос? — раздается его глубокий голос.

— Мой сегодняшний вопрос… — эхом испуганно повторяю я.

Я ведь даже не успела ничего придумать. Я была слишком сильно занята тем, чтобы просто не выглядеть в его глазах жалкой, патологически зависимой от его присутствия дурой.

Артур с негромким хлопком закрывает блокнот и медленно поворачивается ко мне лицом: — Что, совсем ничего нет?

Двадцать шесть лет. Любимый цвет — лазурно-голубой. Участвует в боях с самого раннего детства. Он просто строго соблюдает одно внутреннее правило. У него нет семьи и никогда не было фамилии.

Пять дней тренировок. Пять коротких, вырванных с боем, хрупких ответов, которые я буквально украла у него после каждого занятия. Я ментально цепляюсь за эти крупицы информации так, словно они — бесценное сокровище, которое может испариться из моих рук в любую секунду, но глобально я по-прежнему топчусь на самой стартовой точке нашего знакомства.

— Артур, ты нам здесь срочно нужен! — очередной выкрик Нанука заставляет его вскинуть голову.

Он начинает неторопливо двигаться к выходу, и с каждым его шагом расстояние между нашими телами стремительно сокращается, буквально высасывая весь свободный кислород из пространства вокруг меня. Я инстинктивно прижимаю ладонь к груди и делаю судорожный вдох. *Мне нужно успокоиться, прямо сейчас, иначе я действительно сойду с ума.* Мое тело реагирует на него каким-то запредельным, пугающим образом: день за днем я отчетливо чувствую, как внутри меня разрастается огромная, ненасытная черная дыра.

Он проходит в какой-то паре сантиметров от меня, и мое сердце окончательно пропускает тяжелый удар.

— Я… — едва слышно, одним губами выдыхаю я, но он, естественно, ничего не слышит и продолжает свой путь к трибунам, даже не подумав обернуться. — … я попала по самой полной программе, — обреченно вздыхаю я в пустоту зала.

Мне хочется спросить у него обо всем на свете. О его прошлом, о его шрамах, о том, что творится в его голове. Но все ответы, которые он снисходит выдать, всегда оказываются максимально короткими, размытыми или чересчур общими. Он органически ненавидел разговаривать и уж тем более — что-то кому-то объяснять, поэтому мне раз за разом приходится самостоятельно расшифровывать его намеки и вручную соединять разрозненные точки на этой карте.

— Ну что, готова к настоящей тренировке, боец?

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Аласи эффектным, грациозным прыжком соскакивает с высоких судейских трибун прямо на мат. Если бы я попыталась провернуть подобный трюк, то гарантированно вывихнула бы себе пару-тройку жизненно важных суставов. Господи, до чего же она всё-таки чертовски красива. Плотные черные леггинсы идеально облегают её бедра, выгодно подчеркивая безупречную фигуру «песочные часы», а короткая синяя майка оставляет полностью открытым плоский живот.

— Мы обязаны делать это прямо сейчас? Мои кости, знаешь ли, далеко не такие прочные, как твои.

Песочно-русые волосы тяжелой волной рассыпаются по её плечам. Она подходит ближе, и я замечаю эластичный бинт, плотно обматывающий её левое предплечье — от этого зрелища глухое чувство вины мгновенно железным тиском сжимает мне грудную клетку. Это ведь я её так.

— Именно поэтому мы и будем тренироваться, — её уверенный, звонкий голос моментально выдергивает меня из оцепенения. — Если мы не укрепим твои руки, ты просто не сможешь выдерживать отдачу собственного пламени. Всё закончится тем, что твой огонь начнет заживо пожирать твои собственные мышцы.

Я покорно киваю. Она права на все сто процентов. Каждый раз, когда я заканчиваю сессию розжига, мое тело бьет крупная дрожь от диких спазмов, а ноги трясутся, словно осиновые листья на ветру.

Я занимаю позицию на мате прямо напротив нее, зеркально копирую её стойку и принимаюсь ритмично выбрасывать руки вперед, с силой рассекая воздух.

— Ты делаешь феноменальные успехи за такой короткий срок. Как тебе это удается? — вкрадчиво спрашивает она, не прерывая движений.

Аласи двигается невероятно плавно, изящно, словно в каком-то смертоносном танце, в то время как я постоянно спотыкаюсь на ровном месте и выгляжу кем угодно, но только не координированным бойцом.

— Элайджа… он просто потрясающе умеет направлять меня, — честно признаюсь я тихим шепотом. — Я без понятия, как именно у него это получается, но он всегда находит правильные слова, чтобы я могла увидеть структуру огня и взять её под контроль. Но мне всё еще нужно работать и работать.

В глазах Аласи на долю секунды вспыхивает лукавая искра: — Элайджа, говоришь? Хм. А как же Артур? Тебе ведь теперь даже не нужно прикасаться к нему, чтобы зажечь искру.

Я растерянно хлопаю ресницами: — Да, это так, но…

Не успеваю я договорить, как она молниеносным движением перехватывает мое вытянутое предплечье, резко заходит мне за спину и с силой тянет мою руку вниз. Из моего горла вырывается хриплый возглас, а вдоль позвоночника проносится острая, прошибающая до слез боль.

— Этот прием идеально подойдет тебе для базовой самообороны. Намертво зафиксируй его в памяти и сейчас попробуй повторить то же самое на мне, — она плавно разжимает захват, давая мне возможность восстановить сбитое дыхание.

Я уставляюсь на нее округлившимися от шока глазами: — Да где ты вообще научилась всем этим каскадерским трюкам?

Она провела этот захват в одно мгновение ока, без малейшего удержания или тени сомнений.

Аласи лишь безразлично пожимает плечами: — Отец, — спокойно произносит она, и уголок её губ едва заметно дергается вверх. — Он до смерти хотел, чтобы я была в

состоянии защитить себя сама и никогда в этой жизни не зависела ни от одного мужчины. Именно поэтому мы часами пропадали здесь, в подвале. Он швырял меня через бедро, как мешок с песком, а я потом подолгу лежала на мате и тупо рассматривала трещины на потолке.

Она на секунду замирает, и её красивые глаза подозрительно блестят от подступающей влаги. Но уже в следующий миг она резко моргает: — Так, ладно, давай. Теперь твоя очередь, пробуй.

Я медленно, стараясь в точности воспроизвести её траекторию, повторяю последовательность движений. После пары её жестких корректировок мне наконец удается зайти ей за спину.

— Отлично. А теперь ты должна с максимальной силой рвануть руку в противоположную сторону. Давай заново.

Я снова встаю напротив нее. Мы повторяем эту связку три раза подряд, и её внимательный взгляд неотрывно следит за каждым моим шагом. От тех слез, что еще мгновение назад готовы были хлынуть из её глаз, не осталось и следа — она словно щелчком тумблера задействовала внутренний тормоз, наглухо заперев любые намеки на эмоции.

— Умница, тебе просто нужно вести себя увереннее, — довольно кивает она, и её лицо озаряется искренней гордостью за меня. — Так, теперь давай сделаем серию на пресс, а потом плавно перейдем к отжиманиям от пола.

Я ложусь спиной на прохладный мат, сгибаю ноги в коленях, убираю ладони за затылок и принимаюсь методично поднимать корпус, настраиваясь на долгую, изматывающую серию повторений.

Аласи аккуратно присаживается на пол справа от меня. Когда наши взгляды в очередной раз пересекаются в верхней точке подъема, она слегка приоткрывает губы: — И всё же… о чем именно ты думаешь, когда внутри тебя рождается это синее пламя? — тихо спрашивает она.

— Да так, ни о чем особенном, — выдыхаю я, чувствуя, как сердце снова испуганно пускается вскачь.

Потрясающе. Похоже, это официально главный вопрос сегодняшнего дня.

— Ясмин, — в её голосе сейчас звучит мягкое, почти сестринское укоризненное предостережение. — Я ведь своими собственными глазами видела, как именно ты реагируешь, когда он к тебе прикасается. И этот дурацкий румянец, который мгновенно заливает твои щеки, стоит ему просто повернуться в твою сторону, или…

Она продолжает спокойно говорить, а я в этот момент упрямо уставляюсь взглядом в неоновую лампу на потолке, испытывая одно-единственное желание — прямо сейчас превратиться в какую-нибудь мелкую муху и свалить отсюда как можно дальше. Сердце бешено колотится в грудную клетку, словно меня только что поймали с поличным на месте преступления, что само по себе абсолютный абсурд.

— Парни могут этого не замечать, я и не жду, что у этой троицы окажется достаточно эмоциональной чувствительности, чтобы считать такие тонкие нюансы. Но я-то всё прекрасно видела.

Я резко задействую мышцы пресса и принимаю сидячее положение, садясь прямо напротив нее: — И что конкретно ты видела? — едва слышно шепчу я.

— Артур, — мягко произносит она.

От одного только звука его имени по моей коже мгновенно пробегает батальон колючих мурашек.

— Он ведь оказывает на тебя какое-то совершенно особенное, странное влияние, я права?

Внезапно пересохшее горло вынуждает меня резко вскочить на ноги. Я целенаправленно иду к столу и хватаю бутылку с водой, отчаянно пытаясь потянуть время: — Нет. Я понятия не имею, о чем ты вообще говоришь.

— Послушай меня, именно поэтому я тебя и прошу: ради твоего же блага, держись от него подальше. Не позволяй ему так глубоко затянуть тебя в это, пожалуйста.

Я неторопливо скручиваю пластиковую крышку с бутылки и пристально смотрю на подругу, изогнув одну бровь в немом вопросе: — Почему ты говоришь об этом так, словно мне грозит смертельная опасность?

— Потому что ты должна мне поверить, Ясмин. В последние дни ты смотришь на него совершенно иначе. И это замечаю не только я.

Я делаю глубокий, затяжной глоток, позволяя ледяной воде ворваться в пищевод и хоть немного унять тот обжигающий, лихорадочный жар, что прямо сейчас заставляет бурлить каждую клеточку моего тела. Меня только что бесцеремонно лишили всех слоев той удобной лжи, которой я так усердно прикрывалась, сорвали любую ментальную защиту, за которой я пыталась спрятаться от самой себя.

— Нет, — откровенно лгу я, со стуком возвращая бутылку на деревянную поверхность стола. — Я смотрю на него точно так же, как и на всех остальных. На Нанука, на Элайджу.

Аласи с грустной улыбкой качает головой: — Внутри этого человека нет ни единого свободного сантиметра для каких бы то ни было чувств, которые ты к нему зарождаешь.

Я испуганно хлопаю ресницами, пытаясь удержать лицо: — Да не зарождаю я к нему абсолютно ничего…

— Ты уверена в этом, Ясмин?

— Да, — едва слышно выдыхаю я, чувствуя, как на язык мгновенно оседает горький, удушливый привкус. И эта ментальная горечь сейчас бьет по моим нервам куда сильнее, чем реальная хлесткая пощечина.

Я застываю напротив нее, мучительно пытаясь нащупать хоть какие-то аргументы, пока мои мысли испуганно блуждают в кромешной, непроглядной тьме.

— Ну, в таком случае — тем лучше, — примирительно кивает она. — Меньше всего на свете мне хотелось бы видеть, как ты будешь ломаться и страдать из-за него.

Она рассуждает об Артуре так, словно тот парень, которого я вижу перед собой каждый день на тренировках — лишь искусный оптический обман, фальшивка, истинное лицо которой известно лишь ей одной.

— Почему ты говоришь о нем в таком ключе? — не выдерживаю я. — Что именно ты знаешь, чего не знаю я?

Вместо ответа Аласи молча поднимается на ноги, неторопливо подходит к тяжелому металлическому шкафу в левой части зала и выдвигает один из глубоких ящиков: — Я знаю его недостаточно хорошо, чтобы делать какие-то глобальные выводы, но… — Она аккуратно достает плотный пластиковый пакет и возвращается ко мне. — …я слишком хорошо умею определять, когда мужчина органически неспособен на эмоциональную привязанность. Артур не испытывает ни малейшей крупицы искреннего интереса ни к одному человеческому существу на этой планете.

Сердце в груди болезненно сжимается, словно его перетянули тугой струной, но я заставляю себя держать удар и не отвожу взгляда от её лица.

— Я знаю, — покорно киваю я.

При этом я, естественно, ни единым словом не намекаю на ту его сторону, которую я успела подсмотреть в чужих, украденных воспоминаниях. *Этого* Артура Аласи не видела никогда в своей жизни. Она понятия не имеет о той пронзительной нежности, ошеломляющей заботе и ласке, которые были запечатаны в драгоценных мгновениях его далекого, стертого из памяти прошлого.

— А это еще что такое? — спрашиваю я, торопливо меняя тему разговора, пока не выдала себя окончательно.

Она вытягивает руку вперед и протягивает мне пакет: — Специально для вашей официальной встречи с представителями Азиатского Королевства мы заказали для тебя этот костюм. Он сшит строго по твоим меркам из высокотехнологичного огнеупорного материала. Ткань — лучшая из всего, что сейчас можно достать на рынке, она позволит тебе двигаться без малейшего стеснения движений. И самое главное, на чем особенно настаивал Элайджа: как только ты его наденешь, ты почувствуешь приятную прохладу. Это поможет твоему организму легче переносить эти дикие температурные скачки во время активации магии.

Я бережно извлекаю комбинезон наружу. Мягкая, эластичная черная ткань выглядит настолько футуристично и качественно, что на моем лице впервые за день появляется искренняя, теплая улыбка.

— Спасибо большое, — тихо шепчу я. — Ребята, вам действительно не стоило так тратиться.

Аласи лишь небрежно дергает плечом: — Брось, пустяки. Давай, примерь его прямо сейчас, нужно проверить, как он на тебе сидит. У нас в запасе есть еще несколько дней, так что, если потребуется, мы успеем подогнать его по фигуре.

Я согласно киваю, быстро скрываюсь за металлическим корпусом шкафа и торопливыми, отточенными движениями сбрасываю с себя повседневную одежду.

«Артур не испытывает ни малейшей крупицы искреннего интереса ни к одному человеческому существу…»

Я аккуратно складываю свои вещи на свободную полку. *Это неправда.* Я решительно трясу головой, прогоняя навязчивые мысли, и начинаю натягивать комбинезон снизу вверх. Он просто не такой, каким хочет казаться. С другой стороны, я даже в самом страшном сне не могла предположить, что Аласи умудрится так легко считать те нюансы, которые я всеми силами пытаюсь замаскировать даже от своего собственного сознания. Неужели то, как я на него смотрю, действительно настолько очевидно для окружающих?

Плотная ткань мгновенно адаптируется под линии моего тела, идеально, как вторая кожа, утягивая талию и подчеркивая изгибы.

— Вообще-то у меня вечная проблема с подбором брюк или джинсов, потому что у меня анатомически очень узкая талия… — на ходу говорю я, выходя из-за шкафа. На теле костюм практически не ощущается — полное ощущение, что на мне вообще ничего нет. — Вы что, как-то умудрились тайно снять с меня мерки прямо во время тренировок, пока я была без сознания?

Аласи в изумлении приоткрывает рот, и от её ошарашенного взгляда у меня едва не останавливается сердце. — Что? Что не так? — Я испуганно оборачиваюсь назад, но позади меня лишь пустая стена. — Почему ты так на меня смотришь?

— Слушай, ты в нем выглядишь настолько чертовски сексуально, что я сейчас всерьез готова усомниться в собственной ориентации, я тебя официально предупреждаю.

Я качаю головой, чувствуя, как к лицу снова подступает жар: — Перестань, ты явно преувеличиваешь, — вздыхаю я. — И у меня не было ни малейшего желания выглядеть сексуально, ясно?

— Ну, тут уж извини, подруга, против природы не попрешь. Ты в нем невероятна, и этот комбинезон подчеркивает абсолютно каждую чертову линию твоего тела.

— О, потрясающе, именно об этом я всю жизнь и мечтала, — иронизирую я, поднимая руки вверх и с огромным облегчением отмечая, что ткань нигде не тянет и не ограничивает амплитуду движений. Идеально. Он настолько комфортный, что в нем можно спокойно спать. Две тонкие серебристые вставки на запястьях и щиколотках эффектно контрастируют с черным цветом, добавляя костюму стиля.

— Давай сделаем серию отжиманий, заодно протестируем его в деле. Что скажешь?

Я киваю и послушно опускаюсь на пол, морально готовясь к повторениям, которые сейчас окончательно добьют мои несчастные мышцы.

— Ощущение, будто его сшивали прямо на мне, — тихо шепчу я, упираясь ладонями в мат и принимая упор лежа. — Как вам удалось угадать настолько идеально?

— А, это… — Аласи делает короткую, странную паузу. — Все мерки нам передал Артур.

Что?..

В этот момент в моей голове окончательно рушатся все логические цепочки. Сколько бы я ни пыталась прокрутить эту фразу в своих мыслях, сколько бы ни перебирала варианты, я физически не могу найти ни одного рационального объяснения, способного разогнать этот плотный туман в моем сознании. Конфуз, дикое изумление и глубинное, пугающее смятение сплетаются внутри меня в один монолитный гордиев узел из вопросов, на которые у меня нет ответов.

Откуда, черт возьми, Артур может до каждого миллиметра знать параметры моего тела?! Длина рук, объем талии, бедра, икры, запястья, обхват груди… Каждая отдельная линия, каждая окружность выверена со снайперской точностью, без малейшей погрешности. Если бы он просто на глаз выбрал стандартный размер между «S» и «M», я бы даже не обратила внимания. Но этот костюм с точностью до миллиметра повторяет мою анатомию, облегая каждый изгиб. Но как?! Как он это сделал?..

— Ясмин!

Я судорожно выныриваю из своих мыслей и растерянно моргаю: — Да? Что?

Мари настойчиво машет мне рукой, призывая подойти, и только в этот момент я осознаю, что уже несколько минут стою неподвижно, как каменное изваяние, тупо уставившись в огромную стеклянную витрину магазина. Я торопливо догоняю её. Материнский взгляд внимательно, с явным беспокойством сканирует меня с ног до головы: — Доченька, ты уверена, что с тобой всё в порядке? Ты какая-то бледная.

— Да-да, всё хорошо. Я просто… задумалась, — я судорожно пытаюсь выиграть время и перевожу взгляд на манекен за стеклом, судорожно цепляясь за первую попавшуюся вещь. Тыкаю пальцем в элегантный жакет: — Вот, я как раз смотрела на него. Думала, может, такая куртка пригодится мне в поездке по Азиатскому Королевству?

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Мари прослеживает за траекторией моей руки и разочарованно качает головой: — Нет, глупости, тебе нужно что-то гораздо более изящное и нарядное. Ты будешь сопровождать самих Олсенов в их официальном дипломатическом турне, твоя одежда должна соответствовать их статусу. Мы не имеем права ударить в грязь лицом рядом с самой влиятельной и уважаемой семьей во всей Гренландии. Пойдем, вон в той секции я видела потрясающие элегантные костюмы, которые…

Пока её голос продолжает звучать на фоне, мой желудок скручивает болезненный, железный спазм. Ложь в её адрес уже стала для меня чем-то обыденным, пугающе привычным, и та пугающая легкость, с которой я раз за разом обманываю самого близкого человека, оставляет глубокие, кровоточащие шрамы на моей душе каждый раз, когда я смотрю в её любящие глаза.

Мы заходим в очередной роскошный бутик, и Мари принимается охапками сгребать с вешалок безумно дорогие дизайнерские вещи. Она даже близко не подозревает, что я не надену ни одну из них. В реальности мне придется носить плотный, обтягивающий огнеупорный комбинезон, созданный с единственной целью — чтобы я случайно не превратилась в живой факел посреди королевского приема.

Я мягко перехватываю её за руку, заставляя остановиться посреди зала: — Мам, остановись, они стоят целое состояние. Мне вполне хватит тех двух комплектов, которые мы купили в самом начале.

— Об этом даже слышать не желаю! — решительно отрезает она. — Моя дочь будет выглядеть безупречно и на высшем уровне, чего бы мне это ни стоило.

Она аккуратно высвобождает руку и с удвоенной энергией продолжает свой крестовый поход по магазину, нагружая себя элитными тканями до такой степени, что одежда вот-вот начнет позорно валиться на пол. Мне ничего не остается, кроме как забирать эти тяжелые вешалки из её рук, покорно следуя за ней по лабиринтам торговых рядов и мысленно моля все высшие силы о каком-нибудь чуде, которое заставит её прекратить это безумие.

Заметив проходящую мимо девушку-консультанта, Мари тут же подзывает её взмахом руки. Та мгновенно устремляется к нам, сияя профессиональной, ослепительной улыбкой: — Добрый день! Чем я могу помочь вам и вашей прекрасной даме?

— Скажите, милая, а где у вас можно посмотреть элегантные сапоги? Я уже обошла весь первый этаж, но так ничего и не нашла.

Девушка плавно указывает рукой в сторону широкой лестницы справа от нас: — Разумеется, обувной салон находится на втором уровне. Позвольте, я лично вас провожу.

— О, огромное вам спасибо, — расцветает в ответной улыбке Мари, а затем быстро оборачивается ко мне: — Ясмин, солнце, а ты пока иди в примерочную и примерь всё, что мы набрали. Я скоро вернусь!

Я молча киваю и провожаю взглядом её удаляющуюся фигуру. Тяжелый, свинцовый груз вины в моей груди становится почти невыносимым, но я привычно приказываю себе проигнорировать эту боль. Какой смысл заставлять её тратить все семейные сбережения на одежду, которую я никогда не надену? План созревает мгновенно: я просто зайду в кабинку, примерю пару вещей, а потом скажу, что они сидят на мне ужасно, и уговорю её вернуть всё обратно, оставив максимум одну блузку.

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Примерочные кабины спрятаны в самом дальнем, уединенном углу магазина. Я подхожу к нужной двери и аккуратно складываю гору дорогих нарядов на мягкий бежевый пуф.

— Я ни за что не позволю ей потратить столько денег… — тихо бормочу я себе под нос, давая внутреннюю клятву. Я просто физически не смогу принять такой подарок, зная правду.

— Какой кошмар… Господи, ну и катастрофа! — внезапно доносится из коридора дребезжащий, полный искреннего возмущения голос.

Я инстинктивно поворачиваю голову. Чуть левее от меня стоит пожилая, прилично одетая женщина. Высоко вскинув седую бровь, она неотрывно, с явным отвращением смотрит на большой плазменный экран, вмонтированный в стену прямо напротив зоны ожидания.

Я делаю несколько шагов вперед и щурюсь, пытаясь разобрать изображение. На экране транслируют кадры живой, беснующейся толпы. Лица людей кажутся бледными, изможденными, с глубоко запавшими глазами, искусанными, серыми от сухости губами и ввалившимися щеками. Я подхожу еще ближе, чувствуя, как внутри зарождается нехорошее предчувствие. Солдаты в тяжелой броне, вооруженные до зубов автоматическим оружием, с дикой, неоправданной жестокостью оттесняют несчастных людей назад, орудуя прикладами. От этой картины по моей спине пробегает ледяная волна мурашек.

— С каких это пор с родными гражданами позволено обращаться как со скотом? — выплевывает пожилая дама, нервно сжимая кулаки. — Чертово королевство, построенное на тотальной, прогнившей лжи!

Это один из семи великих регионов. На экране нет никаких опознавательных текстовых плашек или бегущей строки, которые помогли бы мне мгновенно определить геолокацию, но я застываю на месте, как вкопанная, завороженная той запредельной агрессией, с которой военные карают любого, кто посмеет нарушить идеально ровный строй. Конвейерным методом людям раздают крошечные, размером с кулак, жестяные банки с сухим пайком — холодно, быстро, механически. А в это время другие подразделения солдат держат толпу на мушке, целясь из винтовок прямо в головы мирных жителей.

— Сначала они доводят собственный народ до повального голода, а потом избивают до полусмерти тех, кто просто просит еды для своих детей, — женщина обреченно качает головой, и в её голосе сейчас грохочет смесь презрения и глубокого разочарования. — Трусливые твари.

Я с трудом разжимаю сухие губы, чувствуя, как голос предательски дрожит: — Извините… а что это за королевство?

— Ох, милая, неужели это не очевидно? — она кривит губы в горькой усмешке. — На планете есть только одно-единственное место, где граждан казнят и уничтожают за малейшее отсутствие абсолютной, слепой преданности режиму. Это Королевство Америки.

В ту же секунду мой желудок скручивает такой мощный, спазматический спазм, что меня едва не выворачивает наизнанку. Я изо всех сил пытаюсь сохранить маску абсолютного, каменного спокойствия на лице, но легкие внезапно отказываются работать — в помещении резко заканчивается кислород.

Это они. Это снова они.

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Я судорожно втягиваю воздух носом и шумно выдыхаю через рот, борясь с подступающим обмороком. Если бы Мари и Ханс много лет назад буквально не вытащили меня из того ада, если бы они не спасли меня и не увезли как можно дальше от этих проклятых, кровавых берегов, я бы сейчас была там. Одной из тех истощенных фигур на экране. Одной из тех, для кого наведение дула автомата на безоружного гражданского — обыденная, серая реальность.

Внезапно картинка на экране сменяется. Камера берет крупный план, и всё пространство телевизора заполняет лицо молодого парня. На его голове покоится массивная, ослепляющая роскошью корона, усыпанная сотнями редких драгоценных камней, которые беззастенчиво переливаются в лучах студийных софитов.

Ту-дум. Ту-дум. Ту-дум.

Бешеный, набатный стук сердца мгновенно взрывается в ушах, а по коже гигантской волной проносится леденящий ужас, заставляя волоски на руках встать дыбом. Мои губы беспомощно приоткрываются в немом крике.

Я судорожно прижимаюсь спиной к прохладной стене магазина, медленно сползая по ней вниз, и начинаю делать частые, глубокие вдохи, отчаянно пытаясь удержать ускользающее сознание.

— Народ Америки, сегодня мы узнали об очередных гнусных попытках поднять мятеж против законной власти в секторах 130 и 132. В связи с этим мой долг как Суверена этой нации — объявить о введении экстренных мер предосторожности. Они направлены на локализацию беспорядков и защиту всех остальных секторов…

Молодой правитель на экране продолжает говорить, чеканя каждое слово, но мои чувства стремительно притупляются, а окружающий мир словно погружается под воду. Его твердый, не терпящий возражений голос, тонкие, жесткие губы, темные, как смоль, глаза и высокие, точеные скулы сеют внутри меня такую концентрированную, удушающую тревогу, что я физически вынуждена отвернуться. Я резко шагаю прочь от телевизора, словно пытаясь физически сбежать от этого гнетущего, липкого ощущения, которое мертвой хваткой сдавливает мне горло.

— Ясмин!

Голос Мари мгновенно выдергивает меня из подступающего оцепенения. Она ласково машет мне рукой, призывая подойти, и я практически бегу к ней. Я мысленно цепляюсь за образ этой женщины — за её мягкие щеки, нежный, убаюкивающий голос и теплую, искреннюю улыбку. И вся та дикая, первобытная тревога, что сковала меня секунду назад, стремительно сжимается до размеров крошечной, почти невидимой точки где-то на периферии сознания.

— Итак, давай повторим всё сначала, для закрепления материала.

Нанук с важным видом засучивает рукава своей рубашки и, зажав между пальцами кусочек мела, размашисто обводит ключевые слова на небольшой грифельной доске, которую он специально притащил за собой в зал.

— Нанук, ты повторил мне это уже ровно четыре раза, — я с тихим стоном вытягиваю уставшие ноги на мате, пытаясь восстановить сбитое дыхание.

Это невыносимый человек. Сегодня утром он заставил меня тридцать минут без остановки бегать на тренажере, параллельно во всех мельчайших подробностях надиктовывая план нашей предстоящей дипломатической встречи в Азиатском Королевстве.

— Повторение — мать учения, Чудо Женщина, — невозмутимо парирует он, даже не думая снижать обороты. — Вчера Аласи дала тебе примерить твой новый огнеупорный костюм?

Я послушно киваю: — Да. Сел как влитой, — тихо шепчу я, тщательно скрывая глубокие сомнения, которые до сих пор терзают меня из-за этой его «магической» анатомической точности.

— Отлично. Ты должна будешь оставаться в нем на протяжении всего официального приема. И как только мы…

— Как только мы прибудем на место, — без запинки перебиваю я, цитируя его лекцию наизусть, пока Нанук при каждом моем слове усердно тычет мелом в свои каракули на доске, — нас встретит личная королевская гвардия. Они проводят нас на закрытую аудиенцию к Королю в тронный зал. Когда ты подашь мне знак едва заметным кивком головы, я должна буду продемонстрировать суверену свои способности: зажечь пламя, направить его в указанную точку и показать, что умею контролировать его интенсивность. За моей спиной в этот момент будет неотлучно стоять Артур. Я не имею права отходить от него ни на шаг, даже если мне приспичит в туалет. Как только демонстрация завершится, я беспрекословно следую за Элайджей на выход из зала, ни на кого не глядя и ни с кем, не вступая в зрительный контакт.

На губах Нанука наконец расплывается довольная улыбка: — Идеально. Мы задержимся там ненадолго, буквально на одну ночь, и…

— И если всё пройдет гладко, мы сможем вернуться домой уже на следующее утро, — победно заканчиваю я за него. — Я правда всё поняла, честно. Давай уже наконец поедим?

При виде аккуратных свертков с бургерами, сиротливо лежащих на тренировочном столе, мой желудок издает такой требовательный и громкий рык, что становится ясно: если я прямо сейчас не закину в себя хоть немного углеводов, то попросту грохнусь в обморок от истощения.

Нанук аккуратно кладет мел на деревянный ободок доски и тщательно отряхивает ладони от белой пыли: — Как пожелает твоя огненная колесница. Меньше всего на свете мне хочется, чтобы ты от голода случайно сожгла наш любимый тренировочный комплекс.

Он беззаботно улыбается, но от его дежурной шутки я лишь недовольно хмурю бровь. Тоже мне, шутник. Можно подумать, я когда-то сжигала здания из-за пустого желудка. Нанук подхватывает бумажный пакет с едой и прохладительными напитками, легким движением перемахивает через край мата и усаживается прямо на пол рядом со мной.

— Между прочим, я никогда ничего не поджигала из-за голода, — ворчу я, забирая из его рук ароматный, еще теплый бургер, и тут же с наслаждением впиваюсь в него зубами. — А где все остальные?

Он лишь неопределенно приподнимает плечи, умудрившись запихать в рот кусок, который по размерам явно превосходил возможности его челюсти: — Элайджа сейчас на границе сектора, — невнятно бубнит он, усердно жуя. — Там возникли какие-то мелкие технические неполадки с системой безопасности, скажем так. Аласи поехала вместе с ним для подстраховки. А Артур… Оу, черт! Твою мать!

Нанук мгновенно бледнеет, лицо его вытягивается, и он со всего маху хлопает себя ладонью по лбу.

— Что случилось? — я испуганно замираю с зажатым в руке бургером.

Кое-как проглотив огромный кусок, он панически округляет глаза: — Он просил меня принести ему еду еще полчаса назад! Он же меня натурально прикончит на месте, а мои жалкие останки скормит бродячим псам у дороги!

Я едва сдерживаю нервный смешок, хотя в глазах парня сейчас плещется самый настоящий, нешуточный ужас: — Нанук, тебе не кажется, что ты немного преувеличиваешь масштаб трагедии?

— Преувеличиваю?! Да если я не вернусь через десять минут, знай: он лично переломает мне все кости до единой, чтобы сделать из них эксклюзивное ожерелье!

Он начинает тараторить на бешеной скорости, без остановки, параллельно судорожно запихивая несъеденный бургер обратно в шуршащий пластиковый пакет. Он уже собирается вскочить на ноги, но я мягко, но уверенно перехватываю его за предплечье, останавливая: — Давай сюда. Я сама отнесу ему еду.

И это была, пожалуй, самая потрясающая идея из разряда «хуже не придумаешь».

Артур лежит на заснеженной траве всего в паре шагов от меня, мирно прикрыв глаза. Я стою над ним, укутанная в теплое зимнее пальто с ног до головы, и буквально дрожу от пронизывающего холода, как осиновый лист. Он же — в одной лишь тонкой черной кофте с длинным рукавом, которая при его дыхании слегка задралась, обнажая узкую полоску смуглой кожи на талии. Он не шевелит ни единым мускулом, напоминая безупречную мраморную статую.

— Он отправил тебя? — раздается его ровный, низкий голос.

Я испуганно вздрагиваю, едва не выронив пакет: — Ты что, не спал?

— Оставь еду там и проваливай обратно в тепло.

Мне безумно, до зубовного скрежета хотелось бы понять, каким образом этот человек умудряется видеть каждое мое движение даже с наглухо закрытыми глазами. Но я благоразумно прикусываю язык и не задаю лишних вопросов. Медленно, стараясь не шуметь, я подхожу ближе, крепко сжимая в руке бумажный пакет, и пользуюсь моментом, чтобы внимательно, сантиметр за сантиметром, изучить эту проклятую заснеженную вершину холма, на которой он упорно изолирует себя от всего мира. Но здесь нет абсолютно ничего примечательного: ровный, искрящийся слой снега покрывает пожухлую траву, а на километры вокруг простираются лишь заиндевевшие деревья и серые валуны.

Я наклоняюсь, чтобы аккуратно поставить пакет на землю, и в этот момент мои обнаженные пальцы случайно задевают торчащий из-под снега пучок сухой травы.

В ту же секунду в висках взрывается дикая, огненная пульсация. Сердце мгновенно пускается в бешеный, неистовый пляс, дыхание перехватывает, и я изо всех сил стискиваю зубы, до крови прикусывая язык, чтобы сдержать рвущийся наружу крик боли.

Снова это. Опять.

«Правило номер один: отныне мы всегда будем есть вместе. Я органически ненавижу принимать пищу в одиночестве».

Глубокий, бархатный голос и лицо Артура мгновенно заполняют всё мое ментальное пространство. На его губах играет мягкая, обезоруживающая улыбка, пока он аккуратно записывает это странное правило на чистом листе бумаги. Небрежно растрепанные золотистые кудри, уютный мягкий свитер и глаза… глаза, полностью лишенные той ледяной, убийственной стужи, с которой он сегодня смотрит на любую живую вещь.

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Это его воспоминания. Его личные кадры из прошлого. И на этот раз, в отличие от всех предыдущих хаотичных вспышек, я абсолютно четко, осознанно узнаю и принимаю их.

Я судорожно выныриваю из состояния глубокого транса и испуганно хлопаю ресницами, возвращаясь в реальность. Мой взгляд снова утыкается в его нынешний, холодный силуэт. Так вот какое правило он тогда соблюдал?.. Но подождите. В моем видении он открыто признался, что всем сердцем *ненавидит* есть один. Тогда почему… почему сейчас он каждый чертов раз упрямо сбегает ото всех и изолирует себя на этом промерзшем холме?

— Что-то не так? Ты внезапно забыла дорогу назад? — его резкий, колючий голос безжалостно хлещет меня по натянутым нервам.

Он, естественно, даже близко не подозревает о том, какой ошеломляющий фрагмент его собственной жизни я только что увидела и прочувствовала изнутри.

Вместо того чтобы послушно уйти, я молча опускаюсь на снег всего в каких-то двадцати сантиметрах от него. Артур рывком принимает сидячее положение и одаривает меня максимально раздраженным, испепеляющим взглядом: — Ты что, оглохла? — процеживает он сквозь зубы.

Я спокойно протягиваю ему шуршащий пакет и упрямо уставляюсь взглядом в бескрайнюю линию горизонта перед нами: — Нет. Но пока ты будешь есть, ты вполне можешь ответить на тот вопрос, который я так и не задала тебе вчера после окончания тренировки.

Один качественный удар сердца. Два, три… пять… восемь, девять, десять долгих секунд.

Целых десять секунд оглушительной, звенящей тишины, в течение которых он, я уверена на все сто процентов, всерьез взвешивает в голове идею просто столкнуть меня с этой горы кубарем вниз, чтобы вернуть себе желанный ментальный покой.

— Я слушаю, — наконец нехотя выдыхает он.

Я удивленно приподнимаю брови. Неужели он действительно согласился? Я осторожно кошусь на него боковым зрением и замечаю, как он достает бургер и делает первый аккуратный укус.

— Откуда ты так детально, до единого миллиметра, знаешь все параметры моего тела?

— В этом нет абсолютно ничего сложного, — ровным, почти безразличным шепотом отзывается он. — Хрупкие руки, короткие ноги, слишком узкая талия. В профессиональном бою ты на подсознательном уровне учишься за секунды сканировать и запоминать анатомию того, кто стоит прямо перед тобой. Пройдет немного времени, и ты начнешь делать то же самое на автомате, совершенно спонтанно.

Его слова звучат невероятно рационально, логично и выверено — он произносит их без малейшей запинки или тени сомнений в голосе. И всё же… что-то внутри меня отчаянно отказывается верить в эту идеальную ложь.

Я плотнее кутаюсь в воротник своего зимнего пальто, и, между нами, снова вырастает глухая, монументальная стена молчания.

— И это и был тот самый роковой, великий вопрос, ради которого ты притащилась на этот мороз? — Артур делает глоток минеральной воды из бутылки.

Ледяной ветер безжалостно покалывает мои щеки. Я шмыгаю носом и выпускаю изо рта облачко белого пара: — Да. Именно он.

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Я вполне могла бы прямо сейчас подняться, вернуться в теплое, уютное здание спорткомплекса и пить горячий чай, но… *«Я ненавижу есть в одиночестве»*.

Та щемящая, хрупкая уязвимость, которую я только что мельком подсмотрела в его заблокированном прошлом, тяжелым якорем удерживает меня на месте, не позволяя сделать ни шагу прочь. Я вытягиваю ноги на снегу и принимаюсь бездумно рассматривать верхушки вековых сосен, покрытые тяжелыми белыми шапками. Несмотря на то, что арктический холод уже начинает медленно пробираться сквозь слои одежды, проникая в самые кости, я не двигаюсь с места.

Мысль о том, чтобы просто бросить его здесь одного на этом холме, мое тело отвергает на каком-то клеточном, базовом уровне. Артур молча жует свой обед, а я продолжаю сидеть рядом с ним в абсолютном, почти религиозном молчании.

Та пугающая, мрачная тьма, которая плотным коконом окутывает его фигуру, по всем законам логики должна была бы внушать мне первобытный страх. Она должна была бы заставить меня держать максимальную дистанцию — именно так, как умоляла Аласи. Но я физически не могу ослушаться приказов собственного тела. Он притягивает меня к себе, словно самый мощный в мире ментальный сгусток гравитации, и я просто безропотно подчиняюсь этому притяжению в своей безумной, отчаянной попытке собрать воедино разрозненные осколки прошлого и хоть немного унять этот непрекращающийся, мучительный зов инстинктов.

Словно этот опасный, угрюмый Артур соткал вокруг себя невидимую, сложнейшую паутину, которую я готова безропотно терпеть несмотря на то, что абсолютно ничего о ней не знаю. Или, возможно, всё это — лишь глупая, банальная жалость к человеку, который на самом деле всей душой ненавидит одиночество, но во время каждого приема пищи упорно уходит страдать один на заснеженный холм.

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Глава 14

«Эдоардо никогда не умел справляться с паническими атаками. Его единственная реакция на них — забиться в какое-нибудь крошечное, замкнутое пространство и покорно ждать, пока шторм утихнет. Точно так же он сейчас поступает и со мной. Заперся в своем неприступном дворце и трусливо ждет моей неизбежной мести».

— Из письма № 162.

Артур

Королевство Америка

Вирджиния

Придворный библиотекарь, старик Пит, с глухим кряхтением опускает на дубовый стол очередную тяжелую стопку из пяти книг. Горб на его спине настолько деформировал позвоночник, что бедняга вынужден постоянно оставаться в согнутом положении. Он аккуратно, одну за другой, очищает потрепанные обложки специальной бархоткой. Вековая пыль мгновенно взмывает в воздух и щекочет мне ноздри; я судорожно прижимаю ладонь к губам, подавляя подступающий приступ кашля.

— Это самые старые фолианты, какие мне только удалось отыскать на нижних ярусах, дитя мое. Если стамять мне не изменяет, на самых верхних стеллажах должно быть еще несколько подобных экземпляров.

— Я и так злоупотребляю твоим безграничным гостеприимством и добротой, Пит, — я устало тру глаза ладонями.

Мне не удается сдержать короткий зевок — я заперта в этом душном книжном склепе с самого раннего утра.

— Сейчас я закончу с этими томами, а завтра, если я не слишком сильно тебя стесню, вернусь и обследую те полки, на которые ты указал.

Старик медленно поглаживает длинную, белую как лунь бороду на подбородке. Глубокие морщины вокруг его глаз разглаживаются, и он одаривает меня удивительно теплой, отеческой улыбкой: — Ну что ты, милая, о каком стеснении речь! Уже много лет никто не составлял мне компанию здесь, наверху. Время от времени сюда заглядывает какой-нибудь молодой послушник, чтобы забрать один-два тома по приказу Жрецов… но, увы, в наши дни никто больше не испытывает подлинного, живого интереса к нашей истинной истории.

К истории, цепочку событий которой я сама уже который день мучительно пытаюсь восстановить по крупицам. Это практически невозможно, ведь всё, на что я натыкаюсь — лишь заезженные, переписанные под копирку официальные догмы. Никаких конкретных фактов о последствиях проклятия Зла. Только сухие, клишированные аннотации, перечисляющие три священных знамения и призывающие к беспощадной, кровавой охоте на ведьм против него. Эти абзацы повторяются из книги в книгу в бесконечной, абсолютно бесполезной последовательности. Ни единого намека на то, что за официальной версией Жрецов скрывается какая-то иная, пугающая правда.

Но неужели всё действительно так однозначно, как они малюют?

— Тебе понадобится немало времени, чтобы одолеть всю эту стопку. Хочешь, я сварю нам немного свежего кофе?

— Спасибо, Пит. Это бы меня сейчас очень спасло.

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Старик с тихим шарканьем скрывается за высокими деревянными стеллажами. Размеренное, глухое тиканье настенных часов методично отсчитывает секунды. Я вскидываю голову и с ужасом смотрю на циферблат: стрелки неумолимо приближаются к двенадцати часам дня.

Ладно, Вирджиния. В твоем распоряжении ровно пятнадцать минут. Действуй.

Мне нужно действовать на пределе скорости. Совсем скоро на королевскую кухню начнут доставлять продукты для обеда, и если леди Ингрид не обнаружит меня на рабочем месте… От одной этой мысли по моей спине пробегает ледяная струйка пота. Лучше даже не думать о последствиях.

Я резко разминаю шею вправо и влево, снимаю верхнюю книгу из стопки и принимаюсь лихорадочно изучать её.

— На этой даже нет даты издания… — удивленно бормочу я едва слышным шепотом.

Твердый кожаный переплет странного, грязно-рыжего, словно выцветшего от времени оттенка, сильно обтрепанные края… Судя по внешнему виду, это самый древний фолиант из всех, что побывали в моих руках за эти дни. В груди слабой искоркой вспыхивает робкая надежда. Я аккуратно раскрываю книгу и сдуваю плотный слой пыли, обнажая крупные, угловатые и сильно вдавленные в бумагу буквы. Некоторые знаки стерлись окончательно. Я бережно сканирую указатель слово за словом, щурюсь от напряжения и придвигаюсь ближе к краю стула.

— *«Даровать испуганному народу козла отпущения, дабы сфокусировать на нем все естественные страдания и пороки человеческой природы»*, — читаю я вполголоса, но следующие несколько предложений разобрать не удается — чернила безжалостно выцвели.

Я пропускаю несколько строк и перескакиваю ниже:

«…Зло и его законная Невеста представляют собой первобытный, жестокий и порочный огонь, который горит и пожирает всё на своем пути с той же разрушительной интенсивностью, что и их проклятая любовь. Будучи разделены на два разных смертных тела, они, тем не менее, навеки обречены на воссоединение силой, которая неизбежно притягивает их друг к другу, на какой бы дороге они ни находились. Уничтожить их возможно исключительно порознь, ибо их физическое слияние пробуждает древние, сокрытые доселе силы и ментальную связь, несущую смертельную угрозу для их врагов».

Мой желудок издает жалобный урчащий звук, но я грубо игнорирую физический голод.

— *«Древние свидетельства очевидцев гласят…»*

Дальше текст обрывается — страница залита огромным, жирным чернильным пятном, намертво похоронившим под собой последующие предложения. О боже, ну почему опять?! Я с досадой перелистываю пожелтевшую страницу, но автор резко меняет тему: дальше идет бесконечное, занудное описание генеалогического древа Священнослужителей, начиная от самых влиятельных династий и заканчивая мелкими вассальными домами.

Слабая искра надежды в моей груди мгновенно тухнет. Реальность безжалостно швыряет меня обратно в череду бесконечных тупиков. Я запускаю пальцы в волосы, судорожно сжимая пряди, пока в моей голове набатом гремят признания Эдоардо:

«Я никогда, слышишь, никогда не хотел убивать её!»

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Ни в одном официальном историческом трактате нет ни единого упоминания о той хрупкой, граничащей с безумием эмоциональной нестабильности его разума. О том внутреннем монстре, который годами терзает Суверена изнутри, вынуждая его горстями глотать сильнейшие психотропные препараты с седативным эффектом, чтобы просто не сойти с ума.

«Именно эта рука оборвала её жизнь… Эта проклятая рука двинулась сама, подчиняясь импульсу, который был в сотни раз сильнее моей собственной воли!»

Его сморщенная, уродливо стянутая кожа на руке — вечный, страшный след, оставленный безжалостным огнем. След, который он вынужден нести в абсолютном, религиозном безмолвии, и о природе которого не написано ни единой строчки ни в одном параграфе дворцовых библиотек.

«Я не сумел, не смог остановиться… И теперь она каждую ночь приходит в мои кошмары, разрывая мою голову тем самым предсмертным криком».

— Так и не нашла того, что искала, дитя мое? — тихий голос Пита заставляет меня вздрогнуть.

Старик аккуратно ставит передо мной дымящуюся фарфоровую чашку, его белые волосы забавно растрепались по лбу.

— Я обязательно найду, спасибо большое, — я натянуто улыбаюсь и беру чашку в руки. — Пит… могу я попросить тебя об одной услуге? Пусть мои поиски останутся исключительно между нами. Как ты знаешь, официально моя обязанность — лишь протирать пыль на стеллажах. Доступ к закрытым историческим архивам двора разрешен только послушникам высокого ранга, и если Совет узнает, что я копаюсь в этих книгах, меня…

Старик мягко отодвигает соседний стул и с улыбкой устраивается напротив: — Этот старый дурак умеет держать язык за зубами, девочка моя, не переживай. Да и когда еще мне, старику, представится возможность разделить чашечку отличного кофе в компании такой очаровательной леди?

Его искренний комплимент заставляет меня невольно улыбнуться, я подношу чашку к губам, позволяя густому, горьковатому аромату кофе наполнить мои легкие.

— Здесь всегда настолько оглушительно тихо?

Он понимающе кивает: — Сколько я себя помню — да. Моя семья из поколения в поколение с величайшим трепетом хранила это место. Я прекрасно помню рассказы моего деда: он говорил, что много десятилетий назад правила здесь были совершенно иными. Сюда был открыт свободный доступ даже для простых горожан! Все священные писания и исторические хроники лежали на виду, как в каком-нибудь общественном музее, чтобы любой желающий мог прийти, прочесть их и познать истину. Никто не смел накладывать вето на нашу историю.

— Невероятно… — пораженно шепчу я.

Старик снова кивает, а в моей голове, как бурный водоворот, начинают закручиваться новые, еще более опасные вопросы.

— Я была уверена, что доступ к знаниям всегда был жестко ограничен. По крайней мере, нас всех заставляли в это верить с самого детства.

— На твоих глазах это святилище превратили в полузабытый склеп, заживо погребенный под тоннами пыли, — в голосе Пита отчетливо слышится глубокое, неподдельное разочарование, от которого у меня болезненно сжимается сердце. — Величайший грех. Историю своего народа нельзя забывать и переписывать в угоду правителям. Но здесь есть и свой плюс: по крайней мере, весь этот внешний хаос,

интриги и бесконечная грызня за власть остаются там, за тяжелой дубовой дверью. В этих стенах время словно замирает, и ты перестаешь его ощущать.

Я делаю очередной глоток кофе, чувствуя, как тепло медленно возвращает моим чувствам былую остроту. Я мимоходом бросаю взгляд на настенные часы и от увиденного положения стрелок едва не захлебываюсь. Срываюсь с места так резко, что стул жалобно скрежещет по каменному полу.

— О боже, мне действительно пора бежать! Иначе леди Ингрид устроится мне такую головомойку, что её крики ты услышишь даже сквозь эти толстые стены!

Пит лишь добродушно машет мне рукой на прощание: — Беги-беги, не переживай. Я сам здесь всё приберу и расставлю по местам.

— Спасибо тебе. Огромное, человеческое спасибо, — искренне шепчу я, после чего стремительно разворачиваюсь и практически бегом покидаю этот тихий оазис, где ни время, ни пространство, казалось, не имели никакой власти.

— Надо же, сегодня здесь на удивление мало патрулей, — тихо бормочу я под нос, сворачивая в левый коридор и быстро сбегая по крутой каменной лестнице.

Впрочем, моя радость оказывается преждевременной: стоит мне спуститься на нижний ярус, как священнические дозоры начинают вырастать на моем пути буквально через каждые несколько метров. Я привычно опускаю голову, пряча лицо, и максимально ускоряю шаг. Я точно не скучала по этой удушающей, гнетущей атмосфере, сотканной из подозрительных, испепеляющих взглядов военных. С бешено колотящимся в груди сердцем я буквально влетаю в крыло подсобных помещений. Только бы успеть. Пожалуйста, хоть бы Дама еще не вернулась.

Я рывком открываю тяжелую дверь королевской кухни. В лицо тут же ударяет умопомрачительный, густой шлейф ароматов свежеприготовленной еды, но леди Ингрид нигде не видно. У плит суетятся лишь обычные кухонные служанки, споро раскладывая дымящиеся яства по тарелкам. Я с облегчением выдыхаю, чувствуя, как дикий ритм пульса постепенно приходит в норму.

— Мы все поначалу точно так же дергались, не переживай, — с понимающей усмешкой произносит Тереза, проходя мимо меня и ловко удерживая на одной руке огромный металлический поднос, уставленный глубокими мисками. — Говорят, сейчас и сама Дама Ингрид, и половина членов Высокого Совета заперлись в главном зале — смотрят прямую трансляцию экстренной пресс-конференции Его Высочества.

Я подхожу к длинной мраморной стойке и беру свободный поднос: — Надо же. Я даже не подозревала, что у Суверена на сегодня запланировано официальное обращение, — честно признаюсь я.

Впрочем, для меня это идеальный расклад. Хорошо, что Ингрид сейчас занята, иначе мне пришлось бы долго и мучительно объяснять ей, каким образом мне удалось выбить у самого Регента личное разрешение на изменение моего сегодняшнего рабочего графика. Это был бы сущий кошмар.

Я неторопливо двигаюсь вдоль огромных плит, ожидая, пока Линдси — всеобщая любимица и бессменный шеф-повар дворца — закончит филигранно украшать зеленью пять роскошных порций, выставленных перед ней.

— Говорят, в дальних внешних секторах опять вспыхнули серьезные беспорядки, — в кухню торопливо заходит Жаклин, неся в руках охапку пустых глиняных кувшинов. — По крайней мере, именно такие слухи ходят среди гвардейцев. Толком никто ничего не понимает.

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Я крепко прикусываю внутреннюю сторону щеки, чтобы сдержать горький вздох. Ну еще бы, кто бы сомневался. — Внешние сектора уже много десятилетий вынуждены выживать на жалкие крохи, которые остаются после пиршеств богатых центральных регионов, — едва слышно, одними губами шепчу я.

И нынешний гениальный стратегический ход Священнослужителей — заблокировать и без того скудные финансовые дотации — не приведет ни к чему иному, кроме как к новой, сокрушительной вспышке ярости, повального голода и абсолютной нищеты. — Если бы власть предержащие хотя бы раз попробовали распределить ресурсы страны мало-мальски справедливо…

— Справедливо распределить? Ха! Насмешила! — Катя, одна из девушек из бригады генеральной уборки, презрительно фыркает и с размаху бросает грязные тряпки в глубокую раковину. — Сердце и мозг этого королевства — дворец. И закон тут простой: чем дальше твой сектор находится от этих стен, тем ниже уровень твоей жизни. По-человечески люди живут исключительно в секторах с первого по четвертый — там, где окопались потомственные аристократы и высокопоставленные члены Совета. Ни один из этих зажравшихся снобов в жизни не откажется даже от малейшей части своего богатства ради благополучия какого-то паршивого, Богом забытого пограничного дистрикта.

— Это правда, — тяжело вздыхает Тереза, на секунду замирая у стола. — Обеспечить одинаково достойные условия существования для всех трехсот секторов нашей огромной страны всегда считалось утопией. Задача из разряда невыполнимых.

Я молча киваю, чувствуя, как горло стягивает тугой, удушливый узел воспоминаний: — Я знаю об этом. Знаю гораздо лучше, чем кто-либо из вас, — тихо выдыхаю я. — Моим родным домом был сектор 290.

На кухне мгновенно воцаряется оглушительная, мертвая тишина. Все девушки, повара и помощники, находившиеся в помещении, буквально каменеют на своих местах. На меня устремляются десятки пар глаз, в которых отчетливо читается дикая смесь искреннего сострадания, шока и глубокого недоумения. *Человек из такого нищего, забитого сектора умудрился попасть на службу в святая святых — в королевский дворец?*

Я кривлю губы в слабой, лишенной какого бы то ни было веселья усмешке: — Сектор «поедателей травы»… Его ведь в столице до сих пор так презрительно величают, верно?

Моя горькая реплика заставляет окружающих помрачнеть еще сильнее. Доведенные до крайней степени истощения голодом, несчастные жители моего сектора были вынуждены буквально выкашивать и варить сорную траву вдоль обочин дорог, чтобы просто не умереть. Факт, который на протяжении многих лет служил отличным поводом для циничных смешков и шуток на светских раутах столичной знати.

— Похоже, я единственная в этих стенах, кто умудрился прибыть из региона с трехзначным номером. Так что, девочки, можете смело считать меня редким, экзотическим экземпляром.

Я натягиваю на лицо фальшивую улыбку. Линдси молча пододвигает ко мне массивный серебряный поднос, предназначенный лично для Суверена. От неожиданного веса у меня мгновенно напрягаются и подламываются непривычные к такой нагрузке мышцы рук. Шеф-повар сочувственно поджимает губы и тепло, ободряюще сжимает мое плечо в знак молчаливой поддержки. Я отвечаю ей едва заметным благодарным кивком головы.

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Я выхожу из кухни и направляюсь по длинным коридорам в сторону королевских покоев, но никак не могу избавиться от ощущения этих ошарашенных, жалостливых взглядов спиной. Возможно, мне не стоило так откровенно раскрывать карты перед коллегами. Моё присутствие здесь — это живое, вопиющее нарушение всех негласных законов дворца, исключение из правил, на которое в свое время пошла покойная Дама двора, сознательно рискнув своей должностью.

В памяти мгновенно оживает яркий, отчетливый флешбэк из прошлого:

Холодные пальцы леди Анжелины жестко берут меня за подбородок, заставляя задрать голову и посмотреть ей прямо в глаза. — Как твое имя, дитя? — Вирджиния, — судорожно шепчу я, изо всех сил вцепляясь пальцами в подол своей старой, насквозь испачканной грязью домашней туники, и испуганно задерживаю дыхание. На губах высокопоставленной женщины медленно расцветает мягкая, загадочная улыбка: — Что ж, Вирджиния… Расскажи-ка мне, как у тебя обстоят дела с кулинарным искусством?

Из воспоминаний меня резко выдергивает голос дежурного на посту безопасности. Я послушно замираю перед металлическими рамками. Двое гвардейцев принимаются тщательно, с помощью специальных приборов исследовать принесенные мной блюда на предмет ядов и опасных примесей. Старший смены, Камель, неторопливо подходит ко мне, держа в руке портативный металлоискатель: — Как раз вовремя, Вирджиния. Суверен только что вернулся в свои покои после трансляции.

— Отлично, — едва слышно выдыхаю я.

Я аккуратно опускаю тяжелый поднос на деревянную консоль рядом с постом и послушно поднимаю руки в стороны. Камель профессионально и дотошно обыскивает меня с ног до головы, после чего удовлетворенно кивает: — Чисто. Можешь проходить. Забирай поднос.

Я ловко перераспределяю вес тяжелого серебра на одну руку, а пальцами другой несколько раз негромко стучу в массивную дубовую дверь: — Ваше Высочество, ваш обед подан.

Я аккуратно толкаю дверь, проскальзываю внутрь и бесшумно закрываю её за своей спиной. Первым делом я быстро осматриваю королевские покои вправо и влево: роскошная постель уже идеально заправлена, а с дорогого паркета тщательно убраны все до единого осколки разбитого графина, который Эдоардо в припадке ярости разнес вдребезги сегодня утром.

— Ваше Высочество? — я аккуратно опускаю тяжелый поднос на обеденный стол и делаю несколько нерешительных шагов вглубь комнаты.

Может, он в ванной? Дверь туда приоткрыта. Я заглядываю внутрь сквозь узкую щель, но там темно и пусто. Камель на посту четко сказал, что Суверен только что вошел к себе, а значит, он совершенно точно находится здесь, в этих стенах. Если бы только эти королевские покои не были размером с огромную, многокомнатную квартиру. Я быстрыми шагами направляюсь к гостиной зоне, осматривая дорогие диваны, но… Стоп. Гардеробная!

Я с тихим шорохом отодвигаю массивную зеркальную дверь, и в ту же секунду мое сердце испуганной птицей застревает в горле.

Эдоардо сидит на полу, беспомощно вжавшись в самый угол. Его губы судорожно приоткрыты и уже отливают пугающей, мертвенной синевой. Забыв обо всех правилах этикета, я в один прыжок преодолеваю разделяющее нас расстояние и падаю на колени прямо перед ним.

— Ваше Высочество, — испуганно шепчу я.

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Он хрипит, задыхаясь. Его широко распахнутые глаза налились багровой кровью. Еще один тяжелый приступ паники. Нужно немедленно звать придворного медика. Я уже собираюсь вскочить на ноги, чтобы броситься к дверям, но Эдоардо мертвой хваткой вцепляется в мою руку. Его ледяные, дрожащие пальцы сползают к запястью и сжимают его с такой отчаянной силой, что мне становится больно. Другую руку он судорожно прижимает к собственной груди, а его губы искажает парализующая судорога дикой, невыносимой боли.

— Мне позвать врача? — тяжело дыша, спрашиваю я.

Он отчаянно мотает головой. Он физически не способен выдавить из себя ни единого членораздельного звука, и при каждом судорожном попытке вдохнуть из его груди вырывается лишь тонкий, режущий ухо свист. Боже, что мне делать? Его шея мгновенно покрывается каплями холодного пота, лицо становится багрово-красным, а крупная дрожь сковывает всё его тело, лишая возможности пошевелиться.

— Ваши транквилизаторы на столике, я сейчас принесу, — умоляюще шепчу я, пытаясь высвободить руку, но он не ослабляет хватку.

Вместо этого Эдоардо с неожиданной силой дергает меня на себя и буквально утыкается лицом в изгиб моей шеи. Его рваное, обжигающее дыхание частыми, лихорадочными толчками ударяет мне в кожу. Я мгновенно каменею и задерживаю дыхание. Я всеми силами пытаюсь минимизировать этот непозволительный, пугающий контакт, но он уже перемещает одну руку мне на бедро, а вторую плотно прижимает к спине, фиксируя. О господи. Он сжимает объятия еще крепче.

— Еще… минуту… вот так, — едва слышно, прерывисто шепчет он ломающимся, неуверенным голосом.

Чем сильнее он прижимает меня к себе, тем теснее мое тело вжимается в его собственное. До такой степени, что в этой оглушительной тишине я уже не могу разобрать, кому именно принадлежит этот бешеный, набатный стук сердца, грохочущий у меня в груди. Я не смею даже шелохнуться, но случайный взгляд в огромное зеркало справа заставляет мое лицо вспыхнуть пунцовым цветом. Если нас кто-нибудь застанет в такой позе… я даже представить не могу, какой страшной и мучительной смертью меня за это казнят.

Постепенно его хватка начинает ослабевать. Дрожь утихает, а рваный ритм его дыхания на моей коже становится более глубоким и размеренным.

— Артур справлялся с этим дерьмом гораздо лучше меня, — внезапно шепчет он в темноту гардеробной.

Я судорожно сглатываю скопившийся в горле ком и прочищаю голос: — С каким именно дерьмом?

— Со всем, — выдыхает он прямо мне в шею. — Абсолютно со всем.

Наконец он медленно отстраняется, и то резкое, холодное опустошение, которое приносит с собой его отсутствие, почему-то болезненно стягивает мой желудок. Опасное, глупое ощущение, которое я приказываю себе немедленно выжечь из сознания. Я быстро поднимаюсь на ноги и послушно отступаю назад, возвращаясь на ту дистанцию, которая мне положена по статусу. Эдоардо устало подносит руку к шее. К его лицу постепенно возвращается нормальный цвет, но в глубине его взгляда отчетливо видно, как нечто темное и осязаемое пожирает его изнутри.

Может, он так реагирует на свою сегодняшнюю речь? Нет, молчи, Вирджиния, тебя это не касается. Не смей совать нос в дела престола.

— Я принесла ваш обед, Ваше Высочество. Вы уверены, что мне не нужно вызвать личного доктора?

Углы его губ болезненно ползут вверх. Из-за изможденных, ввалившихся щек его улыбка выглядит высохшей, безжизненной и пугающе слабой: — И что нового этот шарлатан скажет мне на этот раз? Король, который не способен пережить день без элитного алкоголя, а ночь — без убойной дозы психотропных таблеток… Что и говорить, на этот раз нашему великому народу крупно «повезло» с правителем. Возможно, для них было бы гораздо лучше, если бы трон занял этот неостановимый, безупречный Артур Мейер.

Он тяжело поднимается на ноги, опираясь ладонью о стену, чтобы не упасть.

Эдоардо делает несколько шагов мимо меня. Его заметно шатает вправо, и я инстинктивно вскидываю руки, готовая в любую секунду подхватить его, если он начнет заваливаться на паркет. Но Суверен добирается до прикроватной тумбочки. Он резко выдвигает ящик, загребает в кулак целую горсть разноцветных капсул и без разбора заталкивает их в рот, с трудом сглатывая одну за другой. Пресвятые девы, это же слишком много. Недопустимо много!

Я торопливо хватаю хрустальный графин с тумбочки и наливаю чистую воду в стакан, но не успеваю протянуть его королю — он уже перехватывает тяжелую бутылку шотландского скотча, стоявшую у меня за спиной. Я медленно опускаю стакан обратно, чувствуя, как грудь сдавливает тяжелый, свинцовый обруч тревоги.

Да почему, черт возьми, я так сильно за него переживаю?!

Еще вчера во мне не было ни единой крупицы, ни малейшей капли эмпатии к этому человеку. К чудовищу, которое безжалостно лишило меня защиты леди Анжелины и навсегда отобрало у меня Лавинию. Он был живым воплощением всего, что я искренне презирала и ненавидела в этой прогнившей системе.

Эдоардо закидывает голову назад и начинает жадно, большими глотками глушить виски прямо из горлышка, без единой паузы на вдох. Бутылка стремительно опустевает почти до половины. По крайней мере, мне так показалось. Он с глухим стуком опускает алкоголь на стол, мучительно хмурится и несколько раз быстро хлопает ресницами, пытаясь сфокусировать расплывающийся взгляд.

— Обед?.. — невнятно заплетающимся языком брякает он.

Я плавно указываю рукой на центр гостиной: — На столе, Ваше Высочество.

Он, пошатываясь, бредет к массивному стулу, скрежеща ножками по полу, выдвигает его и тяжело опускается на сиденье. Я споро и бесшумно переставляю тарелки с подноса на скатерть, выстраивая их перед ним в строгом соответствии с правилами дворцовой подачи.

— Приятного аппетита, — тихо шепчу я, после чего покорно отступаю на два шага назад и замираю по правую руку от него, опустив взгляд.

Эдоардо неожиданно протягивает руку, цепляет пальцами спинку стоящего рядом соседнего стула, с грохотом пододвигает его вплотную к своему и требовательно постукивает пальцами по мягкому кожаному сиденью: — Садись сюда.

Я застываю, глядя на него дикими, округлившимися от шока глазами. Так, спокойно. Мне просто показалось. Мой мозг от стресса выдает галлюцинации.

— Ты что, оглохла вслед за мной? — раздраженно повторяет он.

Я судорожно ловлю ртом воздух. Он что, серьезно?! Это какая-то извращенная проверка? — У меня нет официального разрешения подсаживаться за…

— Теперь оно у тебя есть, — жестко перебивает он, не терпящим возражений тоном. — Живее, — настаивает Суверен, коротко мотнув головой.

— Но слуги обедают исключительно на нижнем ярусе, в кухнях, нет никакой необходимости, чтобы я…

— Мне что, действительно нужно оформлять это как официальный королевский приказ? — бесцеремонно обрывает меня Эдоардо. Он медленно поворачивает ко мне голову и в упор вонзает в меня свой тяжелый взгляд. — Неужели ты не можешь хотя бы один-единственный раз в жизни просто сделать то, о чем я тебя по-человечески прошу, без того, чтобы я включал свою гребаную власть?

Я делаю глубокий, затяжной вдох. Растрепанные, спутавшиеся волосы, темные, налитые синевой мешки под глазами и этот лихорадочный блеск… Сейчас он выглядит как абсолютный, чистейший хаос — пугающе деструктивный и одновременно до ужаса хрупкий. Как вообще в одном человеке может уживаться столько кромешной тьмы, которая в следующую секунду раскалывается внутри него на тысячи искрящихся осколков?

Я медленно обхожу стул. Плотный, удушливый шлейф дорогого алкоголя бьет мне в нос, вызывая легкую тошноту, но я крепко сжимаю губы и покорно опускаюсь на сиденье рядом с правителем Америки.

— Ешь, — он небрежным жестом пододвигает ко мне тарелку с ароматным запеченным цыпленком и тушеными овощами. — Иначе вся эта кулинарная роскошь просто отправится на помойку.

— Зачем вы раз за разом доводите себя до такого скотского состояния? — тихо, как в бреду, озвучиваю я мысль, которую должна была похоронить на самом дне своего сознания.

— Наверное, потому что я конченый ублюдок, как утверждают в народе, — без тени сомнения отзывается он.

О боже, Вирджиния, замолчи. Я испуганно прикусываю нижнюю губу. Я ведь не собиралась говорить это вслух!

Эдоардо бросает на меня мимолетный, сканирующий взгляд, после чего снова утыкается в свою тарелку и принимается лениво ковырять вилкой кусок мяса: — Можешь не делать такое испуганное лицо. Я прекрасно знаю, кто я. И сегодня на этой чертовой трансляции я лично позаботился о том, чтобы меня возненавидело еще большее количество людей.

Я крепко прикусываю внутреннюю сторону щеки. Он говорит о том, о чем только что шептались испуганные девчонки на кухне? — Что вы имеете в виду? — против воли срывается с моих губ.

— Эта клоунада на камеру, где я прямым текстом угрожаю собственным гражданам, — он кривит губы в циничной, ядовитой усмешке. — Смешно, правда? И ведь самое забавное, что весь этот пафосный текст писал даже не я, а Совет… но — о чудо! — магия сработала, я снова покорно разжег пламя их ненависти и наказал виновных. Абсурдная штука — абсолютная власть, согласись?

Его нынешний язвительный, хлесткий тон сейчас находится в каком-то диком, шизофреническом контрасте с тем невнятным, задыхающимся лепетом, который я слышала в гардеробной всего пару минут назад. Коктейль из тяжелых транквилизаторов и крепкого виски менял его на глазах, словно в одном физическом теле насильно заперли двух совершенно разных, смертельно враждующих существ, которые ежесекундно пытались уничтожить друг друга.

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Я приоткрываю рот, чувствуя, как сердце замирает: — Так значит… именно из-за этого вы минуту назад не могли сделать даже вдох?

Темные, как безлунная полярная ночь, глаза Эдоардо медленно и дотошно принимаются изучать каждую черточку моего лица. — Из-за того, что я в очередной раз обрек на смерть нищих и голодных? — его голос звучит пугающе ровно. — Не знаю. Наш великий народ во внешних секторах никогда меня особо не жаловал. Так что, возможно, они получают по заслугам. — Он высоко вскидывает брови. — Я сказал: ешь.

Я деревянными пальцами беру тяжелую серебряную вилку, судорожно сжимаю её и делаю глубокий вдох, пытаясь унять внутреннюю дрожь. *Успокойся, Вирджиния. Дыши ровно.* Я аккуратно накалываю кусочек цукини. Медленно жую и с огромным трудом сглатываю еду, чувствуя, как в горле мертвым грузом встает удушливый, колючий ком.

— Получают по заслугам? — переспрашиваю я, и в моем голосе отчетливо проскальзывают опасные, стальные нотки.

Эдоардо шумно вздыхает: — Естественный отбор, закон пищевой цепочки. Кто-то на самой вершине живет в абсолютном шоколаде, а кто-то на самом дне жрет грязь. Это чертовски несправедливо, но не я придумал этот мир и эти правила.

Он продолжает лениво жевать, а в моей голове в эту секунду с новой, сокрушительной силой взрываются страшные картины из моего собственного детства. Я отчетливо, до тошноты вспоминаю обглоданные до прозрачного состояния куриные кости, которые мы в буквальном смысле размалывали в труху, чтобы сварить хоть какое-то подобие бульона. Вспоминаю старые, серые газеты, в которые несчастные матери бережно заворачивали новорожденных младенцев, потому что у них не было денег даже на кусок чистой ткани.

— Та слепая ненависть, которую вы сегодня получаете в свой адрес — это лишь закономерное следствие вашей же гнилой, сломанной системы! — мой голос начинает дрожать от сдерживаемой ярости. — Системы, которая изо дня в день вынуждает тысячи ни в чем не повинных семей пограничных секторов идти на самые жуткие, отчаянные меры, чтобы просто не сдохнуть с голоду!

Он вдруг тихо, как-то совсем по-доброму улыбается. И эта его неуместная улыбка заставляет мою кровь в жилах закипеть с такой силой, что я до хруста в суставах сжимаю вилку, пытаясь удержать себя в рамках дозволенного.

— Они всегда меня ненавидели, Вирджиния. Сколько я себя помню. А теперь они еще и устраивают бунты. Что ж, по крайней мере, теперь у этих оборванцев появится действительно веский, официально задокументированный повод меня ненавидеть. И если уж быть до конца честным… — он слегка наклоняет голову набок, прищуриваясь. — …с какой стати я должен тратить свои нервы и переживать о благополучии людей, которым глубоко плевать на меня и мою жизнь?

Я ошарашенно хлопаю ресницами, не веря своим ушам: — Но ведь… вы же их Король.

— По трагическому и крайне сбрендившему стечению обстоятельств — да, я Король. Вот только никто из этих людей никогда в жизни меня таковым не считал.

Я с глухим стуком бросаю вилку обратно на тарелку: — И поэтому вы собираетесь и дальше гробить себя этими паническими атаками, горстями глотать колеса и заливать глаза литрами виски?!

— Ну почему же, ты упустила самую важную, деликатную часть моего ежедневного расписания, — Эдоардо берет со стола хрустальный бокал и неторопливо, до самых краев наполняет его темным вином. — Ты забыла упомянуть ту часть, где я забиваюсь в угол и с нетерпением жду, когда мой названый братец вернется из небытия, обрушит на мою голову всю мощь своей благородной мести и сотрет меня в кучку серого пепла. — Он делает короткий глоток. — Поверь, это, пожалуй, самая интригующая и захватывающая часть моей никчемной жизни.

— А обычный народ-то в чем перед вами провинился?! — я больше даже не пытаюсь контролировать громкость собственного голоса. Мой желудок скручивает болезненный спазм, а кровь огненным потоком бурлит в венах. — Неужели только зажравшиеся жители первых четырех секторов имеют исключительное право на вашу королевскую защиту и заботу?!

Эдоардо делает очередной неторопливый глоток, ни на секунду не разрывая нашего тяжелого, дуэльного зрительного контакта. — Они демонстрируют мне свою абсолютную лояльность, — он аккуратно опускает бокал обратно на скатерть.

— Да потому что они, черт возьми, могут себе это позволить! — я яростно хмурюсь, подаваясь вперед.

На его губах снова играет слабая, едва заметная усмешка: — Преданность и лояльность не покупаются за деньги, Вирджиния. Это их базовый, священный долг перед короной — демонстрировать верность своему монарху. Вместо этого эти твари предпочитают устраивать подпольные заговоры, поднимать мятежи и плести интриги за моей спиной. Своим поведением они не оставляют мне выбора. Они буквально вынуждают меня бить на опережение, чтобы я в очередной раз не получил подлый, смертельный удар в спину.

— Они всего лишь несчастные, доведенные до отчаяния мирные граждане! Они бы никогда в жизни не посмели ударить вас в спину…

— Артур тоже был всего лишь моим родным братом, — безжалостно перебивает меня Эдоардо.

И в эту секунду в его некогда твердом, королевском голосе что-то с глухим треском ломается окончательно.

Он мгновенно отводит взгляд в сторону, упрямо уставившись в стену. Между нами тяжелой, многотонной плитой ложится оглушительное, мертвенное молчание, и я не нахожу в себе смелости его нарушить. Глубокая, незаживающая рана, которую в свое время нанес ему Артур, до сих пор продолжает кровоточить и с дикой болью разрывать его изнутри. Эта травма намертво выжжена в его измученном сердце, она татуировкой въелась в его бледную кожу. Она ядом течет по его венам — до такой степени, что теперь во всем гребаном мире он видит исключительно потенциальных врагов, предателей и шпионов.

Мне до безумия хочется крикнуть ему прямо в лицо, что массовые казни и жестокие наказания собственного голодающего народа никогда в жизни не исцелят его внутреннюю боль. Что это путь в бездну. Но я не успеваю открыть рот — из-за массивной дубовой двери внезапно раздается громкий, до боли знакомый голос дежурного гвардейца:

— Ваше Высочество, леди Анна покорнейше просит разрешения войти в ваши покои.

Я пулей вскакиваю со своего места. Сердце испуганно делает кульбит. Я лихорадочно, за доли секунды оправляю подол своей служебной формы, судорожно

разглаживаю складки на фартуке и на максимально допустимой скорости отступаю в самый дальний, темный угол комнаты. Смиренно опускаю голову, намертво утыкаясь взглядом в паркетные доски у себя под ногами. Служанка вернулась на свое место.

— Я вообще-то могу войти к своему кузену и без сопровождения! — раздраженно бросает она прямо с порога.

Тяжелая дверь с грохотом распахивается, и девушка фурией влетает в центр комнаты, направляясь прямиком к обеденному столу. Камель, бледный от напряжения, следует за ней по пятам, не отставая ни на шаг.

— Ты можешь наконец объяснить им, что у меня есть официальное разрешение входить сюда без этих ваших унизительных, позорных обысков?! — практически визжит она.

За ее спиной Камель виновато склоняет голову, покорно ожидая приказов Суверена и не смея вставить ни слова. Эдоардо, не обращая на этот вихрь эмоций никакого внимания, неторопливо промакивает уголки губ белоснежной шелковой салфеткой. Его движения подчеркнуто медленные, выверенные и точные, словно ничто в этом подлунном мире не способно нарушить его ледяное, медикаментозное спокойствие.

— Камель, ты можешь идти, — едва слышным, ровным шепотом произносит он.

Гвардеец молча кивает, мгновенно пятится назад, покидает покои и плотно закрывает за собой дверь.

— Ну и? Долго это будет продолжаться?! — продолжает бушевать Анна.

Я уже и забыла, насколько у нее пронзительный, режущий слух голос. Ее волосы теперь сострижены чуть ниже ушей, но лицо осталось абсолютно прежним. Всё то же соблазнительное, роковое выражение — смертоносное оружие, которое она без зазрения совести пускает в ход при каждом удобном случае.

— По всей видимости, ты слишком долго пробыла на дальних рубежах, Анна, раз успела позабыть, что этот досмотр — непреложное правило, введенное твоими же обожаемыми Священнослужителями.

Она с размаху бьет ладонью по лакированной поверхности стола: — Прекрасно знаешь, что я никогда в жизни не считала этих фанатиков Жрецами!

Произнося это, она внезапно вскидывает голову и переводит яростный взгляд на меня. Ее брови удивленно ползут вверх, словно она только что, в процессе своей истерики, соизволила заметить мое присутствие в углу комнаты.

— Она что, останется здесь?

— А ты останешься здесь? — ледяным эхом парирует Эдоардо, возвращая ей вопрос.

Леди Анна буквально испепеляет его взглядом: — Эдоардо… — сквозь зубы процеживает она.

Градус напряжения в воздухе подскакивает до такой отметки, что я невольно задерживаю дыхание. Мне физически хочется провалиться сквозь землю. Видеть его сейчас таким — в этой привычной, маске апатичного и безжалостного Короля — ощущается как неподъемный, свинцовый груз, который с новой силой давит мне на грудь.

Я слегка приоткрываю рот и подаю голос из своего угла: — Разрешите мне идти, Ваше Высочество?

— Нет, — отрезает он коротко, даже не повернувшись в мою сторону.

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Анна нервно запускает пальцы в свои короткие волосы и горько, язвительно хохочет. Мне безумно хочется крикнуть ей в лицо, что я испытываю точно такое же глухое, удушающее возмущение от этой ситуации. Но у меня нет ни малейшего права вступать в разговоры с членами королевской семьи, как нет и возможности ослушаться прямого приказа Монарха.

— То есть ты серьезно хочешь, чтобы эта прислуга грела уши и слушала наш разговор? — она всплескивает руками, апеллируя к небесам.

— У меня слишком мало свободного времени, Анна, — в голосе Эдоардо отчетливо проступают стальные, властные ноты. — Либо ты говоришь прямо сейчас и по делу, либо я с огромным удовольствием позову Камеля, чтобы он лично указал тебе на выход.

Она ошарашенно хмурится и широко распахивает глаза от неприкрытого изумления. Впрочем, Анна быстро берет себя в руки, подавляя вспышку обиды, и коротко кивает.

— Это правда?

— Что именно?

— Лавиния жива.

При звуке этого имени у меня внутри всё обрывается. Я судорожно прячу резко задрожавшие руки за спину, изо всех сил сжимаю пальцы в замок и концентрируюсь на дыхании. Главное — дышать ровно. Не выдать себя ни единым движением, ни единым судорожным вздохом. Не здесь. Не сейчас.

Эдоардо начинает монотонно и неторопливо постукивать указательным пальцем по краю стола: — Это вопрос или утверждение, кузина?

— А что знаешь ты?! — в упор спрашивает она.

Король медленно поворачивает голову в мою сторону и пересекается со мной прямым, испытывающим взглядом. Я тут же испуганно опускаю глаза в пол, разрывая этот опасный контакт.

— Я знаю неоспоримую истину: она мертва, — чеканит он.

— Но в этой истории слишком много белых пятен, концы с концами не сходят, — упрямо качает головой Анна, и от ее слов мой пульс мгновенно взлетает до космических высот, оглушительно стуча в ушах. — Позволь мне начать официальное расследование, Эдоардо. Дай мне докопаться до сути.

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Глава 15

«Они всегда стремятся разделить нас, потому что прекрасно понимают: пока мы вместе, ни одна их стратегия не способна обуздать нашу силу. Но они не знают, что даже смерть не в силах разлучить меня с тобой. Ведь мне достаточно просто закрыть глаза, чтобы снова услышать твой смех».

— Из письма № 180.

Артур

Ясмин

Мамины руки обнимают меня так крепко, словно пытаются защитить от всего мира. — Напиши нам сразу же, как только прилепишься на место, хорошо? И не забывай присылать фотографии. А главное — сразу звони, если возникнут хоть какие-то проблемы.

Я медленно поглаживаю её по спине, впитывая в себя знакомый, уютный ванильный аромат её волос, и с огромным трудом заставляю себя отстраниться. Меньше чем через пять минут я должна быть на точке сбора в терминале аэропорта. Личный гвардеец семьи Ольсен уже ждет меня у зоны досмотра, чтобы проводить на спецрейс. Мне нельзя опаздывать ни на секунду.

— Не переживай, мам, это всего лишь на одну ночь… максимум на две, — я демонстративно приподнимаю запястье, натягивая фальшивую, но ободряющую улыбку. — У меня с собой все документы, да и благодаря браслету-амулету от Лоффи я буду в полной безопасности.

Разноцветные синие бусины, которые мальчик с таким трогательным терпением нанизывал одну за другой, тихонько шуршат при каждом моем движении. Я перехватываю ручку чемодана, отчаянно игнорируя болезненный узел, в который стянулся желудок.

— Я знаю, милая, но всё равно береги себя. Сам знаешь, какой хаос сейчас творится во всех королевствах… — Мари тяжело вздыхает, и у меня внутри всё сжимается от глухой боли.

Я физически не могу сказать ей правду. Не могу объяснить, что если на этой аудиенции меня признают мировой угрозой, то эти объятия — последнее, что у меня осталось. От одной этой мысли накатывает такая дикая паника, что перехватывает дыхание. *Нет, этого не случится. Тихо. Спокойно.*

— Твой отец всё перепроверил. В Азиатском Королевстве к тебе не возникнет никаких вопросов, с документами полный порядок, — она произносит это скорее для того, чтобы успокоить саму себя, чем меня.

Внутренний карман моего пальто жжет поддельное удостоверение личности на имя настоящей Ясмин Дорси. На бумаге комар носа не подточит, но я впервые пересекаю государственную границу без приемных родителей, и тот экзистенциальный страх, который я вижу в глазах Мари, неподъемным камнем давит мне на подреберье. *Я так сильно люблю тебя, мамочка. Прости меня за всю эту ложь.*

— Я очень люблю тебя, мам, — тихо шепчу я, и лучики морщинок вокруг её глаз теплеют от безграничной нежности. Это единственная абсолютная правда, которую я могу ей сейчас сказать. — Веди машину аккуратно.

Она кивает, прижимая ладонь к груди на прощание: — Мы тоже тебя очень любим. Хорошо вам повеселиться с Аласи!

Я разворачиваюсь и направляюсь к стеклянным дверям терминала, волоча за собой чемодан. Стоит мне переступить порог аэропорта, как мое дыхание превращается в рваный, испуганный свист. Желудок продолжает устраивать безумные кульбиты. *«Повеселиться с Аласи»*. Очередное грандиозное вранье, которое тяжелым грузом ложится на мою и без того измученную совесть. Ложь, ради которой папа Ханс даже всучил мне круглую сумму денег, чтобы я могла купить себе всё, что захочу, на азиатских рынках.

Я прохожу мимо стойки информации, лавируя между группами шумных туристов с переполненными багажными тележками, и замираю в самом изолированном, тихом углу зала. Судя по координатам, точка сбора здесь, но человека, который должен меня встретить, пока не видно. Я внимательно сканирую лица прохожих, но, кроме пожилой пары у стойки регистрации, никто не привлекает внимания. Мимо с весёлым визгом проносятся двое детей, едва не сбивая мой чемодан.

Я тяжело вздыхаю. Господи, сколько бы я отдала, чтобы быть сейчас такой же беззаботной, как они. Несмотря на все успокаивающие речи Элайджи, за всю ночь я не сомкнула глаз. Вся моя сущность бунтовала против формулировки, которую мне фактически вынесла судьба: *неконтролируемая, опасная, нестабильная*. Живая бомба замедленного действия, которую необходимо либо изолировать, либо уничтожить.

— Мисс Дорси?

— Да, это я, — я резко вскидываю голову.

Передо мной стоит подтянутый мужчина лет пятидесяти в черной кепке. На его ремне отчетливо поблескивает массивный металлический жетон с геральдикой правящей семьи Ольсен.

— Прошу за мной, я провожу вас, — он вежливо, но властно забирает чемодан из моих ладоней прежде, чем я успеваю издать хоть звук.

Я покорно следую за ним, стараясь держать голову опущенной, особенно когда он без очереди проводит меня через VIP-коридоры, просто демонстрируя охране свой жетон. Мне только не хватало поймать на себе завистливые взгляды половины аэропорта. Зона безопасности пролетает перед глазами за секунды: пограничник бегло изучает мои документы и возвращает их без единого вопроса. Я мысленно выдыхаю.

Мы сворачиваем в длинный, абсолютно пустой служебный коридор с табличкой «Только для персонала». За прозрачными панорамными стеклами по бокам открывается вид на залитое блеклым солнцем летное поле.

— Сюда, мисс, — мужчина указывает рукой на неприметную лестницу.

Я спускаюсь за ним ступень за ступенью. Он идет настолько стремительно, что мне приходится практически бежать, чтобы не отстать. Мужчина толкает тяжелую противопожарную дверь, и резкий, ледяной порыв ветра мгновенно швыряет мне волосы в лицо.

На частной рулежной дорожке прямо перед небольшим, хищного вида угольно-черным самолетом стоят Аласи, Нанук и Элайджа. Девушка что-то активно жестикулирует, а мужчины сосредоточенно кивают, внимая её словам. Артура нигде не видно.

Чем ближе я подхожу к трапу, тем сильнее скручивает внутренности от страха. Набираю полную грудь воздуха и шумно выдыхаю.

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

— А вот и наша главная звезда дня! Как спалось, Ваше Величество? — Нанук расплывается в своей фирменной широкой улыбке.

Тёплая меховая шапка наехала ему на самый лоб, а забавные помпоны забавно покачиваются у щек. Меньше всего на свете этот парень сейчас похож на строгого правителя Гренландии — скорее на ребенка, которого привели на детскую площадку.

Я плотнее кутаюсь в воротник пальто: — Если под «спалось» ты подразумеваешь от силы два с половиной часа кошмаров, то просто великолепно… — вздыхаю я.

Элайджа мягко улыбается, и в его глазах вспыхивает привычное спокойствие: — Всё пройдет отлично, Ясмин. Уже на борту мы еще раз до мельчайших деталей разберем весь план действий. Не накручивай себя и просто доверься нам. Мы с Нануком пока поднимемся в кабину. Аласи, у вас есть пять минут, чтобы попрощаться.

Девушка коротко кивает, и её взгляд скрещивается с моим. В её глазах проскальзывает странная, несвойственная ей тень сомнения, которую я никак не могу разгадать. Или мне просто кажется, или она сегодня подозрительно притихла?

— Джек, оставь багаж у трапа, спасибо. Мы сами заберем, — бросает Нанук моему сопровождающему. Тот молча опускает чемодан на асфальт и удаляется. Через секунду Элайджа и Нанук скрываются в недрах бизнес-джета.

— Ну что… вот и настал этот день, — тихо вздыхает Аласи, подходя ближе.

— Мне бы очень хотелось, чтобы ты полетела со мной, — честно признаюсь я, и мой голос срывается на едва слышный шепот.

Она грустно поджимает губы: — Знаю, милая… Но кто-то из верхушки должен остаться на базе и контролировать, чтобы здесь всё не взлетело на воздух в наше отсутствие. Присутствие Нанука на дипломатических встречах такого уровня обязательно по протоколу, так что тебе придется взять всю свою волю в кулак и как-то выдержать общество этих троих суровых мужчин.

— Я постараюсь. Кстати, мама и папа уверены, что…

— Что ты сейчас улетаешь в отпуск со мной, — заканчивает она фразу за меня и заговорщически подмигивает. — Всё под контролем, не переживай. Лети со спокойным сердцем, обо всём остальном я здесь позабочусь. Мальчики не дадут тебя в обиду, поверь мне. Ничего плохого не случится.

Я делаю глубокий вдох и выдох. Её уверенный тон немного утихомиривает ту бурю, что с самого утра разрывает мне грудную клетку. — Я так благодарна тебе, Аласи… И всем вам. Вы ведь ни на секунду не задумались, когда нужно было спасать Лоффи. Я даже не знаю, как смогу отплатить вам за всё, что вы для меня сделали.

Она внезапно кладет руку мне на шаль; вся её привычная беззаботность и напускное веселье мгновенно испаряются. Взгляд становится непривычно серьезным и глубоким: — Когда придет время… я попрошу тебя только об одном одолжении. Просто выслушай меня. Хорошо?

Я непонимающе хмурюсь: — Выслушать тебя? А почему я должна тебе в этом отказать? Ты говоришь так, словно я могу возненавидеть тебя в одночасье. С тобой всё в порядке?

Аласи тут же беззаботно смеется, мгновенно стирая любые намеки на недавнее напряжение. Она панибратски обнимает меня за плечи и слегка подталкивает к ступенькам трапа: — Всё супер, просто мне иногда нравится напустить на себя немного театрального драматизма. В общем, мы договорились, идет?

— Договорились. До послезавтра, — киваю я.

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Я поднимаюсь по узкой лестнице, чувствуя кожей её пристальный, не отпускающий ни на секунду взгляд. Оборачиваюсь на пороге, машу ей рукой и наконец прохожу внутрь салона, где у меня буквально отваливается челюсть.

Да уж, когда дело касается официальных визитов государственного уровня, Ольсены явно не привыкли экономить. Я иду по мягкому ковру мимо массивных кресел из безупречной белой кожи, лакированных панелей из редких пород дерева и роскошных бархатных диванов. Столики буквально ломятся от изысканных закусок и дорогих бутылок вина. Ничего себе «скромная рабочая поездка». Чуть дальше по проходу виднеется приоткрытая дверь, за которой угадывается полноценная королевская спальня. Я завороженно делаю шаг вперед, совершенно не смотря под ноги, цепляюсь носком за какой-то выступ и с тихим писком теряю равновесие.

Пытаясь спастись от позорного падения, я инстинктивно выкидываю руки вперед, хватаясь за спинку ближайшего дивана: — Ух… едва не растянулась. Слава небесам.

— Небеса тут совершенно ни при чем.

От неожиданности я испуганно вздрагиваю, а сердце ухает куда-то в пятки. *Артур?* Я резко поворачиваю голову, встречаюсь с его до предела раздраженным взглядом и едва не давлюсь собственной слюной. Он хмуро смотрит куда-то мне в район живота. Я опускаю глаза и с ужасом понимаю, что его правая рука мертвой хваткой обвивает мою талию, надежно удерживая от падения. Он держит меня. Сам Артур… держит меня.

Как только до моего воспаленного мозга доходит весь абсурд ситуации, я резко распахиваю глаза и судорожно выпрямляюсь, отстраняясь.

— Ты можешь хотя бы один чертов день обойтись без того, чтобы не спотыкаться на каждом ровном месте? — его рука мгновенно соскальзывает с моего тела.

Я буквально сгораю от стыда и неловкости, пока он уверенным шагом проходит мимо, оставляя после себя едва уловимый, шлейф с нотками лесного мускуса.

— Это вышло случайно, — едва слышно бормочу я под нос, но мое оправдание не производит на него ровным счетом никакого впечатления. Он его, скорее всего, даже не услышал.

Артур привычно занимает свое место у иллюминатора, откидывает голову на кожаный подголовник и плотно закрывает глаза. Я стягиваю теплое пальто, сажусь в кресло прямо напротив него и дрожащими пальцами защелкиваю ремень безопасности.

Да уж, даже ангел смерти не выглядит настолько мрачно. Он снова целиком в черном, с ног до головы: угольные брюки, темный ремень и облегающая черная лонгслив, которая подчеркнуто туго обтягивает его развитую грудь и плечи. Единственным ярким пятном в его образе были массивные армейские берцы грязно-зеленого цвета и золотистые кудри, хаотично рассыпавшиеся по лбу. В остальном — даже его настроение сейчас казалось абсолютно черным.

— Взлетаем через две минуты, — звучный голос Элайджи прерывает мои мысли.

Он спокойно опускается в соседнее с Артуром кресло, аккуратно задвигая небольшую синюю сумку под сиденье. Тяжелые двери самолета со щелчком блокируются, и салон наполняется нарастающим, глухим гулом мощных двигателей.

Я оглядываюсь по сторонам, но больше никого не вижу: — А где Нанук? — шепотом спрашиваю я у Элайджи.

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

— Заскочил в кабину пилотов перекинуться парой слов с командиром корабля. Тот давний друг его отца.

Я понимающе кичусь. Лайнер начинает медленное движение по рулежной дорожке, и мой желудок снова стягивает тугой узел паники. *Так, Ясмин, возьми себя в руки. Всё пройдет гладко, ничего плохого не случится. Просто дыши. Вдох — выдох. Всё будет хорошо, я докажу этому чертовому азиатскому королю, что я не представляю угрозы для человечества, и вернусь домой к родителям. И больше ничего. Всё будет хорошо.*

Самолет резко набирает скорость, и мощная сила инерции буквально вдавливает мое тело в мягкую спинку кресла. Элайджа меланхолично смотрит в иллюминатор, даже не шевелясь, в то время как Артур, кажется, обладает абсолютным иммунитетом даже к перегрузкам при взлете. Глаза закрыты, лицо безупречно расслаблено, губы сомкнуты в тонкую линию. Полная противоположность тому ментальному хаосу, который прямо сейчас разрывает меня изнутри.

Я невольно вскрикиваю, когда шасси отрываются от земли. В ушах начинает противно звенеть, а внутренности скручивает спазм. Задерживаю дыхание. Я упрямо уставляюсь в окно слева: взлетная полоса стремительно уменьшается, превращаясь в крошечную серую ниточку, а уровень тревоги в моей груди тем временем возрастает до космических масштабов. Всё. Теперь у меня больше нет путей к отступлению. Обратной дороги нет.

— Ты сейчас на полном серьезе обдумываешь план, как выпрыгнуть из салона прямо на лету?

Внезапный голос Нанука заставляет меня резко повернуться вправо. Я удивленно хлопаю глазами, глядя на него в полном замешательстве. И когда только он успел подсесть ко мне?

— Я даже не слышала, как ты вошел.

Белоснежная рубашка выигрышно подчеркивает его красивую золотистую кожу. Он задорно подмигивает мне: — Годы упорных тренировок, детка. Но ты лучше скажи мне… откуда на твоем лице столько первобытного ужаса?

— Ну, может быть, потому что я лечу на другой конец света, чтобы доказать чужому Монарху, что я не являюсь ходячей ядерной бомбой, с которой нужно обращаться с предельной осторожностью? — от одних этих слов вслух я сама начинаю чувствовать себя ментально нестабильной.

— Ты не бомба, Ясмин. Мы все это прекрасно знаем, и именно поэтому мы гоняли тебя на тренировках каждый божий день, готовя к этой минуте, — мягко вмешивается Элайджа со своей неизменной, убаюкивающей рациональностью. — Всё пройдет строго по плану.

Да уж, я искренне на это надеюсь. Иначе я больше никогда в жизни не увижу ни Ханса, ни Мари, ни малыша Лоффи. От этой страшной картины к горлу подступает удушливый ком, но я поспешно выжигаю эти мысли из своей головы.

— Раз уж мы заговорили о планах, давайте в последний раз пробежимся по таймингу нашей программы. Что скажешь, Элайджа? — спрашивает Нанук, непринужденно протягивая руку к столику и отправляя в рот одну из изысканных закусок.

Элайджа кивает, плавно достает синюю сумку из-под сиденья и расстегивает молнию.

— Как мы уже говорили, Ясмин, эта встреча носит характер строжайшей секретности. Ни одно другое королевство не знает о нашем визите. Но шпионы рыщут повсюду, поэтому нам придется залечь на дно и не привлекать лишнего внимания. Перед самой посадкой мы выдадим тебе широкополую шляпу и маску, чтобы полностью скрыть лицо.

— Излишняя осторожность в нашем деле еще никому не навредила, — вставляет Нанук, отправляя в рот очередную тарталетку. — Ты ведь надела спецкостюм, верно?

Я покорно киваю: — Да, натянула огнеупорную туту прямо под обычную одежду, чтобы у мамы не возникло лишних вопросов. Как только начнем снижаться, я просто скину верхние вещи.

— Отлично, — Элайджа мягко улыбается и достает из сумки плотную папку, извлекая оттуда несколько исписанных листов. — В Азиатском Королевстве традиции, скажем так, изрядно отличаются от наших. У Короля несколько жен, и, если мне не изменяет память, сейчас он женат уже в третий раз.

— По-моему, великолепная, глубокоуважаемая мной традиция! — с ухмылкой комментирует Нанук.

Я лишь устало закатываю глаза. Элайджа дипломатично кашляет в кулак и продолжает инструктаж: — Их правящая династия Чжан — одна из самых древних и могущественных в истории Азии. Ты сразу заметишь абсолютную, слепую преданность со стороны местных жителей и слуг. Там жестоко карается даже малейший намек на сомнение в легитимности или действиях королевской семьи.

Я с трудом сглатываю вязкую слюну. Ну супер. Я уже отчетливо вижу картинку, как местная гвардия заживо замуровывает меня в какой-нибудь темнице, если их великий Монарх сочтет меня потенциальной угрозой.

— Мы приземлимся на уединенном острове Веджу, подальше от столицы и любопытных глаз, — монотонно чеканит Элайджа. — Там расположена одна из многочисленных загородных резиденций, где нас уже поджидает Король Ванг. Мы проведем там ночь, в выделенных покоях. Но прежде, чем вы начнете располагаться, мы проведем тщательную зачистку комнат на предмет скрытых жучков и прослушки. Доверяй, но проверяй.

Они продумали абсолютно всё. Ощущение, будто мы летим не на мирные переговоры, а на спецоперацию в разгар третьей мировой.

— Королевские гвардейцы встретят нас у трапа и проведут прямо во дворец. По дороге старайся держать голову опущенной, ни в коем случае не смотри никому в глаза. Лучше слиться с интерьером и оставаться безликой тенью, ведь, как я уже сказал…

— Шпионы повсюду, — со вздохом заканчиваю я за него.

Он серьезно кивает: — Мы с Нануком берем на себя всю вербальную часть и дипломатический протокол. Тебе не придется ничего говорить или оправдываться. Когда наступит подходящий момент, Нанук незаметно кивнет тебе, и ты просто повторишь то ментальное упражнение, которое мы отрабатывали на тренировках все эти дни.

Создать идеальную сферу чистого пламени, удерживать её в воздухе и плавно заставить вращаться вокруг себя, оставляя лишь мягкий светящийся шлейф. Этот трюк должен доказать Монарху, что я полностью контролирую свою стихию. Я судорожно впиваюсь пальцами в кожаный подлокотник кресла — я ведь прекрасно

знаю, что до сих пор не умею гасить этот огонь без кучи неконтролируемых, взрывоопасных искр.

— Что-то не так? — Элайджа мгновенно считывает мою внутреннюю панику.

— Я всё еще не умею плавно тушить пламя… — обреченно признаюсь я.

— Главное, Ясмин, не испепели случайно самого Короля, а то нас там же, на шелковых коврах, по очереди и вздёрнут, — заливисто хохочет Нанук.

Но мне совсем не смешно. Из-за моей криворукости под ударом могут оказаться жизни ребят. Черт.

— Эй, выше нос, улыбнись! — Нанук ободряюще подмигивает. — Ничего плохого не случится. Я дал слово, что верну тебя домой к родителям в целости и сохранности, а Ольсены слов на ветер не бросают.

— Мы будем рядом каждую секунду, — подхватывает Элайджа. — Как только демонстрация завершится, Артур проводит тебя обратно в покои, а мы с Нануком утрясем с Королем бумажные формальности. Мы закроем все его капризы и опасения, так что всё пройдет строго по плану.

Я открываю рот, чтобы ответить, но осекаюсь. К нашему столику бесшумно подходит бортпроводница с элегантным серебряным подносом. Её ярко-алые губы растянуты в безупречной профессиональной улыбке.

— Всё понятно, я просто хотела бы… — *Убедиться, что действительно вернусь к своей семье.* — …прилечь ненадолго. За всю ночь глаз не сомкнула.

— Конечно, лететь еще долго, отдых тебе необходим, — Нанук переводит взгляд на стюардессу. — Кэт, проводи девушку в спальную зону.

Девушка ласково улыбается: — Прошу за мной, мисс. Там вы сможете с комфортом отдохнуть.

Оставив пальто на кресле, я прохожу вслед за ней в хвостовую часть самолета, за которой скрывается роскошная комната с двуспальной кроватью, заправленной белоснежным льняным бельем и атласным покрывалом. Стюардесса открывает лакированный шкафчик и достает невероятно мягкий на ощупь шерстяной плед.

— На случай, если станет прохладно. Приятного отдыха.

— Спасибо, — шепчу я.

Я совершенно не привыкла к такой кричащей роскоши, поэтому решаю не забираться под простыни, а просто ложусь прямо на покрывало, укрывшись сверху пледом. От дикого перенапряжения виски сдавливает тупая боль, но стоит моей голове коснуться подушки, как накопленная усталость тяжелой бетонной плитой придавливает меня к матрасу. Кэт приглушает свет, и я закрываю глаза. Сладко зевая, я проваливаюсь в сон под едва слышный, деликатный щелчок закрывшейся двери.

«Да она же просто с ума сойдет от этого!»

Резкий, взволнованный голос Нанука заставляет меня испуганно распахнуть глаза. Господи, где я? Я судорожно сажусь на кровати, протирая глаза кулаком, и пытаюсь сориентироваться в пространстве. В каюте царит глубокий полумрак, едва рассеиваемый подсветкой. Ровный гул двигателей напоминает: мы всё еще в небе, держим курс на Азию. Как только мозг структурирует реальность, паническая тревога с новой силой впивается в грудную клетку. Сколько же я проспала?

Я сбрасываю плед и резко встаю, но из-за внезапного приступа дурноты и головокружения мне приходится судорожно ухватиться за спинку кресла. Чувствую себя как выжатый лимон. Осторожно, стараясь не шуметь, я подхожу к раздвижной

двери. Створка мягко отъезжает в сторону, и до меня доносятся приглушенные голоса парней.

— Другого выхода у нас всё равно нет, так что просто примите это как факт и приготовьтесь разруливать последствия, — этот безапелляционный, холодный голос я узнаю из тысячи. Артур. Глубокий, резкий тон, не терпящий никаких возражений.

Но о чем, черт возьми, они говорят? Я замираю в тени дверного проема, пытаясь рассмотреть их лица через щелку.

— «Разруливать последствия»… Прозвучало так, будто это плевое дело, — тяжело вздыхает Элайджа.

— Это будет абсолютное безумие, — качает головой Нанук.

— Она поймет, — отрезает Артур, и в салоне повисает тяжелое, гробовое молчание.

Иногда мне кажется, что они искренне боятся Артура или испытывают перед ним какой-то благоговейный трепет по причинам, которые мне абсолютно неведомы. Все беспрекословно подчиняются его воле. Как будто он…

— Подслушивать чужие разговоры вообще-то неприлично. Тебя этому в детстве не учили?

Я испуганно вздрагиваю. *Он что, обращается ко мне?!* Нанук и Элайджа одновременно оборачиваются в мою сторону. Если бы прямо сейчас в полу этого самолета разверзлась земля, я бы прыгнула туда не раздумывая. Густая краска стыда заливает мои щеки, но я всё же заставляю себя сделать независимый вид и прохожу в салон.

— Я вовсе не подслушивала. Просто не хотела бесцеремонно прерывать вас, ваш спор показался мне слишком важным, — парирую я, демонстративно опускаясь в свое прежнее кресло.

Артур даже бровью не ведет в мою сторону — он просто демонстративно отворачивается к иллюминатору, изучая облака. Впрочем, к его ледяному игнорированию я уже привыкла. Этот парень скорее согласится на пытки, чем снизойдет до взгляда на меня. Но как он, черт возьми, опять услышал мои шаги сквозь гул моторов?!

Нанук, как ни в чем не бывало, протягивает мне бокал с рубиновым вином: — А вот и наша спящая красавица! Ты как раз вовремя: еще каких-то часа два, и мы прибудем в великое, могучее и неописуемо прекрасное Азиатское Королевство!

Всего два часа? Я нервно зарываю пальцы в волосы, пытаясь упорядочить хаотичный рой мыслей, и делаю приличный глоток вина, чтобы унять дрожь.

— Нанук тут как раз просвещал меня на тему драконов, — с улыбкой говорит Элайджа.

— Драконов? — переспрашиваю я, уставившись на Нанука.

— О, народ Короля Ванга буквально помешан на драконах, они их боготворят! — Нанук расплывается в предвкушающей улыбке. — Когда я прилетал сюда с отцом на одну из королевских свадеб, мне было лет восемь, и я, без преувеличения, знатно наложил в штаны. Точнее, эпично описался. Там в главном холле стояла исполинская каменная статуя дракона, выполненная настолько реалистично, что мне показалось, будто она сейчас сожрет меня живьем. Короче, я знатно подмочил свои парадные брюки, но мне было до ужаса стыдно признаться, и я продолжал пафосно маршировать за отцом, пока амбре вокруг меня не стало слишком уж очевидным для высокородной публики.

Я не удерживаюсь от смешка, делая очередной глоток: — Что ж, могу поспорить, у Короля остались незабываемые воспоминания о твоем визите.

— Никто и никогда не забывает Нанука Ольсена, детка, — он с гордым видом отправляет в рот оливку.

— И в чем же заключалась мораль этой высокоинтеллектуальной истории? — иронично выгибает бровь Элайджа.

— Мораль в том, что я абсолютно не гарантирую, что этот конфуз не повторится со мной и сегодня.

Я прыскаю со смеху, судорожно зажимая рот ладонью. Элайджа обреченно и сокрушенно качает головой, а Нанук довольно лыбится, празднуя победу. Атмосфера в салоне мгновенно разряжается, и на долю секунды тяжелый узел в моем желудке ослабевает, заставляя забыть о грядущем ужасе.

Я машинально поворачиваю голову в сторону и натыкаюсь на прямой, обжигающий взгляд янтарно-золотых глаз Артура. Он смотрит на меня так пристально и мрачно, будто сам факт того, что я способна искренне смеяться, оскорбляет его до глубины души. Улыбка мгновенно сползает с моего лица, сменяясь горьким, удушливым привкусом обиды.

Я резко замолкаю и снова погружаюсь в свой персональный ад из страхов и тревог. Элайджа возвращается к чтению журнала, а Нанук спустя пару минут мирно засыпает, тихо посапывая справа от меня.

Не выдержав этого гнетущего молчания, я ухожу в туалетную комнату. Заперев дверь, я быстро скидываю верхнюю одежду, оставаясь в плотно прилегающем к телу черном огнеупорном комбинезоне. Внимательно изучаю свое бледное отражение в зеркале, параллельно стягивая волосы в тугой высокий хвост.

— Я справлюсь. Я обязана справиться, — тихо, но твердо шепчу я собственному отражению.

В этот момент синий браслетик от Лоффи съезжает по моему запястью, бликуя в лучах ламп. На душе мгновенно становится теплее — как будто мой маленький названый брат прямо сейчас крепко держит меня за руку. Я нежно провожу большим пальцем по перламутровым бусинам, вспоминая его звонкий голосок: *«Эта штука защитит тебя, где бы ты ни была, сестренка!»*

Глаза предательски щиплет от подступивших слез, но я вовремя беру эмоции в железный кулак. Я обязана вернуться к нему. Делаю глубокий, очищающий вдох, выравнивая пульс и успокаивая расшатанные нервы.

— Ясмин! Мы заходим на посадку, марш в кресло, иначе при касании земли улетишь в стену! — доносится из-за двери зычный крик Нанука.

Я толкаю дверь и выхожу в салон. Нанук, успевший проснуться, буквально роняет челюсть на пол, бесцеремонно сканируя мою фигуру в обтягивающем комбинезоне с ног до головы: — Ого… Ничего себе, дорогая моя. Думаю, у Короля Ванга точно не повернется язык выдвинуть тебе хоть какие-то претензии. Выглядишь сногсшибательно.

Я быстро проскальзываю на свое место рядом с ним, защелкиваю ремень безопасности и натянуто улыбаюсь: — Это при условии, если я случайно не поджарю его величество вместе со всем его свитой.

— Твой черный юмор становится всё лучше и лучше, — Нанук широко улыбается, и его глаза искрятся неподдельным удовлетворением.

В это время Элайджа и Артур о чем-то сосредоточенно переговариваются между собой, тщательно занижая тон, чтобы их никто не услышал. Артур неторопливо достает из глубокого кармана темную маску-балаклаву, натягивает её на голову и поправляет плотный капюшон. Теперь всё его лицо полностью скрыто от внешнего мира, свободными остались только глаза. *Он прячется? Зачем?* Я недоуменно хмурюсь, но нарастающий, оглушительный рев турбин не дает мне сосредоточиться на этой мысли.

Самолет резко идет на снижение. Тяжелая сила инерции ощутимо толкает мое тело вперед, а в ушах начинает противно и болезненно звенеть так, что мне приходится до хруста сжать зубы. Я упрямо приникаю лицом к стеклу иллюминатора. Внизу, вдоль извилистой лазурной линии морского побережья, ровной горизонтальной линией выстроились аккуратные, миниатюрные домики. Высота стремительно падает, и я уже могу различить крошечные, едва заметные точки — головы местных жителей. Мы пролетаем над бескрайним, идеально зеленым массивом, и когда в поле зрения наконец попадает серая полоса посадочного трека, мое сердце начинает испуганно галопировать где-то в районе горла. Всё. Мы на месте. Я судорожно сжимаю кулаки, чувствуя, как шасси с тяжелым, глухим ударом бьются об асфальт.

Стоит лайнеру замедлить ход, как Артур одним резким движением расстегивает ремень и поднимается на ноги. Элайджа и Нанук синхронно встают следом за ним. Сделав глубокий, судорожный вдох, я пересиливаю слабость в коленях и тоже поднимаюсь. Удушливый узел паники в горле затягивается еще туже. Нанук легко дотягивается до верхней багажной полки, одним плавным движением подхватывает мой чемодан, а второй рукой перехватывает свой. Мне очень хочется выдавить из себя банальное «спасибо», но из-за дикого стресса во рту пересохло так, словно я несколько дней блуждала по пустыне.

— Держи, пришло время их надеть, — Элайджа протягивает мне плотную маску и глубокую широкополую шляпу.

Самолет окончательно замирает. Я без лишних вопросов и возражений натягиваю маску, пряча лицо. В голове навязчивым рефреном крутится один и тот же вопрос: *почему Артур тоже скрывает свою внешность? От кого он прячется в Азии?* Поправив поля шляпы, чтобы они закрывали обзор сверху, я покорно иду вслед за мужчинами к выходу. Нанук и Элайджа уверенно выдвигаются вперед, занимая авангард.

Тяжелая герметичная дверь со свистом открывается, и парни первыми спускаются по металлическому трапу, мгновенно исчезая из моего поля зрения. Я пытаюсь сделать шаг им навстречу, но мои ноги словно намертво приросли к полу. Они просто отказываются выполнять команды мозга. Я тупо гипнотизирую взглядом дверной проем, чувствуя, как на грудную клетку давит неподъемная бетонная плита.

— Ты собираешься разродиться до сегодняшнего вечера или нам здесь заночевать? — Артур оборачивается ко мне, скрестив руки на груди. Плотная черная маска делает его и без того жесткий взгляд абсолютно монолитным и безжалостным.

Я делаю резкий, глубокий вдох и наконец переступаю порог самолета. Раскаленный, влажный тропический воздух мгновенно бьет в лицо, окутывая кожу душным коконом. Спускаясь ступенька за ступенькой, я пытаюсь сфокусировать зрение на том, что происходит внизу, и от увиденного у меня перехватывает дыхание.

У подножия трапа, ровными геометрическими рядами, выстроилась внушительная армия азиатских воительниц. Они стоят плечом к плечу, словно идеальные оловянные солдатики. Все как одна облачены в тяжелые угольно-черные

туники, доходящие до самых щиколоток, а их идеально прямые смоляные волосы стянуты в безупречные длинные хвосты на затылке. Пять безукоризненных, симметричных линий. Они стоят абсолютно неподвижно, не шевелясь и не моргая, их суровые взгляды устремлены строго перед собой.

Чуть в стороне от этой идеальной живой стены стоит еще одна женщина — судя по всему, их командир. Она молча, со смесью холодного любопытства и презрения наблюдает за тем, как мы спускаемся. На её тонкой талии на массивном кожаном ремне покоится длинный изогнутый меч.

Она размыкает тонкие губы, и от её голоса по моей коже пробегает ощутимый мороз: — Добро пожаловать в Азиатское Королевство. Мы здесь, чтобы обеспечить ваше сопровождение. Его Величество Король уже ожидает вас в главном дворце.

Нанук даже не успевает раскрыть рот для дежурного дипломатического приветствия — женщина резко разворачивается на каблуках. Одним едва заметным, повелительным кивком головы она заставляет шеренги воительниц синхронно расступиться в стороны, образуя безупречный пустой коридор прямо посередине живой цепи. Коротким жестом руки она приказывает нам следовать за ней.

— Напомните мне, чтобы я прилетал сюда как можно чаще, — Нанук с довольным видом вышагивает следом за командиром, расправив свои широкие плечи. — Кажется, это место имеет все шансы стать моим самым любимым уголком на планете, — вполголоса добавляет он.

Ну конечно, хоть кто-то из нас умудряется получать от этого безумия удовольствие, — мысленно вздыхаю я. Я изо всех сил концентрируюсь на том, чтобы просто идти прямо и не упасть. Я упрямо утыкаюсь взглядом в задники туфель Элайджи, послушно копируя его шаг и стараясь лишний раз не крутить головой по сторонам. Но непреодолимый, первобытный импульс всё же берет верх, и я на пару секунд приоткрываю завесу шляпы, чтобы осмотреться.

Вокруг простирается колоссальных размеров парк, ухоженный с какой-то маниакальной, пугающей точностью. Кажется, будто каждая изумрудная травинка и каждый листок на идеальных кронах деревьев были вручную уложены ландшафтными дизайнерами по какому-то секретному чертежу. По обе стороны от широкой мощеной аллеи выстроились исполинские мраморные изваяния. Это огромные, величественные драконы, и ни один из них не похож на другого. Их мощные, чешуйчатые хвосты вырезаны из камня с таким ошеломляющим уровнем детализации, что на секунду чудовища кажутся абсолютно живыми, застывшими лишь по воле какого-то древнего заклятия. Чуть впереди двое слуг в скромных одеждах с синхронными, отточенными до автоматизма движениями усердно трут огромными губками массивные когти одной из статуй. Один из них на мгновение прерывает работу, поднимает голову, чтобы смахнуть каплю пота со лба, и его взгляд в упор сталкивается с моим.

— Глаза в землю, — ледяным шепотом проносится прямо над моим ухом голос Артура.

Я судорожно втягиваю голову в плечи и снова приковываю взгляд к обуви Элайджи. Мы идем так еще около десяти минут, которые кажутся мне бесконечной, изматывающей вечностью. Собственный пульс оглушительным набатом стучит в висках. Я испуганно прижимаю ладонь к груди, пытаясь физически унять этот сумасшедший стук. *Успокойся. Тебе нужно дышать.*

Мы начинаем подъем по нескончаемой, крутой лестнице из массивных серых каменных плит, от которой у меня мгновенно перехватывает дыхание. С трудом

переводя дух, я вижу перед собой монументальные основания двух исполинских колонн из лакированного темного дерева, сплошь покрытых тончайшей, изысканной резьбой с цветочными орнаментами. Стоит нам миновать их, как характер покрытия под ногами резко меняется — мы ступаем на зеркально гладкий, идеально отполированный пол, в котором отчетливо отражаются наши силуэты. Похоже, мы наконец вошли в тронный зал дворца. Элайджа резко сбавляет ход и замирает. Я тут же торможу следом за ним.

— Можешь смотреть, — негромко шепчет Артур из-за моей спины.

Я медленно поднимаю лицо, и мои губы сами собой приоткрываются от изумления. Высоко над нашими головами колышется каскад тяжелых позолоченных люстр, заливающих колоссальное пространство мягким светом. В интерьере безраздельно доминирует глубокий, насыщенный кроваво-красный цвет. Вдоль стен тянется нескончаемая вереница драконьих скульптур: они выстроены по ранжиру, от самых крошечных, изящных статуэток до колоссальных каменных монстров. Эта пугающая процессия ведет прямо к подножию массивного, монументального трона.

На нем в окружении роскоши восседают Король и Королева. Их величественные фигуры облачены в тяжелые, струящиеся одежды из чистейшего красного шелка, шлейфы которых каскадом спадают на пол. Наряд Королевы поражает воображение: огромные, широкие рукава оторочены массивной золотой вышивкой, а многослойная нижняя юбка кажется невесомым облаком при каждом её движении. Король Ванг выглядит под стать своей империи: его роскошная туника сплошь усыпана крупными драгоценными камнями, переливающимися в свете ламп, а под ней угадываются широкие, просторные шаровары. Одной рукой Монарх неторопливо поглаживает окладистую, густую белоснежную бороду, а вторая его ладонь вальяжно покоится на массивном золотом поясе, который поддерживает его грузное чрево. На его фоне Королева кажется хрупким, едва распустившимся экзотическим цветком. У неё настолько тонкое, изящное и бледное лицо, что от нее физически невозможно отвести взгляд. На её голове высится сложнейшая корона-каскад, собранная из живых цветов и сотен тончайших ювелирных подвесок с инкрустированными самоцветами, которые тихонько звенят и вспыхивают искрами при малейшем повороте её головы.

— Его Величество приветствует вас в своих чертогах, — берет слово сухопарый мужчина в скромном сером кимоно, замерший по правую руку от монаршего кресла. Очевидно, придворный толмач или главный советник.

— Мы безгранично благодарны за ваше высокое гостеприимство, Король Ванг, — звучный, уверенный голос Нанука раскатистым эхом разносится под сводами огромного зала. — Как мы и договаривались в ходе предварительных нот, наша делегация прибыла сюда, чтобы лично продемонстрировать абсолютную подлинность и неоспоримость всех наших заявлений.

Седовласый советник низко склоняется к уху Монарха, синхронно переводя ему слова гренландского правителя. У подножия королевского подиума, выстроившись в живой щит, замерла личная гвардия правителей, вооруженная, что называется, до зубов. И снова — исключительно женщины. Все в глухих черных доспехах, с тяжелыми мечами на перевязях и такими ледяными, свирепыми выражениями лиц, что становится ясно: эти валькирии способны без секундного колебания превратить любого из нас в кровавый фарш по первому же щелчку своего господина. *Прекрасно… Просто великолепно. Стоит мне допустить хоть малейшую оплошность, и они в то же мгновение перережут мне глотку.*

— Дыши, — едва слышно выдыхает Артур.

Легко сказать. Его ладонь на долю секунды невесомо касается моей напряженной спины, и я невольно вздрагиваю от неожиданности. Но его пальцы не исчезают — они плавно скользят чуть ниже, к линии талии, а затем медленно, успокаивающе поднимаются обратно к лопаткам. И в этот самый миг дикое, парализующее напряжение в моих плечах начинает медленно, неохотно отступать. Горячий воздух со свистом покидает мои легкие — этот мимолетный, запретный контакт подействовал на мое измученное тело как единственный правильный тумблер перезагрузки. *Он… он что, действительно меня ласкает? Пытается поддержать?*

Я физически не успеваю повернуться, чтобы заглянуть в его скрытые маской глаза: в эту секунду Король Ванг переводит свой тяжелый, давящий взгляд прямо на меня. Его глаза медленно, бесцеремонно сканируют мою фигуру: сначала лицо, скрытое полями шляпы, затем грудь и, наконец, ноги в обтягивающем комбинезоне. Его пухлые губы презрительно кривятся, уголки рта опускаются вниз с таким выражением, будто само мое присутствие здесь оскорбляет его величество. Он брезгливо бросает короткую фразу своему советнику.

— Его Величество искренне сомневается, что перед ним именно *та самая* дева, — бесстрастно переводит толмач. — Наш Король находит её слишком хрупкой, блеклой и слабой для того, чтобы она могла подчинить себе первородную ярость истинного пламени.

Я с огромным трудом сглатываю сухой ком. В горле окончательно пересохло, превратившись в наждачную бумагу.

— Мы прибыли сюда именно для того, чтобы развеять любые сомнения Вашего Величества, Сир, — спокойно и твердо вмешивается в разговор Элайджа.

— Дыши, Ясмин, — упрямо повторяет Артур, и его ладонь продолжает оставаться на моей спине, даря ментальную опору.

Я послушно набираю полную грудь воздуха и резко, шумно выдыхаю его.

— Он смотрит на меня так, словно я какое-то ничтожное насекомое, которое он мечтает раздавить подошвой, — испуганно шепчу я, чувствуя, как мелко дрожат губы под маской.

Пока Король Ванг и Нанук продолжают вести неторопливый дипломатический спор, мой мозг окончательно отключается от реальности и начинает с мазохистским упорством генерировать самые жуткие, катастрофические сценарии. Например, как я случайно взрываю к чертям эти бесценные золотые люстры или превращаю в кучу пепла их священные столетние скульптуры драконов. Это будет абсолютный, неминуемый крах.

— Никто тебя здесь не раздавит, — негромко, но с такой абсолютной, железобетонной уверенностью произносит Артур, что внутри моего подреберья разливается волна спасительного тепла.

Мне безумно хочется обернуться к нему, сорвать эту дурацкую маску и впиться взглядом в его лицо, но в этот момент Король Ванг приковывает меня к месту очередным взглядом, полным ледяного высокомерия. Я чувствую себя крошечной песчинкой. Монарх величественно поднимает пухлую руку и небрежно щелкает пальцами, словно я обязана телепатически догадаться, чего именно он хочет.

— Его Величество готов созерцать, на что именно способна твоя сила, — поясняет советник, делая шаг назад.

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Теплая ладонь Артура медленно соскальзывает с моей спины. Мне приходится приложить титанические усилия, чтобы не вцепиться в его пальцы, до крови вонзая ногти в собственные ладони. Нанук медленно оборачивается ко мне и делает едва заметный, поощрительный кивок головой.

В ту же секунду каждый нерв в моем теле натягивается, словно струна на скрипке перед финальным аккордом. Время пришло. Парни синхронно отступают к краям огромной залы, оставляя меня одну посреди пугающего, звенящего пустого пространства, которое, кажется, готово поглотить меня целиком.

Я делаю рваный выдох. Паника внутри разрастается с новой силой, заставляя колени мелко дрожать. *Давай, Ясмин. Соберись. Ты тренировалась ради этого.* Я судорожно тру ладони о бедра, пытаясь смахнуть липкий холодный пот, и медленно поднимаю руки, фиксируя их на уровне груди. *Ты сможешь.*

Я крепко зажмуриваюсь, мысленно вызывая перед внутренним взором образ ласковых, медово-янтарных глаз — тех самых, из моих загадочных вспышек памяти. И это срабатывает. Знакомое, родное тепло мгновенно зарождается где-то внизу живота и мощной волной пробегает по всему телу. Чистая, первородная искра энергии стремительно взлетает от ступней вверх, концентрируясь в кончиках пальцев. Ладони начинает нестерпимо покалывать, а в висках тяжело пульсирует кровь.

Я резко распахиваю глаза и резко напрягаю мышцы рук. Из моих раскрытых ладоней с сухим треском вырывается колоссальный сгусток огня — безупречная сфера ослепительно-синего пламени, которая плавно зависает в воздухе. Я плотно сжимаю пальцы, заставляя шар стремительно разрастаться в размерах, пока он не становится вдвое больше моего собственного роста. Делаю выдох и плавно веду руками вправо. Послушное синее пламя послушно следует за моими движениями; я делаю круговой пас, и огонь начинает красивой, ровной дугой вращаться вокруг моего тела, оставляя за собой лишь невесомый шлейф искр. Я упрямо игнорирую нестерпимый жар, который буквально выжигает кожу на подушечках пальцев, и тупую, ноющую боль в перенапряженных мышцах. Еще чуть-чуть. Конец близок.

Мне безумно хочется поднять голову, чтобы перехватить выражение лица Короля, но я прекрасно понимаю: стоит мне отвлечься хоть на долю секунды, я потеряю концентрацию и разнесу этот зал к чертям собачьим. Мертвая, оглушительная тишина, повисшая под сводами дворца — верный знак того, что он заворожен, верно? Я едва заметно трясу сферой пламени, заставляя себя удерживать фокус. Теперь финальный аккорд.

Я делаю короткий шаг вперед, начиная медленно втягивать бушующий огонь обратно в свои ладони. В ту же секунду по венам словно пускают мощный разряд электрического тока. Мышцы рук наливаются свинцовой, неподъемной тяжестью, пальцы сводит резкая, болезненная судорога, заставляя мои губы исказиться в немой гримасе боли. Чтобы не закричать, я до крови прикусываю внутреннюю сторону щеки. Синий огненный шар стремительно уменьшается, сжимаясь до размеров обычного кулака. И вдруг дикая, пронзительная вспышка боли насквозь прошивает мое правое запястье. Рука непроизвольно дергается в сильном спазме, я резко опускаю конечность, и недоукрощенная сфера пламени с оглушительным хлопком взрывается прямо в воздухе, веером рассыпая по безупречному лакированному полу тысячи искрящихся, шипящих брызг.

Проклятье. Черт, черт, черт! Я судорожно прижимаю травмированное запястье к груди, шумно и прерывисто дыша. На лбу выступили крупные капли холодного пота.

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Страшась увидеть приговор, я медленно поднимаю голову в сторону королевского возвышения и… замираю. Губы Короля Ванга медленно расплываются в широкой, довольной и почти… искренне забавной улыбке.

Я дезориентировано перевожу взгляд на парней. Нанук удовлетворенно и ободряюще кивает мне, Элайджа повторяет его жест с явным облегчением на лице. И только Артур… Артур сквозь прорези своей маски гипнотизирует Короля каким-то странным, пугающим и неестественно пристальным, тяжелым взглядом.

— Его Величество находит твое выступление поистине феноменальным, — громогласный голос советника нарушает повисшую тишину.

Феноменальным? Серьезно? Я шумно, со свистом выдыхаю скопившийся в легких воздух. Температура моего тела по-прежнему зашкаливает, но, к моему удивлению, я не чувствую себя умирающей. Огнеупорный комбинезон Ольсенов действительно взял на себя добрую половину тех жутких побочных эффектов, от которых я буквально разваливалась на части после каждой домашней тренировки.

— Однако… — зловеще продолжает советник, и улыбка Короля становится еще шире. — Его Величество желает лично узреть, как именно эта сила проявит себя в условиях реального боя. Наш правитель хочет видеть твой поединок против лучших штурмовиков королевской гвардии.

Внутри меня всё леденеет. *Что?! Какой, к черту, бой?!*

Не успеваю я даже осмыслить услышанное, как тяжелые боковые двери зала с грохотом распахиваются. В помещение тяжелой, уверенной поступью входят пятеро мужчин чудовищных, гротескных размеров. Их бугристые мышцы кажутся высеченными из гранита, а в массивных руках они сжимают устрашающий арсенал: тяжелые боевые топоры, обоюдоострые длинные мечи и зазубренные кинжалы. Один из них, ухмыляясь, лениво перебрасывает из руки в руку исполинский боевой молот, навершие которого размером со знатный дорожный валун.

Я в панике делаю несколько стремительных шагов назад. Они ведь это не серьезно? Это же какая-то дикая, абсурдная шутка! Я ведь летела сюда вообще не за этим! Но времени на протесты мне никто не дает. Воздух справа от меня с противным свистом рассекается, и в каких-то миллиметрах от моей щеки пролетает тяжелый метательный нож, с глухим стуком вонзаясь в колонну позади.

Я в ужасе распахиваю глаза. Пятеро исполинских штурмовиков мгновенно берут меня в плотное кольцо, полностью отрезая от остального зала и закрывая своими массивными телами парней. *Н-нет… Пожалуйста, не надо… Я не хочу этого! Я не стану применять огонь против живых людей! Я больше никогда, слышите, никогда не причиню вред человеку! Это исключено! Я не буду…*

В следующую секунду весь кислород в моих легких бесследно исчезает. Я с глухим стоном падаю на колени, судорожно хватая ртом воздух, как выброшенная на берег рыба. Стоящий прямо передо мной боец плотоядно скалится — он только что с размаху всадил свой огромный пудовый кулак мне прямо в солнечное сплетение, напрочь лишив меня возможности дышать. *Черт… Боже, как больно.* Он искренне, мерзко потешается над моим беспомощным видом, словно он не только что сокрушительным ударом согнул меня пополам.

Я утыкаюсь ладонями в зеркальный пол, заходясь в удушливом, хриплом кашле. Воздуха критически не хватает. Тут же следует очередной жестокий удар справа, следом — сокрушительный пинок слева. Я инстинктивно сжимаюсь в жалкий живой комок, судорожно закрывая уши руками и с трудом сглатывая соленую, теплую кровь,

которая начинает сочиться сквозь плотно сжатые зубы. *Я… не буду… использовать… пламя… на людях. Только не снова.*

И вдруг пространство вокруг меня буквально взрывается оглушительным, тектоническим грохотом. Температура в зале стремительно взлетает до каких-то нечеловеческих, космических показателей, а воздух вокруг мгновенно превращается в раскаленную, удушливую плазму. Ноздри забивает резкий, тошнотворный запах паленого мяса и жженой ткани.

Дрожа от невыносимой боли и шока, я медленно, со страхом приподнимаю голову. Нас окружает колоссальная, яростная стена бушующего, багрово-красного огня. Свирепый огненный вихрь с хищной грацией поочередно заглатывает стоящих вокруг меня гигантов, превращая их могучие тела в горстки серого пепла прямо у меня на глазах, но при этом меня саму бушующее пламя даже не касается, оставляя невредимой в самом эпицентре этого персонального ада.

Но… как такое возможно?! Что вообще происходит? Я в полном ступоре опускаю взгляд на свои чистые, пустые ладони, затем испуганно смотрю на бушующий вокруг багровый шторм и снова возвращаю взгляд к своим рукам. *Это… это сделала не я. Это точно не моя сила.* Я непонимающе хмурюсь, но если этот первородный хаос породила не я, то кто тогда?..

Сквозь ревущую, яростную стену багрового огня медленно, с абсолютным изяществом ступает высокий силуэт. Пламя послушно, благоговейно расступается перед его шагами, словно преданный пес перед хозяином, даже не пытаясь опалить его одежды. В его глазах, видимых сквозь прорези темной маски, сейчас полыхает точно такой же первобытный, кроваво-красный цвет, какой бушует вокруг нас — цвет абсолютной, безграничной власти, которая не признает никаких законов и барьеров.

Артур.

Он небрежно, лениво щелкает пальцами, и колоссальное багровое пламя в то же мгновение покорно никнет, стремительно втягиваясь в пол, пока полностью не исчезает без следа.

Гробовую, звенящую тишину зала внезапно нарушает одинокий, сухой и размеренный звук одиночных хлопков. Вздрогнув от накатившей волны леденящих мурашек, я медленно поворачиваю голову в сторону трона. Король Ванг, подавшись всем своим массивным телом вперед, с каким-то неистовым, фанатичным экстазом громко бьет в ладоши.

На его губах играет зловещая, торжествующая улыбка, а советник, чей голос теперь дрожит от благоговейного ужаса, переводит его финальные слова: — Наконец-то… Наконец-то Зло и его Невеста прибыли в мои чертоги.

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Глава 16

Говорят, месть — это блюдо, которое подают холодным. Но знаешь, Лавиния, я хочу, чтобы они ели и наслаждались трапезой без лишних забот. Я хочу видеть их лица, когда их языки займутся пламенем, но будет уже слишком поздно что-то предпринимать.

— Письмо номер 203

Артур

Королевство Азии

Ясмин

Дрожащий вздох срывается с моих губ. Я тону в ледяном колодце, всё происходящее вокруг теряет краски, и даже голоса превращаются в неразличимый шепот.

«План… с вашего позволения, мы обсудим его…»

Он использовал огонь.

«Мы доказали вам, что…»

Артур использовал огонь.

«Король говорит, что… наша полная поддержка».

Зло и его Невеста… его Невеста… это я?

У меня нет сил ни подняться, ни пошевелиться. Ноги не слушаются, каждая клетка тела немеет при виде пепла, оставшегося от окружавших меня тел. Подкатывает тошнота. Я прижимаю руку к губам, подавляя позыв к рвоте. Этого не может быть. Превозмогая резкую боль в животе, я переставляю колени и ползу по полу, но кто-то отрывает меня от земли. Я мгновенно узнаю аромат мускуса, и он действует как ушат ледяной воды — я вся каменею. Артур. Я часто моргаю и фокусирую взгляд на его руках, обхвативших мою грудь. Элайджа идет следом, его глаза изучают меня так, словно я — бомба замедленного действия.

— Сейчас ты растеряна, но ты должна нам довериться, — тихо шепчет Элайджа.

Он мне лгал. Они все мне лгали. Всегда. Грудь разрывает от боли, и волна отвращения приводит меня в чувство.

— Отпусти меня, — сиплю я, прерывисто хватая ртом воздух.

Артур игнорирует мои слова. Его хватка настолько крепкая, что, как бы я ни пыталась вырваться, мне не удается даже сдвинуться с места. Он открывает дверь рукой и только тогда опускает меня на пол. Я тут же пячусь назад, пока не упираюсь спиной в стену. Куда они меня привели? Что собираются делать? Матрас, две тумбочки, ковер… Мы в спальне.

Элайджа рассматривает меня с ног до головы, словно подопытную в лаборатории, которая в любой момент может сорвать эксперимент. Артур снимает маску, убирает ее в карман брюк, облизывает губы и пристально смотрит на меня.

— Что… что это значит? Кто вы? Что все это значит? — руки дрожат, совершенно мне не подчиняясь. — Вы… я…

Элайджа делает шаг вперед, и сердце подступает к самому горлу.

— Не смей! — кричу я, заставляя его замереть на месте. — Не приближайтесь, не трогайте меня!

Он поднимает ладони.

— Как пожелаешь. — Он подчиняется и отступает. — Но ты должна нас выслушать, мы не хотим причинить тебе вред…

— Лжецы! — кричу я. Кровь бурлит в венах. Рядом стоит деревянный столик с вазами, которые я без раздумий хватаю. Швыряю их одну за другой, но они уворачиваются от них так легко, будто это подушки. — Сколько дерьма вы мне наговорили, чтобы затащить меня сюда? А ты… — я указываю на Артура, в горле стоит ком. — …ты-то, блин, кто такой… он назвал тебя…

— Зло, — вздыхает Артур. Его скучающий тон лишь сильнее разжигает ярость, пожирающую мою грудь.

— Ты ранена, Ясмин. Дай нам перевязать тебя, и тогда мы поговорим. Если продолжишь в том же духе, сделаешь себе только хуже, — объясняет Элайджа, так и не опуская рук.

Раны уходят на второй план, потому что единственная боль, которую я сейчас чувствую, исходит от их присутствия. Что еще они от меня скрыли? Я сжимаю виски руками, мысли запутываются в тысячи узлов одна за другой. Что правда, а что ложь? Я запускаю ногти в волосы, нервы натянуты как струны, кровь кипит под кожей. Кто они такие?

— Мы все тебе объясним, доверься нам.

Волна жара поднимается к груди. Я впиваюсь в них взглядом так, как никогда раньше, собирая воедино последние крохи энергии. Довериться? Я сжимаю губы и стискиваю кулаки. Артур хмурится и одним движением руки отодвигает Элайджу себе за спину.

Он качает головой:

— Опасный шаг. Прекрати.

Давление в груди взрывается изнутри и устремляется к кончикам пальцев. Поток огня вырывается из моих рук и летит прямо в них, но Артур лишь цокает языком и одним пальцем втягивает его в себя. Я тяжело дышу. Это усилие опустошает меня, перед глазами всё плывет, и мне приходится опереться на столик. Я кладу руку на живот, пальцы всё еще покалывает.

— Ясмин, тебе нужно успокоиться.

Элайджа пробует подойти снова, но стоит ему сделать шаг, как я вскидываю свободную руку, и стена синего огня вырастает, между нами, преграждая путь.

— Я. Тебе. Сказала. Не. Приближаться. — Я чеканю каждое слово, сердце бешено колотится, во рту появляется металлический привкус.

— Довольно, — Артур делает шаг вперед. — Ты не оставляешь нам выбора.

Он бросается ко мне. Я поднимаю руку, мышцы сводит спазмом. Подавив боль, я выжимаю из себя последнюю крупицу сил, призываю сферу синего пламени и сквозь пульсирующую боль в висках швыряю ее в него. Зубы стиснуты, напряжение буквально сжигает сухожилия, ноги подкашиваются, и я рушусь на пол. Артур останавливает сферу одним лишь взглядом, поднимает указательный палец и заставляет ее лопнуть, словно безобидный мыльный пузырь. Нет! Зрение застилает пелена, я пытаюсь отползти назад, но упираюсь лопатками в стену. Выхода нет.

Он наклоняется надо мной.

— Паршивая идея — атаковать огнем само Зло.

Из кармана он достает шприц, снимает колпачок и подносит иглу. Я хочу закричать, расцарапать ему лицо, оттолкнуть, но не могу пошевелить даже пальцем. Короткий укол в шею — и меня поглощает тьма.

— Вы уверены, что доза не была слишком большой? Она спит уже четыре часа.

— Ты не видел ее до этого, Нанук. Другого выхода не было… и не подходи так близко! Она может проснуться в любой момент.

Элайджа? Нанук? Их голоса путаются в моей голове.

— …будет еще злее, чем раньше, учитывая, что мы ее связали.

Я хлопаю ресницами. Сухость в горле и затуманенный взгляд мешают сориентироваться. Внезапно виски пронзает резкая боль. Я пытаюсь потереть их рукой, но что-то сковывает мои запястья. Поворачиваю голову вправо и вижу наручники, прижимающие мою руку к прутьям кровати. То же самое слева. Черт, черт, черт. Я дергаю руками, наручники с грохотом бьются о металлическую раму, но толку ноль.

— Ну надо же, а должна была успокоиться после седативного, — бормочет Нанук.

Я перевожу взгляд и вижу его на кресле прямо перед кроватью. Он смотрит на меня с натянутой улыбкой.

— О, привет. Хорошо спалось?

— Немедленно развяжите меня! — хриплый голос режет горло.

— Ну, мы бы очень хотели, но ты пыталась сжечь нас заживо, так что… думаю, пока мы вынуждены… — он заминается, чешет затылок и ищет поддержки у Элайджи, который стоит справа от него.

Этот долгий взгляд напоминает мне о том, как меня вышвырнули из их планов, как меня использовали и сколько лжи вылили на меня одну за другой.

— Пошли вы нахуй, — выплевываю я, чувствуя, как кровь закипает в венах.

Рот Нанука округляется:

— Да уж, пожалуй, мы это заслужили. Но как насчет того, чтобы выслушать нас секунду?

— Выслушать вас? — я едва не смеюсь. — Чтобы вы скормили мне очередную порцию вранья?

— Мы здесь не для того, чтобы причинить тебе вред. Как видишь, мы перевязали тебе живот в месте удара, и именно поэтому тебе не стоит так дергаться, — берет слово Элайджа, стоя у тумбочки. — Если бы мы действительно хотели навредить тебе, мы бы сейчас не пытались поговорить. Не думаешь?

Он говорит тем же спокойным, умиротворяющим тоном, которым водил меня за нос несколько дней. Ложь за ложью. А я еще гадала, почему они меня не боятся, откуда в них это спокойствие и доверие ко мне… Какая же я дура! Я стискиваю зубы. Я смотрю на них обоих и до сих пор не могу понять, врут они или говорят правду. Они приправляют свои отравленные речи фальшивыми, лицемерными жестами мира.

— Я думаю, что вы лицемерные, лживые ублюдки и твари. Достаточно ли этого в качестве благодарности за вашу любезную помощь? — моя грудь судорожно вздымается.

Он приоткрывает рот:

— Ясмин…

— Хватит.

От голоса Артура я вздрагиваю. Он здесь. Он поднимается с софы в глубине комнаты, разминает шею вправо-влево и подходит ближе. С каждым его шагом мое сердце бьется всё быстрее — угроза с ангельским, соблазнительным лицом, скрывающая внутри себя яростный красный огонь. Он подтаскивает стул к кровати, разворачивает его спинкой вперед и садится, опираясь руками на перекладину.

— Твое появление не планировалось. То, кем ты являешься, стало сюрпризом для всех. Мы не ожидали найти тебя, поверь мне. — Он смотрит мне прямо в глаза так, как никогда раньше, и я ненавижу то, как мои мышцы расслабляются при звуке его голоса. — Использовали ли мы тебя? Да. Жалею ли я об этом? Нет. И сделал бы это еще тысячу раз.

Я вонзаю ногти в ладони. Наглый, не знающий стыда, он смотрит на меня, и перед ним я всего лишь пешка, которой можно вертеть как угодно. Это осознание так сильно сдавливает грудь, что становится трудно дышать. Слова Аласи возвращаются в память острыми ножами.

Артуру плевать на людей. У него нет к ним ни капли интереса.

Ну конечно, она тоже всё знала и лгала мне. Мои глаза округляются, дыхание перехватывает, а горло сжимает спазм.

«Когда придет время, я лишь попрошу тебя выслушать меня. Ладно?»

— В-воды… — шепчу я. Нижняя губа дрожит, я прикусываю щеку изнутри, чтобы сдержать подступающие слезы.

Элайджа подносит стакан к моим губам, и я позволяю холодной влаге вернуть меня к жизни. Затем он отступает, и я перевожу дух.

— Обычно мне нравится предлагать людям выбор, но в данном случае я не могу себе этого позволить, — продолжает Артур. — Либо ты с нами, либо ты с нами. Других вариантов нет.

Я сдерживаю истерический смешок.

— И перед кем мне теперь выступать? И объясни, почему ты сам этого не сделаешь, раз уж у тебя получается куда лучше, чем у меня.

— Думаешь, я горю желанием возиться с тобой? — Он произносит это с явным отвращением, его взгляд заставляет меня почувствовать себя ничтожеством. — Не смеши меня. Не я нуждаюсь в тебе, потому что, как видишь… — вокруг его запястья материализуются пять красных сфер, плавно танцующих в воздухе, — …мой контроль, сила и стабильность куда выше.

Он слегка дует на них, и сферы пламени растворяются, не издав ни звука, не оставив ни единой искры. Их цвет пробуждает в моей памяти что-то, что я не могу уловить. Красный, который я уже где-то видела… Но где… где я его видела? Я вздрагиваю.

— Рука Аласи, — шепчу я. — Значит, это ты тогда…

— Верно.

Я выгибаю бровь, и слова застревают у меня в горле.

— Это был я, — повторяет он. — Часть плана. Нужно было заставить тебя тренироваться и принять предложение. Другого пути не было.

Я сглатываю подступившую к горлу горечь — очередную ложь, которая окончательно обрывает тонкую нить доверия к ним. Я всматриваюсь в его глаза; он смотрит на меня абсолютно бесстрастно.

— Между нами есть связь, которая, к сожалению, вынуждает меня иметь с тобой дело.

— Да пошел ты нахуй, — срывается с моего горящего языка.

Он качает головой:

— Неверный ответ. Тебе следовало спросить: «Что еще за связь?».

Он что, развлекается? Я делаю глубокий вдох и выдох. Пальцы покалывает от желания швырнуть в него чем-нибудь, но я не могу пошевелить руками.

— Ну так просвети меня, — сиплю я.

— Ты — моя Невеста.

Я едва не подавляюсь собственной слюной. Перевожу взгляд на Нанука, но тот рассматривает напольную плитку с таким видом, будто это самое интересное, что есть в этой комнате. Элайджа прочищает горло:

— Артур имеет в виду, что вы связаны проклятием, о котором ты, должно быть, уже слышала.

«Наконец-то, Зло и его Невеста явились».

Слова короля Ванга эхом отдаются в ушах, и дурное предчувствие тугим узлом стягивает желудок.

— Ты — Невеста Зла, Ясмин, — продолжает Элайджа. — У тебя есть доступ к огню, и ты — его идеальное отражение.

— Это чистое безумие, и я хочу убраться отсюда к чертовой матери! — Я дергаю руками, металл врезается в запястья, раздирая кожу, но я не останавливаюсь. — Снимите с меня это дерьмо!

— Думаешь, мы прямо-таки горим желанием держать тебя так? — ледяной голос Артура перекрывает мой крик. — Если ты не сотрудничаешь, у нас нет выбора.

Дрожь пробегает по спине.

— Ты не сможешь держать меня взаперти вечно.

— О, прошу, попробуй бросить мне вызов. Ты понятия не имеешь, на что я способен, и до сих пор не осознаешь, в каком положении находишься.

Между нами повисает тяжелая тишина. В его глазах вспыхивает темная искра, от которой волоски на моих руках встают дыбом. Я не отвожу взгляда, вскидываю подбородок, позволяя ему увидеть всю обиду и ярость, полыхающие в моей груди. *Лжец, психопат, маньяк.*

Он вздыхает, поднимается на ноги и подходит ближе.

— Вижу, тебе нравится рисковать.

— Артур, нам нужно дать ей больше времени… — вмешивается Элайджа, но тот проходит мимо, даже не притормозив.

— Мы дадим его.

Он выдвигает ящик тумбочки, достает рулон упаковочного скотча и упирается коленом в матрас. Я пинаю его правой ногой в живот, но он перехватывает мою пятку. Бью его другой ногой, однако он даже не морщится. В секунду он зажимает обе мои ноги и придавливает их к матрасу. Теперь я полностью обездвижена.

— Элайджа, ноги, — приказывает он.

Я округляю глаза. Что они задумали? Я отчаянно бьюсь, но всё безрезультатно. Под его весом я не могу пошевелить ни единой мышцей.

Элайджа подходит ближе, связывает мои ноги веревкой и крепит ее к перекладине в ногах кровати.

— Отпустите меня! Отпустите! — кричу я из последних сил. У меня не остается другого оружия, кроме крика. Я набираю в легкие воздух и открываю рот, но ладонь Артура мгновенно затыкает мне губы.

— Мххх! Мхххх! — Я широко раскрываю глаза и яростно мотаю головой.

— Как я уже говорил, у тебя нет альтернативы, — произносит он невозмутимо, наклеивая мне на губы полосу скотча. — Но ты, кажется, не желаешь понимать, что мы не шутим. У нас нет времени на твои нелепые бунты. Ты это понимаешь? Или тебе

станет понятнее, если до твоей головы дойдет: продолжишь в том же духе — и больше никогда не увидишь свою семью.

Я бледнею. Судорожно моргаю, пока на грудь давит невидимая бетонная плита. Перед глазами плывут лица Лоффи, Мари и Ханса. Слова Артура вонзаются в саму душу, парализуя меня. Серьезность его лица не оставляет сомнений — он не блефует. С влажными от подступающих слез глазами я ищу взгляд Элайджи. Отчаяние душит меня, слезы катятся по щекам. Элайджа приоткрывает рот:

— Артур, нам стоит помягче. Она все еще в шоке.

— Нет, — отрезает он, поднимаясь с кровати. Матрас распрямляется, освободившись от его веса. — Она должна понять.

— Но ей потребуется время… — на этот раз подает голос Нанук.

— Времени, которого у нас нет. Поймет и примет. — Он достает телефон… мой телефон. — Элайджа, отправь сообщение ее матери. Сделай вид, будто их обожаемая дочь делится впечатлениями от чудесного отпуска.

Я опускаю голову. Опустошенная, изнуренная, покрытая ноющими синяками. Никто из них мне не друг. Я тешила себя иллюзиями. Жизнь, которой я жила, оказалась фальшивкой, а теперь я лежу здесь — в наручниках, связанная и преданная.

Они выходят из комнаты, и я погружаюсь в тишину собственных беззвучных рыданий. Было ли хоть что-то из этого правдой, или меня с самого начала окружала лишь ложь?

Королевство Америка, внешние сектора

Эдоардо

Стайка детей роется в мусорных мешках, разбросанных по улице. В перепачканной грязью одежде, голыми руками они обгладывают кости в поисках остатков пищи, пихая друг друга ради куска заплесневелого хлеба. Я отворачиваюсь. Внешние сектора, давно клейменные голодом и нищетой, теперь расплачиваются за свой бунт.

Машина останавливается, водитель открывает дверцу:

— Прошу вас, Ваше Высочество.

Я закрываю глаза и делаю глубокий вдох. Очередная демонстрация силы, необходимая для поддержания порядка. Всего один час. Я вытерплю и сделаю вид, что мне все равно. Открываю глаза. Справа и слева выстроились две шеренги солдат, застывших по стойке «смирно» и готовых отдать за меня жизнь. Я выхожу из машины в сопровождении двух гвардейцев, оберегающих каждый мой шаг. При моем приближении солдаты отдают честь, не теряя бдительности.

Я поднимаюсь по ступеням Арены. Гул толпы и ликующие вопли разносятся из каждого угла, а тяжелый запах пота всё сильнее въедается в воздух. Позади меня идет королевская свита вместе с Вирджинией.

«Но в чем виноват народ? Неужели только жители богатых секторов достойны защиты?»

Я не могу обернуться и увидеть выражение её лица, но готов поспорить, что её губы скорбно опущены от жалости и печали. Эмоции, которые я не имею права себе позволить.

— Его Высочество, Король Эдоардо! — гвардеец объявляет о моем прибытии, и над Ареной мгновенно воцаряется тишина.

Я ступаю на верхнюю площадку. Трибуны заполнены знатью и богачами из первых секторов. Они склоняют головы в знак почтения, а их изысканные наряды и

драгоценности беззастенчиво кричат об их статусе. Я прохожу к возвышающемуся трону в почетной ложе — отсюда открывается лучший вид на схватку, которая развернется в грязевой яме.

— Ваше Высочество, мы вас заждались. — Верховный жрец приближается, волоча по полу подол своей белой тоги. — Это прекрасный способ принять извинения внешних секторов и вернуть в королевство мир и порядок.

— В таком случае, предлагаю начать.

Жрец кивает гвардейцу у ямы:

— Разумеется, Сир.

Звук трубы приковывает к себе внимание собравшихся. Я опираюсь локтем о подлокотник трона и перевожу взгляд на Жреца, который подходит к микрофону. На огромном черном экране, висящем слева, его лицо появляется крупным планом. Часть зрителей следит за ним взглядом, другие наводят дорогие бинокли, развлекаясь как дети.

Но я ищу лишь одно. Слегка поворачиваю голову и вижу её: Вирджиния стоит в паре метров позади меня, сжимая в руках бутылку вина.

— Мы собрались здесь после чудовищного акта бунта против нашего Короля и нашей системы, — разносится голос Жреца. — Веками королевская семья поддерживает мир и порядок, разделяя земли на сектора. Сплоченность, самоотверженность и верность — вот ценности, которые каждый гражданин обязан хранить и никогда не предавать. Если хоть один элемент мозаики бунтует, он ставит под удар годы упорного труда и жертв. Раскаявшиеся и удрученные жители внешних секторов сразятся друг с другом в рукопашных боях. Лишь самые достойные выживут и удостоятся чести получить королевское помилование. Любой, кто откажется драться, будет приговорен к смерти. Любой, кто сдастся, будет приговорен к смерти. Любой, кто воспротивится…

Её нижняя губа подрагивает, пока она смотрит на экран и слушает речь Жреца, предваряющую начало бойни. В её глазах вспыхивает негодование, она хмурится, и её пальцы сжимают бутылку так сильно, что белеют костяшки.

Я возвращаю взгляд к яме.

— Налей вина, — повышаю я голос.

Её шаги приближаются. Она возится с бутылкой и бокалом. Нежный ванильный аромат её волос смешивается со зловонием сточных вод, пропитавшим это место. Я вдыхаю, наполняя легкие нотами её духов.

— Мне весьма любопытно взглянуть… — Голос Верховного жреца разражается привычным высокомерием. — …как бьются эти оборванцы.

Гнусное веселье, блестящее в его глазах, вызывает у меня тошноту, но я заставляю себя улыбнуться.

— Прошу, Сир, — Вирджиния протягивает мне кубок с опущенной головой.

Уверен, она слышала слова Жреца, но она учится всё лучше скрывать свои чувства. Я беру бокал, и внезапный оглушительный рев разрезает воздух. Взгляд Вирджинии приковывается к экрану, на котором транслируют открытие ворот ямы. Едва заметная морщинка прорезает её лицо от напряжения, но она тут же возвращает себе бесстрастную маску.

— Останься здесь, возможно, я захочу еще, — приказываю я, и она молча кивает.

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Пожалуй, стоило оставить её во дворце. Я постукиваю указательным пальцем по ободку бокала, наблюдая, как заполняется яма. Нет, это вызвало бы подозрения. Фаворитка обязана следовать за Королем повсюду. Без исключений.

Верховный жрец откашливается:

— Ваше Высочество, полагаю, пора начинать.

Я киваю, приподнимаю бокал и подношу его к губам. Впалые щеки, босые ноги и иссушенные голодом лица, растерянно озирающиеся по сторонам. Я делаю глоток вина под восторженный рев, взрывающий трибуны.

— Развлеките нас!

— Покажите, на что способны!

— Мы хотим крови!

Ужас выжигает их глаза, но они покорно бредут друг за другом, пока не заполняют яму. Жрец, объявивший начало боя, отступает в сторону вместе с шеренгой гвардейцев, чья задача — утаскивать тела тех, кто погибнет. Свист разрезает воздух, и над трибунами воцаряется тишина, но никто не двигается. Словно жалкие муравьи, не ведающие своей судьбы, они растерянно и потрясенно озираются. Богачи и знать из первых секторов разглядывают их с нездоровым вожделением.

— Ваше Высочество, подтолкнем их немного?

— Они знают правила, Верховный жрец. Нет необходимости, — я поворачиваюсь к нему.

Он поправляет очки на переносице, уголки его губ приподнимаются в самодовольной улыбке:

— Полезно освежить им память, иначе они никогда не воспримут вашу власть всерьез. Не станут уважать вас. Как и всегда, я прошу у вас полного доверия, Сир.

Его глаза следят за каждым моим движением, ловят каждую эмоцию и мельчайшую трещину в броне. Стервятник, готовый сожрать мою плоть при малейшем намеке на неуверенность. Я отвечаю слабым кивком. Жрец дает знак дежурному солдату; тот подходит ближе, выслушивает шепот на ухо и стремительно бросается к ступеням, ведущим к яме. Привычные цепи жадно сдавливают мне горло. Указательным пальцем я ослабляю галстук, а другой рукой подношу бокал к губам. Я позволяю терпкому вину облегчить мои мысли.

Камера крупным планом снимает Жреца, сжимающего микрофон обеими руками, пока позади него шеренга гвардейцев принимает боевую стойку.

— Любой, кто откажется драться, будет приговорен к смерти, — повторяет он.

Бах. Бах. Бах. Бах. Бах.

Крики раздирают Арену, кровь разлетается во все стороны. Кровавая бойня мгновенно перерастает в хаос: толпа сбивается в кучу, пытаясь найти место подальше от снайперов. Камера фиксирует разбросанные по земле тела: пулевые отверстия во лбу, на щеках, шее и груди, разинутые рты и застывшие от ужаса лица. Гвардейцы вмешиваются, подбирают трупы и вытаскивают их из ямы.

Жрец нарушает тишину:

— Повторяем еще раз: любой, кто откажется драться, будет приговорен к смерти. Любой, кто сдастся, будет приговорен к смерти. Любой, кто воспротивится, будет приговорен к смерти.

Камера выхватывает уцелевших, перепачканных грязью и кошмаром. Они тупо смотрят на лужи крови, оставшиеся от их товарищей. Некоторые с трудом

поднимаются на ноги — их бьет такая крупная дрожь, что они спотыкаются на ровном месте. Другие так и остаются лежать в параличе.

— Еще вина, Сир? — голос Вирджинии звучит как тихий, едва уловимый шепот.

Я киваю и пододвигаю бокал к ней. Пока она наполняет его, в её глазах сквозит абсолютная пустота — взгляд, которым она смотрит на знать, Жрецов, а теперь и на меня. Трибуны взрываются аплодисментами и криками; выжившие начинают драться друг с другом со слезами на глазах.

Я беру бокал.

— Скрывай это лучше. Твоя ненависть написана у тебя на лице.

Её костяшки пальцев белеют, но она лишь безмолвно склоняет голову. Тот, кто плохо её знает, никогда не уловит моменты, когда её самоконтроль дает трещину. И сейчас она борется изо всех сил, чтобы не выдать себя и удержать маску. Но её ведет всё сильнее. Глаза прикованы к экрану, губы напряжены, дыхание прерывистое. Я перевожу взгляд туда же, куда смотрит она: мужчина хватает с земли камень и бросается на другого, нанося удар по затылку. Один раз, два, три, четыре… восемь… десять раз.

— Ох, я так и знала, что они дикари! Посмотри на них, дорогой, — щебечет дама в первых рядах, касаясь плеча сидящего рядом мужчины. Если мне не изменяет память, эти двое из второго сектора.

— Он же ему череп размозжит! И после этого они еще спрашивают, почему мы против открытия секторов… Это просто животные, — ворчит её спутник, брезгливо кривя нос.

Я слегка наклоняю голову. *Значит, вот как они смотрели на нас, когда на Арене были мы.* Как на животных.

Группа мужчин зажимает у стены двоих мальчишек. Те держатся за руки, пока тот, что справа, не разжимает пальцы и не толкает своего товарища вперед, подставляя под удар.

— Гарри! — стонет упавший мальчик со слезами на глазах. — Мы же выросли вместе! — кричит он, но удары тут же заставляют его умолкнуть.

Предательство, паника и ужас насыщают алчность трибун. Толпа рукоплещет и беснуется, отбросив всякие приличия.

— Довольно… — шепчет Вирджиния тихим, дрожащим голосом. — Довольно, — задыхается она, и одинокая слеза скатывается по её щеке.

— Отвернись, — шиплю я сквозь зубы. — Ты понимаешь, чем рискуешь, или мне нужно повторить?

Она не двигается. В её зрачках отражается экран, от которого она физически не может оторваться. Это очень плохо. Она подставляет себя под удар на поле, кишащем врагами. Я поднимаюсь и заслоняю её собой, пряча от чужих любопытных глаз.

— Ваше Высочество, вы же не собираетесь останавливать их на самом интересном месте?

— Достаточно, Верховный жрец. Они усвоили урок, извинения приняты. Перевяжите раненых и сверните эту…

Мощный рокот сотрясает Арену. Земля под моими ногами дрожит, время словно замирает. Я поднимаю голову: черный вертолет рассекает небо, зависая прямо над нами.

Что за… кто это?

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Я прищуриваюсь. Тысячи листовок летят в яму, падая прямо на головы окровавленных мятежников.

— Да что здесь, черт возьми, происходит? — рявкает Верховный жрец справа от меня.

Вертолет разворачивается, и поток ветра уносит листовки на трибуны. Одна из них пролетает прямо передо мной, и я без колебаний ловлю её.

«Настоящий враг смотрит, как вы убиваете друг друга.

Убейте их мир и смотрите, как они горят».

Мороз пробегает по коже. Всё мое тело чувствует опасность, скрытую в этих словах. Пальцы дрожат так сильно, что бумажка выскальзывает из рук. Я перевожу взгляд на яму: мятежники с яростью бросаются на королевских гвардейцев. Те открывают ответный огонь, но даже это не может их сдержать. Их свирепая атака направлена на трибуны, на богачей из первых секторов. Начинается резня.

Гвардейцы охраны берут меня в плотное кольцо в мгновение ока. Жрец истошно выкрикивает приказы направо и налево, дворяне сбивают друг друга с ног, ломясь к выходу, но мой разум проваливается в ту самую пропасть, которая ждала меня последние два года.

«Брат, ты только что убил мой мир…»

Это невидимая нить комбинации, просчитанной с терпением и коварством, на которые способен лишь один человек во всей вселенной.

«И я клянусь, что убью твой».

Это Артур.

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Глава 17

Выражение твоего лица сводило меня с ума сильнее всего. Я мог понять, какая нелепая мысль проносится в твоей голове, просто глядя на тебя. Упрямый мыльный пузырь. Такая хрупкая и красивая.

— Письмо номер 220

Артур

Вирджиния

Эдоардо сворачивает за угол в сопровождении всей королевской свиты, и я бегу следом, задыхаясь от быстрого шага. В зале заседаний его уже ждет экстренное совещание.

— Я хочу, чтобы были задействованы все военно-воздушные силы, патрули, полиция и армейские подразделения, — приказывает он. Его ледяной голос эхом разносится по коридорам дворца.

Гвардеец прикладывает руку к козырьку:

— Будет исполнено, Сир!

Эдоардо останавливается перед дверью зала, дергает за узел галстука и ослабляет его.

— Прочешите каждый угол, каждый сантиметр. Мне нужен этот вертолет, он не мог раствориться в воздухе.

Гвардеец кивает:

— Слушаюсь, Ваше Высочество!

Другой охранник распахивает перед ним дверь; гул голосов мгновенно стихает, члены совета поднимаются со своих мест и склоняют головы. Среди них присутствуют офицеры национальной безопасности и командиры спецподразделений. Эдоардо проходит к своему месту во главе стола. Я встаю справа от него и оглядываю длинный стол, разделяющий два лагеря. Жрецы по одну сторону, представители высшей знати — по другую.

— Сир, у нас есть основания полагать, что в королевстве действует шпион, помогающий Злу, — берет слово придворный советник, сидящий по правую руку от него.

Если это вообще дело рук Зла. Эдоардо постукивает указательным пальцем по краю стола, словно отмеряя секунды между мыслями. С пугающим спокойствием он поднимает левую руку в мою сторону. *Вина.* Я киваю и отхожу к буфету в глубине зала.

— Мы должны отреагировать незамедлительно, Ваше Высочество. Как видите, мы в состоянии войны, и сострадание сейчас ни к чему не приведет, — разносится в воздухе вкрадчивый, скользкий голос Верховного жреца.

Я выбираю бутылку красного вина и возвращаюсь к столу. В этот момент я почти жалею о жрецах, что правили два года назад. Конечно, они не были святыми и руководствовались глупыми личными интересами, но они хотя бы не были такими расчетливыми кукловодами, как нынешний Верховный жрец.

— Что с выжившими мятежниками? — спрашивает Эдоардо.

Я наполняю кубок и передаю ему; его пальцы мимолетно задевают мою кожу. Он горячий. У него жар? Косясь на него, я пытаюсь прочесть его лицо — всё те же темные круги под глазами и непроницаемая маска, не выдающая ни единой эмоции.

— Они под арестом и ждут вашего указа, — отвечает Жрец. — Но позвольте предложить образцовую казнь, которую народ никогда не забудет. В конце концов, то, что они совершили — это государственная измена, бунт против короны.

Меня передергивает. О чем он вообще говорит? Их заставили драться, убивать друг друга в грязевой яме, как диких зверей в клетке. Я крепче сжимаю бутылку в руках. Какую еще реакцию они ожидали получить?

— К смерти, — приказывает Эдоардо. Эти два слова заставляют мои мышцы окаменеть. Я растерянно моргаю, застыв на месте.

Советник кивает, делая пометку в блокноте:

— На какое время назначить казнь, Сир?

— Сначала допросите их под пытками. Я хочу знать, связан ли кто-то из них с произошедшим. А завтра утром приведем приговор в исполнение, — отвечает он бесцветным голосом, будто рассуждает не о человеческих жизнях, а о пешках, которые волен двигать по доске как вздумается. *Мне нужно успокоиться, успокоиться, успоко…*
— Казнь будет публичной. Я хочу, чтобы её транслировали в прямом эфире.

Сердце бьется о ребра с такой яростной силой и отвращением, что мне не хватает воздуха, а тело прошибает слабость. Я касаюсь рукой шеи. Слова слетают с губ Эдоардо с жестокостью, которая делает его совершенно неузнаваемым. Что с ним происходит?

— Это самое верное решение для безопасности нашей нации, — удовлетворенно кивает Верховный жрец.

Тибериус, дядя Эдоардо, поднимает руку:

— Сир, позвольте. Я бы предложил отложить смертный приговор, по крайней мере до тех пор, пока мы не выясним, откуда прилетел вертолет и кто им управлял.

— Дипломатия сейчас бессмысленна, мы говорим о государственной измене! — раздраженно парирует Жрец.

— Я знаю, Верховный жрец. Но ситуация во внешних секторах крайне нестабильна. Боюсь, подобный жест может окончательно разрушить и без того хрупкое равновесие, — возражает Тибериус.

— Куда уж хуже? Нас атаковали прямо на Арене! — гремит в ответ Жрец.

По залу проносится ропот согласия, и горло мне сдавливает спазм.

— Мы никогда не будем в безопасности, если…

— Откуда тебе знать? Ты их не видел!

Они спорят, перебивая друг друга в бесконечном хаосе полярных мнений. Я приоткрываю рот, переступая с ноги на ногу. *Притворяйся, Вирджиния.* Я концентрируюсь на дыхании: вдох и выдох, вдох и выдох.

Бах.

Я вздрагиваю. Эдоардо бьет кулаком по столу. В зале воцаряется гробовая тишина.

— Мои приказы не обсуждаются. Вам ясно? — шипит он пугающим шепотом. — Казнить немедленно, и я не намерен повторять дважды. Единственные мнения, которые я хочу здесь слышать — это доклады о том чертовом вертолете.

Он ведь это не серьезно? Наверное, дело в лекарствах или избытке алкоголя… он не может так говорить. Он не может так себя вести.

Офицер вооруженных сил прочищает горло:

— Мы проанализировали листовки, сброшенные в яму. Текст набран на компьютере и распечатан на бумаге. Никаких отпечатков пальцев или следов ДНК обнаружить не удалось.

— Пф-ф, мы и так знаем, кто за этим стоит, тут нечего расследовать. Враг человечества у наших ворот, а быть может, он уже среди нас. Нам нужно действовать! — заявляет Жрец. Присутствующие согласно кивают.

Эдоардо откидывается на спинку кресла, подносит кубок к губам и осушает его залпом, без передышки. Он слишком много пьет. Он двигает пустой бокал в мою сторону; я не могу ослушаться или перечить ему на глазах у всех. Я наливаю меньше вина, чем в прошлый раз, и, к моему счастью, он этого не замечает.

— На самом деле, анализ помог нам выявить одну примечательную деталь, — продолжает офицер. — Бумага, которая использовалась для листовок, изготовлена из водорослей, Сир.

Тишина. И это всё? На лицах членов совета застывает тот же вопрос, что и у меня. Я осмеливаюсь взглянуть на Эдоардо — его брови разглаживаются. Он что-то понял.

— Ну и что с того? — бурчит один из Жрецов в конце стола.

— Готовьте войска, — Эдоардо поднимается на ноги, вслед за ним встают и Жрецы, и знать. Офицеры застывают в ожидании приказов. — Завтра на рассвете они выдвигаются в Гренландию.

От тревоги у меня переворачивается желудок. В тех землях прячется Лавиния… но почему туда?

— Мы атакуем их и запугаем так, что они будут дрожать при одном упоминании нашего имени, — приказывает он с леденящим душу безразличием.

— По какой причине, Сир? У нас ведь пакт о нейтралитете с этой территорией, — замечает Тибериус, бывший первый офицер.

— Потому что такую бумагу не производят ни в одном королевстве. Только в Гренландии используют водоросли для производства бумаги, поскольку этого сырья у них в избытке, а лесами они слишком дорожат, чтобы вырубать их под комбинаты. Только в Гренландии есть оборудование, способное производить её по столь низкой себестоимости.

— Вы слышали Его Высочество? — Верховный жрец воодушевленно повышает голос. — Я всегда подозревал эти земли. Мы преподадим им хороший урок.

Эдоардо разворачивается и выходит из зала. Мне нужно идти за ним, но я едва узнаю его, и мои мышцы отказываются подчиняться. *Ну же, соберись, не время впадать в ступор.* К счастью, члены совета слишком увлечены обсуждением деталей, но Верховный жрец внезапно ловит мой взгляд, и желудок сжимается в тиски.

— Король вышел, дорогая, — его губы растягиваются в жуткой улыбке.

Его голос вызывает у меня такое омерзение, что я пячусь к дверям и выбегаю наружу. Преодолевая ступеньку за ступенькой, я спускаюсь по лестнице и вижу, как Эдоардо заходит в свой кабинет. Я быстро настигаю его, прохожу мимо застывшей у порога охраны и вижу картину: он стоит, прижав к губам горлышко бутылки скотча. Я закрываю за собой дверь.

— Нападение на Гренландию, смертные казни… всё это ужасные идеи, которые ничего не решат, — выплевываю я тяжесть, давившую на грудь.

Он вытирает губы тыльной стороной ладони.

— И кто говорит, что они ничего не решат? — спрашивает он, и я тону в этих пустых, темных как ночь глазах.

— Прошу вас, — шепчу я. — Это неправильно.

— Повторяю: по чьему мнению? — он прищуривается. — По мнению бунтовщиков из внешних секторов или по мнению того, кто стоит за этим вертолетом, возникшим из ниоткуда и исчезнувшим в никуда? Как удобно: и те, и другие желают мне смерти — и мятежники, и те, кто с ним сотрудничает. — Он выплевывает последнее слово с таким отвращением, будто его сейчас вырвет, и в моей голове вспыхивает догадка. *Ему страшно.* Его лицо осунулось, черты заострились от крайнего напряжения. Он начинает лихорадочно перерывать книжные полки, швыряя на пол книги и справочники.

Я делаю шаг вперед, обходя валяющиеся на полу тома.

— Вы не можете основывать нападение на целую территорию лишь на догадках, отдавая приказ уничтожить её. Это сделает вас Королем террора, и…

— И меня будут бояться, как и должно быть, — перебивает он. Наклонившись, он выдвигает ящик стола, достает карту королевств и расстилает её перед собой. — Мое имя должно парализовать их до такой степени, чтобы они даже помыслить не смели о предательстве или нападении.

Он делает очередной глоток скотча, заливая алкоголем любые крупицы рационального мышления. Я делаю глубокий вдох; им движет не разум, а чистая паранойя.

— Погодите. Внешние сектора бунтуют не потому, что хотят убить Короля. — Образы истощенных тел, запертых в яме, снова сдавливают мне горло. — Они голодают, Ваше Высочество. Вы знаете, каково это — умирать от голода? Умирать от жажды? Не иметь чистой одежды? Спать на обледенелых улицах в мороз? Вы знаете, каково это — оказаться взаперти на Арене и быть вынужденным убивать, чтобы выжить?

Он переводит взгляд на меня, и его лицо мрачнеет.

— С чего бы мне должно быть не все равно?

Я хватаю ртом воздух, вновь слыша эти холодные, безразличные слова. *«С чего бы мне беспокоиться о людях, которым плевать на меня?»* Я сжимаю кулаки, с трудом сдерживая порыв схватить его за плечи и встряхнуть, заставив прийти в себя.

— Потому что именно поэтому они и нападают на вас.

— Они нападают на меня, потому что хотят моей смерти, — упрямо повторяет он.

— Потому что они голодны, и потому что вы заставили их драться друг с другом в яме, как цирковых зверей!

Он постукивает пальцем по столу:

— И разве это так ужасно?

— Конечно, это ужасно! Они были… — я осекаюсь, ком в горле мешает дышать, — …они были в отчаянии! Неужели вы не чувствуете ни капли сострадания?

— Ни единой капли, — отвечает он без колебаний. — А у них была хоть капля сострадания, когда меня с самого детства силой гнали на Арену? — Его маска апатии начинает понемногу трещать. — Нет, никто не проявил милосердия. А когда отец избивал меня, а весь двор закрывал двери и продолжал работать как ни в чем не бывало? — Он делает шаг вперед. — Никто не проявил сострадания. А когда на коронации мой собственный брат приставил к моему горлу меч, собираясь перерезать его? Никакого сострадания. — Он делает еще один шаг, приближаясь ко мне вплотную. Вены на его шее вздулись, лоб прорезали глубокие морщины. — Ни у кого из них никогда не было ко мне жалости, и я уж точно не стану терпеть всё это молча. Они увидят ад, тебе ясно?

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Я приоткрываю рот, по коже пробегает мороз. Яростная буря бушует в его темных глазах, она захлестывает меня, выбивая почву из-под ног. Это не тот человек, который дрожал в каморке спальни, нет… это результат чего-то, что пустило глубокие, уродливые корни в его памяти.

Тук-тук-тук. Короткий стук в дверь нарушает тишину.

— Войдите, — шипит Эдоардо, не сводя с меня глаз.

Мне нужно отойти, пока нас не увидели так близко друг к другу. Я опускаю взгляд и делаю несколько шагов назад, прижимаясь спиной к стене; в моей голове путается тяжелый клубок мыслей.

— Ты звал меня? — Анна входит в комнату. Синий боевой комбинезон подчеркивает изгибы её тела, с каждым шагом она источает густой аромат жасмина.

Эдоардо подходит к расстеленной на столе карте:

— Собирай вещи.

— Я что-то упустила или ты меня выставляешь? — она скрещивает руки на груди.

— Завтра утром ты отправляешься в Гренландию.

Нет. Я бледнею, сердце начинает бешено колотиться, а тяжелый камень в груди заставляет меня делать глубокие, судорожные вдохи.

Она выгибает брови:

— Ты все-таки решил прислушаться к моей просьбе?

Он указывает пальцем на точку на карте, и она подходит ближе.

— Я хочу, чтобы ты координировала войска.

— Погоди… я просила у тебя разрешения найти Лавинию, — удивленно возражает она.

— И ты сможешь сделать это во время атаки, которую возглавишь во имя Королевства Америка. А теперь, если ты закончила со своими дурацкими расспросами, сядь. Я детально изложу тебе план.

Ясмин

— Ясмин, тебе нельзя оставаться голодной, — бормочет Нанук. Он подносит вилку к моим губам. — Открой рот, — шепчет он, но я стискиваю зубы и отворачиваюсь. Я отказываюсь проглотить хоть кусочек.

Он вздыхает, и звон вилки, опустившейся на тарелку, заполняет тишину.

— Это упрямство ни к чему не приведет. Сама ведь знаешь?

Молчание. Я не отвечаю ни на одно из их бесполезных и лживых слов. Они дежурят по очереди: вчера ночью здесь был Элайджа, сегодня днем — Нанук. От Артура же ни слуху ни духу. Время от времени до меня долетают обрывки их разговоров, но они тщательно следят за тем, чтобы не сболтнуть лишнего в моем присутствии. Судя по всему, он занят переговорами о чем-то с Королем Вангом. Они не доверяют мне настолько, чтобы говорить при мне открыто — мое присутствие угрожает их планам, словно я бомба замедленного действия.

Я отодвигаюсь на кровати назад, пытаюсь пошевелить рукой, но резко вздрагиваю. Чертовы наручники. Покрасневшая кожа вокруг запястий горит — должно быть, я разодрала её вчера, когда рвалась и дергала руками. Черт, только этого не хватало.

— Я понимаю, что тебе больно и ты разочарована в нас, но у нас действительно не было другого выбора. Чем скорее ты согласишься выслушать правду, тем скорее поймешь причину наших действий.

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Ложь за ложью. Все трое повторяют одни и те же заезженные фразы, от которых меня уже тошнит. И я еще должна их выслушивать? Трудновато это сделать после того, как меня обманом затащили в другое королевство, использовали, заковали в наручники и связали. Я не могу доверять ни одному из них. Мне нужно лишь найти способ подняться с этой постели без цепей и пут.

— Ты должна мне верить, какой мне смысл врать тебе теперь? Никакого. И потом, подумай сама… я правитель Гренландии. По-твоему, я бы стал ввязываться в то, что считаю ложью?

Я прищуриваюсь:

— Не знаю. Вы так ловко меня обвели вокруг пальца, что я больше не понимаю, где черное, а где белое.

Нанук ставит тарелку на тумбочку:

— В этой битве нет цветов.

Я едва не смеюсь.

— Я даже не знала, что мы на войне, — выплевываю я. — Но куда уж мне: я ведь не имею права знать. Пользуйтесь мной, как хотите, а потом прикуйте к кровати и удивляйтесь, почему у меня пропал аппетит.

— Во-первых, ты связана потому, что пыталась испепелить нас. Во-вторых, никто не собирается использовать тебя как пешку. Мы планировали, что на этом этапе ты узнаешь правду.

— И ваш план учитывал мою реакцию? Сколько раз в день я хожу в туалет? Храплю ли я по ночам?

Он моргает:

— Мы понимали, что реакция будет бурной, но эта фаза затянулась дольше, чем мы рассчитывали. И все же я уверен, что ты поймешь и примешь это. — Уверенность в его голосе заставляет меня горько усмехнуться.

— Приму? Ты сам-то понимаешь, что говоришь, Нанук?

Он садится на край кровати справа от меня и становится серьезным:

— Понимаю. Как понимаю и то, что тобой, как и мной, движут эмоции. Сама сила, которой ты пользуешься, завязана на чувствах, что ты испытываешь.

Я закатываю глаза:

— И при чем тут вообще это?

— При том, что это доказывает: на моем месте ты поступила бы точно так же. Я в этом убежден.

О чем он говорит? Недоумение на моем лице, должно быть, слишком очевидно. Он вздыхает и без колебаний придвигается ближе, сокращая расстояние между нами.

— Я не люблю об этом рассказывать, но, может, хоть так ты перестанешь смотреть на меня как на очередной стейк, который хочешь поджарить. — Он чешет затылок и делает глубокий вдох. — Отец был человеком, который вечно всё отдавал другим, даже если приходилось обделять себя и своих детей. У него не было границ: люди бессовестно пользовались его добротой и обманывали, а он продолжал принимать каждого. Его обворовывали? Он закрывал на это глаза, а на следующий день был готов отдать еще больше. Безумие, да? — Нанук смеется, но это не тот солнечный, искренний смех, которым он обычно сдабривает свои грошовые шуточки. В его взгляде проскальзывает что-то мрачное. — Он забирал у нас, чтобы раздать незнакомцам. Порой я заставал его копающимся в моем шкафу — он вытаскивал вещи, чтобы отдать их другим парням. Иногда из комода исчезала обувь, и я оставался ни с чем. А спустя

время видел свои вещи на ребятах из реабилитационного центра. И я спрашивал себя: как отец может ставить на первое место бродяг, а не собственных детей? Не свою родную кровь? Я искренне не понимал этого. Последней каплей стало то, что он подарил мою гитару какому-то торчку, который любил играть. Эту гитару он сам купил мне в детстве, она оставалась единственным напоминанием о наших прежних отношениях отца и сына. Тогда я окончательно взорвался, собрал вещи, чтобы уйти и никогда не возвращаться. Собирался жить в одном из королевств, а нашими землями вполне могла бы управлять Аласи. Я сказал ему, что ненавижу его, что ему лучше забыть, будто у него есть сын, и что он меня больше не увидит. — Он улыбается, но его взгляд остается абсолютно тусклым. — И знаешь что? Он действительно больше меня не увидел. Точнее… его вообще больше никто не видел. На следующее утро я спускался по лестнице с чемоданом в руках, дверь в его спальню была открыта. Он всегда её запирал. Я сделал шаг внутри и… он лежал на кровати с перерезанным горлом и широко распахнутыми глазами.

Мороз пробегает у меня по коже. Он рассказывает это без слез и дрожи в голосе, словно чужую историю. И все же в его глазах читается колоссальное чувство вины, омрачающее лицо. Теперь я понимаю. Вот каков был трагический финал правителя Гренландии.

— Зачем я тебе это рассказал? Затем, что ублюдки, убившие моего отца — не кто иные, как наши дорогие соседи, с которыми у нас подписан пакт о мире и нейтралитете. Королевство Америка. Они надеялись ослабить нас, чтобы наконец захватить, прикидываясь друзьями. И сделали это подло, прячась за спинами наемников и шпионов. Они даже прислали нам телеграммы с соболезнованиями, уверяя в своей поддержке. — Горький смешок срывается с его губ. — И тогда я подумал: что мне делать? Уехать и забыть обо всем? Или превратить их жизнь в ад, заключив союз с их злейшим врагом? Хм, второй вариант показался мне куда привлекательнее. Пусть я и не повелеваю огнем, я использую любое средство, чтобы залить их земли бензином и смотреть, как Артур их выжигает.

Я опускаю плечи. Словно вспышка молнии в черной ночи, в памяти всплывают слова Аласи. И кусочки мозаики складываются воедино.

«Я любила рисовать. Но это в прошлом, теперь я хочу другого».

Картина проясняется, и детали встают на свои места.

«Отомстить ублюдкам, которые отняли у нас отца. Романтично, правда?»

Вот почему Аласи и Нанук помогают Элайдже и Артуру. Им движет месть общему врагу. Тому, кто отнял жизнь их отца два года назад.

— Конечно, я не жду, что ты простишь нас в один миг и без лишних слов, но… — он чешет затылок, — …нам вовсе не доставляло удовольствия скрывать от тебя правду. В этом я могу поклясться.

— Мне правда очень жаль твоего отца, — тихо шепчу я.

Это единственное, что у меня получается произнести — единственные теплые слова, на которые сейчас способен мой разум. Его брови разглаживаются, и лицо озаряет облегчение.

— А теперь, может, съешь хоть кусочек? — несмело предлагает он. — Мне невыносимо видеть, как ты голодаешь.

— Я бы хотела… — я откашливаюсь, пытаясь размять пересохшее горло, — …очень хочу в туалет.

— О, — шепчет он. Смотрит на наручники, затем на меня, снова на наручники и опять на меня. — Думаю, ничего страшного не случится, если я тебя провожу.

Он развязывает веревку на моих лодыжках, и я вытягиваю затекшие пальцы ног. Наконец-то. Нанук открывает ящик тумбочки, достает ключи и наклоняется надо мной. *Щелк, щелк.* Мои руки бессильно падают вдоль тела, затекшие мышцы ноют, заставляя меня поморщиться. Он освобождает сначала одно запястье, затем второе.

— Потом надо будет обработать раны, ты сильно ободрала кожу, — в его голосе слышится искренняя тревога. — Сможешь подняться?

Я киваю, сползаю с кровати и опускаю босые ступни на холодный пол. От легкого головокружения меня ведет в сторону, но его руки тут же подхватывают меня под мышки.

— Идем, только не спеши. — Он шаг за шагом провожает меня в ванную комнату прямо в спальне. Я захожу внутрь и опираюсь на раковину. — Я подожду здесь, — говорит он. Я киваю, и дверь за ним закрывается.

Я открываю кран, позволяя воде течь так же свободно, как и моим путающимся мыслям. Тщательно осматриваю каждый угол. Свет проникает лишь через узкое вертикальное окно в паре метров над унитазом. Мне нужно взобраться туда и выпрыгнуть наружу, надеясь, что там не слишком высоко. Шестеренки в моей голове крутятся с бешеной скоростью. Я встаю на крышку унитаза, тянусь пальцами к оконной ручке, но прежде чем открыть её, носком ноги нажимаю на кнопку слива. Если он услышит подозрительный шум — всё пропало.

Открываю окно, высовываюсь и осматриваюсь. С этого ракурса охраны не видно — только деревья и кусты… должно быть, это сад. Я спрыгну вниз, а там уже решу, как искать выход. Упершись руками в подоконник, подтягиваюсь, закидываю сначала одно колено, затем другое. Сгруппировавшись, я пригибаю голову и прыгаю вниз. Босые ступни сдираются о гравий, ладони покрываются царапинами. От удара я теряю равновесие и заваливаюсь на спину, болезненно охнув. Растираю ноющие ноги, но облегчение от того, что я вырвалась из той комнаты, заставляет забыть обо всей боли. Я на свободе. Я глубоко вдыхаю свежий воздух — небо над головой еще никогда не казалось мне таким прекрасным. Теперь нужно лишь найти выход…

Вдруг небо и земля меняются местами. С замиранием сердца я зажмуриваюсь.

— Собралась куда-то? — шипит Артур.

Одним движением он перекидывает меня через правое плечо, точно мешок с мукой, и широкими шагами уносит прочь из сада в глубь дворца. *Нет, нет, нет.* Я отчаянно брыкаюсь, но всё впустую: его железная хватка не позволяет мне даже поднять голову, а мои удары кулаками и пинки кажутся ему легкой щекоткой.

Он спускает меня со своего плеча, прижимая к груди, и слегка сдавливает руку; моя грудная клетка утыкается в его твердый живот, перекрывая кислород. Он стискивает челюсть:

— Судя по всему, путы не помогли тебе поразмыслить над поведением. Ты меня окончательно достала.

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Глава 18

Тебя наказывают за то, что ты полюбила меня, и каждое твое перерождение повторяет одну и ту же судьбу. И я клянусь тебе, Лавиния, я покараю их за каждую версию тебя, которую они заставили страдать.

— Письмо номер 240

Артур

Артур

Король Ванг облизывает указательный палец и переворачивает страницу. Тишину лишь изредка нарушает невнятное бормотание на его родном языке, но не более того. Элайджа сидит напротив меня, с тревогой глядя на настенные часы. Я поднимаю голову: стрелки неумолимо бегут по кругу, у нас мало времени. Я знал, что Король Азии дотошен, но не до такой же степени. Он перечитывает план уже в пятый раз.

Наконец Король Ванг кивает и бормочет что-то на своем языке, поглаживая бороду.

— Его Высочество говорит, что ваш план отлично проработан, — переводит советник, стоящий справа от него.

Я приподнимаю бровь, с трудом сдерживая желание рассмеяться ему в лицо. *Отлично проработан?* Нет, это два года чистой одержимости, в течение которых я с почти безумным терпением подгонял друг к другу каждую деталь этой мозаики.

Элайджа прочищает горло:

— Мы бы не стали втягивать ваше королевство в войну, Ваше Высочество, если бы не были уверены в победе.

Король Ванг улыбается, и морщинки у его глаз собираются в лучики. Он снова заговаривает на своем языке; его темные глаза впиваются в меня с лихорадочным блеском человека, рассматривающего новое смертоносное оружие.

— Его Высочество согласен выполнить свою часть соглашения, но что гарантирует ему, что и остальные исполнят свой долг? Если что-то пойдет не так, он без колебаний отступит и выдаст вас врагу.

Он не намерен жертвовать своим народом и заявляет об этом честно и сразу. Я и не ждал ничего другого от Королевства Азии.

Я упираюсь локтями в стол:

— Передайте Королю Вангу, что всё пройдет без сучка и задоринки, если каждый сделает то, что должен. Однако крайне важно, чтобы…

Тук-тук, тук-тук.

Я осекаюсь. Бешеный стук заполняет мои уши с такой силой, что я перестаю слышать что-либо еще, даже собственный голос. Она где-то рядом. Её сердце бьется всё отчаяннее, я физически ощущаю её прерывистое дыхание, будто она пытается взобраться на дерево.

Элайджа хмурится и тут же подхватывает мою фразу, продолжая за меня:

— …крайне важно, чтобы ваши военно-морские силы были готовы вовремя и не обнаружили себя ни слишком рано, ни слишком поздно. Точный расчет времени — главный ключ к тому, чтобы обвести их вокруг пальца и…

Пока он говорит, я подхожу к окну и бросаю взгляд во двор. Ну конечно: белокурая макушка показывается над подоконником, оглядывается по сторонам и

быстрым движением прыгает вниз. Черт, настоящая заноза в заднице. Нанук должен был следить за ней, но, полагаю, она провела его какой-то ложью.

Я берусь за ручку и распахиваю окно:

— Надеюсь, вы простите мне мое отсутствие, но непредвиденное обстоятельство вынуждает меня отлучиться. Элайджа ответит на оставшиеся вопросы.

Я опираюсь рукой о подоконник, одним толчком приземляюсь на крышу веранды, прохожу по черепице и спрыгиваю на землю. Она не замечает моего присутствия у себя за спиной — слишком занята тем, что растирает ноги. Я уверен, что удар от падения с такой высоты был болезненным, но именно это и происходит с теми, кто сбегает и поступает по-своему. Преодолев разделяющее нас расстояние, я хватаю её за ноги и закидываю на плечо.

— Собралась куда-то?

Я возвращаюсь в замок; она брыкается и колотит кулаками по моей спине. Упрямая, глупая обуза. Моя кровь закипает, терпение иссякает, и я сжимаю хватку крепче. Она затихает, и я спускаю её на землю перед собой. Её сердце бешено колотится прямо напротив моей груди. Она до сих пор не понимает, в каком положении находится, а миндальничать с ней, как того хочет Элайджа, абсолютно бесполезно.

Я стискиваю челюсть:

— Судя по всему, путы не помогли тебе поразмыслить над поведением. Ты меня окончательно достала.

Я поднимаюсь по лестнице, возвращаюсь в комнату, где её держали, и швыряю её на кровать. Она пятится назад с таким видом, словно я могу испепелить её в любую секунду.

— О, это что, Ясмин? — Нанук подходит ближе и трет ладонями глаза. — Разве ты не была в ванной?

— Наша юная леди решила, что лучшая идея — сигануть из окна. Но я сыт по горло ожиданием, пока она соизволит нас выслушать. Сегодня она выслушает и всё поймет. У нас нет времени на её идиотские, капризные выходки.

У Нанука едва челюсть не отвисает. Он делает шаг к нам, но я останавливаю его:

— Вон, — приказываю я.

— Но я не думаю, что…

— Я сказал: вон, — испепеляю я его взглядом. Он опускает глаза и кивает.

Ясмин провожает его фигуру уцепившимся взглядом, ища спасения, но всё тщетно. Никто не сможет помочь ей сейчас. Нанук закрывает дверь, оставляя нас наедине. Она озирается по сторонам, как крыса в капкане, поджимает губы и приподнимает руки. Собирается призвать огонь?

— Не советую, — шиплю я. — В прошлый раз я лишь пытался тебя удержать, но если ты нападешь сейчас, я без колебаний позволю пламени покалечить твою ногу. Чтобы в следующий раз тебе было труднее лазить по окнам.

Она сглатывает слюну и медленно опускает руки. *Тук-тук… тук-тук.* Я отсекаю звук её сердцебиения и беру стул. Она успокоилась. Я придвигаю его к кровати и сажусь:

— А теперь ты откроешь свои чертовы уши и включишь мозги. Мы поняли друг друга?

Она открывает было рот, но я обрываю её:

— Я не желаю слушать твои глупые обвинения во лжи, потому что мое время на исходе. И знаешь, что еще? Мое терпение тоже.

— Я бы не упрямилась так, если бы вы не кормили меня тоннами вранья, — огрызается она, скрестив руки на груди.

— Ты можешь читать мои воспоминания, забыла? Так что я прекрасно знал: это лишь вопрос времени, когда ты обо всем узнаешь, — признаю я.

Она прищуривается:

— Сначала я хочу знать, как ты меня увидел. Я лично убедилась, что в саду никого нет, прежде чем прыгнуть. Откуда ты выскочил? Как ты это сделал? Вы установили прослушку в ванной? За мной кто-то следит?

Я вздыхаю. Ну какая же глупая.

— Твое сердце.

— А что с ним?

— Я слышу его стук.

Она прижимает руку к груди, словно я украл у нее что-то глубоко личное:

— Что это значит?

Я делаю глубокий вдох:

— Чем сильнее ты нервничаешь, тем быстрее оно бьется, и тем отчетливее я его слышу. И не смотри на меня так, я этого не выбирал.

Она хватает ртом воздух:

— И… как давно?

— Уже какое-то время, — отвечаю я. Поначалу я вообще думал, что это Нанук где-то по дому с барабаном шляется. — Если бы ты умела слушать, то поняла бы: это всего лишь следствие того проклятия, которое, увы, нас связывает.

Её глаза округляются:

— Опять эта сказка про Невесту?

— К моему огромному несчастью. Не думай, что я горю желанием нянчиться с тобой, как сиделка. К сожалению, такова наша судьба, а от судьбы не убежишь. Особенно от проклятой.

И я плачу за это цену в каждой из жизней.

Ясмин

— Стой, стой, стой, — перебиваю я его.

Моя голова готова взорваться в любую секунду. Я прижимаю ладони к вискам и начинаю их массировать, пытаясь переварить лавину информации, которую он вывалил на меня за один раз.

— Они перерождаются и в каждом цикле погибают ужасной смертью: он — от рук Короля, а она — совершая самоубийство.

— Именно, — отвечает он со скучающим видом, словно зачитывает таблицу умножения.

— И её прокляли в этих священных писаниях только и исключительно за то, что она его полюбила?

— Да.

Я приоткрываю рот. Что за безумие? Я смотрю на него так, словно вижу впервые в жизни. Мягкие черты лица, нежные, розовые губы и глаза, отражающие теплое сияние солнца. Ничего общего с тем чудовищным портретом, который рисуют людские слухи.

— И ты… ты и есть Зло? — шепчу я, и он кивает. — Но как… то есть, откуда ты знаешь, что это ты? Или ты всегда им был? Как такое возможно?

Он пожимает плечами:

— Почти так же, как у тебя. Я тоже понял это после одного скверного происшествия. Вот только я, в отличие от тебя, потерял абсолютно всё.

Осколки запутанной мозаики наконец складываются воедино, но в голове по-прежнему царит хаос из сомнений и вопросов, которые я пытаюсь сформулировать как можно яснее. Боже мой. Я не могу в это поверить: все эти месяцы враг человечества и самый разыскиваемый преступник в мире находился прямо перед моими глазами. И теперь… теперь я якобы его Невеста?

— Нет, в этом нет никакого смысла! — Я трясу головой. — С какой стати у меня должны быть силы этой Невесты? И уж тем более — зачем мне быть её реинкарнацией?

— Пути судьбы нам неведомы. Но скажем так: одна из причин заключается в том, что ты — её точная физическая копия, — вздыхает он.

Я выгибаю бровь:

— Хочешь сказать, мы похожи?

— Сейчас это неважно. Тебе нужно понять лишь одно: какой бы выбор ты ни сделала, наши судьбы неразрывно связаны. Королевство Америка знает твое лицо, как и мое, и они идут по нашему следу. — Он делает короткую паузу, от которой у меня перехватывает дыхание. — Тебе везло не сталкиваться с ними до сих пор, но это лишь вопрос времени. И когда они тебя увидят, они не пощадят ни тебя, ни твою семью.

Тяжелая плита ложится на грудь, перекрывая кислород, но я упрямо вскидываю плечи:

— Мне просто нужно не попадаться им на глаза. Я справлялась с этим до сих пор, не вижу причин, почему что-то должно измениться.

Он склоняет голову набок:

— Хочешь сказать, тебя устраивает перспектива жить дальше с мыслью, что однажды они найдут тебя и убьют не только тебя, но и всю твою семью?

— И что я, по-твоему, должна делать? Примкнуть к вашему крестовому походу, чтобы вы использовали меня как ценное оружие? — Я выдыхаю всё это на одном дыхании, и от моих слов у него опасно напрягается челюсть. — К тому же, ты ведь и сам прекрасно справишься без меня, раз уж ты действительно само Зло.

Он приподнимает уголки губ, словно мои догадки — забавная шутка.

— Да, я мог бы заменить тебя и даже подчинить, если бы захотел, но, к сожалению, вынужден настаивать. Твоя сила в союзе с моей способна переломить ход конфликта и увеличить наши шансы на победу. На кону стоит судьба каждого, так что сделай себе одолжение и перестань вести себя как ребенок. У каждого из нас есть веская причина, ради которой мы жертвуем всем ради этой, как ты глупо выразилась, «круциады».

Я вскидываю руки и едва не заваливаюсь вперед:

— Теперь я еще и ребенок? Только потому, что не желаю ввязываться в вашу самоубийственную войну?

— В нашу, ты хотела сказать, — он упирается локтями в колени, и его взгляд темнеет. — Ни у кого из нас нет выбора, и меньше всего — у тебя и меня. Ты поймешь, что обязана сражаться, и в тот момент сама умоляюще попросишь меня объяснить, как мы сожжем их головы. Одну за другой.

Тьма поглощает черты его лица, и даже медовые глаза кажутся мрачными. Я открываю рот, готовая возразить, но дверь с грохотом распахивается. Элайджа тяжело дышит, его грудь лихорадочно вздымается и опускается, будто он только что пробежал марафон.

— Они атаковали, — выдыхает он.

Что?

Я растерянно перевожу взгляд с него на Артура.

— Нанук? — без тени сомнения спрашивает Артур.

— Вызывает самолет. Мы вылетаем немедленно. Аласи сдерживает ситуацию в одиночку, но… они не пощадили никого.

Артур поднимается на ноги и разминает шею вправо-влево.

— Я не удивлен, — бормочет он, и его взгляд останавливается на мне. — Идем, принцесса. Возвращаемся домой, как ты и хотела.

Но я не знаю, радоваться мне или нет. Выражения их лиц далеки от безмятежности, и это тяжелым камнем ложится мне на желудок. Я откладываю в сторону все свои расспросы о Зле и сползаю с матраса.

— Что? Кто атаковал? Что это значит? — спрашиваю я, сердце колотится в горле.

— Сама увидишь. И, возможно, это наконец откроет тебе глаза, — Артур достает мои туфли из-под кровати и пододвигает ко мне.

Я быстро обуваюсь, пока внутри растет дурное предчувствие. Артур кивает Элайдже, который выводит меня из комнаты. Мы идем по коридору, и краем глаза я замечаю, что Артур сворачивает в сторону лестницы, ведущей наверх. Куда это он? Мы выходим из замка, спускаемся по ступеням, и Элайджа протягивает мне шляпу и маску.

— Лучше надеть это, — шепчет он.

Я делаю как он говорит, не препираясь. В эту секунду все мои мысли заняты лишь тем, что я могу застать по возвращении домой.

— Даже ты не можешь объяснить мне, что происходит?

Он идет очень быстро; я пытаюсь не отставать, но дыхание перехватывает с каждым шагом.

Элайджа качает головой:

— Нет. Но ты сама всё увидишь, как только прибудем.

Опять этот сухой, куцый ответ, точь-в-точь как у Артура. Я следую за ним по той же аллее, по которой мы пришли сюда. Мы проходим мимо гигантских статуй драконов, но на этот раз слуг нигде не видно. Перед нами вырастает джет; его передний люк открыт, а трап опущен на землю. Я тихо вздыхаю с облегчением. Я уже думала, что никогда его больше не увижу. Поднимаюсь вслед за Элайджей, и стоит мне ступить внутрь, как до моих ушей доносится голос Нанука.

— Гребаные ублюдки, — процеживает он сквозь зубы; его черты заострились, а челюсти плотно сжаты. Он говорит по телефону, и я впервые вижу его в таком бешенстве. — Черт, я понял… мы уже летим. Не рискуй понапрасну. — Он сбрасывает вызов.

Элайджа садится, я устраиваюсь в соседнем кресле.

— Жалкие трусы, — выплевывает Нанук, опускаясь напротив нас и застегивая ремень безопасности.

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

В дверях появляется Артур с моим чемоданом и своим рюкзаком в руках. В спешке я совсем забыла о вещах. Бортпроводница закрывает люк, и Артур садится напротив Элайджи.

Самолет взлетает, и весь полет проходит в удушающей, наэлектризованной тишине. Никто не проронил ни слова. Это кажется затишьем перед бурей.

Вот только я — единственная, кто понятия не имеет, что за буря ждет нас впереди.

С одной стороны меня держит Артур, блокируя мою руку, с другой — Элайджа загораживает своим телом окно автомобиля. Они боятся, что я могу открыть дверь и выпрыгнуть из машины прямо на ходу, но сейчас любые силы покидают мое тело при виде той катастрофы, что разворачивается на улицах. В окно я вижу руины разрушенных, сожженных домов, превратившихся в груды обломков и пепла. Машина продвигается вперед, виляя вправо и влево, чтобы объехать разбросанные по дороге обломки. Я не могу поверить своим глазам. Воздух разрезает вой сирен скорой помощи, смешивающийся со стонами и плачем людей, лежащих прямо на земле. Из их разорванной одежды виднеются сломанные кости, зияют открытые раны, повсюду кровь. Много крови. Слишком много крови.

— Помогите нам!

— Сюда, пожалуйста, скорее!

— Нам нужны люди здесь!

Спасатели снуют повсюду с носилками, аптечками первой помощи и кислородными масками. Группа пожарных пытается приподнять бетонную глыбу, придавившую ноги потерявшему сознание мальчику. Кровь сочится из его разбитой губы, лицо приобрело синюшный оттенок. Мужчина и женщина опустились на колени рядом с ним; они кричат ему, хватая за плечи, их одежда тоже покрыта пылью и кровью. Сердце сжимается от боли — должно быть, это его родители… и на месте этого мальчика мог быть Лоффи. И мне кажется, будто эта же глыба намертво придавливает мою грудную клетку, заставляя действовать. Разум проваливается в бездну дикого страха; я дергаюсь к двери, протягивая руку, но Элайджа и Артур усиливают хватку, возвращая меня спиной на сиденье.

— М-мне нужно идти, — лепечу я, сердце бешено колотится, дыхания не хватает. — М-моя семья… я должна проверить, всё ли с ними в порядке. Я должна… должна… Лоффи, мама, папа, — бормочу я сквозь слезы, заливающие глаза.

— В таком состоянии ты ничем не поможешь. Если ты выйдешь сейчас, и тебя заметит солдат Королевства Америка или, что еще хуже, узнает их шпион, ты подпишешь смертный приговор вам всем, — ледяной голос Артура заставляет меня замолчать. — К тому же, твоя семья ждет, что ты вернешься с чемоданом, в обычной одежде и с сувенирами. А вовсе не в боевом комбинезоне.

— Мы понимаем, что ты хочешь увидеть их и убедиться, что они в безопасности, но ты должна довериться нам и пока не высовываться, — добавляет Элайджа, мягко поглаживая мою руку.

— Я должна увидеть их своими глазами, умоляю вас. Я не буду привлекать внимания, я постою в стороне, но умоляю… — хриплым, удушаемым слезами голосом прошу я. — Отпустите меня к ним.

Артур сжимает мою руку крепче и кивает на переднее сиденье:

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

— Посмотри на Нанука. Он должен был первым выскочить из машины, но он этого не делает. Они только что забросали его народ бомбами, и если он справляется с собой, то справишься и ты.

Я судорожно вдыхаю, меня бьет дрожь, и я поворачиваю голову к переднему сиденью. С этого ракурса я не вижу лица Нанука, но его сжатые кулаки и побелевшие костяшки пальцев выдают ярость, которую он подавляет внутри себя. Ворота дома Олсенов распахиваются перед нами, машина замедляет ход и останавливается. Я тянусь, чтобы отстегнуть ремень безопасности, но Артур резко дергает меня за руку обратно.

— Слушай меня внимательно, прежде чем наделать глупостей: Аласи ждет нас внутри, и вместе мы разберемся, какова реальная ситуация. Ты переоденешься, и только потом кто-то из нас проводит тебя к семье. Я ясно выразился?

Нанук распахивает дверцу и вбегает в дом, Элайджа спешит за ним, пока водитель достает багаж.

— Я спросил: я ясно выразился? — властно повторяет Артур.

Я киваю, и он наконец отпускает меня. Я отстегиваю ремень, следую за ним по ступеням, переступаю порог и иду прямо в гостиную. Все собираются у стола, на котором расстелена карта Гренландии. Я подхожу ближе и замечаю красные кресты, нарисованные в разных точках, некоторые из которых разбросаны вдоль побережья. Должно быть, это места ударов. Я быстро отыскиваю зону, где находится наш дом, прищуриваюсь и нахожу её, но рядом никаких красных отметок нет. Я делаю полувздох облегчения, хотя напряжение так и не покидает мое тело.

— Докладывай, — Нанук садится во главе стола.

Аласи собирает волосы на затылке; её глаза покраснели, лоб прорезали глубокие морщины. Она выглядит полностью уничтоженной.

— Они прибыли в полдень. Как и в прошлый раз, без предупреждения. Их возглавляла женщина, которую я никогда раньше не видела. Разумеется, мы их приняли, но что-то было не так. Мне следовало догадаться… — она прижимает руку к груди. — Они прочесывали улицы. Не хотели говорить, что именно ищут, но это казалось важным. Когда они закончили, они вернулись на свои корабли, а спустя пару минут прогремели мощные взрывы: на северном рынке, на рыбном складе у побережья и в тех точках, что я отметила на карте. И… все они были синхронными. Спасатели всё еще извлекают выживших из-под завалов, но… — её голос срывается. Элайджа кладет ладонь ей на плечо, давая перевести дух. — Мне нужно было понять, что это не обычный визит, я могла бы начать эвакуацию раньше, и…

— Это не твоя вина, — прерывает её Нанук. Его голос звучит ровно, а взгляд прикован к карте.

Что-то пугающее и темное застыло в его глазах, похожее на дремлющий вулкан, который молча переваривает всё внутри, чтобы затем извергнуться и безжалостно сжечь всё на своем пути. *«Пусть я и не повелеваю огнем, я использую любое средство, чтобы залить их земли бензином и смотреть, как Артур их выжигает»*. Его пальцы мертвой хваткой вцепляются в край стола, костяшки белеют, но лицо остается абсолютно бесстрастной маской.

— Эта женщина оставила вот это, — Аласи достает из кармана флешку. — Она сказала, что это привет от Короля, который ты должен посмотреть по возвращении. Сказала это перед тем, как отчалить и взорвать всё к чертям. Элайджа, передай мне компьютер, пожалуйста. Он на диване.

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Элайджа забирает ноутбук, ставит его на стол, и Аласи вставляет флешку. Я вытягиваю шею и вижу, как на экране запускается видео. По превью я узнаю лицо парня, которого уже где-то видела. Ну конечно! В тот день, когда мы с мамой были в магазине одежды, по телевизору показывали новости, и там был он — угрожал собственному народу. Король Америки. Острая боль пронзает мою грудь, заставляя перехватить дыхание. Опять это навязчивое, неприятное ощущение.

— Возможно, тебе стоит пока пойти переодеться, Ясмин, — негромко произносит Элайджа.

— Нет, пусть смотрит. Может, это поможет ей понять, что бежать ей нужно не от нас, — отзывается Артур.

Элайджа кивает, запускает видео, и голос парня заполняет комнату.

«Привет, Нанук Олсен. Я бы сказал, что рад знакомству, но, пожалуй, это не так. Давай на ”ты”, раз уж мы ровесники, согласен? Я — Эдоардо, Король Америки, и, насколько я помню, мы никогда раньше не встречались. Я подумал, как было бы здорово присесть, выпить чего-нибудь, обсудить груз ответственности, трудности правления в столь юном возрасте и ожидания народа, который смотрит на тебя как на ответ ко всем своим бедам. Мне бы этого хотелось, понимаешь?»

Он приподнимает уголки губ, и от его улыбки у меня по коже бегут мурашки.

«Но, думаю, ты сейчас будешь слишком занят разбором завалов, и освободишься не скоро. Кто знает, сколько бомб еще спрятано на твоей земле? Все ли они взорвались? Где именно их заложили?»

Он вздыхает и откидывается на спинку кресла. Его ледяной голос проникает в самые потаенные уголки моего сознания, и виски внезапно начинают пульсировать. Только не сейчас. Я прижимаю ладонь ко лбу и продолжаю слушать.

«Ты будешь занят какое-то время, так что мы можем отложить нашу встречу до тех пор, пока ты не будешь так напряжен. Но у меня есть совет: в следующий раз, когда решишь объединиться с моим врагом, помни, что твоя ничтожная земля существует лишь потому, что я позволяю ей существовать. Мы можем вторгнуться к вам в любую секунду. Я могу войти в твой дом и присоединить его к списку своих многочисленных поместий — вот только я терпеть не могу холод. Так что я оставлю тебе твою лачугу, но ты не смей переходить мне дорогу. Потому что глупый старый пакт между нашими отцами, которые оба мертвы, не помешает мне превратить ваши жизни в сущий ад».

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Глава 19

Судьба всегда лишала тебя матери и отца. У тебя никогда не было семьи, Лавиния, и всю свою жизнь ты прожила в одиночестве в запущенном доме, думая, что заслужила это заброшенное состояние и одиночество. Но потом ты нашла Даму Анджелину и Рантала. Знаешь, они стали бы тебе матерью и дедом. Мне так хотелось сказать тебе об этом. Я уверен, это исцелило бы глубокую рану в твоем сердце.

— Письмо номер 265

Артур

Вирджиния

Слабый отблеск первых рассветных лучей озаряет покои Короля. Кажется, день обещает быть погожим, но колокольный звон безжалостно возвращает меня к реальности. Я набрасываю пурпурную церемониальную мантию на плечи Эдоардо. Обычно её надевают лишь по случаю важнейших торжеств и обращений к народу. Сегодня же она послужит для того, чтобы скрепить смертные приговоры граждан, от которых отреклось королевство. От одной этой мысли горло сдавливает удушливым спазмом. Я заставляю себя дышать. *Притворяйся, Вирджиния.*

Я застегиваю пуговицы у него на груди; его взгляд буквально прожигает мне лоб, но я не поднимаю глаз. Просто не могу. Не с этой леденящей пустотой, что затопила его зрачки и выпила до капли всякое сострадание. Он стал полной противоположностью тому, как воспитывала его Дама Анджелина, противоположностью всему, чего она для него желала.

— Похоже, в твоих глазах я снова стал чудовищем, — его голос звучит хрипло и глубоко.

Мои пальцы замирают на уровне его сердца.

— Не мне судить вас, Сир. — Я приподнимаюсь на цыпочки и застегиваю пуговицы повыше.

Его дыхание скользит по моей коже.

— Разумеется. И все же ты постоянно это делаешь. Проецируешь свои надежды на чудовище и ждешь, что оно изменит свой облик. Разве не так?

Стук в дверь избавляет меня от необходимости искать ответ, и его вопрос так и повисает в воздухе.

— Сир, я здесь, чтобы сопроводить вас, — доносится приглушенный голос придворного советника из коридора.

— Входи, — приказывает Эдоардо.

Остаются две последние пуговицы у самого его лица. Я напрягаю лодыжки и тянусь еще выше.

— Сир, — советник делает легкий поклон головой. — Всё готово. Ждут только вас.

Я застегиваю последнюю пуговицу у шеи и отхожу к комоду, беря в руки золотую корону.

— Ты считаешь меня чудовищем, советник? — голос Эдоардо вибрирует в тишине комнаты.

— Сир, да что вы такое говорите! Вы наш Король, вас ни в коем случае нельзя назвать чудовищем, — отвечает тот с абсолютной, слепой верностью.

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Я поворачиваюсь. Эдоардо слегка наклоняет голову, ожидая, когда я подойду. *Притворяйся, Вирджиния.* Я делаю шаг вперед, опускаю корону на его голову, и его мягкие волосы едва задевают мои пальцы. Он поднимает глаза, оказываясь в сантиметре от моего лица, и это ощущение сродни тому, как если бы я тонула в ледяных волнах бушующего океана посреди глухой ночи. Два темных, мрачных колодца проникают в мой разум, слой за слоем сдирая ложь, в которую я кутаюсь. Он прекрасно понимает, что делает, и ни в чем меня не щадит.

— Иногда некоторые люди смотрят на меня именно так, — негромко произносит он, не сводя с меня глаз.

Я крепче сжимаю ободок короны пальцами, подавляя желание хоть как-то отреагировать на эти скрытые провокации.

— Исключено, Сир, — поспешно заверяет советник. — Вы действуете исключительно ради нашего блага!

Губы Эдоардо слегка растягиваются в улыбке:

— Ты согласна, Вирджиния?

Он действительно заставляет меня отвечать в присутствии советника? Я отвожу взгляд, отпускаю корону и слегка склоняю голову.

— То, что я думаю, едва ли имеет значение для того, кто носит корону, — цежу я сквозь зубы, и в моих словах отчетливо сквозит горечь.

— Возможно, — его голос ощутимо жалит мои нервы. — Советник, всё готово к казни?

По коже пробегают мурашки; мне кажется, будто я заживо заглатываю жабу, но я лишь натянуто поджимаю губы и утыкаюсь взглядом в мыски своих туфель. *Притворяйся, Вирджиния.*

— Всё точно так, как вы требовали, Сир.

— Я хочу, чтобы каждый телеканал был готов транслировать это в прямом эфире, — уточняет он.

Мой желудок скручивается тугим узлом, его слова вызывают такое омерзение, что к горлу подступает желчь. Я прикусываю щеку изнутри, сдерживая позыв к рвоте. Трансляция смертного приговора — это лишь очередное театральное наказание, призванное посеять семена ужаса в душах всех, кто это увидит.

Эдоардо бросает взгляд в зеркало и разворачивается:

— Идем, — холодно командует он.

Советник распахивает дверь, и я следую за ними, держась на расстоянии пары шагов. Вооруженная охрана берет нас в плотное кольцо в мгновение ока, сопровождая вниз по лестнице к главной террасе. Чем ближе мы подходим, тем громче становится гул толпы. Я делаю вдох и выдох, пытаясь удержать ровный ритм. *Притворяйся, Вирджиния.* Слуга открывает дверь на террасу, и у меня мгновенно перехватывает дыхание.

Вся площадь забита жителями первых секторов. Все стоят. В первых рядах я замечаю группу журналистов с нацеленными на сцену камерами. Переведя взгляд, я вижу шеренгу людей в серых робах — это приговоренные к смерти, выстроившиеся в ряд перед эшафотом. Их лица, полные покорности судьбе, дико диссонируют с ясным утренним небом, а бритые головы отражают солнечный свет. Их всех обрили наголо. У меня подкашиваются ноги, дыхание застревает в груди. Снова этот паралич.

— Твоя ненависть написана у тебя на лице. Скрывай её лучше или убирайся отсюда, — тихо шепчет Эдоардо, так, чтобы услышала только я.

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Я поворачиваю голову и ловлю его ледяной, косой взгляд. Мне действительно стоит последовать его совету, но тело меня не слушается. Поэтому я просто стискиваю зубы. *Притворяйся, Вирджиния.* Втягиваю воздух носом и шумно выдыхаю ртом, молясь о том, чтобы всё это оказалось лишь затянувшимся ночным кошмаром. Чтобы Дама Анджелина всё еще была жива, чтобы ни один из принцев не испытывал ненависти к другому, чтобы никто из них не носил корону ради того, чтобы изрыгать смертные приговоры. Чтобы никто из них…

— Ваше Высочество, — голос Верховного жреца перекрывает ропот толпы.

Он шествует к нам в окружении жрецов в белоснежных тогах. Его улыбка сияет как никогда прежде.

— В нашей истории еще не было столь могущественного и уважаемого Короля. Вот увидите, после сегодняшнего дня любые мятежи сойдут на нет.

— Начнем? Я не люблю терять время, — холодно бросает Эдоардо.

Стража провожает его на край террасы. Верховный жрец встает по правую руку от него, остальные держатся чуть позади. При виде Короля над площадью мгновенно воцаряется мертвая тишина. Советник протягивает Эдоардо микрофон, и тот берет его. Стоит ему открыть рот, как вспышки фотоаппаратов начинают строчить без остановки.

— Дорогие сограждане. Некоторые из вас сочтут мои действия жестокими, но милосердие не приносит побед. А мы здесь не для того, чтобы проигрывать. Мы здесь для того, чтобы напомнить предателям и каждому, кто примкнет к нашим врагам: королевство ничего не забывает. Я верну этой земле её величие и без колебаний вырву сорняки, отравляющие то, что мы годами строили с заботой и жертвенностью. Любой, кто совершит ошибку, недооценив или предав нас, познает такой ад, что будет молить лишь о смерти. Посему, властью, данной мне Небесами, я приговариваю к смерти…

Я прячу дрожащие пальцы за спину, но жрецы слишком увлечены созерцанием казни, чтобы заметить это. *Притворяйся, Вирджиния.* Каждая секунда превращается в медленную пытку. Я растираю шею, но тиски в груди лишь сжимаются сильнее. Я смотрю на широкую спину Эдоардо: последние крупицы человечности, которые я когда-то пыталась в нем разглядеть, осыпаются прахом с каждым его словом.

Вдруг раздается резкий звук.

Я вздрагиваю. Грохот выстрела, произведенного палачом, разрывает воздух. Меня прошибает крупная дрожь, холодная волна катится по спине. У меня не хватает духу взглянуть вниз; дыхание становится тяжелым, а площадь погружается в тишину, которая кажется бесконечной. Словно все вокруг оцепенели. Затаив дыхание, я слегка подаюсь вперед: двое гвардейцев волокут по земле тело, оставляющее за собой густой кровавый след. Я пячусь на пару шагов назад, будто это способно стереть реальность происходящего. *Притворяйся, Вирджиния.*

Верховный жрец начинает неистово хлопать в ладоши, вовлекая толпу в бурные аплодисменты, которые сопровождаются свистом и криками дикой, противоестественной радости.

Еще один выстрел.

На этот раз тишина длится от силы пару секунд — площадь мгновенно взрывается аплодисментами, улюлюканьем и свистом. Со стороны это кажется футбольным матчем, а не массовой казнью. Эдоардо даже бровью не ведет; его плечи опущены, а взгляд неподвижно прикован к эшафоту.

Еще один выстрел.

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Толпа беснуется в полном экстазе, отбросив всякие приличия, а мою грудь сжимает железный обруч. Эти люди, эти осужденные для них — не живые существа, достойные сострадания, а назойливые мухи, которых нужно раздавить и смешать с грязью. Толпа ревет от восторга при виде смерти тех, у кого отняли даже право считаться людьми.

Еще один выстрел.

Начинается почти безумная овация. Верховный жрец яростно аплодирует, и от этого зрелища мои внутренности буквально выворачивает наизнанку. Массовая истерия, в которой сегодня как никогда отчетливо видна пропасть между теми, кому посчастливилось родиться в сытой части королевства, и теми, кто оказался по неправильную сторону баррикад. От каждого выстрела я содрогаюсь, объятая дрожью и удушающим чувством собственной вины за этот кошмар.

Ясмин

— Осторожнее, — сквозь зубы шепчет Артур.

Его пальцы крепко обхватывают мое предплечье, увлекая вправо. Я едва не спотыкаюсь об обломок бетонной плиты размером в половину моего роста. Я его даже не заметила.

Я бреду вперед, не глядя под ноги, и судорожно всматриваюсь в лица людей, лежащих на носилках у машин скорой помощи. Но никто из них не похож на Ханса, Мари или Лоффи. Дома мы никого не застали, и единственное место, где они могли оказаться — это рынок. Тревога нарастает внутри меня, перехватывая дыхание при каждом вдохе. Вдруг они ранены? Вдруг их задело взрывами? Что, если они тоже погребены под завалами какого-нибудь здания? Царящий вокруг хаос мешает сосредоточиться — со всех сторон доносятся стоны и плач. Перевязанных окровавленными бинтами людей спасатели ведут к каретам скорой помощи; другие раненые лежат прямо на земле, безучастно глядя на разрушения остекленевшими глазами.

— Эта улица выглядела совсем по-другому… здесь начинались торговые ряды, а чуть дальше стояла наша лавка… — слова застревают у меня в горле.

В дальнем конце улицы мелькает зеленая куртка с динозаврами. Точно такая же, как у Лоффи. Я ускоряю шаг, забыв обо всем на свете, паника затапливает разум, лишая способности соображать. Я бегу, спотыкаясь о обломки кирпичей; лодыжки ноют от боли, но я не останавливаюсь, пока не добираюсь до цели.

Я вижу Лоффи. Он сидит на земле рядом с носилками, вокруг которых суетятся трое медиков. Мое сердце пропускает удар. Я застываю на месте, не в силах сделать и шага.

— Это они? — твердым голосом спрашивает Артур.

Я хочу ответить ему, но из горла не доносится ни звука. Двое спасателей приподнимают носилки, а третий распахивает задние двери скорой. Это он. Ханс лежит без сознания, его одежда покрыта толстым слоем пыли, глаза закрыты, а на лицо наложена кислородная маска. Я бледнею, ноги начинают подкашиваться, но рука Артура вовремя подхватывает меня за талию, удерживая на ногах.

— Дыши. Он жив. У него сильные ушибы, но ничего смертельного, — тихо шепчет он мне на ухо. — Мне нельзя показываться им на глаза по понятным тебе причинам. Поэтому сделай глубокий вдох, приди в себя и посмотри на свою маму… видишь её? Сейчас её дочери нужно быть рядом.

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Слова Артура возвращают к жизни мой блуждающий во тьме разум. Я поднимаю взгляд. Мари навзрыд плачет, прижимая к себе Лоффи; слезы оставляют грязные дорожки на её лице, лоб разбит в кровь, а руки мелко дрожат. Преодолевая удушающий ком в горле, я делаю шаг за шагом вперед, продолжая дышать. Лоффи внезапно ловит мой взгляд, выскальзывает из объятий матери и кулачком протирает глаза.

— Сестренка? — бормочет он, не веря своим глазам.

Мари прижимает ладонь к губам, уставившись на меня так, словно я — галлюцинация, пока Лоффи со всех ног бежит в мои объятия. Я крепко прижимаю его к себе, и его крохотные ручки обвивают мою шею.

— Сестренка, — шепчет он, и от его слов мое сердце рассыпается на куски.

Я опускаю его на землю, беру его личико в ладони; слеза катится по его щеке, и я стираю её большим пальцем.

— Прости… — прерывисто выдыхаю я. — Мне так жаль, правда.

Я очищаю его волосы от пыли. Лицо мальчика пересекает царапина, но он улыбается мне во весь рот. Я поворачиваюсь, и мама крепко прижимает меня к себе.

— Доченька моя. — Её голос задушен слезами.

Я растворяюсь в её запахе, который пахнет домом. Одна лишь мысль о том, что я едва не потеряла всё это, уничтожает меня изнутри. Лоффи крепко обхватывает мою ногу:

— Не плачь тоже, сестренка. Папе станет лучше.

Но невидимое лезвие в груди продолжает кромсать мне сердце, и его осколки превращаются в слезы, текущие по лицу.

Никто не тронет мою семью.

Никто.

Больше никогда.

— Семья господина Ханса Дорси?

С замершим сердцем я поднимаюсь на ноги. Лоффи перестает рисовать, а Мари бросается вперед.

— Это мы, говорите, — отвечает мама дрожащим голосом.

— Ему повезло. У него перелом ноги, но он поправится. Удар не задел жизненно важные органы… — Вздох облегчения срывается с моих губ. Врач продолжает шевелить губами и что-то говорить, но я его больше не слышу. Я прижимаю руку к сердцу; кислород вновь наполняет легкие, а удушающая тяжесть растворяется без следа. — …КТ отрицательная, но ему придется остаться под наблюдением как минимум на три дня.

— Мы можем его увидеть? — лепечу я.

Он кивает и указывает рукой на коридор:

— Прошу, я вас провожу.

Мари вытирает слезы платком и убирает его в карман. Я беру Лоффи за руку, и вместе мы следуем за доктором. Зона ожидания в больнице кишит такими же семьями, как наша, — все они ждут новостей, способных облегчить их боль после этой внезапной трагедии. Мы проходим мимо вереницы коек, на которых лежат другие пострадавшие от взрывов — с загипсованными ногами и вывихнутыми плечами. Я пытаюсь заслонить Лоффи обзор: его глаза испуганно блуждают среди всей этой крови, а пальцы сжимают мою ладонь всё сильнее. Я поглаживаю его по спине, пока мы не

доходим до палаты номер 301. Врач жестом приглашает нас войти; Лоффи выпускает мою руку и вбегает внутрь, мы поспешно следуем за ним.

— Настоящих Дорси так просто не сломить, — посмеивается Ханс своим густым голосом, который я никогда прежде не была так счастлива слышать.

Его правая нога полностью обездвижена гипсом от кончиков пальцев до самого колена, а лоб обмотан белым бинтом. Лоффи усаживается на его здоровую ногу и бросается отцу на шею. Мари обнимает его, и слеза скатывается по её щеке, наконец отпуская страх, который держал её в оцепенении все эти часы.

С повлажневшими глазами я смотрю на них со стороны — они как прекрасная картина, которую я боюсь осквернить, и застываю на пороге. Я смакую каждую секунду этой чистой, невероятной сцены. Ханс щекочет Лоффи, тот брыкается и заливисто хохочет:

— Мама, останови его!

Мари ласково щиплет мужа за правую щеку:

— Ох, и кто это тут у нас был непобедимым героем?

Улыбка касается моего лица, и прежде чем я успеваю это осознать, слезы катятся по щекам. Я едва не лишилась всего этого. Людей, которые приняли меня, когда у меня не было даже имени; которые научили меня быть кем-то, когда я понятия не имела, кто я; которые поддержали меня, когда мой разум превратился в чистый лист. Они дали мне личность, новые воспоминания и дом, за который можно зацепиться, чтобы не чувствовать себя пустотой. И я едва не потеряла их навсегда.

Ханс ловит мой взгляд:

— Чего ты там стоишь с такой кислой миной? — Он раскрывает объятия. — Не хочешь обнять старика?

Я подхожу к краю постели, и он притягивает меня к себе, сгребая в охапку вместе с Лоффи и крепко прижимая к своей груди. Ручка Лоффи гладит меня по плечу, Мари наклоняется и целует меня в лоб.

— Теперь вся семья в сборе, — шепчет она.

И что-то в моем разбитом сердце наконец срастается воедино.

Я стою перед дверью дома Олсенов, пока ледяной ветер покалывает кончик носа. Делаю вдох и стучу. Ручка поворачивается влево, и на пороге появляется Аласи. Осунувшиеся щеки, волосы собраны в хвост, на плечах — черный кардиган до самых колен.

— Ясмин… — шепчет она с легким удивлением в голосе.

— Парни здесь?

Она моргает:

— Д-да, они внутри. Проходи, не стой на пороге.

Я не могу не заметить небольшой марлевый повяз на её левой руке — тот самый, из-за которого я несколько дней изнывала от чувства вины, будучи уверенной, что покалечила её. А она просто потешалась надо мной. Я сглатываю горький привкус, разливающийся во рту, и молча киваю. Иду за ней в гостиную под тяжестью её изучающего, внимательного взгляда.

— Хочешь присесть? — Она указывает на кожаные диванчики.

— Я постою.

— Остальные внизу, я отправлю им сообщение… погоди. — Она достает мобильный из кармана джинсов и быстро стучит по клавиатуре. — Может, налить тебе

чего-нибудь пока? — Нанук убирает телефон обратно, выдавливает улыбку и касается кончиков своих волос. Она на взводе.

— Нет, спасибо.

Аласи кивает:

— Твой отец в порядке? Артур сказал мне, что…

— Если ты и так всё знаешь, зачем спрашиваешь? Тебе доставляет удовольствие слушать, как я повторяю одно и то же?

Она хватает ртом воздух с таким видом, будто в этой ситуации пострадала она, а не я.

Я выгибаю бровь:

— Что такое? Начнешь уверять, что никогда не хотела мне лгать? Я это уже слышала, но сути дела это не меняет.

Она качает головой:

— Если ты знаешь правду, то знаешь и то, что у нас не было особого выбора. Но моя привязанность к тебе всегда была искренней. Клянусь тебе, я относилась к тебе как к подруге и никогда в этом не притворялась.

Кровь закипает в моих венах с такой силой, что я больше не способна сдерживаться.

— Какая подруга позволит тебе поверить, будто ты её сожгла? Какая подруга играет на твоих страхах? Ты знала, что ради семьи я пойду на всё… — Я направляю на неё указательный палец, мой голос дрожит, хоть я и изо всех сил пытаюсь сохранять внешнее спокойствие. — …ты знала это, и несмотря ни на что решила лгать мне, используя каждую мою слабость в ваших интересах. Знаешь, это дерьмо больше нельзя называть дружбой. Больше нет.

Она приоткрывает рот, её глаза темнеют, а руки бессильно падают вдоль тела. Я тяжело, прерывисто дышу. Я думала, что мне станет легче, но мое глупое сердце сжимается от боли при виде её сокрушенного вида. *Нельзя уступать.* Она лгала мне с самого начала, она не заслуживает пощады, и я не должна размякать.

Звук шагов заставляет меня обернуться. Элайджа внимательно изучает меня, прежде чем опереться на боковую колонну. Нанук переводит взгляд с меня на сестру, тяжело опускается в кресло напротив и чешет затылок.

— Что здесь происходит?

— Ничего, — отрезаю я.

Аласи сжимает кулаки, но не роняет ни слова, упорно разглядывая пол.

— Ты хотела нам что-то сказать? — вздыхает Артур.

Белая футболка плотно облегает его грудь, подчеркивая рельефные мышцы. Он заходит в гостиную, и кажется, будто центр комнаты мгновенно смещается вслед за ним. Словно он обладает силой менять гравитацию по собственному желанию. *Да что за бред я несу, это невозможно.* Он садится в кресло прямо передо мной.

— Мы тебя слушаем. — Артур опирается локтем о подлокотник и кладет подбородок на ладонь.

Я набираю в легкие воздух и шумно выдыхаю:

— Ты сказал, что со мной ваши шансы выиграть эту войну возрастают, верно?

— Верно, — отвечает он.

— У меня три условия.

Элайджа и Нанук переглядываются — в их быстрых взглядах читается смесь замешательства и недоумения.

Артур склоняет голову набок:

— Я слушаю.

Я загибаю первый палец — указательный:

— Никакой лжи. Я хочу быть в курсе абсолютно всего. Всегда. И если я поймаю вас на очередном вранье, я выхожу из игры.

— По рукам.

Загибаю второй палец:

— Я никого не убью. Я не убийца и не живое оружие.

Он недовольно кривит губы:

— Возможно, со временем ты изменишь свое мнение на этот счет, но сейчас я не стану настаивать. Продолжай.

Загибаю безымянный палец:

— Если что-то пойдет вразрез с моими ценностями, я остановлюсь.

Артур прикусывает щеку изнутри, и между нами повисает тяжелая тишина. Наконец он приоткрывает губы:

— Всё?

Я киваю.

— Я согласен, — отвечает он.

Я удивленно моргаю:

— А вы разве не должны это обсудить?

Он слегка улыбается:

— Элайджа, Нанук, Аласи… вы согласны? — Они синхронно и безмолвно кивают, и Артур поджимает плечи. — Как я и сказал, я принимаю условия. Но всё будет прокручиваться строго под моим руководством, и крайне важно, чтобы ты не смела действовать на свой страх и риск.

— Я буду делать то, что посчитаю правильным, — парирую я.

— Разумеется. Вот только, скажем так, никто здесь не знает врага лучше меня. Так что будь добра, хотя бы на этот раз засунь свой капризный, избалованный характер поглубже и сотрудничай.

Я пропускаю мимо ушей то, как он только что окрестил мой нрав, — у меня нет желания препираться, и уж точно не с ним.

— Это всё? Мне нужно возвращаться в больницу.

Он поднимается на ноги:

— Это всё. Номер Аласи у тебя есть. Она напишет тебе, когда нужно будет прийти, чтобы разобрать план и те этапы, где потребуется твое вмешательство. И, само собой, я рассчитываю на то, что ты будешь чертовски много тренироваться с огнем. Просто швырять его вправо и влево будет недостаточно.

— Я стану сильнее, — обещаю я. — Если это всё… — я разворачиваюсь, собираясь уйти, но голос Нанука заставляет меня замереть.

— Погоди! — Он вскакивает с кресла и достает из кармана телефон. — Мы подбросим тебя до больницы, я сейчас вызову водил…

— Нет, — жестко прерываю я его. — Я доберусь сама.

После всей их лжи я не собираюсь полагаться на них больше необходимого, и, кажется, они улавливают мой посыл. Нанук застывает с мобильным в руке, но всё же согласно, хоть и неохотно, кивает. Я поворачиваюсь к выходу.

— И последнее, — громко окликает меня Элайджа, заставляя притормозить. — Почему ты изменила решение?

Стоя к ним спиной и физически ощущая, как их взгляды буквально прожигают мне лопатки, я приоткрываю рот:

— Потому что никто и никогда больше не посмеет тронуть мою семью.

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Глава 20

Твое тело — моя любимая карта, я мог бы бесконечно теряться, любуясь красотой каждого твоего изгиба. Словно фарфоровый сосуд, под который мои руки подстраиваются сами собой. Нет ни единого сантиметра, который не отзывался бы на мое прикосновение.

— Письмо номер 287

Артур

Ясмин

Артур — это Зло, а я каким-то абсурдным образом представляю собой реинкарнацию его Невесты, проклятой за то, что полюбила его. Мы связаны в каждом пространстве и измерении несчастной судьбой. Как вообще такое принять? Я качаю головой и запускаю пальцы в волосы. Чем больше я об этом думаю, тем больше это кажется безумием, лишенным всякого логического смысла. Мне следовало переварить всю информацию за эти два дня, но я до сих пор чувствую, что схожу с ума. Я делаю глубокий вдох, упираюсь локтями в стол в доме Олсенов, пока носок моей ноги нетерпеливо постукивает по полу. Я сижу здесь, затаив дыхание, в ожидании, когда мне объяснят этот пресловутый план — может, тогда все эти узлы распутаются и я наконец смогу спать по ночам.

— Сестренка! Ты тут? Мне можно идти?

Я моргаю. Лоффи дергает меня за рукав и обиженно поджимает губы. Мари не может и дальше держать его в больнице вместе с Хансом — это не место для ребенка его возраста. Надеюсь, он не заставит меня пожалеть о том, что я притащила его с собой.

Я вздыхаю:

— Ничего не ломай, никуда не убегай и во всем слушайся господина Джеффера. Договорились?

Он кивает, его лицо мгновенно озаряется улыбкой, и он прыгает на месте, словно щенок в ожидании лакомства. Я перевожу взгляд на водителя Олсенов с глубокой благодарностью:

— Спасибо вам огромное. Как только закончу, сразу приду и заберу его.

— Ну что вы, госпожа Ясмин. Идем в сад, чемпион!

Лоффи без раздумий хватает его за руку, и вместе они выходят за дверь, скрываясь из виду. Я зеваю, глубоко вздыхаю и тру ладонями глаза — веки так и наливаются свинцом. Это всё от хронического недосыпа, но мой мозг наотрез отказывается отключаться.

— Теперь я сплю не больше четырех часов подряд, — бормочу я себе под нос.

Слишком много вещей, которых я не понимаю, слишком много событий вне моего контроля. Достаю телефон из кармана куртки, пролистываю историю ночных запросов и открываю самую нижнюю статью: *«Чудовище, восставшее из пепла, обреченное истребить человечество»*.

Листаю пальцем, пробегая глазами очередное описание, где его сравнивают с бездушным демоном. Мне нужно знать больше. Как он стал самым разыскиваемым существом на планете? Как ему удавалось выживать до сих пор? И как именно мы связаны? Я пропускаю целые абзацы — их я уже могу цитировать наизусть, все они

лишь упрямо твердят о кошмарном, нечеловеческом монстре. Вдруг я застываю, прищуриваюсь, дыхание замедляется: *«Из священных писаний нам известно, что одолеть его необходимо до того, как явят себя три знамения и его пробуждение завершится»*.

Священные писания. Я лихорадочно напрягаю память. Мари или Ханс когда-то упоминали их, но я плохо помню. *«Как только свершатся все три знамения, Зло вернет себе былую полноту власти, и победить его станет практически невозможно»*.

Шум шагов заставляет меня погасить экран. Я поднимаю голову и встречаюсь взглядом с Нануком.

— Привет, Ясмин. Я провожу тебя в зал совещаний. Сама понимаешь, о подобных вещах в гостиной не говорят.

Я киваю и прячу телефон в карман. Иду на шаг позади него. Тишина — это вообще не про Нанука, но сейчас его взгляд кажется каким-то мрачным. Ну, на его месте я бы тоже ходила тучей после того видео Короля Америки. От одного воспоминания по коже пробегают мурашки, и я передергиваю плечами, чтобы прогнать это чувство. Мы проходим по коридору, увешанному семейными фотографиями. На одной из них отец близнецов широко улыбается, обнимая их сзади.

— Послушай… — бормочет Нанук. Он замедляет шаг, и наши руки на мгновение соприкасаются. — Я знаю, что ты имеешь полное право не доверять нам, и то, что ты согласилась присоединиться, кажется мне почти чудом… — Он заводит руку за затылок.

Я поджимаю губы:

— Говори уже, я не кусаюсь.

— У Аласи не было выбора, но она никогда не относилась к тебе как к пешке, честно. Она не раз выступала против, но ты еще не была готова узнать правду, а открой мы карты раньше — это погубило бы весь план и подвергло бы всех нас опасности. Знаю, звучит как заезженная пластинка, но это правда. Она считает тебя подругой. У неё годами не было друзей. Наверное, это вообще первый раз, когда ей кто-то искренне понравился.

Уголки моих губ невольно приподнимаются. Если бы Аласи попросила его о помощи, Нанук сначала лег бы костьми, заставил бы её умолять, помучил ожиданиями и демонстративно отказал. А теперь посмотри на него. Пытается защитить её так, чтобы она даже не узнала. Они из тех братьев и сестер, которые на людях не потратят ни капли сил, чтобы помочь друг другу. Стоит одному упасть, другой сначала снимет это на видео, чтобы шантажировать всю оставшуюся жизнь, и лишь потом поможет подняться. Но в критический момент они без колебаний отдадут жизнь друг за друга.

— Нанук Олсен, защищающий свою сестру-близнецу. Конец света и впрямь не за горами, — вздыхаю я.

Он кривит рот в забавной гримасе:

— Настолько близко, что этот разговор, надеюсь, останется исключительно, между нами.

Я слабо улыбаюсь. Он останавливается перед белой дверью и распахивает её.

— Прошу, после тебя, — шепчет негромко.

Я делаю шаг вперед, и мое сердце мгновенно пускается вскачь. Под кожей вспыхивает мощный разряд, пробегая по венам и заставляя волоски на руках встать дыбом. Я лихорадочно озираюсь, как наркоманка в поисках очередной дозы, и замечаю его в самом конце стола. Артур. Мое тело распознает его раньше, чем органы

чувств. Я делаю вдох, расправляя грудную клетку. Как же я ненавижу эту непроизвольную реакцию. Он притягивает меня как магнит, и это чертовски пугает. Но этот ураган эмоций внутри меня определенно вызван тем самым дурацким, проклятым проклятием, что нас связывает. Абсолютно невозмутимый, он перелистывает стопку документов и один за другим передает их сидящему справа Элайдже. Артур облизывает губы, и это движение кажется мне до жути медленным, будто кадры кинопленки замедлили перед моими глазами. У меня едва дыхание не перехватывает. Я тут же отвожу взгляд, сердце колотится у самого горла, и я судорожно растираю шею. Нужно успокоиться, ведь я помню, что он слышит мой стук, а это смущает до смерти.

— Рад встрече, Ясмин. Проходи, садись сюда. — Элайджа отодвигает стул по правую руку от себя, и я подхожу.

Тусклый свет струится из окна, ложась на деревянный стол и карту на стене. Тень, напротив, густо окутывает пробковую доску, на которой я узнаю лицо Короля Эдоардо. Других мужчин, чьи фотографии наколоты вокруг него, я никогда раньше не видела. Их соединяют красные нити, скрепленные в разных местах канцелярскими кнопками. *Что это? Место преступления?* Я прищуриваюсь: под каждым снимком идет список с кратким досье и личными данными.

— Никогда не видела доску улик? — голос Артура вырывает меня из раздумий.

Я опускаюсь на стул рядом с Элайджей и поворачиваюсь к нему:

— Похоже на логово серийного убийцы с обсессивно-компульсивным расстройством.

— Жаль. Если бы не компульсивное, я бы с тобой согласился.

Я закатываю глаза:

— И что это за люди?

Элайджа откашливается и поднимается на ноги:

— Аласи еще не вернулась, но мы можем начинать, — объявляет он, проходя в угол комнаты.

Он подходит к глянцевой маркерной доске на мольберте. Краем глаза я замечаю, как Нанук садится позади меня.

— Мы потратили два года на разработку безупречного плана. Теперь, когда с нами ты, Ясмин, вероятность ошибки сведется к минимуму, а дело пойдет быстрее. Но перейдем к сути. — Он берет черный маркер и чертит схему. — План состоит из четырех частей.

— Из четырех? — переспрашиваю я.

— Ты теперь еще и глухая? — раздраженно бормочет Артур.

Я одариваю его ледяным взглядом, который он благополучно игнорирует, и с трудом заставляю себя промолчать.

— Да, из четырех частей, — мягкий тон Элайджи немного усмиряет мой гнев. — Твоя помощь потребуется уже на первом этапе — при уничтожении ресурсов. — Он делает запись на доске, и я слежу глазами за его рукой. — Один из вас подожжет склады, расположенные вдоль побережья Королевства Америка. Их необходимо уничтожить одновременно, иначе их армия успеет вас перехватить, и на этом игра закончится. В это же время второй подожжет грузовики со снабжением.

Я хмурюсь. Я-то думала, что это план против Короля Эдоардо, а не против продовольственных запасов и складов королевства. Я озвучиваю свои сомнения:

— И для чего конкретно это нужно?

Элайджа открывает рот, чтобы ответить, но Артур перебивает его смешком, заставляя мои нервы натянуться струной.

— Ты думала, весь план сводится к тому, чтобы устроить им показательную порку и помахать ручкой на прощание?

Я приоткрываю рот, готовая огрызнуться, но он опережает меня:

— Я не для того потратил два года своей жизни, чтобы дать им легкую пощечину. О нет. — Он качает головой и вновь становится серьезным. Что-то мрачное и одновременно безумное искажает черты его лица. — Мы уничтожим их изнутри, но спешить не будем. Мы нанесем удар сначала справа, потом слева, затем снизу… а почему бы и не сверху? — Он двигает головой в такт своим словам. — Мы запутаем их так, что они предпочтут умереть, нежели жить с петлей на шее. Каждый день они будут засыпать и просыпаться в ужасе перед нашим новым ударом. Каждая секунда превратится для них в чистую пытку. Мы сведем их с ума.

Он улыбается с таким видом, словно смакует изысканный шоколадный десерт, а не излагает план по уничтожению целой страны. Слова застревают у меня в горле. Кто-то слегка касается моего плеча, и я оборачиваюсь.

Нанук улыбается с полным ртом попкорна.

— Моя любимая часть — вторая, — мычит он, запуская руку в целлофановый пакет.

И откуда он только его взял? Один вещает о дьявольском плане тотального разрушения, а второй жрет попкорн, будто пришел в кинотеатр.

— Что будет во второй части? — шепчу я, понимая, что они, пожалуй, способны задумать поджог даже мирных ферм.

— Во второй части, — продолжает Элайджа, — мы проникнем во дворец.

Я удивленно хлопаю ресницами, уверенная, что это какая-то глупая шутка, но лицо Элайджи остается абсолютно бесстрастным. Я недоверчиво перевожу взгляд с одного на другого.

— Вы мне уши прожужжали тем, что они идут по нашему следствию, и что если нас поймают — убьют… а теперь вы собираетесь вломиться к ним домой?

Улыбка Нанука становится еще шире:

— Это будет самый захватывающий момент — увидеть, как этот ублюдок Эдоардо впадает в панику. Чистая магия.

— Это займет от силы пару часов, не больше. Мы уйдем сразу же, как только достигнем цели, — настаивает Элайджа. Он пишет иностранное имя на доске и дважды обводит его кружком. — Нам нужно вытащить одного человека и забрать его с собой. Жрецы держат его в своих подземельях, истязая психологически и физически.

Меня передергивает от одной мысли о подобном кошмаре:

— Этот человек тоже проклят?

— Нет, — отвечает Артур, и его тон резко меняется. — Не совсем. Этот человек расплачивается за то, в чем абсолютно не виноват. Мы обязаны забрать его до того, как перейдем к остальным этапам плана, иначе они могут использовать его для шантажа или просто убить в отместку.

Эта часть плана начинает обретать хоть какой-то смысл в отличие от первой.

— То имя на доске — это его? — спрашиваю я.

Элайджа кивает:

— Да, его зовут Рантал.

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Рантал. Как странно. Я уже где-то слышала это имя, но никак не могу вспомнить где. Я чешу затылок и напрягаю извилины; чем дольше я вглядываюсь в буквы, тем более знакомыми они мне кажутся.

— Третий и четвертый этапы плана — финальные, — возобновляет объяснения Элайджа. — На третьем мы вернемся в королевство, но на этот раз — чтобы остаться там и взять под контроль беднейшие земли. Они называют их «внешними секторами». Мы уже протянули несколько нитей в тени, и теперь жители тех земель до смерти ненавидят своего Короля.

Я удивленно выгибаю брови. Я понятия не имею, что это значит на деле, но ясно одно:

— Эта часть — чистой воды самоубийство, — едва слышно бормочу я себе под нос.

— У нас свои стратегии, но тебе о них знать еще рано, так что просто слушай, — парирует Артур своим привычным раздраженным тоном.

Он меня услышал. Ну конечно, какая же я глупая — он ведь чувствует даже биение моего сердца.

— Это лишь общая картина. По мере приближения к цели мы будем объяснять тебе каждый шаг. Пока лучше дать тебе представление в общих чертах, иначе мы рискуем перегрузить тебя информацией, — произносит Элайджа, переводя маркер к четвертому пункту. — Последняя часть плана — решающая атака. К тому моменту мы уже будем находиться на вражеской территории, и нанести удар оттуда окажется гораздо проще.

— Проще? — я морщу нос. — Мы окажемся на их земле, они окружат нас своими жуткими армиями, и никто из нас не выберется оттуда живым.

— У нас есть союзники, мы всё объясним в свое время. А сейчас самое главное — это…

Голос Лоффи врывается в комнату подобно урагану. Он яростно колотит ладошками по окну и смешно плющит нос о стекло:

— Сестренка! Я нашел тебя с помощью своих сил Зла!

Худшего момента для этого просто не существовало. Он и его чертов пунктик. Моя челюсть буквально падает на пол. Лоффи вовсю машет рукой, и Нанук машет ему в ответ — единственный, кого забавляет эта нелепая ситуация.

— Мне не послышалось? Он сказал: «с помощью моих сил Зла»? — спрашивает Элайджа.

Лоффи разворачивается, изображает звук мотора и с поднятым вверх кулаком принимается носиться по саду. Артур хмуро разглядывает его, Нанук улыбается во весь рот, а Элайджа растерянно хмурит лоб.

Я неловко прочищаю горло:

— Ну… он просто обожает легенду о Зле.

В комнате воцаряется ледяная тишина, будто я сейчас сморозила величайшую глупость в мире. Нанук внезапно взрывается оглушительным хохотом и начинает кашлять, подавившись попкорном:

— Артур, кто бы мог подумать! У тебя появился фанат!

У Артура становится такой вид, словно он только что целиком проглотил кислый лимон.

— Что этот карлик вообще здесь делает?

Я хватаю ртом воздух. Человек, в котором нет ни капли уважения ни к одному живому существу на этой планете.

— Этот карлик — мой брат, — огрызаюсь я.

— И что с того? Какого черта он тут делает?

— Мама в больнице с папой, и… — я осекаюсь. С какой стати я вообще перед ним оправдываюсь? Я беру себя в руки. — Тебе-то какая разница? Он идет туда же, куда и я.

Он пару раз разминает шею вправо-влево, бормочет сквозь зубы что-то невнятное и тихое, отчего Элайджа начинает кашлять, косясь на него. Что он сейчас сказал? Готова поспорить, очередную бессердечную гадость в своем стиле.

— Возвращаясь к делу, Ясмин, время не ждет, и нам нужно шевелиться, — берет слово Элайджа. — Мы сосредоточимся на первом этапе плана. Вы с Артуром будете тренироваться, чтобы призвать пламя такой силы, которую пожарные не смогут потушить мгновенно. Артур займется прибрежными складами, а ты — грузовиками со снабжением. Судя по нашим данным, их должно быть около пятидесяти.

Я округляю глаза:

— Я должна сжечь пятьдесят грузовиков за… какое время?

— У вас будет ровно двенадцать минут. Мы изучили их маршруты: около полуночи наступает промежуток времени, когда машины останавливаются на границе. Водители выходят и идут в придорожное кафе, чтобы умыться и зайти в туалет. В этот момент ты и начнешь действовать.

Да это физически невозможно — сжечь пятьдесят грузовиков за двенадцать минут. У меня все силы уходят на то, чтобы просто призвать и удержать один огненный шар.

— К чему эта кислая мина? — спрашивает Артур.

Его глаза впиваются в мои, сканируя каждый миллиметр моего лица, и с пугающей легкостью проникают в мои мысли.

— К тому, что в этом плане есть огромная брешь. Я никогда не могла удерживать огонь дольше пары минут, вы сами это видели. И потом, как он сможет поджигать склады и одновременно помогать мне с грузовиками? Мы ведь будем порознь, а я никогда не управляла огнем вдали от него.

Тяжелый груз ложится мне на плечи; я пытаюсь стряхнуть его, но безуспешно.

— Во-первых, я буду тебя тренировать. Твоя сила напрямую связана с моей. — Артур требовательно постукивает пальцем по столу.

— И этого хватит?

Тяжелый вздох срывается с его губ, словно призывая меня заткнуться.

— Во-вторых, я буду близко. В нескольких метрах от тебя.

Я выгибаю бровь. Что-то здесь не сходится, и мысли окончательно путаются.

— Это невозможно. Элайджа сказал, что склады находятся на побережье, а я буду у границы. Это совсем не близко.

— Артур тренируется уже два года, Ясмин, — вмешивается Элайджа. — Он способен поджигать объекты на расстоянии силой мысли, но только если видит цель. А с границы побережье королевства отлично просматривается. Разумеется, это будет невероятно сложно, и я подозреваю, что этот рывок опустошит его до предела, но другого пути у нас нет.

Я растерянно перевожу взгляд с одного на другого. Из-за одного несчастного файербола мои ноги превращаются в желе, а он… он способен испепелить что-то за километры отсюда, просто глядя на цель?

Артур поднимается на ноги и упирается в меня взглядом. Внезапно я чувствую себя такой крошечной перед лицом его могущества.

— У нас мало времени. Остальные вопросы задашь во время тренировки. Начинаем немедленно.

— Да, каждая секунда на счету, время поджимает, — кивает Элайджа, откладывая маркер на край мольберта.

Они говорят об этом безумном проекте так, будто его исполнение назначено на завтра… Погодите-ка.

— Когда планируется первый этап?

Элайджа приоткрывает губы:

— Через три дня.

Я прерывисто, тяжело дышу, согнувшись пополам и уперевшись руками в колени, пока пот градом катится со лба. Кажется, я действительно готова грохнуться в обморок в любую секунду.

— Дыши медленнее, делай вдох. — Голос Элайджи направляет меня; он опускается на колени рядом со мной, сжимая в руках коричневый блокнот.

Я буквально валюсь на землю. Мышцы рук сводит болезненными спазмами, и от одной мысли о том, чтобы пошевелить хотя бы пальцем, меня бросает в дрожь. Я пытаюсь наполнить легкие воздухом, но кислород поступает лишь крошечными порциями.

— Это… не… возможно, — задыхаюсь я.

Артур мгновенно сокращает расстояние, между нами, хватает меня за предплечье и рывком поднимает на ноги.

— Ты должна приучить свое тело справляться с нагрузкой. Нет ничего невозможного.

Я покачиваюсь и бессильно наваливаюсь всем телом на его руку.

— Я… не ты.

— Ты — Невеста Зла, и ты не используешь и десяти процентов своей силы. Ну же, еще раз. Ты должна отчетливо представить в своей голове пять потоков огня и зацепиться за ту мысль, которая помогает тебе его высвободить.

— Я так и делаю, — цежу я сквозь зубы, а затем поворачиваюсь к Элайдже и с трудом приоткрываю пересохшие губы. — Мы… не можем… отложить атаку? — хриплю я.

Он качает головой:

— К сожалению, нет. У нас будет лишь одна возможность ударить по обеим целям одновременно. И эта возможность представится в среду — единственный день, когда грузовики сделают остановку у границы. Перенести штурм — значит упустить драгоценный шанс, что усложнит всё до предела.

Я делаю вдох носом и выдох ртом; жар буквально выжигает меня изнутри, температура тела стремительно растет. Как бы мне хотелось сейчас рухнуть в ледяную ванну. Я держусь на ногах лишь благодаря руке Артура, крепко сжимающей мое предплечье, но как мне выдержать это?

— Ты дошла до трех одновременных потоков пламени, — Элайджа поднимается и делает пометку в блокноте. — Нам необходимо пять. Грузовики будут стоять колоннами

по десять машин, и это единственный способ сжечь их до того, как патрули поднимут тревогу и начнется детонация. Но ты должна научиться черпать силу напрямую из Артура, чтобы не чувствовать себя такой истощенной.

Легко сказать. Я с трудом сглатываю слюну, пытаясь хоть немного увлажнить пересохшее горло, но от одной мысли о том, чтобы повторить всё это в сотый раз, к горлу подкатывает тошнота. Нельзя блевать прямо здесь.

Пальцы Артура медленно скользят вниз по моей руке, а затем он останавливается и переплетает свои пальцы с моими. Приятный электрический разряд мгновенно прошивает кожу, заставляя ладонь покалывать.

Я поднимаю голову:

— Что ты со мной делаешь?

Я пытаюсь высвободить руку, но он лишь крепче сжимает ладонь.

— Помогаю тебе, иначе ты рискуешь превратиться в живой факел. Тебе нравится такая перспектива?

— Я не думаю, что…

Он заходит мне за спину, по-прежнему удерживая мою левую руку, а второй своей рукой перехватывает мою правую. Он наклоняет лицо к моей шее, и его дыхание щекочет кожу. Обхватив своими длинными пальцами мои, Артур плавно поднимает мои руки вверх.

— Эта сила связана со мной, — шепчет он тихим голосом. — Посему закрой глаза и позволь мне вести тебя.

Я бросаю отчаянный взгляд на Элайджу, но вижу, как тот кивает, призывая меня довериться.

— Я делаю это не потому, что верю тебе, уясни это раз и навсегда, — хриплю я, но он ничего не отвечает.

Прерывисто дыша, я закрываю глаза, и энергия начинает струиться в тех точках, где его кожа соприкасается с моей. Он смыкает пальцы вокруг моих рук, и жар покидает мое тело, перетекая в его ладони, словно Артур способен впитывать его одним лишь прикосновением. Волна внезапного облегчения захлестывает меня с головой. Я опускаю плечи, и даже напряженные мышечные волокна расслабляются. Что, черт возьми, он со мной делает? Я прижимаюсь спиной к его груди; руки больше не ноют от боли, как прежде, и даже дыхание возвращается в норму.

— Сосредоточься, — бормочет Артур, и его голос вибрирует глубоко внутри меня.

Он убирает левую руку и плавно скользит ею по моему бедру. В каждой точке, которой он касается, напряжение ослабевает и тает, и каждый сантиметр моей кожи буквально умоляет о контакте, которого я не должна желать. Боже, как же я ненавижу то, как мое тело откликается на него. Я совершенно себя не контролирую, и это сводит меня с ума. Я словно была создана лишь для того, чтобы подчиняться его пальцам, — и это полнейший абсурд. Его ладонь останавливается на моем животе, в одной из самых уязвимых зон, которая острее всего реагирует на его близость.

— А теперь представь пять потоков пламени. — Его горячее дыхание обжигает мне шею.

Я делаю вдох и мысленно прохожу тот же путь, что повторяла уже десятки раз. Вызываю в воображении первый поток пламени, второй, третий. Легкое, щекочущее покалывание пробегает по моей правой руке, но я игнорирую его и концентрируюсь на двух оставшихся потоках. Я пытаюсь спроецировать четвертый и пятый, но их очертания дрожат, а пламя выглядит блеклым на фоне остальных. Я хмурюсь: у меня

не получается удержать этот образ в голове, и он начинает медленно рассеиваться против моей воли. Точь-в-точь как во все предыдущие разы. Я качаю головой, но Артур мягко гладит мой живот, очерчивая пальцами небольшие круги по часовой стрелке, и вихрь чистой энергии мгновенно согревает мою грудь, поднимается по руке и вырывается наружу через ладонь, которую он крепко сжимает в своей.

Я распахиваю глаза и едва не падаю на пол.

— Вот они, — шепчет Артур. — Пять огненных сфер.

Я потрясенно моргаю.

— Ч-что это значит? — Я уставилась на них широко раскрытыми глазами, будто вижу впервые в жизни.

Огромные, в три раза больше меня, они парят в воздухе, и по ним пробегают хаотичные алые всполохи.

Артур отпускает меня, и мое тело тут же болезненно ощущает пустоту его отсутствия, но я быстро маскирую это, скрестив руки на груди. Мало того что мышечная боль бесследно исчезла, так еще и огненные сферы продолжают неподвижно висеть прямо передо мной.

— Феноменально! — ликует Элайджа, в его глазах отражается синева пламени.

— Как… ты… что это…? — шепчу я. Слова буквально ускользают с моих губ. — Как ты это сделал? — выдыхаю я всё на одном дыхании.

Сейф, от которого он знает каждый шифр и который забавляется запирать и отпирать бесконечное количество раз. Вот кто я в его глазах.

Он склоняет голову набок и прячет руки в карманы джинсов:

— Я ведь уже говорил тебе: ты — Невеста Зла. На твоем теле нет ни единого сантиметра, который посмел бы ослушаться моих команд.

Он говорит так, словно я принадлежу ему в любой из эпох и в каждом из измерений.

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Глава 21

Вот я снова пишу в этом глупом дневнике, потому что если я не буду доверять бумаге свои мысли, то в конце концов сойду с ума. Здесь, во дворце, мне совершенно не с кем поговорить: Артур вечно занят своими обязанностями наследного принца, а отец пропадает на национальных ассамблеях, где без конца превозносит его, напрочь вычеркнув меня из своей памяти. Но на этот раз я им ни капли не завидую, ведь сегодня при дворе появилась новая служанка. Она из внешних секторов, но её лицо вовсе не грязное и не уродливое, как благородные привыкли описывать тамошних людей. Она — самое прекрасное создание, что когда-либо переступало порог этого дворца. Я спросил Даму, собирается ли она оставить её при дворе или отошлет обратно домой; она ответила, что примет решение по окончании испытательного срока. Но я очень не хочу, чтобы она уходила. Поэтому я отдал приказ оставить её, и теперь каждое утро я забываю обо всем, просто наблюдая за ней.

— Дневник Эдоардо

Королевство Америка

Вирджиния

Я листаю страницы со скоростью ракеты, строчки сливаются перед глазами, но время играет против меня. Мне нужно найти хоть что-то, и как можно скорее. Эдоардо и Жрецы вот-вот разнесут в щепки века хрупкого мира… собственно, они уже это делают. Достаточно мимолетной искры, чтобы посыпались новые приговоры и казни. И въевшиеся в землю кровавые следы под окнами дворца — лучшее тому подтверждение.

— Не отвлекаю? — Пит, придворный библиотекарь, ставит на стол чашку кофе и мягко улыбается мне.

— Спасибо, — шепчу я.

Он удаляется, заложив руки за спину, и скрывается среди запыленных стеллажей опустевшей библиотеки. Я разминаю шею вправо-влево, перевожу взгляд на стопку книг перед собой и мысленно считаю. Пять. Осталось всего пять книг по священным писаниям, и я официально перечитаю абсолютно всё о проклятии Зла, что прячут в этой забытой богом глуши. Делаю глоток кофе и вновь принимаюсь за работу.

Вытягиваю книгу из стопки и изучаю её от корки до корки. Информация упрямо повторяется — одни и те же слова, одни и те же стихи в каком-то бесконечном замкнутом круге. Пожалуй, я просто теряю время. Возможно, здесь нет ничего нового, и всё это лишь мои пустые надежды. Но что еще мне остается делать? Шумно выдыхаю, закрываю книгу и приступаю к следующей. Я не могу безвольно стоять в стороне и смотреть, как Эдоардо превращается в марионетку в руках Жрецов, ведомый безумной паранойей, которая не дает ему спать по ночам.

Артур. Старший брат, рожденный защищать его, который теперь живет лишь ради того, чтобы его уничтожить.

Я захлопываю книгу, открываю еще одну, быстро перебираю пальцами страницы, но тщетно. Ничего не нахожу ни в этой, ни в двух последующих. Теперь передо мной лежит последний фолиант — затрепанный, с выбивающимися по краям пожелтевшими листами. Я осторожно приоткрываю его, и кожаная обложка едва не остается у меня в руках.

— Это не священные писания, — бормочу я себе под нос. — Больше похоже на…

Переворачиваю страницу, тонкая бумага ласкает пальцы, пока я вчитываюсь в рукописные строки. Дневник? Нет, скорее канцелярский журнал. *«Члены совета сходятся во мнении о необходимости ввести физические и психологические тренировки, которые помогут вырастить наследника, способного защитить свой народ»*. Читаю слово за словом, хмуря брови. Неужели это… *«Ассамблея от 4 июня 1965 года учреждает Арену — место, где наследник продемонстрирует совету свои навыки»*. Перелистываю. *«Сентябрь 1970 года. Арена будет открыта и для широкой публики»*.

Я продолжаю читать с давящим чувством в груди; почерк постоянно меняется, а в некоторых местах становится почти неразличимым. Пропустив несколько страниц, замираю на середине, пробегаю глазами строчки, и кровь буквально стынет в моих венах. *«Сектора будут распределяться в зависимости от удаленности от дворца. Королевская семья выражает согласие»*. Тщательно анализирую страницы, переворачивая их одну за другой. Это писал кто-то достаточно могущественный, чтобы присутствовать на ассамблеях, но при этом обязанный протоколировать решения. Возможно, это записи прежних советников?

Миновав череду страниц с заметками о распределении земель между знатью, я добираюсь до самых последних записей. *«Жрецы соглашаются перенести древнейшие священные писания в защищенное место. Королевская семья не возражает»*. Я прищуриваюсь, и сердце пропускает удар. *«Первые списки священных писаний перемещаются в целях коллективной безопасности. Возражений нет»*. Переворачиваю лист, но журнал закончился.

Я растерянно моргаю, уставившись в пустоту. Тяжелые мысли роем крутятся в голове. *«Перемещаются в целях коллективной безопасности»*. Если всё действительно так, значит, я ищу совершенно не там. Но где они могут быть? Я прижимаю ладони к вискам.

— Пит, прости, пожалуйста, — я прочищаю горло.

Он подходит ближе, сдвинув очки на лоб и всё так же удерживая руки за спиной:

— Уже закончила? А ты чертовски исполнительна, девочка.

Я указываю пальцем на журнал:

— Эта вещь всегда здесь лежала?

Он чешет макушку и хмурится:

— Не помню, чтобы когда-то видел её раньше. — Пит берет журнал в руки, опускает очки на нос и внимательно пролистывает, прищурив глаза.

Всё без толку. Он тоже ничего не знает, я в тупике. Наверное, мне действительно пора возвращаться на кухню и готовиться к королевскому ужину, смириться и покорно наблюдать, как этот гнилой рок воплощается в жизнь.

— Похоже на черновики записей старых советников, — рассуждает Пит вслух.

— Да, я тоже так подумала, — вздыхаю я, складывая книги одну на другую. Надежда угасает внутри, горькая улыбка кривит губы. — Спасибо тебе в любом слу…

— Должно быть, её позабыли во время переноса… Прошло столько лет. Думаю, это было еще в те времена, когда библиотекой заведовал мой дед.

Мои руки замирают:

— Переноса куда?

— У крыла Жрецов есть собственная библиотека, они хранят там свои пособия и подобные протоколы. Ты разве не знала?

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Я качаю головой, а шестеренки в моей голове начинают крутиться со скоростью света. Бросаю взгляд на настенные часы, и оглушительный стук собственного сердца заполняет уши. Сегодня вторник, а это значит лишь одно: действующие Жрецы сейчас заняты приемом ежемесячных экзаменов у послушников. Их крыло будет пустовать сильнее обычного, и, возможно… если мне удастся проскользнуть туда всего на пару минут…

— Спасибо тебе огромное, Пит! — я вскакиваю на ноги. — Ты даже не представляешь, как я тебе благодарна. Мне пора бежать, но, умоляю, никому не говори, что я сюда заходила.

— Как и всегда, — улыбается он.

Я разворачиваюсь и выбегаю из придворной библиотеки. Лечу по коридорам так, словно за мной гонится целая армия, сворачиваю направо, затем налево. До моих ушей доносится смех Габриэля, и в голове мгновенно вспыхивает лампочка. Сбегаю по лестнице — и вот он, стоит в компании гвардейцев, охраняющих северное крыло. Они расселись вокруг столика, увлеченно режась в карты. Увидь их сейчас Дама — им всем пришел бы конец.

Я отчаянно машу руками, привлекаю внимание. Габриэль удивленно хмурится; жестом зову его за угол коридора. Он отделяется от группы и подходит ко мне.

— Знаешь, порой ты меня пугаешь, — бормочет он.

— Ты мне нужен, — выдыхаю я, пропустив его слова мимо ушей. — Ты должен помочь мне пробраться в крыло Жрецов, — добавляю я, резко понизив голос.

Он усмехается, решив, что я пошутила.

— У нас нет времени, ты со мной или как? — раздраженно повторяю я.

Его глаза округляются:

— Ты это серьезно?

— Идем, по дороге объясню. — Хватаю его за руку и тащу за собой. — У нас есть ровно пятнадцать минут, пока у Жрецов не закончится урок. Нужно поспешить, иначе упустим момент.

— Упустим момент для чего? Ты с ума сошла? Тереза говорила, что ты сама не своя в последние дни, но я никак не думал, что ты докатишься до взлома строго охраняемых мест.

— Тс-с-с, ты нас выдашь! — Я прижимаю указательный палец к губам.

Он идет рядом, что-то недовольно бурчит под нос, но послушно следует за мной, не пытаясь вырваться. Мы добираемся до коридора, ведущего в восточное крыло. Я притормаживаю у каморки и выкатываю оттуда тележку для уборки.

Габриэль лишь качает головой:

— У тебя самое безопасное положение во всем королевстве — подле Короля, и какое дерьмо тебе только в голову взбредет? — ворчит он.

— Я делаю это ради правого дела, поверь мне. Мне нужно забрать одну вещь, а ты просто помоги мне пройти мимо охраны у входа, — натянуто улыбаюсь я, минуя камеры видеонаблюдения.

Они теперь установлены в каждом углу дворца, беспрестанно поворачиваясь вправо и влево, но простая служанка с инвентарем для уборки не вызовет никаких подозрений. Мы достигаем крыла Жрецов. Двое постовых у дверей увлеченно беседуют, и я слегка толкаю Габриэля локтем в бок.

— Попробуй отвлечь их, а я проскользну внутрь. Я быстро. Ладно?

— Попробуй что? Хватит говорить со мной загадками!

— Я всё объясню позже, просто доверься мне и помоги. Мне это жизненно необходимо, умоляю, — прошу я его со всей отчаянностью.

Он тяжело вздыхает:

— Вечно ты втягиваешь меня в странные истории… — сокрушается Габриэль, но всё же направляется к охране.

Я прячусь за углом, с замиранием сердца наблюдая за происходящим. Стражники делают несколько шагов ему навстречу, освобождая часть дверного проема. Они заговаривают; Габриэль активно жестикулирует — не знаю, под каким предлогом он их забалтывает, но это работает. В конце концов, у гвардейцев всегда найдутся общие темы для разговора. *Отлично, сейчас или никогда.*

Я толкаю тележку перед собой, крепче сжимаю пальцы на рукояти и выхожу из укрытия. С каждым шагом сердце подступает всё ближе к горлу, но я упорно иду вперед, не замедляя ход. Поравнявшись с ними, я замечаю, что один из стражников провожает меня взглядом, но Габриэль вовремя смещается в сторону, загораживая ему обзор. Переступаю порог и ускоряю шаг. Я внутри.

Сердце бешено колотится в груди, но я не останавливаюсь. Сглотнув подступивший к горлу ком, иду дальше по узкому коридору, минуя вереницу закрытых дверей. Таблички на них помогают мне сориентироваться: *Типография, Молельный зал, Зал ритуалов…* Паническая тревога терзает желудок. Нужно спешить. Я прибавляю шагу и сворачиваю направо.

Снова закрытые двери, но одна из них мгновенно привлекает мое внимание — на ней нет вообще никакой таблички. Подхожу ближе, с предельной осторожностью поворачиваю ручку и толкаю дверь. Закатив тележку внутрь, я тихо притворяю за собой дверь, прерывисто дышу и осматриваюсь. Четыре стеллажа, намертво прикрученные к стенам, доверху забиты массивными книгами с потрепанными от времени корешками. Мои губы изумленно приоткрываются.

Я пробегаю взглядом по первому стеллажу и сразу замечаю небольшие классификационные наклейки на торцах фолиантов. Самая верхняя книга значится под номером 400, самая нижняя — под номером 301. *Погодите-ка.* Перехожу ко второму стеллажу: верхняя книга — номер 300, нижняя — 201. В висках пульсирует, но ноги уже сами несут меня к четвертому стеллажу. Если интуиция меня не подводит, этот порядок означает… Я вздрагиваю. В самом низу справа на последней полке стоит книга под номером 1. Обратный отсчет.

Опускаюсь на корточки и бережно беру её в руки. Она настолько хрупкая, что кажется, будто листы рассыплются от малейшего прикосновения. С величайшей осторожностью я приоткрываю её, и мои глаза вспыхивают от радости. *«Первые священные писания, сакральный текст — свидетель ярости Небес»*.

— Я нашла её, — шепчу я дрожащим голосом.

Сжимая в руках бесценный первый список, я безумно хочу прямо сейчас погрузиться в строки и изучить его от и до, но время на исходе, и я понятия не имею, какова обстановка снаружи. Если я заберу книгу с собой, они сразу заметят пустую нишу, а оставить её здесь — значит перечеркнуть все усилия. Я кусаю губы, мысли бешено крутятся в голове, сжирая меня изнутри.

— И почему только во дворце запрещены мобильные телефоны, — задыхаясь, шепчу я. — Придется действовать иначе.

Указательным пальцем я нетерпеливо постукиваю по кожаному переплету, отсчитывая последние секунды. Из крайности в крайность. Я открываю страницу

указателя, нахожу раздел, посвященный Злу. И решительным движением вырываю страницы с 58-й по 80-ю, после чего возвращаю книгу на место. Резко поднимаюсь, аккуратно складываю листы и прячу их вглубь тележки под грязные тряпки.

Выхожу в коридор, возвращаюсь по тому же пути и с замиранием сердца пересекаю порог, даже не притормаживая.

— В те времена тренировки были просто изуверскими, — бормочет стражник справа, стоя ко мне спиной.

— А нынешние новобранцы еще смеют на что-то жаловаться, — вторит ему второй.

— Это значит, что им просто не доводилось терпеть генерала Пеппера с его жутким амбре изо рта в такую рань, — подхватывает Габриэль, и все трое разражаются громким хохотом.

Они даже не замечают, как я прохожу мимо. Я делаю глубокий вздох облегчения и краем глаза вижу, как Габриэль прощается с ними. Поразительно, как этот парень умудряется заводить друзей абсолютно везде, куда бы ни пошел. Именно поэтому я знала, что он идеально справится.

Свернув за угол, я буквально вжимаюсь спиной в стену. Вскоре коридор заполняется шагами, и белые тоги наводняют тот самый коридор у входа, где я стояла мгновение назад. Пронесло. Едва успела.

— Ну что?

Я вздрагиваю и оборачиваюсь:

— Габриэль, ты напугал меня.

Он скрещивает руки на груди:

— Я уже не знал, что им плести, чтобы удержать на месте. Скажи на милость, в какое дерьмо ты вляпалась на этот раз?

Я увожу его подальше от поля зрения Жрецов. Открываю рот, но тут же закрываю. За спиной Габриэля я замечаю приближающуюся Даму Ингрид, её глаза неподвижно прикованы ко мне. Она идет прямо сюда, а тележка… О нет.

— Габриэль, Дама идет, — шиплю я сквозь зубы, стараясь сохранить как можно более непринужденное выражение лица. — Забирай тележку и спрячь её где-нибудь в надежном месте, никто не должен её видеть. Слышишь? Никто. Умоляю тебя.

Не дав ему времени возразить, я обхожу его и делаю шаг навстречу тому, что обещает стать моим смертным приговором, которого мне не избежать. Дама Ингрид останавливается, упирает руки в бока и испепеляет меня таким презрением, что я вынуждена упереться взглядом в пол. Рядом с ней возвышаются двое устрашающих вооруженных громил, чьих мышц хватит, чтобы раздавить меня по первому её приказу.

— Дама, — я склоняю голову. *Придумай оправдание, Вирджиния.*

— Что ты здесь делаешь, Вирджиния? И я очень надеюсь, что у тебя есть веское объяснение, потому что я терпеть не могу лжецов и еще больше — когда меня держат за дуру. — От её леденящего душу голоса меня пробирает дрожь.

— Я зашла проверить, не нужно ли…

— Ложь, — обрывает она. — Где ты была сегодня днем?

— Я находилась в покоях…

— Ложь, — повторяет она с явной издевкой в голосе.

Я поднимаю глаза, и от её улыбки у меня стынет кровь.

— Ты врешь абсолютно беззастенчиво. Ты хоть понимаешь, чем рискуешь, пытаясь лгать Даме двора?

— Я не лгу, но вы просто не даете мне сказать ни слова, Дама. — Я медленно чеканю каждое слово, подавляя ярость, от которой кровь закипает в венах.

Её улыбка становится еще шире:

— О, что ж, я с удовольствием выслушаю тебя и признаю свою ошибку. Сюда, я провожу тебя.

Она кивает своим людям и разворачивается. Один из них грубо хватает меня за правое предплечье и толкает вперед, заставляя следовать за Дамой, которая шаг за шагом минует крыло Жрецов и ведет нас к боковым переходам.

— К-куда мы идем? — бормочу я.

Хватка на моем предплечье сжимается сильнее, и я подавляю стон боли. Мужчина толкает меня с такой силой, что я спотыкаюсь на ровном месте, но он резким рывком возвращает меня в вертикальное положение. Я ничего не понимаю. Пытаюсь ухватиться глазами хоть за какую-то деталь вокруг, но не вижу ничего, что помогло бы понять наш маршрут. В горле стоит ком, а дурное предчувствие ледяным холодом переворачивает внутренности.

В тот момент, когда Дама останавливается и распахивает дверь, у меня перехватывает дыхание, а сердце пропускает удар. Огромное металлическое кресло, опутанное проводами, датчиками и подключенное к компьютерам.

— Подготовьте её, — холодно приказывает она, пока дверь за её спиной закрывается.

Меня толкают вперед, швыряют в кресло, и прежде, чем я успеваю сообразить, металлические зажимы со щелчком автоматически смыкаются, намертво стягивая мне предплечья, запястья и ноги. Словно крыса в капкане, я смотрю на нее широко раскрытыми глазами, но мой дикий страх для неё — лишь сладкая музыка.

— Доктор, всё готово? — спрашивает она с улыбкой, полной безумного адреналина.

— Да, Дама Ингрид, — отзывается мужской голос.

Только сейчас я замечаю щуплого человека в белом халате, застывшего у мониторов. На его лысеющей голове остался лишь венчик редких седых волос. Он нажимает кнопку, и аппарат издает пронзительный скрежет; зажимы сжимаются еще сильнее, заставляя меня поморщиться от боли, но это далеко не самое страшное. На экранах колеблются разноцветные графики, а дисплеи компьютеров пестрят бесконечными рядами цифр.

— Мы можем начинать, Дама.

Она кивает:

— Прекрасно, Вирджиния. Я задам тебе несколько простых вопросов и настоятельно рекомендую отвечать на них предельно честно. Я говорю это ради твоего же блага. Ты готова?

Я храню молчание, нервы натянуты до предела, и она принимает мою тишину за согласие.

— Начнем с азов. Каковы твои обязанности при дворе?

Я приоткрываю губы:

— Я служу Королю. — Мой голос звучит совсем слабо на фоне её уверенного, властного тона, а по всему телу волнами катится дрожь.

— Ты когда-нибудь думала о том, чтобы предать Короля?

Я хмурюсь:

— Нет.

Дама Ингрид переводит взгляд на врача; тот, не отрывая глаз от дисплеев, делает едва заметный кивок головой.

— Ты когда-нибудь лгала Королю?

Сердце бьется так бешено, что, кажется, сейчас разорвет грудную клетку.

— Нет.

Я ищу глазами доктора, но он недовольно поджимает губы, и в то же мгновение мир вокруг меня гаснет. Мощный электрический разряд прошибает тело, содрогая его в судороге и оставляя с онемевшими мышцами и свистящим дыханием. Я судорожно хватаю ртом воздух, зажмурившись и широко раскрыв рот.

— Повторяю: я настоятельно советую тебе отвечать предельно честно. — Голос Дамы Ингрид пробивается сквозь непрекращающийся звон в ушах. — Ты когда-нибудь ослушивалась Короля, Вирджиния?

Я делаю судорожный вдох и выдох, грудная клетка ходит ходуном. Я тупо смотрю в пол в безумной, нелепой надежде, что спасение из этого ада материализуется прямо сейчас.

— Жду ответа, — повторяет она. — Если ты промолчишь, это будет расценено как ложь. У тебя три секунды: одна, две…

— Я не ослушиваюсь Короля. Я служу ему в меру всех своих сил на благо королевства. — Слова слетают с моих губ одно за другим. Дрожа, я упираюсь взглядом в доктора, но его глаза лишь молча следят за движением кривых на экране.

— Она лжет? — спрашивает Дама.

— Нет. Ответ размытый, но аппарат не фиксирует его как ложь.

Я шумно выдыхаю, и мои мышцы бессильно обмякают в кресле. Дама брезгливо кривит нос, неудовлетворенность искажает её лицо, но губы тут же растягиваются в жутком оскале.

— Почему ты проводишь столько времени в придворной библиотеке? Одна, две…

Я с трудом сглатываю слюну, пытаясь размочить пересохшее горло.

— По приказу Короля, — шепчу я едва слышно.

— Кое-что здесь не сходится: с какой стати Королю позволять своей фаворитке тратить время на расстановку книг на полках вместо того, чтобы прислуживать ему?

Я поднимаю голову, пот катится со лба и стекает по щекам.

— Об этом вам стоит спросить у Его Высочества. — Я стискиваю зубы.

Она бессовестно злоупотребляет своей властью и будет пытать меня до тех пор, пока не выбьет алиби.

Она выгибает брови и кривит губы:

— Видишь? В этом-то и проблема. Ты прикрываешься своим статусом и плетешь заговоры против королевства. Это никуда не годится, особенно учитывая, что ты только что призналась, будто лгала нашему Королю.

Как мне выбраться из этой ловушки? Думай, Вирджиния. Я озираюсь по сторонам. Двое вооруженных охранников по-прежнему стоят у двери, а внезапный приступ вертолетов перед глазами заставляет меня зажмуриться. Черт, затуманенное зрение совсем не помогает, как и эти проклятые зажимы. Даже если бы я нашла способ освободиться, я бы не смогла сбежать на этих ватных ногах. Нужно придумать что-то другое. Кричать бесполезно — вряд ли кто-то рискнет пойти против неё… И все же у меня ничего не остается.

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

— Тебя никто не спасет, Вирджиния. Король занят на ассамблее, которая затянется надолго, и одна из служанок прислуживает ему сейчас куда лучше тебя, пока ты тут занималась посторонними делами. И кстати, — она склоняет голову набок, — …что ты делала в крыле Жрецов, Вирджиния?

Я отвожу взгляд и утыкаюсь глазами в пол. Если я отвечу, детектор зафиксирует ложь, и машина нанесет новый удар током. Если я промолчу, разряд всё равно последует, но по крайней мере… по крайней мере, у неё не будет абсолютной уверенности в моей лжи.

Она загибает три пальца:

— Три. — Убирает большой палец. — Две… — Убирает средний. — …Одна. — Загибает указательный, и мощнейший разряд заставляет меня выгнуться в кресле.

Затылок с силой бьется о спинку, я стискиваю зубы и глухо стону, пока слеза катится по щеке. Мышцы разрывает от жестоких судорог, меня буквально трясет на этом сиденье. Кажется, я сейчас потеряю сознание. Пытка прекращается, моя голова бессильно клонится вперед, и я жадно, прерывисто хватаю ртом воздух.

— Вирджиния, я повторяю вопрос: что ты делала в крыле Жрецов в те часы, когда должна была находиться подле Короля? — Она повышает голос.

В ушах стоит оглушительный, непрекращающийся свист, но тишина длится всего несколько секунд — и новый разряд тока начинает буквально сверлить мои кости. Та же невыносимая, разрывающая боль, но на этот раз чувства притупляются настолько, что перед глазами остается лишь сплошная чернота. Пот смешивается со слезами, жар выжигает меня изнутри. Из носа по губе струится теплая струйка жидкости. Ток отключается, и я бессильно откидываюсь назад. Бешеное дыхание, затуманенный взор и ногти, до крови вонзившиеся в ладони.

— Ты не хочешь отвечать, но долго ты в таком состоянии не протянешь. Я подожду, пока ты придешь в себя, и мы начнем сначала. Я никуда не спешу. — Её шипящий голос доносится до меня сквозь прерывистый писк мониторов. — Мы можем продолжать, доктор?

— Давление подскочило, но мы можем продолжать еще какое-то время.

— Отлично! — визжит она, и я закрываю глаза, пытаясь отгородиться от всего, что меня окружает.

Даже её голос превращается в едва различимый, далекий гул. Я расслабляю плечи и делаю глубокий вдох, но передышка оказывается слишком короткой, и новый цикл разрядов запускается вновь. Содрогаясь в конвульсиях, я бьюсь затылком о кресло, прикусываю язык, и рот наполняется солоноватым вкусом крови. Темнота поглощает меня, и я теряю счет времени.

Я медленно приоткрываю веки. Резкая боль пронзает виски, заставляя меня поморщиться. Где я? Сколько сейчас времени?

Пытаюсь приподнять руки, но не могу пошевелить ни единым пальцем.

— Наконец-то, — голос Дамы Ингрид разрезает тишину палаты. — Потребовалось же тебе времени, спящая красавица.

Её слова вонзаются в сознание острыми клинками, возвращая к суровой, ледяной реальности. Стоящий справа доктор неотрывно изучает мониторы. Я кошусь по сторонам: двое вооруженных громил всё так же неподвижно застыли у дверей, а это проклятое кресло по-прежнему держит меня в своих стальных тисках.

Меня никто не пришел искать.

Никто.

— К чему эта кислая мина? Ты ведешь себя так, словно тебя тут пытают, хотя всё, что от тебя требуется — просто сказать правду, дорогая. Но ты, похоже, предпочитаешь ловить разряды до глубокого обморока.

Я приоткрываю рот, но горло немилосердно жжет. Я сухо откашливаюсь несколько раз, и резкая боль в груди заставляет меня содрогнуться.

— Я бы не советовала тебе тратить голос на всякие глупости. Ты так истошно орала, что твои голосовые связки, должно быть, стерлись в кровь. Какая жалость, — щебечет она с явным весельем.

Я поднимаю на нее взгляд; она накручивает прядь волос на палец и улыбается.

— Ну что, начнем сначала?

— Я не пытаюсь предать Короля, — выдавливаю я сквозь хриплый, сорванный и болезненный шепот.

— Но ты ведь что-то скрываешь, не так ли?

— Если у вас есть сомнения на мой счет, вам следует действовать согласно протоколу, и тогда ассамблея решит… — голос безжалостно режет израненное горло, заставляя меня стиснуть зубы, — …решит, виновна ли я.

Она разражается смехом, будто я только что рассказала ей глупейший анекдот.

— Ассамблея? Я — Дама двора, и ты работаешь под моей личной ответственностью. — Она делает шаг ко мне, и с каждым её движением воздуха в комнате становится всё меньше. — Во-первых, я вольна делать всё, что посчитаю нужным, дабы вбить в ваши головы дисциплину и уважение к дворцовому порядку. Во-вторых, прикрываясь щитом Короля, никто не смеет подозревать тебя, но я-то прекрасно знаю: в твоей хорошенькой головке завелась гниль.

Её глаза буквально препарируют меня с восторгом ученого, заполучившего новую подопытную крысу.

— Вернемся к делу. Скажи мне, Вирджиния… у тебя есть контакты с нашими врагами?

Я качаю головой:

— Нет.

— Переформулирую вопрос. — Её пальцы мертвой хваткой вцепляются в мой подбородок, заставляя смотреть ей прямо в зрачки. — Ты сотрудничаешь с нашими врагами? Помогаешь им? Прячешь их? Выгораживаешь их за спиной Короля?

Три.

Воспоминание о Лавинии в той машине яркой вспышкой проносится перед моими глазами. *Я не могу ответить, не могу ответить, не могу ответить.*

Два.

Она разжимает пальцы, и в её глазах разгорается темное пламя.

— Я так и знала, — шепчет она, и кислород окончательно покидает комнату. — У тебя всё на лице написано, признай это! — кричит она.

Один.

Я зажмуриваюсь, разряд тока вновь пронзает мое тело. Я до крови вонзаю ногти в ладони, но этого слишком мало, чтобы заглушить агонию, разрывающую плоть. Сорванный хриплый крик вырывается из моего горла; тело, изувеченное очередной волной электричества, бьется в неконтролируемой дрожи. Зрение застилает пелена, веки наливаются свинцом. Я уже готова провалиться в спасительное забытье, но вдруг дверь с грохотом распахивается, и ток мгновенно отключается.

Габриэль? Тереза?

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

С трудом разлепив веки на последних крохах сил, я шумно выдыхаю с облегчением.

— Ваше Высочество.

Дама двора склоняется в глубоком девяностоградусном поклоне, и это оказывается последним, что я вижу перед тем, как окончательно погрузиться в темноту.

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Глава 22

«I'd let the world burn for you». Я позволил бы миру сгореть ради тебя.
— Письмо номер 300
Артур

Граница с Королевством Америка
Ясмин

Мы либо вот-вот совершим величайшую глупость в истории человечества, либо какое-нибудь милосердное божество сжалится над нами, и мы не закончим свои дни погребенными на морском дне.

— Ты перестанешь? — шипит Артур, сидящий на ящике прямо передо мной.

Плечи расслаблены; он одет в такую же черную форму, как и у меня, вот только к его поясу пристегнуто несколько видов холодного оружия, от одного вида которого меня бросает в дрожь.

— Перестану делать что? — шепчу я едва слышным голосом.

Артур брезгливо кривит губы:

— Из-за твоего сердца я не услышу, если кто-то приблизится. Да угомонись ты, Черт, наконец. Ведешь себя так, будто тебя на эшафот ведут.

— Ну, знаешь, разница не такая уж большая. Мы прячемся в трюме корабля у самой границы с Королевством Америка и молимся, чтобы их солдаты не решили проверить эту каморку.

Я пытаюсь выдохнуть панику, тисками сжимающую грудь, но безуспешно. В отличие от мистера Ледяное Спокойствие, сидящего напротив, я физически не способна сохранять хладнокровие в такой ситуации.

Он раздраженно цокает языком:

— Этого не случится. Это судно торговцев из Королевства Азии. Его не досматривают, мы же тебе сто раз объясняли.

— Но… — Корабль внезапно замирает, и слова застревают у меня в горле.

Артур прижимает указательный палец к губам, призывая меня замолчать. Над нашей головой раздается отчетливый топот шагов, и кровь мгновенно стынет в моих венах. Я судорожно вцепляюсь в бочку справа от себя, но тревога пожирает меня изнутри так сильно, что вспотевшие ладони безвольно скользят по дереву. Черт. Любой шорох заставляет меня вздрагивать. Я осторожно заглядываю в щель слева: длинная вереница подобных судов выстроилась в ожидании швартовки в порту. Мы преодолели границу?

Два негромких стука сверху прерывают мои мысли. Артур мгновенно вскакивает на ноги, и я послушно повторяю его движения. Он тут же переходит в режим невидимки: натягивает бафф до самого носа и поправляет шляпу на голове.

— Закрой лицо и иди за мной, — командует он.

Я киваю. Мне до мельчайших деталей расписали каждую часть плана, но память начисто отшибает при одной мысли о том, что меня могут расстрелять без суда и следствия на земле, где на меня веками велась охота. Сделав глубокий вдох, я натягиваю маску и прячу светлые пряди волос под головной убор. Артур приподнимает крышку люка, подпрыгивает, цепляется ладонями за край проема и ловким, плавным движением подтягивается наверх, мгновенно скрываясь из виду. *И как мне*

прикажете это повторить? Да я даже в прыжке не дотянусь до верха. Он заглядывает обратно в люк, одаривая меня выразительным взглядом, но я понятия не имею, чего он от меня ждет.

— Мне телепортироваться? — шиплю я.

Он протягивает руку; я приподнимаюсь на цыпочки и хватаюсь за его правую ладонь. Я изумленно приоткрываю рот, когда он рывком вздергивает меня вверх, словно я легкий, невесомый мешок с перьями. Другой рукой он обхватывает меня за талию и твердо ставит на палубу.

— Сюда, — шепчет он, направляя меня вперед и едва ощутимо касаясь ладонью спины.

Я прикусываю щеку изнутри, заставляя себя оставаться бесстрастной. Проклятое проклятие. Из-за него мое тело буквально плавится от любого прикосновения Зла, но по крайней мере эта реакция мешает мне окончательно сойти со ума прямо на границе Королевства Америка. Палуба пуста — должно быть, все остальные уже спустились на шлюпках, — но ночная мгла мешает разглядеть детали.

— Смотри вперед, — шипит Артур, сильнее сжимая мою талию.

Я перевожу взгляд перед собой, и шаг за шагом мы добираемся до кормы.

— В такие моменты мне чертовски не хватает Элайджи, — ворчу я под нос.

— Шагай легче, — сухо бросает он в ответ.

Старые деревянные доски явно не облегчают задачу, к тому же вокруг царит почти кромешная тьма, слегка рассеиваемая тусклым лунным светом. Я умолкаю и стараюсь правильно распределять вес тела, ступая бесшумно и мысленно прокручивая в голове следующие действия. Наконец я вижу трос, по которому нам предстоит спуститься в катер. Нас уже ждет солдат из Королевства Азии, готовый доставить нас максимально близко к цели. Всё это чертовски напоминает боевик, вот только моя грациозность сейчас ближе к слону в посудной лавке.

Я делаю глубокий вдох, но в следующую секунду руки Артура обхватывают мои бедра. Он перекидывает меня через плечо, и мир вокруг резко переворачивается в очередном головокружительном прыжке.

— Эй! Мог бы и предупредить! — недовольно шепчу я. — Я тебе не мешок с картошкой!

Он не удостаивает меня ответом. Кровь приливает к голове, а тишину нарушает лишь негромкий скрежет троса, скользящего сквозь его перчатки. Финальный рывок — и он приземляется на борт катера, отчего тот сильно кренится на волнах. Артур опускает меня на палубу и проходит мимо, полностью проигнорировав мой яростный взгляд. Высокомерный ублюдок.

Сняв правую перчатку, он наклоняется над бортом и едва касается воды кончиками пальцев. В то же мгновение плотная стена тумана поднимается над водой, укутывая море серой, вязкой дымкой. Теперь нас никто не разглядит — это одна из самых гениальных деталей их плана.

— Можем идти, — командует Артур, вставая рядом с рулевым.

Тот кивает и запускает двигатель. Едва не потеряв равновесие и не улетев за борт, я поспешно плюхаюсь на сиденье и вцепляюсь мертвой хваткой в планширь. Артур даже бровью не ведет — он собран, неподвижен и полностью сосредоточен на задаче. Единственная, у кого сейчас сбивается дыхание от паники — это я. И если у меня не получится сжечь эти чертовы грузовики, весь план полетит к чертям. Я не имею права облажаться.

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Смотрю на свои ладони; выступивший на них пот — лишь один из симптомов удушающей тревоги. Все мои нервы натянуты как струны. Выдыхаю, пытаясь освободить легкие. Скорее бы уже вернуться назад. Это место давит на меня с такой силой, что дышать становится трудно.

Катер замедляет ход. Шатаясь, я поднимаюсь на ноги и прищуриваюсь. Вот они. Пятьдесят грузовиков, выстроенных ровными колоннами по десять машин, спрятанные от посторонних глаз в расщелине скалы. Артур спрыгивает на берег, я неотступно следую за ним. Он движется с невероятной, почти нечеловеческой скоростью, и я с трудом поспеваю за его широкими шагами.

Наконец мы оказываемся перед грузовиками. Я быстро осматриваюсь: вокруг ни души. Всё точно так, как и рассчитывал Элайджа.

— Сохраняй спокойствие. Что бы ни случилось, действуй по плану. — Артур указывает на валун позади меня. — Видишь его? Как только будешь готова, я займу позицию там. С этого момента у нас останется меньше десяти минут.

Сердце колотится в ушах с оглушительной силой.

— Я готова, начинаем. — Мой голос звучит на удивление ровно, хотя внутри меня бушует настоящий ураган паники.

Я вскидываю руки, закрываю глаза и концентрируюсь на дыхании, в точности как на тренировках. Что-то теплое касается моего живота, крошечные искры взрываются в груди, и всё мое существо мгновенно распознает этот импульс. Артур, словно поворачивая ключ в замке, плавно очерчивает невидимые круги, и волна чистой энергии устремляется из груди к рукам, заставляя пальцы покалывать от безумного заряда.

— Готово, — шепчу я, не сомневаясь ни на секунду. — Можешь идти.

Он убирает руки, и я слышу, как его шаги удаляются и затихают где-то позади. Я высвобождаю огонь, который немилосердно печет пальцы, и открываю глаза. Пять колоссальных потоков синего пламени мгновенно пожирают первые грузовики. *У меня получается.* Предплечья буквально горят от жара, пот застилает глаза, но я продолжаю дышать. Всё работает. Нужно продержаться еще немного, и тогда этот кошмар закончится.

Жар от пожара усиливается, пламя ревет и бушует с новой, сокрушительной силой. От колоссального напряжения я стискиваю зубы и зажмуриваюсь. Виски пульсируют, ноги подкашиваются, но я упрямо сжимаю челюсти и буквально врастаю пятками в каменистую землю, удерживая равновесие. Я не должна рухнуть. Густой дым поднимается к небу, разъедая глаза, слезы текут по щекам, но я стою неподвижно. Еще чуть-чуть.

Ощущение такое, словно острые лезвия раз за разом кромсают мне кожу. Я до крови прикусываю щеку изнутри, подавляя дикое желание закричать от боли. Осталось всего две колонны, но мне нужен более мощный поток пламени, иначе я просто испущу дух и рухну на камни. Я шире раскрываю ладони, закрываю глаза и цепляюсь за единственный образ, способный послужить топливом — прикосновение Артура к моей коже. Я лихорадочно воскрешаю в памяти текстуру его пальцев, ту искру, что вспыхивает под кожей при малейшем его касании, и волна мурашек с силой прокатывается по спине. Сердце делает бешеный скачок, и каждая клетка тела мгновенно насыщается энергией. Жар затапливает меня изнутри, пот льет градом. Я открываю глаза и застываю в изумлении. Это работает.

Я натянуто улыбаюсь пересохшими от жара губами. Еще немного… еще…

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Вдруг я вздрагиваю. Сквозь стену огня и дыма в отдалении ко мне приближается чей-то силуэт. Я судорожно моргаю, пытаясь сфокусировать взгляд, но руки опускать нельзя — я обязана удерживать пламя. Я плохо вижу. Это Артур?.. Нет, он позади меня. Силуэт подходит всё ближе, обретает четкие очертания, и у меня буквально перехватывает дыхание. Мужчина вскидывает руку, перехватывая винтовку поудобнее; на нем белая форма с золотыми нашивками и шлем. Это… гвардеец. Сердце совершает кульбит, но я не могу пошевелить ни единым мускулом. Бушующая во мне энергия держит тело в железных тисках, и попытайся я убрать хоть одну руку — вся магия рассыплется в прах.

Я испуганно смотрю на него. Он замирает на безопасном расстоянии от бушующего пожара, стягивает шлем и потрясенно разглядывает меня широко распахнутыми глазами, будто перед ним — уродливое исчадие ада. Я кошусь на грузовики: осталась пара минут… черт. *Думай, Ясмин: как поступил бы Элайджа? Позвал бы Артура.*

Я приоткрываю рот, но тут же закрываю его. Если я закричу, гвардеец услышит меня, и на крик могут сбежаться другие патрульные, пусть Элайджа и уверял, что в этот час охрана здесь не ходит… Рисковать нельзя. Безумная идея.

Гвардеец вскидывает винтовку, целясь прямо в меня. Его руки заметно дрожат, и он перехватывает ложе крепче. *О боже, о боже, о боже.* Действовать как Артур? Нет, он бы испепелил его в мгновение ока, но я не хочу никого убивать или калечить. Он берет меня на мушку, я затаиваю дыхание.

Грохот выстрела разрывает воздух, но в следующую секунду обзор мне полностью заслоняет широкая спина Артура. Он вскидывает руку, и яростное красное пламя в мгновение ока пожирает гвардейца целиком. Желчь подступает к горлу, я брезгливо отворачиваюсь — только бы не разрыдаться и не выблевать всё прямо здесь. Стиснув зубы, я возвращаю взгляд к цели. Огонь наконец охватывает последнюю колонну грузовиков.

Волна дикого облегчения накрывает меня. Я бессильно опускаю затекшие, ноющие руки, и пламя мгновенно гаснет.

— Я думала… что умру, — хриплю я.

Я утыкаюсь ладонями в колени, пытаясь перевести дыхание; сердце колотится в ушах так, что больно физически.

— Как… как ты… услышал его?

Он поворачивается ко мне, и я буквально застываю на месте, пораженная его глазами — сейчас его зрачки полыхают ярким, сочным оранжевым цветом, точь-в-точь как предзакатное солнце. *Что за чертовщина?..* Пот струится по его лицу, и, кажется, это первый раз в жизни, когда я вижу его в таком состоянии.

— Не время. Нужно уходить.

Я киваю, но стоит мне сделать шаг, как ноги подкашиваются. Без лишних слов Артур подхватывает меня, закидывает на плечо и стремительно несется к катеру. Я не спорю и не пытаюсь брыкаться. Любые силы без остатка покинули мое тело, и сама бы я не сделала и шага.

Он бережно усаживает меня на сиденье катера, и солдат мгновенно дает полный газ. Краем глаза я вижу, как за нашей спиной взрываются и взлетают на воздух первые грузовики.

Артур опускается на колени прямо передо мной. Его взгляд прикован к горизонту справа. Я с трудом поворачиваю голову в том же направлении: ночную мглу разрывает

колоссальный пожар, охвативший побережье. Склады, которые он поджег, взрываются один за другим, и оглушительный грохот раскатывается над океаном.

У меня буквально отвисает челюсть. Одно дело — знать о плане на бумаге, и совсем другое — видеть этот кошмар наяву. Он испепелил эти здания за километры отсюда, просто глядя на них. Что я должна чувствовать — дикий ужас или священный трепет перед его мощью?

Катер замирает в густой тени нашего корабля. Трос покачивается над водой. Артур поднимается на ноги, перехватывает его одной рукой и слегка наклоняется, безмолвно предлагая мне взобраться к нему на спину.

Я поднимаю лицо и, прежде чем шевельнуться, встречаюсь с ним взглядом. Оранжевый цвет его зрачков приводит меня в замешательство, но вой сирен уже заполняет побережье. Я вздрагиваю. Сейчас не время думать о его глазах. Совсем скоро грузовики начнут взрываться, и нам лучше быть как можно дальше отсюда. Я крепко прижимаюсь к нему, чтобы освободить его руки, пока мы карабкаемся вверх по борту корабля. Он цепляется за планширь и перемахивает через него, втягивая нас на палубу, после чего быстро ведет к нашему укрытию. Артур приоткрывает люк, и я спускаюсь вниз с замершим сердцем. Он спрыгивает следом и задвигает крышку. Стоит ему запереть замок, как я бессильно опираюсь на бочку, роняя руки вдоль тела.

— Мы действительно это сделали? — с моих губ слетает лишь прерывистый, дрожащий шепот.

Я стягиваю маску и шляпу, жадно втягивая воздух носом. Адреналин бурлит в крови, заставляя пальцы мелко дрожать. Топот шагов над головой смешивается с безумным гулом сирен снаружи. Я припадаю к щели в дереве и вижу, как другие корабли начинают спешно сниматься с якоря.

Я изумленно приоткрываю рот:

— Всё точно так, как вы и рассчитывали. Ни один торговец не желает оставаться у полыхающей границы, они разворачиваются назад, чтобы спасти свои товары.

— Через полчаса мы прибудем к побережью Гренландии. А пока сядь и не шуми, — командует он.

Я поворачиваюсь и буквально вжимаюсь спиной в ящик. Артур ложится на пол у противоположной стены и закрывает глаза. *Неужели он устал?* То, что он помогал мне и одновременно испепелял склады на расстоянии нескольких километров, должно быть, полностью истощило его силы. Элайджа ведь предупреждал, что этот рывок опустошит его до предела, но он всё равно пошел на это, а после нашел в себе силы затащить меня на корабль, вскарабкавшись по тросу. Корабль покачивается, берет курс назад, и удушающее напряжение в желудке наконец ослабевает. Расслабив плечи, я сворачиваюсь клубком у деревянного ящика. Сигналы тревоги ревут на всем побережье, но дикая усталость берет верх над телом, и, несмотря на оглушительный грохот на заднем плане, я закрываю глаза и позволяю волнам убаюкать меня.

Широкая, сияющая улыбка озаряет его лицо, и я готова поклясться, что никогда не видела столь искреннего, чистого света на лице мужчины.

На его щеках проступают две очаровательные ямочки.

— Артур.

Он протягивает мне руку.

Вот как его зовут. Артур.

Я смотрю на его ладонь в легком замешательстве, но затем вкладываю свою руку в его, и мягкость его кожи встречается с ледяным холодом моей души.

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Я медленно приоткрываю веки, прижимаю ладонь ко лбу и сажусь. *Что, черт возьми, мне сейчас приснилось?* Я растираю затекшую шею и зеваю. Заглядываю в щель в дереве слева от себя, но вижу лишь бесконечные морские волны. Мы еще не прибыли.

Я приоткрываю губы:

— Артур, ты не знаешь, сколько еще осталось?

Артур не отвечает, и его молчание мгновенно настораживает меня. Я резко поворачиваюсь в его сторону и застываю от ужаса. Без футболки, с обнаженной грудью, а у него на боку зияет рваная фиолетовая рана, из которой хлещет кровь, уже успевшая образовать под ним внушительную лужу.

Я вскакиваю на ноги с подступившим к горлу комом:

— Давно ты в таком состоянии? И как… как это произошло?

— Не ори, иначе это станет меньшей из наших проблем, — цедит он сквозь зубы. Его бледное лицо сплошь покрыто каплями пота. — Аптечка в сумке. — Он слабо кивает на дорожную сумку, брошенную у стены справа, и упирается спиной в деревянный ящик.

Послушно выполняя его указания, я подтаскиваю сумку к нему, расстегиваю молнию и буквально вываливаю содержимое на пол. Шприцы, марлевые повязки, пробирки и хирургические инструменты заставляют мой желудок сжаться от страха.

— Я… я позову кого-нибудь сверху, я понятия не имею, что со всем этим делать.

— На месте стой, — хрипло приказывает он, и я мгновенно замираю, словно была создана лишь ради того, чтобы беспрекословно подчиняться его голосу. Сердце колотится в ушах с оглушительной силой. — Делай то, что я говорю, и не смей впадать в панику. Нам нельзя выдавать себя. Ни при каких обстоятельствах, тебе ясно? Далеко не все торговцы знают о нашем присутствии, а другие корабли могут рыскать поблизости. — Он облизывает пересохшие губы и опускает взгляд на рану. — Пуля не вошла внутрь, задела по касательной. Протяни мне шприц с зеленым колпачком.

Я удивленно выгибаю брови. Значит, это тот самый выстрел, который произвел гвардеец… выстрел, от которого Артур заслонил меня своим телом.

— Ты меня слышишь? — повторяет он сквозь зубы.

Я киваю, лихорадочно раскидываю марлевые салфетки и шарю по полу, пока не натыкаюсь на шприц с зеленым колпачком. Хватаю его и передаю ему. Он подносит шприц к губам, зубами сдергивает колпачок и быстрым, точным движением вонзает иглу в свое правое предплечье. Откинув голову назад, Артур прикрывает глаза; его кадык судорожно дергается, а плечи бессильно опускаются. *Неужели он потерял сознание?*

Я бледнею, чувствуя, как страх сдавливает горло:

— Артур?

Он едва слышно стонет и приоткрывает веки:

— Марлю, — шепчет он одними губами.

Мои руки ходуном ходят, пока я разрываю пластиковые упаковки и протягиваю ему бинты, но он слабо качает головой:

— На рану, — бормочет он, и его дыхание становится всё более тяжелым, прерывистым.

— Что ты себе вколол? — Я прижимаю марлевые салфетки к ране, но они в мгновение ока пропитываются алой кровью. Черт, как же сейчас здесь нужен Элайджа.

Артур не отвечает. Я поднимаю взгляд и вижу, что он снова закрыл глаза, откинув голову на деревянный ящик.

— Не смей спать, черт возьми, я не знаю, что делать! — бормочу я, невольно повышая голос.

Я убираю пропитанную кровью марлю и беру чистую. Устроившись у его ног, я с силой прижимаю повязку к ране, и он резко вздрагивает всем телом.

— Ты слышишь меня? — шепчу я.

Он судорожно моргает и кивает головой. Я делаю слабый вдох облегчения — по крайней мере, он в сознании, хоть я по-прежнему без понятия, как ему помочь. Мы должны быть уже на полпути к границе Гренландии, где нас ждет Элайджа. Но… что, если кровь не остановится? Или еще хуже. Что, если я не смогу удерживать его в сознании?

— Нужно перевязать бинтом и плотно затянуть, — невнятно бормочет он, словно прочитав мои мысли.

Одной рукой я перехватываю рулон эластичного бинта, а другой продолжаю удерживать повязку на месте. Я бережно оборачиваю бинт вокруг его талии, мимолетно касаясь пальцами обнаженной кожи, и стараюсь затянуть как можно туже. Зубами отрываю край бинта, подсовываю его под витки, чтобы закрепить повязку, и продолжаю удерживать ладонь на его боку, прижимая рану.

— Ну как? — шепчу я.

Он опускает взгляд, встречаясь со мной глазами. Его зрачки полыхают живым, яростным пламенем огня, и он смотрит на меня с такой силой, что кажется, будто этот взгляд насыщает каждую клетку моего существа. Все мои чувства обостряются до предела: я отчетливо улавливаю его тяжелое, прерывистое дыхание, которое срывается с губ и растворяется в воздухе прямо передо мной. Я слышу, как с мучительной медлительностью слюна преодолевает надгортанник и опускается по его горлу. Даже стук его сердца отдается в моих ушах, синхронизируясь с моим собственным ритмом. *Да что со мной происходит?*

Вздрогнув, я поспешно опускаю взгляд на повязку. Должно быть, я просто безумно устала. Я зажмуриваюсь, передергиваю плечами и упрямо хороню глубоко внутри безумное желание взглянуть на него еще раз, хотя бы на секунду. Всё это — вина проклятия, всё это фальшь… я обязана помнить об этом. Нельзя позволить этому дурманящему чувству отравить мои вены и поглотить разум.

Но вдруг что-то теплое касается моего подбородка. Я моргаю, и пальцы Артура плавно приподнимают мое лицо вверх.

— Ч-что такое? — мой голос срывается на дрожь, пока глаза вновь беспомощно тонут в его взгляде.

Его пальцы распрямляются и мягко ложатся на мою щеку.

— Лавиния, — шепчет он с невероятной нежностью, лаская мою кожу и буквально смакуя каждый её миллиметр своими шершавыми пальцами.

— Ты путаешь меня с…

Он прижимает большой палец к моим губам, заставляя умолкнуть, и в моем животе мгновенно взрывается целый рой бабочек. Он медленно очерчивает форму моего рта подушечкой пальца. Его глаза гипнотизируют меня; он слегка оттягивает мою нижнюю губу, и я покорно приоткрываю рот. Он мягко проталкивает палец внутрь, касаясь моего языка, и все мои нервные окончания буквально взрываются от сладкой дрожи удовольствия.

— Лавиния, — раздается его хриплый шепот, похожий на сокровенную тайну, которую нельзя произносить вслух.

Он медленно извлекает влажный палец и вновь касается моих губ. Я смотрю на него, задыхаясь, с полуоткрытым ртом, отчетливо понимая, что мои щеки сейчас пылают пунцовым цветом. Это всё действие лекарства, это не по-настоящему…

Вдруг он запускает руку мне за шею, резким движением притягивает к себе, заставляя испуганно выдохнуть, и накрывает мои губы своими. Я продолжаю прижимать пальцы к его повязке, пока его дыхание затапливает мои легкие, а движение его языка во рту повергает меня в абсолютный экстаз. Его ладони начинают блуждать по моему телу: одна ложится на бедро, вторая сжимает грудь. Сладкая волна удовольствия затапливает вены, мгновенно выжигая и хороня любые крупицы здравого смысла. Он нежно прикусывает мою нижнюю губу, заставляя открыть рот еще шире; я прерывисто вздыхаю и продолжаю удерживать ладонь на его повязке на последних крохах дыхания.

Я пытаюсь отстраниться, тяжело дыша, с опухшими от поцелуев губами, но его рука вновь требовательно притягивает меня обратно. Он полностью уничтожает разделяющее нас расстояние и вновь запечатывает мой рот своим поцелуем, пока его правая рука собственнически сжимает мое бедро, заявляя права на каждую клетку моего тела. Безумная страсть сквозит в каждом его выдохе, а волны сладкой дрожи проникают глубоко под кожу, оставляя меня во власти эмоций, подобных которым я никогда прежде не испытывала.

В этот момент корабль сильно кренится назад, сила тяжести устремляет всё к корме, и мои колени окончательно подкашиваются. Я отрываю свои губы от его, но его рука рефлекторно перемещается и рывком усаживает меня к нему на колени. Боже великий, я же просто умру от этого. Он тяжело, прерывисто дышит, облизывая свои влажные, искусанные губы, и кладет свободную ладонь мне на шею. Я вздрагиваю: его прохладные пальцы ласкают кожу под моим ухом, и от этой нежности я невольно зажмуриваюсь. Что-то мягкое касается мочки моего уха; я кошусь на него, пока его губы оставляют обжигающие, влажные поцелуи на моей шее. Тысячи электрических разрядов мгновенно воспламеняют мою грудь, а пальцы начинает покалывать от жара — точно так же, как в моменты, когда я призываю пламя. То же самое чувство выжигает меня изнутри, но с такой сокрушительной мощью, что лишает последних крох разума и воздуха. Он слегка прижимает к моей коже клыки, и я покорно приоткрываю рот, судорожно цепляясь пальцами за его плечи.

— Артур, ты ранен, и нам, пожалуй, стоит… — хриплю я, но он лишь с новой силой впивается губами в мою кожу, спускаясь всё ниже, и тихий стон удовольствия невольно срывается с моих губ.

Я вонзаю ногти в его плечи и позволяю этой сладкой агонии полностью поглотить и растворить меня. Вдруг он замирает. Его губы касаются края воротника моей формы, и я пытаюсь использовать эту секунду, чтобы наполнить легкие кислородом. Но передышка длится лишь мгновение: почти диким, яростным жестом он зубами цепляет бегунок молнии и рывком расстегивает мою куртку до самого пупка, оставляя меня в одном лишь бюстгальтере. А затем вновь поднимается выше, покрывая поцелуями мой живот, и каждое прикосновение его губ разжигает внутри меня обжигающий пожар. Я вздрагиваю, когда он оставляет на моем теле глубокие, собственнические отметины зубов, а его горячее дыхание буквально становится моей второй кожей.

Он глухо стонет, и этот хриплый, удушаемый страстью звук заставляет всё мое тело судорожно сжиматься от желания.

— Твой запах… — Он слегка прикусывает верхнюю часть моей правой груди, и я безвольно хватаю ртом воздух, утопая в волнах нарастающего экстаза. — Твои изгибы… — Его ладонь скользит под мое бедро, сжимая его с такой силой, что я испуганно выгибаюсь навстречу его груди. — Твое дыхание… — Он впивается зубами в мою ключицу, и я не могу сдержать прерывистый, дрожащий стон.

Он поднимает лицо и вновь накрывает мои губы своими, но на этот раз я сама тесно прижимаюсь лоном к его паху, и из его горла вырывается низкий, утробный стон.

— Лавиния, — задыхается он.

Опять это имя. И оно действует как хлесткая пощечина, мгновенно выдергивая меня из пучины безумия и возвращая к суровой реальности. Это то, что я не могу игнорировать. Я резко отстраняюсь, прерывисто дыша; мне кажется, что вместо его глаз на меня смотрят два колоссальных костра, готовых поглотить без остатка.

— Я не Лавиния. Ты путаешь меня с ней… и это несправедливо по отношению к тебе, — шепчу я едва слышным голосом, хотя всё мое существо буквально кричит и бунтует против созданной мной дистанции.

Но я не могу пойти на это. Я не имею права отдаваться во власть этого чуждого, навязанного проклятием экстаза в момент, когда Артур абсолютно себя не контролирует. Это неправильно, и я этого не сделаю.

Он утыкается своим лбом в мой:

— Лавиния, — повторяет он надломленным голосом, и на этот раз его шепот звучит как отчаянная мольба, готовая вот-вот рассыпаться на тысячи осколков.

Я качаю головой, сглатывая тяжелый ком в горле, и отчетливо чеканю каждое слово:

— Я — Ясмин. И ты чертовски пожалеешь об этом, когда придешь в себя. Я уверена.

Он ничего не отвечает. Артур лишь бессильно прячет лицо в изгибе моей шеи, согревая кожу своим дыханием. Постепенно его хватка ослабевает, и он безвольно опускается тяжелым весом на мою грудь. Я молча удерживаю его обмякшее тело; его руки безжизненно падают на пол, а я свободной рукой быстро нащупываю бегунок молнии на своей куртке и застегиваю её до самого верха.

Лавиния. Я тупо смотрю на его золотистые кудри, пока всё мое тело горит от поцелуев, предназначавшихся другой женщине, и окончательно тону в урагане путающихся мыслей. Вспомнит ли он, что целовал меня, а не её? Будет ли он ненавидеть меня за то, что я ответила на его ласки? Станет ли требовать объяснений, почему я его не остановила? И… почему мне это так безумно понравилось? Почему я хотела большего?

Вопросы тяжелым узлом стягивают мой разум, пока волны дрожи продолжают пробегать по спине, а оставленные им отметины пульсируют на коже. Внезапный шум выдергивает меня из оцепенения. Я поднимаю голову, и яркий свет заставляет меня зажмуриться. Крышка люка распахивается, и Элайджа ловким, плавным движением спрыгивает вниз.

— С возвращением. — Его улыбка мгновенно гаснет; он опускается на колени и забирает Артура из моих рук.

Леденящая пустота его отсутствия тут же пронзает мое тело.

— Я так и знал. Это происходит с ним каждый раз, когда он полностью вырабатывает свою энергию. Я отнесу его наверх. Ты в порядке?

Я киваю, безжалостно лгав и ему, и самой себе.

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Глава 23

Каждый раз, когда отец избивает меня, что-то во дворце бьется, падает или взрывается. И он вынужден остановиться.

— Дневник Эдоардо

Королевство Америка
Вирджиния

Горло немилосердно жжет, виски пульсируют от боли, но я борюсь с тяжестью век и медленно открываю глаза. Резкий запах дезинфицирующих средств ударяет в ноздри, а яркий свет ламп на потолке заставляет меня болезненно наморщить лоб.

— Ты пришла в себя. Как ты себя чувствуешь?

Я с трудом фокусирую взгляд на фигуре прямо передо мной. Мужчина одет в белый халат с гербом королевства на нагрудном кармане. Ясс, придворный врач, подходит ближе со светящимся медицинским фонариком в руках и направляет его сначала мне в правый глаз, затем в левый.

— Ты быстро восстанавливаешься, это хороший знак. Ближайшие два дня у тебя может быть сильная слабость и даже головокружения, так что забудь о любой работе. Давление пришло в норму, но сегодня ночью и завтра утром ты побудешь под моим наблюдением.

Я хмурюсь, не до конца понимая, о чем он вообще гов… и тут воспоминания о тех кошмарных разрядах тока лавиной накрывают разум. Удушающий ком мгновенно перекрывает горло. Я жива? Приподнимаю ладони и вижу, что каждый сантиметр кожи покрыт глубокими, воспаленными царапинами.

— Спасибо, Ясс, ты можешь идти.

От звука голоса Эдоардо у меня буквально перехватывает дыхание. *Он здесь.* Я пытаюсь сесть, но это крохотное движение тут же застилает глаза роем черных мушек.

— Ваше Высочество. — Врач делает легкий поклон головой и бесшумно покидает палату.

Я прижимаю ладонь к вискам и оглядываюсь по сторонам. Длинный ряд больничных коек, окруженных медицинскими шкафчиками с медикаментами и стойками для капельниц, дает мне понять, что я нахожусь в лазарете дворца. Должно быть, меня принесли сюда сразу после того, как я потеряла сознание. Я хочу расспросить его, понять, что произошло, но Эдоардо стоит ко мне спиной. Его взгляд устремлен в окно, а повисшая, между нами, тишина кажется удушающей и леденящей. Пытаюсь открыть рот, но резкий приступ сухого кашля заставляет меня умолкнуть. Я протягиваю дрожащую руку к тумбочке справа от кровати, беру стакан воды, подношу к губам и позволяю холодной влаге успокоить израненное горло.

— Второе марта.

Я сглатываю воду:

— Не думаю, что расслышала вас, Ваше Высочество.

— День, когда Дама двора привела тебя во дворец вместе с другими девушками на испытательный срок. Это было второе марта. — Его голос звучит на удивление тихо и спокойно, пока он бережно перебирает эти осколки прошлого.

— Второе марта, — хриплым, едва слышным шепотом повторяю я. — Я не помню точно, какое это было число… тогда царила такая неразбериха… Но почему… вы говорите мне об этом теперь?

— Что ты делала в тот день ровно в четверть первого дня?

Мне хочется ответить ему, что после недавних пыток током мои воспоминания изрядно пострадали, но я лишь с трудом сглатываю слюну и заставляю свой разум вернуться к первому дню во дворце, семь лет назад.

— Огромный, тяжелый как глыба вазон рухнул из окна верхнего этажа. Звук, с которым он разлетелся вдребезги на каменной мостовой, был настолько оглушительным, что во дворце подумали, будто взорвалась бомба.

Я недоуменно моргаю. Я совершенно не понимаю, к чему он клонит, но продолжаю молча слушать.

— Даже сам Король спустился из своих покоев, чтобы выяснить, что случилось, но никто из слуг не смог объяснить, как такое произошло. Вазон рухнул сам по себе, без посторонней помощи, и это казалось немыслимым. Король рвал и метал, требуя объяснений от всей дворцовой прислуги. Знаешь, он обожал этот вазон всей душой, ведь это была историческая реликвия замка. Слуги тех времен до сих пор помнят его ярость и скорбь в тот день, но лишь единицы знали, чем именно был занят Король за секунду до того, как его прервали. — Он умолкает, и я не решаюсь нарушить эту тишину. — Спроси меня, чем занимался Король в тот момент, Вирджиния.

Я послушно подчиняюсь:

— Чем он занимался?

— Он избивал меня кованой тростью, которую держал в шкафу, наказывая за неудачи Артура. Я всегда получал самые высокие баллы на уроках, но Артур в то время терпеть не мог учебу, и отец избивал меня, чтобы проучить его.

Я опускаю взгляд в пол:

— Мне жаль…

— О нет, тебе не должно быть жаль. Спроси лучше у меня, кто сбросил тот вазон в сад, спасая мою жизнь в тот самый миг, когда я уже готов был лишиться чувств от невыносимой боли.

Я крепче сжимаю стакан пальцами:

— Кто сбросил вазон, Ваше Высочество?

Он разворачивается ко мне, и его темные, непроницаемые глаза впиваются в меня, не оставляя ни единого шанса на спасение:

— Это была ты, Вирджиния.

Два года назад

Я потерялась.

Я запускаю руку в волосы и растерянно озираюсь по сторонам. Мое присутствие буквально оскверняет неподкупную роскошь этого дворца, не знающего голода, грязи и убогой нищеты внешних секторов. Я ступаю своими испачканными в болотной жиже башмаками по ковру, который кажется настолько чистым, что чувство вины заживо сжирает мою грудь.

— Просто грех топтать такую красоту, — тихо шепчу я себе под нос.

Оказавшись на развилке коридоров, я поднимаю голову, но эти бесконечные, одинаковые анфилады лишь сильнее сбивают меня с толку. Может, кухни находятся на цокольном этаже, или мне нужно подняться еще выше? Прекрасный способ вылететь отсюда в первый же день.

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Свернув направо, я оказываюсь в огромном пустом зале размером в половину моего родного сектора. Моя челюсть буквально падает на пол. Я завороженно, не веря собственным глазам, впитываю великолепие каждой детали: от золоченых дверных ручек и колоссальных фарфоровых ваз, инкрустированных сверкающими самоцветами, до расписного потолка, где в обрамлении сияющих бриллиантов запечатлена сцена дуэли. В самом центре залы вытянулся длинный обеденный стол, накрытый на три персоны. Подхожу ближе и замечаю, что даже столовые приборы и хрустальные бокалы украшены драгоценной гравировкой.

— Должно быть, это обеденный зал для Короля и его сыновей, — шепчу я. — Безумие.

Такой исполинский зал используется лишь для приема пищи, в то время как во внешних секторах люди вынуждены есть и спать в одной крошечной, душной комнатушке. Внезапный порыв ветра с шумом распахивает створку окна. Я вздрагиваю, сердце уходит в пятки, и я спешу подойти, чтобы притворить её.

— Довольно! Прошу тебя, отец! Пощади…

Я замираю с поднятыми руками, хмурю брови и осторожно высовываюсь из окна. До моих ушей доносится глухой, частый стук сильных ударов, сопровождаемый истошными криками мальчика, молящего о пощаде.

— Ты обязан уяснить, что твои проступки всегда будут ложиться бременем на твоего брата! — доносится глубокий, тяжело дышащий мужской голос.

Кровь мгновенно леденеет в моих венах. Я сломя голову бросаюсь обратно в коридор, по которому только что шла, и судорожно хватаю за локоть гвардейца, собиравшегося спуститься по лестнице.

— Там… на нижнем этаже что-то происходит, — задыхаясь, лепечу я. Осознав, что повела себя слишком дерзко, я выпускаю его руку и пытаюсь восстановить дыхание.

Мужчина удивленно выгибает бровь:

— На нижнем этаже, говоришь? — Он лениво поглаживает бороду и пожимает плечами. — Ну и что с того?

Я растерянно моргаю:

— Быть может, я неясно выразилась. Из комнаты этажом ниже я отчетливо слышала крики о по…

— А-а, — кивает он с таким видом, будто я только что сообщила ему, что солнце желтого цвета. — Если ты хочешь выжить в этом дворце, девочка, советую тебе не совать нос в чужие дела и держать рот на замке.

С этими словами он спокойно продолжает свой путь вниз по лестнице, оставляя меня стоять в полном оцепенении.

— Но… — я беспомощно хватаю ртом воздух, не находя слов.

Он ведь знал. Он знал обо всем заранее. Но почему королевский гвардеец игнорирует крики о помощи? Почему ведет себя так, будто это в порядке вещей?

Я разворачиваюсь в противоположную сторону, намереваясь вернуться в залу, и замечаю еще одного постового, идущего по коридору. Этот кажется намного моложе, возможно, он согласится помочь.

— Прошу тебя, помоги мне! Там, внизу, избивают ребенка!

Он внимательно изучает меня с ног до головы:

— Ты ведь из тех девчонок на испытательном сроке, что прибыли сегодня? Почему ты не на кухне в этот час? Дама Анджелина не терпит опозданий.

Я отчаянно трясу головой:

— Да ты послушай меня наконец!

— Ну и характер, — посмеивается он, почесывая затылок. — Послушай, я ведь говорю это исключительно ради твоего блага.

— А я говорю тебе, что этажом ниже избивают ребенка! — чеканю я каждое слово, сердце колотится у самого горла.

Он хмурится:

— На нижнем этаже находятся лишь… — его взгляд на мгновение утыкается в паркет.

— Лишь? — требовательно переспрашиваю я.

— Личные покои Короля.

И удушливое, липкое предчувствие мгновенно заполняет мою душу.

— Но тогда… — шепчу я, не в силах облечь в слова ужасающую мысль, заполнившую голову.

— Как тебя зовут?

— Вирджиния, — отвечаю я на автомате.

— Я — Габриэль. И за время службы здесь я уяснил одну простую истину: если хочешь работать во дворец, о некоторых вещах лучше не спрашивать. Со временем ты тоже к этому привыкнешь, но если ты прямо сейчас не побежишь на кухню, Дама действительно тебя…

Он продолжает говорить, но его голос больше не достигает моего сознания. Мой взгляд намертво прикован к роскошной зале, а полные боли крики того мальчика буквально выжигают мне грудь, толкая на чистое безумие. Не думая о последствиях, я вбегаю обратно в обеденный зал, обеими руками обхватываю один из тяжеленных фарфоровых вазонов и тащу его к распахнутому окну.

— Эй, ты что творишь? Если тебя поймают, твою голову повесят на воротах парка! Эти вещи бесценны, к ним запрещено даже прикасаться! — испуганно шепчет гвардеец.

Он послушно следует за мной, держа руки наготове, чтобы подхватить меня, если я споткнусь.

— Открой створку шире, — требую я.

— Что ты задумала?

— Распахни окно!

Он отчаянно качает головой:

— Я не стану соучастником этого безумия, даже не проси. Я служу здесь всего год, я не собираюсь вылететь отсюда с долгом в десятки миллионов и…

Локтем я резко толкаю шпингалет, и створка приоткрывается, а налетевший порыв ветра услужливо распахивает её до упора. Сделав глубокий вдох, я подаюсь корпусом вперед.

— Эй, а ну отойди оттуда! — Габриэль хватает меня за плечо, пытаясь оттащить назад. — Это опасно, ты его сейчас уронишь!

— Именно этого я и добиваюсь.

И свободной рукой я без тени сомнений толкаю вазон вниз. Оглушительный, сокрушительный грохот раскатывается по всему дворцу.

Я отвожу взгляд и возвращаюсь в реальность, погружаясь в глухое молчание лазарета.

— Ты помнишь это, Вирджиния?

— Прошло действительно много времени, Сир. — Я ставлю стакан на тумбочку и при каждом движении кожей чувствую, как его взгляд буквально прожигает меня. Я продолжаю держать голову опущенной, боясь, что одним лишь мимолетным взором он заглянет мне в душу и вытащит оттуда всё, что пожелает.

— Да, действительно много времени. Но ты ни капли не изменилась, и знаешь почему?

Я качаю головой, не понимая, к чему он клонит и зачем устроил этот допрос в столь неподходящий момент. Возможно, Дама Ингрид уже успела ему что-то наплести…

— Потому что ты продолжаешь лгать, Вирджиния. — Его слова подтверждают мои худшие опасения, вонзаясь в меня острыми лезвиями.

Я прикусываю щеку изнутри:

— Я не лгала вам, Ваше Высочество.

— Ты делаешь это с самого первого дня, как переступила порог дворца, и продолжала лгать всякий раз, когда отец запирал меня в комнате, чтобы избить. Однажды ты даже включила пожарную тревогу, лишь бы прервать его и помочь мне. Никто при дворе и пальцем никогда не пошевелил, но ты… ты действовала втайне, прокручивая всё в тени и постоянно лгала. Точно так же, как делаешь это сейчас, — прячешься во мраке и поступаешь по-своему, со лживыми речами.

Я поднимаю глаза; его обвинительный тон заставляет меня нахмуриться:

— Что именно вы пытаетесь сказать, Ваше Высочество? — Я внимательно вглядываюсь в него, но не могу прочесть его истинное состояние. Он прячет свои чувства за настолько жесткой и непроницаемой маской, будто никогда и ничего не испытывает.

Эдоардо проводит языком по нижней губе и слегка приоткрывает рот:

— Ты — сплошной хаос, Вирджиния. И ты устраиваешь этот хаос в моей голове от начала и до конца. — В его темных зрачках на мгновение вспыхивает едва заметная, робкая искра, но он гасит её в мгновение ока. — Дама Ингрид дышит тебе в затылок. Если бы я не вмешался, она продолжала бы истязать тебя и не остановилась бы. И всё это лишь потому, что ты мне солгала.

Значит, это он спас меня. Резкая боль в висках заставляет меня поморщиться и нахмурить лоб. Дама Ингрид, должно быть, поделилась с ним своими подозрениями, и теперь он допрашивает меня, чтобы понять, насколько они обоснованны. Нет. Будь это так, он бы давно передал меня гвардейцам. Я выжидаю, пока боль утихнет, и устраиваюсь поудобнее в постели.

— Если бы ты просто сказала, что собираешься проникнуть в крыло Жрецов, я бы нашел способ провести тебя туда без лишних подозрений. Точно так же, как и с библиотекой.

Его слова отчасти развеивают мои сомнения, но я всё равно не могу успокоиться. Смотрю на него, затаив дыхание, словно в любую секунду он вновь может превратиться в Короля, изрыгающего смертные приговоры.

— Я не собираюсь причинять тебе вред. Ты снова смотришь на меня с этой ненавистью… Значит, ты действительно считаешь меня чудовищем. — Он натянуто кривит губы, и я клянусь, что никогда в жизни не видела столь безжизненной улыбки.

— Смотря, когда, — шепчу я, и это, пожалуй, первый честный ответ, который я нахожу в себе силы дать.

— Смотря, когда, — повторяет он.

Я неловко прочищаю горло:

— Что вам сказала Дама Ингрид?

— Что ты предашь меня. Что ты плетешь заговоры с врагом и лжешь.

Я крепко сжимаю простыню пальцами:

— И вы ей верите?

— Я верю, что ты лжешь, да. — Он поднимает лицо. — И верю, что порой ты до смерти боишься того, кем я стал. Но я абсолютно уверен, что ты никогда не сможешь меня предать, и мне не нужен детектор, чтобы знать это.

Я слегка расслабляю плечи, удушливый спазм в желудке ослабевает, но я не отвожу от него взгляда. Не в этот раз.

— Что такое? Хочешь сказать, я ошибаюсь, Вирджиния?

— Нет, всё так и есть, — тихо произношу я, и тяжелая плита на моей груди становится чуть легче. — Я не собираюсь предавать вас. Но я не намерена безвольно стоять в стороне и молча смотреть на то, как вы страдаете.

Он прищуривается:

— По-твоему, я так сильно страдаю?

— Куда сильнее, чем когда Король запирал вас в комнате. И точно так же, как тогда, я найду способ унять эту боль, которая не дает вам спать по ночам.

Уголки его губ приподнимаются, но он сдерживает улыбку, прикусив щеку изнутри:

— И как же ты собираешься это сделать?

— Я найду способ, — твердо заявляю я.

— А он существует, этот способ?

— Да. — Я киваю, всем сердцем молясь о том, чтобы Габриэль спрятал в надежное место ту тележку, которую я ему доверила. Иначе все муки, через которые я прошла, окажутся напрасными. — Я ищу его, — уточняю я.

Он упирается спиной в стену:

— Ты делаешь это потому, что испытываешь ко мне чувства?

Я удивленно хлопаю ресницами, уверенная, что ослышалась:

— Что?

— Было бы славно, если бы ты что-то ко мне испытывала. — Черты его лица едва заметно смягчаются, делая его почти неузнаваемым, и я ловлю себя на том, что безмолвно смотрю на него, приоткрыв рот.

— Что такое? Это невозможно?

— Я всего лишь простая служанка, а вы — Король могущественного Королевства Америка, Ваше Высочество, — шепчу я.

Он лишь пожимает плечами, а в его глазах загорается непривычный, почти озорной блеск. Я жадно ловлю и навечно запечатываю в своей памяти эту мимолетную версию Эдоардо, далекую на световые годы от того Короля, каким он является сегодня.

— И поэтому ты ничего ко мне не чувствуешь? — Он склоняет голову набок. — Или потому, что я главный злодей в этой истории?

— Ваше Высочество, я искренне не понимаю, к чему вы ведете, — шепчу я.

— Я и сам не знаю, — выдыхает он, и его взгляд снова устремляется к окну. — Значит, тот способ спасти меня, который ты ищешь, как-то связан с крылом Жрецов.

— В каком-то смысле, — отвечаю я, мысленно возвращаясь к тем листам, что я вырвала, оставив остальные нетронутыми. Остается лишь надеяться, что никто не заметит пропажу до того, как я смогу вернуть их на место.

— Я не смогу защитить тебя, если ты будешь мне лгать.

Я делаю глубокий вдох:

— Я убеждена, что в подлинных священных писаниях скрыт ответ на вопрос, как остановить весь этот кошмар. Нам нужно просто прочесть их.

— Мы читаем священные писания каждый божий день. — В его голос вновь возвращаются прежние безжизненные ноты.

— Но те, что у нас есть — фальшивка. Они переписаны, урезаны и сведены к тем заезженным стихам, которыми Жрецы кормят нас годами, — раскрываю я карты, в глубине души молясь, чтобы он не счел меня сумасшедшей. — Мне удалось выйти на первый список, но я еще не успела его изучить. И все же я уверена: там есть то, чего мы не знаем. То, что поможет положить конец этой войне без бессмысленного пролития крови.

— Сомневаюсь, что там написано, как вернуть Лавинию Артуру, — морщится он, безжалостно осаждая меня. — А ярость, которая пожирает его изнутри, невозможно потушить. Он поклялся убить меня, и он это сделает, это лишь вопрос времени. — Он произносит эти слова абсолютно расслабленно, с холодной покорностью человека, который давно разжевал и переварил эту суровую реальность.

Я отчаянно трясу головой:

— Нет, он просто не знает, что у вас не было иного выбора… Он не знает о том ожоге на руке, который…

— Что бы это изменило? Я всё равно её убил. И если бы я увидел её вновь, мое тело среагировало бы точно так же, заставив убить её еще раз. Этот порочный круг невозможно разорвать.

Мороз прошибает мою кожу:

— Как вы можете говорить такое, даже не попытавшись? Ваше Высочество… неужели вы совсем не скучаете по своему брату?

Он отворачивается от меня, пряча лицо, и я отчаянно пытаюсь угадать выражение его глаз по интонации голоса. Он делает глубокий вдох и выдох.

— Я скучаю по брату каждую гребаную минуту. С того мига, как открываю глаза утром, и до тех пор, пока он не начинает преследовать меня в кошмарах, пытаясь перерезать горло. Но… — Он на секунду умолкает. — …он погиб в день коронации, и я уже очень давно выплакал все слезы по нему. Сейчас то, что от него осталось — лишь пустая оболочка, ведомая пожаром мести, мечтающая вскрыть мне вену на шее.

Я судорожно сглатываю слюну, пока в сознании рисуется эта леденящая душу картина.

— Если бы вы только нашли способ поговорить…

— Мой брат мертв, — отрезает он. — То, что осталось — это Зло, выжигающее всё вокруг по собственному капризу, и твои священные писания не откроют тебе никакой иной правды. Против ярости, которая держит его на этом свете, нет противоядия. И знаешь почему? Потому что я лишил его единственного, что делало его человеком.

Лавиния. Безумное желание выдать правду о том, что я видела в Гренландии, буквально жжет мне кончик языка, но я вовремя прикусываю его. Он может объявить на нее охоту и убить снова; я до сих пор не понимаю, как работает это проклятие, и это удерживает меня от признания.

— Ты ведь тоже ненавидишь меня за её убийство. Но в твоих глазах что-то изменилось за последние месяцы. Порой ты смотришь на меня со страхом перед тем,

кем я стал, а порой — с состраданием и налетом тихой грусти. Значит, я либо пугаю тебя, либо внушаю жалость. Разве не так?

— Не совсем, — едва слышно шепчу я себе под нос. Но то, что думаю я, сейчас не имеет никакого значения. Я прочищаю горло: — Если бы я нашла способ остановить всё это, вы бы выслушали меня?

— Тебе действительно не всё равно. — Его голос звучит хрипло и тихо. — Настолько, что ты позволила Даме Ингрид пытать тебя.

— Я могу вытерпеть эти разряды, потому что свято верю: есть что-то, чего мы не знаем. Что-то, что остановит эту войну и позволит вам наконец обрести покой.

Он медленно разворачивается, и его потухшие глаза впиваются в мои:

— Вирджиния, знаешь, почему я не отрываясь смотрю в окно с самого твоего пробуждения?

Дурное предчувствие ледяной змеей заползает в душу. Он поднимает руку, жестом подзывая меня ближе. Скинув одеяло с ног, я опускаю стопы на пол.

— Отсюда можно разглядеть в отдалении очертания нашего побережья, — произносит он, но его слова окончательно сбивают меня с толку. Какое отношение побережье имеет к нашему разговору?

Опустив босые подошвы на холодный паркет и игнорируя приступ вертолетов в голове, я шаг за шагом приближаюсь к подоконнику, чтобы встать с ним плечом к плечу. Я изумленно приоткрываю рот, и весь воздух в легких мгновенно растворяется, заставляя меня замереть.

— Ты можешь искать сколько угодно, Вирджиния. Я присяду и выслушаю тебя, обещаю. Но видишь эти языки пламени, что полыхают у самых границ? Это лишь вопрос времени, и в один далеко не прекрасный день они доберусь и сюда.

На самой линии горизонта мне едва удается различить зловещую полосу огня, которая бушует на побережье, ярко сияя на фоне черного ночного неба.

— У Артура и Зла есть одна общая черта: их ярость невозможно потушить ни речами, ни извинениями, ни раскаянием. Их ярость выжигает и пожирает абсолютно всё и каждого. — Он говорит с леденящей отстраненностью человека, который просто наблюдает за тем, как исполняется его собственный приговор.

— С каких пор… как… он здесь? — нахожу я в себе силы выдавить несколько слов.

Он лишь равнодушно заводит плечи:

— Армия ничего не обнаружила. Но я знаю, что он никуда не уходил. И когда этот день настанет, мы ничего не сможем предпринять. Ищи сколько хочешь, я прикрою тебя, но рано или поздно ты тоже это поймешь. В этой бойне не будет победителей.

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Глава 24

Мы оба умерли два года назад,
но только твоё сердце перестало биться.
Мы оба умерли два года назад,
но только твоё тело стало холодным.
Мы оба умерли два года назад,
но только ты похоронена под землей.
Мы оба умерли два года назад.
— Письмо номер 334

Артур

Первые лучи солнца пробиваются сквозь штору и ласкают мягкие кудри Артура. Он лежит на кровати без сознания, к его руке подключена капельница. Его грудь поднимается и опускается с каждым вдохом, отмеряя ритм мыслей, в плену которых я оказалась. Оперевшись локтем о подлокотник кресла, я наклоняю голову и подпираю подбородок ладонью. Мой взгляд не может оторваться от тех самых губ, которые всего несколько часов назад с жаждой въедались в мою шею. Но страстное, обжигающее и упивающееся желание было адресовано не мне. Оно предназначалось другой. Лавинии. Имя девушки, что занимала все его мысли и которой он дарил вспышку столь мощной, всепоглощающей любви. Лавиния. Он целовал меня, но звал её. Лавиния. Сначала с страстью, затем с вожделением, а под конец — почти с мольбой о боли.

Он хмурится во сне, один локон падает ему на лоб, и я протягиваю руку, чтобы поправить его. Словно солдат, отвечающий на чествование командира — жест настолько автоматический, что стал частью натуры. Я замираю, удерживая ладонь над его лбом. Что я делаю? Когда я вообще шевельнулась? Мои пальцы гладят золотистый локон с какой-то совершенно чуждой мне естественностью, подчиняясь более могущественной силе, которая вновь делает меня рабыней его почти демонической красоты. С предельной осторожностью я убираю завит за завитом эту маленькую прядь — крошечный жест, без которого моё тело просто не способно обойтись. Тик, импульс, оксюморон, в котором разум и тело отрицают друг друга. И в этот самый миг Артур открывает глаза. Его радужки устремляются на моё лицо, перехватывая дыхание. Я цепенею, и он тоже остается неподвижен. Он смотрит на меня целую вечность, и про себя я подозреваю, что он всё ещё может находиться под действием лекарства.

— Это Ясмин, — шепчу едва слышно, но каждая клеточка моего тела бунтует, и я чувствую себя едва ли не виноватой оттого, что я — не та девушка, которую он ищет.

Он сглатывает и приоткрывает губы.

— И с какой стати ты ко мне прикасаешься? Я же говорил, что никому нельзя этого делать.

Я отдергиваю руку, уколотая ранящими словами, сорвавшимися с его губ. Полная противоположность тому наслаждению, которое его руки оставили на моей коже. Прежний Артур снова овладевает своим телом. Скрытный, холодный, замкнутый в себе. Он выдергивает капельницу одним рывком, дергает рукав вниз и садится.

— Почему ты здесь?

— Это допрос? — Я нахожу в себе силы заговорить, сглатывая тяжелую горечь, давящую на грудь. — Я просто проверяла, всё ли с тобой в порядке.

Он массирует шею ладонью, поворачивая голову вправо и влево.

— А со мной должно быть что-то не так?

Клоня голову, я указываю ему на бок; кажется, он даже не чувствует, что получил пулевое ранение.

— Врач сказал, что тебе нужен покой, иначе рана может открыться.

Он упирается ладонью в матрас и быстрым движением поднимается на ноги, проходя мимо меня так, словно меня не существует.

— Где Элайджа и остальные?

Он открывает шкаф рядом с тумбочкой, достает толстовку и надевает её, не подозревая о том, что произошло между нами. Но действительно ли он ничего не помнит, или просто делает вид?

— Они внизу. Мы ждали, пока ты придешь в себя, чтобы обсудить следующие шаги.

Он наклоняется вперед и завязывает шнурки на ботинках.

— Отлично, у нас нет времени на раскачку.

— Ты хоть понимаешь, что был ранен?

Он пожимает плечами и расправляет плечи.

— Не в первый раз.

— Ты правда ничего не помнишь, Артур?

Его глаза на мгновение задерживаются на моих.

— А что я должен помнить?

Как целовал меня, не давая перевести дыхание. Как твои руки блуждали по моему телу. Как ты оставлял метки на моей груди своими укусами, как впивался в мою шею. В его глазах застыла ледяная, далекая пустота — и это единственный его взгляд, который принадлежит мне. Я сжимаю пальцы в кулаки, вытягиваю губы в струну и заглушаю горечь. Потому что я — не Лавиния.

Дверь распахивается, Алази переводит взгляд с меня на него.

— Я помешала?

— Нет, мы закончили, — отрезает Артур. Я вонзаю ногти в ладони, подавляя импульс, который жжет мои вены и умоляет об разрядке.

Алази задерживает взгляд на мне.

— Если вы готовы, давайте начинать. Мы внизу.

Артур спускается первым, и я следую за ними, не роняя ни слова, но внутри меня закипает пламя, которое я не могу потушить при всем желании.

— Лоффи всё еще спит, он в комнате внизу, — голос Алази слегка снимает напряжение в груди.

Я ступаю на последнюю ступеньку.

— Спасибо, что присмотрели за ним. Он вас не свел с ума?

— Нет, они с Нануком даже стали лучшими друзьями. — Она едва заметно приподнимает уголки губ.

— Другого я и не ждала, — шепчу я. Артур толкает дверь комнаты, его костяшки сжимают ручку с той же силой, с какой он сжимал мои бедра. Обжигающее воспоминание покрывает мою кожу мурашками, я задерживаю дыхание и отвожу взгляд.

Что-то касается моего плеча. Я резко оборачиваюсь, и Алази вглядывается в меня, изогнув бровь.

— Ясмин, ты уверена, что всё в порядке?

— Да, — вру я. Она кивает, но сомнение так и не покидает её взгляд. Она пропускает меня вперед, и я вхожу следом, захлопывая за собой дверь.

Нанук разводит руки, сидя в своем кресле.

— Чудо-женщина, рад видеть тебя снова на родине.

— И чему ты так радуешься с самого утра?

— Ну как же, а ты разве нет? В Королевстве Америка выдалась такая жаркая ночка, что они, наверное, решили, будто попали в ад. — Он демонстрирует ослепительную улыбку во все тридцать два зуба.

— Придержи свою радость, Нанук. У нас еще полно дел, — возражает Элайджа, стоя у доски. Я опускаюсь на свободный стул, Алази садится рядом, и краем глаза я слежу за тем, как руки Артура ложатся на стол. Словно корни дерева, вены пролегают по тыльной стороне его ладоней, и с мучительным спокойствием он потирает подушечки пальцев о край, прежде чем сесть во главе стола. Он — собранный и невозмутимый, я — во власти хаоса, в котором тону без единого спасательного круга. Это несправедливо. Если бы он никогда не касался меня, я бы не чувствовала сейчас, как схожу с ума от каждого его вдоха. Мне нужно держаться от него подальше, я не могу так продолжать.

— В следующем этапе мне обязательно участвовать? Я бы хотела взять паузу. — За моими словами следует глубокая тишина, прерывающая ликование Нанука.

— Второй этап не предусматривает твоего участия, но это не игра. Ты не можешь сначала согласиться, а потом идти на попятный, когда тебе вздумается. Тебе понятно? — парирует Артур, и его взгляд полон такой ненависти, что у меня покалывает нервы.

А ты не можешь целовать меня, а потом идти на попятный, когда тебе вздумается, — хочется выкликнуть мне, но я лишь отвечаю ему столь же исполненным обиды взглядом, ни на секунду не опустив головы.

— Эй, эй, эй… да что с вами такое? — Взгляд Нанука метается справа налево, с одного на другого. — Здесь такое напряжение, что мы все можем взорваться и составить конкуренцию побережью Королевства Америка.

— Нанук, замолчи, — шипит Алази. — Я думаю, Ясмин вполне заслуженно устала, и если она будет участвовать еще и во втором этапе, ей будет сложно объяснить свое отсутствие семье. К тому же там буду я с Артуром. Верно, Элайджа?

Артур сжимает челюсти, его глаза не отпускают меня, но я даже не думаю склонять голову и принимать уроки ответственности от такого, как он. Ни за что на свете.

— Да, верно. Я попросил вас собраться, чтобы повторить план и узнать, не возникло ли на первом этапе непредвиденных обстоятельств, о которых мы не знаем, — отвечает Элайджа.

— Возникли. — Мой голос звучит отрывисто и резко, и Артур прищуривается.

— Вы можете перестать смотреть друг на друга как враги? За этим столом мы все на одной стороне, хочу напомнить вам на случай, если вы забыли. — Нанук пытается разрядить обстановку, но у меня нет ни малейшего намерения отмалчиваться.

Элайджа

— Артур сжег охранника. Насмерть, — выплевывает Ясмин, даже не моргнув.

И мне бы хотелось сказать, что я удивлен, но на самом деле от него я меньшего и не ждал. Он не возражает — лишь прищуривается и молча смотрит на нее. Морщина, прорезавшая его лоб, мне совсем не нравится.

Алази тяжело вздыхает:

— Что ж, такое могло случиться. Главное, что вас никто не видел и за вами не было хвоста. И, разумеется, что вы оба вернулись целыми и невредимыми.

— Расскажи еще, *почему* я это сделал. Ты ведь была не в состоянии действовать, не так ли? Мне напомнить про пулю, которую я получил, спасая твою шкуру? — Артур запускает стрелу прямо в цель, и напряжение в воздухе возрастает. — Если бы ты не сплоховала, никто из нас не рисковал бы, и мне уж точно не пришлось бы таскаться с лишней обузой.

Я открываю рот:

— Ребята, не нужно…

— По-твоему, ты сам никогда не колеблешься и всегда делаешь что хочешь, не думая о последствиях, так? — парирует Ясмин.

— Советую тебе поступать так же. Излишние раздумья и зацикленность на ничтожных деталях ставят под угрозу всех вокруг. Тебе понятно, что мы тут не в игрушки играем, или ты все еще витаешь в сказочном мире, отказываясь принять то, кто ты есть? — Артур разит ее без жалости, с леденящей душу жестокостью.

Температура растет, и внезапно комната начинает напоминать раскаленную печь. Алази подается назад, протягивает руку и трогает батареи, затем хмурится, возвращается на место и проводить ладонью по шее. Они выключены.

— Возможно, тебе стоит повторить эти слова самому себе. Потому что я, в отличие от тебя, прекрасно отдаю себе отчет в том, что делаю.

— Насколько прекрасно, что ты до сих пор не приняла тот факт, что заживо сжгла людей?

Ясмин поджимает губы, черты ее лица искажаются, а брови взлетают вверх:

— Потому что я слеплена иначе, чем ты! Слава богу, я все еще держась за свою человечность и не вырыла в своем сердце могилу для эмоций!

Я цепенею. Это добром не кончится. Два неуправляемых вулкана, взрывающихся друг против друга — в конечном счете они просто испепелят обоих.

Нанук подхватывает инициативу:

— Назад, народ, притормозите! Не обязательно так кипятиться — в прямом смысле, к слову. Вы своими суперспособностями нагреваете воздух так, что мы скоро в лужицу превратимся. Как насчет того, чтобы отложить разборки и двигаться дальше?

— Думаю, так будет лучше, — отзываюсь я, и Ясмин наконец переводит взгляд на меня. Я беру маркер и навожу его на доску. — Вторая часть плана предусматривает проникновение в дворец, чтобы вытащить узника из подземных камер, — пишу я, не сводя взгляда с Артура.

Он продолжает сверлить ее глазами. Если я знаю его хоть немного, в его голове сейчас рождается жуткая картина. Хищник, подстерегающий идеальный момент, чтобы вонзить клыки в добычу.

Я поворачиваюсь:

— Королевство Америка устраивает ежегодный бал-маскарад. Нанук, ты ведь получил приглашение?

Тот кивает:

— Так точно, капитан. Готов наслаждаться их дрянным вином и фальшиво улыбаться знати. — Он машет перед лицом листом бумаги, создавая веер. Несмотря на то, что перепалка утихла, жара в комнате становится невыносимой.

— И они правда проведут этот бал, несмотря на текущий конфликт? — Алази запускает пальцы в волосы. На ее лбу выступили капли пота, приклеивая пряди к

щекам. — Ну то есть, они только что получили ощутимый удар, их склады с припасами сгорели дотла.

Я открываю рот, но голос Артура опережает меня:

— Проведут. Потому что им жизненно необходимо делать вид, будто всё под контролем, даже когда всё рушится на куски. Они из кожи вон вылезут, устроят цирк, лишь бы не сталкиваться с реальностью. Стадо ссаных трусов. — Его взгляд прикован к Ясмин, и каждое слово бьет так, будто цель — ранить именно ее. Она игнорирует его, хотя под столом я вижу ее сжатые в кулаки пальцы.

— Как и сказал Артур, — продолжаю я, пока они снова не взорвались, — это событие, от которого королевство никогда не откажется. Не только из уважения к традициям, но и потому, что это один из способов продемонстрировать свое господство над остальными. На балу будут присутствовать короли и королевы всех пяти королевств, от первого до последнего.

— Чертовы показушники, — ворчит Нанук. — Опять придется терпеть, как великое и могучее Королевство Америка бахвалится своей мощью, пока остальные лижут им пятки. Мразь. Скучаю по временам, когда меня освобождали от этой дерьмовой обязанностей и всем заправлял отец со своим ангельским дипломатическим терпением.

— Именно поэтому ты нам и нужен, Нанук. Твое присутствие ключевое. — Я набрасываю на доске карту подземелий и поворачиваюсь. — Ты поможешь Артуру и Алази проникнуть сюда, в темницы. — Я беру красный маркер и ставлю четыре креста по краям. — Темницы охраняются четырьмя стражниками: двое у главного входа и еще двое внизу, прямо перед камерами.

— Погоди-ка, — шепчет Ясмин, скрещивая руки на груди. — Как они вообще попадут в королевство и тем более во дворец? Их схватят еще до того, как они доберутся до темниц.

— Мы сделаем кое-что, от чего тебя повергнет в шок: убьем любого, кто встанет на пути. Как тебе такое? Достаточно «по-человечески» для твоих стандартов? — Губы Артура искривляются в усмешке.

Она набирает полный грудь воздуха. Я вижу, как ее терпение трещит по швам и рушится в мгновение ока. Она берет слово, и ее взгляд не сулит ничего хорошего:

— Элайджа, Артур когда-нибудь любил женщину?

Я вздрагиваю, и воздух в комнате раскаляется до предела. О нет.

Алази округляет глаза, а Нанук, еще секунду назад качавшийся на стуле, замирает с отвалившейся челюстью. Все оцепенели, пока самая опасная бомба в двух шагах, скрытая за тяжелым молчанием, хрустит пальцами.

Ясмин невозмутимо пожимает плечами, даже не подозревая, на какую мину только что наступила:

— А что такого? Это секрет? Нет, судя по всему, вы все в курсе, кроме меня. Какое совпадение.

— Сейчас не время для…

— О, а я думаю, как раз самое время, — перебивает она. — Особенно когда меня принимают за женщину, которой я не являюсь. За какую-то… м-м-м… — Она прикладывает пальцы к подбородку и прищуривается. — Как ее бишь звали, Артур?

Я сжимаю маркер в кулаке. Капля пота скатывается по моему лбу, но я не смею шелохнуться. Молчание Артура заполняет пространство, и я готовлюсь к худшему.

— Лавиния, — произносит он, смакуя каждый звук, и в ту же секунду окна разлетаются вдребезги, осыпая стол дождем из острых осколков.

Я закрываю лицо рукой, защищаясь. Краем глаза вижу, как Алази и Нанук пригнулись, закрыв головы руками, но эти двое противников, кажется, только начали. Они смотрят друг на друга с противоположных концов стола, не шевелясь и не моргая.

Артур склоняет голову:

— Держи это имя подальше от своих гребаных губ, — выплевывает он, и воздух становится удушливым, ядовитым.

Словно отравившись от нехватки кислорода, Алази прижимает руку к носу, и тонкая струйка крови пачкает ее пальцы. Черт. Я делаю шаг вперед, перекрывая Артуру обзор.

— Артур, — сиплю я. — Ты теряешь контроль. Выйди.

Он поднимает голову. В его глазах читается четкое желание швырнуть меня в противоположную стену, но он кривит губы и поднимается с места.

— Только ради тебя, Элайджа. Только на этот раз. — Он задевает мое плечо и выходит, оставляя за собой раскаленный след.

— Да что с вами, блядь, такое?! — взрывается Нанук, вытряхивая осколки стекла из волос и одежды. — Нас тут чуть в шашлык не превратили и на куски не порезали!

Алази зажимает кровоточащий нос. Я достаю из кармана платок и протягиваю ей. Она тут же прижимает его к правой ноздре.

— Спасибо, Элайджа, — шепчет она и поворачивается вправо. — Ясмин, объясни, что на тебя нашло? Ты же знаешь, как опасно его провоцировать!

Я смотрю на осколки, усыпавшие пол. Артур разнес окна в щепки от одной мысли о Лавинии.

— И что он сделает? Убьет меня? Я его огнедышащая пешка, он не станет меня испепелять, — голос Ясмин звучит твердо и непреклонно.

— Ты понятия не имеешь, на что он способен, — возражаю я. — Обычно ты осторожна, но в этот раз ты намеренно выводила его из себя. Мы все это видели. Только я не пойму, зачем.

Она отводит взгляд:

— Он совершает поступки, а потом делает вид, что ничего не было. Без объяснений. Потому что считает себя слишком возвышенным, чтобы разлепить губы и сказать хоть что-то, кроме приказа или оскорбления. И проблема во мне? Почему я не могу спросить, кто такая эта чертова Лавиния?

Я хмурю лоб:

— Откуда ты знаешь ее имя? Где ты его слышала?

— Он повторяет его всю дорогу назад, когда был под транквилизаторами.

Стоп. Озарение настигает меня мгновенно, и я приоткрываю рот.

— Он… принял тебя за нее? — спрашиваю я.

Ее лицо мрачнеет, подтверждая мои догадки, и все фрагменты мозаики складываются воедино. Раненый, обессиленный, он подумал, что перед ним Лавиния… Бог весть, что он успел ей наговорить в этом дурмане.

— Чистой воды Санта-Барбара, — бубнит Нанук. — Похоже, время пришло. Честь объяснить всё выпадает тебе, Элайджа.

Ясмин переводит взгляд с него на меня в ожидании ответов, которые смогут распутать этот узел.

— Элайджа, — тихо говорит Алази. — Вы не можете скрывать это вечно. Она должна знать, иначе подобные катастрофы будут повторяться, и я сомневаюсь, что в следующий раз Артур тебя послушает.

Я провожу рукой по шее, снимая сведение в мышцах. Вытягиваю стул, отдвигаю ногой осколки стекла и сажусь.

— Я начну с ответа на твой первый вопрос. «Любил ли Артур когда-нибудь женщину?» Да, Ясмин. Артур любил лишь одну женщину — в каждой своей жизни и во всех последующих.

Ее брови удивленно ползут вверх, она расцепляет руки, и ее холодная маска окончательно рассыпается.

— Но чтобы рассказать о ней, мне придется начать с одного трагического случая. Всё началось в дождливый день, когда одна девушка решила броситься с моста и покончить с собой. Артур увидел это и спас ее, прыгнув в море и вытащив на берег. Девушка была без сознания, и он отчаянно пытался привести ее в чувство — еще не зная, что этот поступок навеки и бесповоротно изменит судьбы их обоих.

— И этой девушкой была Лавиния, — шепчет она едва слышно.

Я киваю. Образ Лавинии всплывает в моем сознании, и уголки моих губ приподнимаются при воспоминании о том, какой упрямой она была.

— Она была упрямой, недоверчивой, но в то же время невероятно хрупкой. Совсем как любовь, которая их связывала. — Ком сжимает мне горло, но я не позволяю эмоциям взять верх. — Тебя удивит, но Артур не всегда был таким разрушительным. Когда-то у него был заразительный смех, перед которым невозможно было устоять. Порой он был немного хаотичным, но даже в его рассеянности проглядывала нежность. Стоило ему войти в комнату, как он излучал искреннее тепло, привлекавшее доверие, и каждый рядом с ним чувствовал себя под защитой. Его любили все.

Ясмин хлопает ресницами, на её лбу пролегает крошечная морщинка. Она не верит, и я, пожалуй, тоже не поверил бы, знай я только нынешнюю его версию.

— Нынешний Артур сожжен гневом изнутри. Он ни жив ни мертв. Он — пустая оболочка, которая дышит ради одной-единственной цели: мести.

— Что… — мурлычет она. — Что его так изменило?

— Лавинию убил Король Эдоардо, Ясмин. — Я делаю небольшую паузу, дозируя порцию информации, которую обрушиваю на неё.

Она приоткрывает губы, её взгляд метается из стороны в сторону в попытке найти недостающий фрагмент мозаики:

— Я не понимаю. — Она качает головой. — Зачем он это сделал?

Алази кладет руку ей на плечо:

— Помнишь, я говорила тебе, что ты не должна ничего чувствовать к Артуру? — Ясмин кивает. — Это потому, что вы с ней — как две капли воды. Вы обе связаны с ним проклятием. Ты, Ясмин, — точная копия Лавинии, женщины, которую он любил.

Её глаза округляются от ужаса. Она ищет моего взгляда в отчаянной попытке опровергнуть слова Алази. Но я киваю, и она вздрагивает так, словно кто-то вонзил ей кинжал прямо в грудь.

— Вот почему Артуру так тяжело видеть тебя перед собой каждый день, — объясняю я. — И пусть сейчас он кажется тебе бесчеловечным, знай: боль от смерти Лавинии разрушила его с такой силой, что он был готов ломать себе кости, лишь бы заглушить её. И я помню всё до мельчайших деталей. Я помню каждый день этих прошедших двух лет, потому что я — единственный человек, который видел, как он

погружается на самое дно и превращается в ту пустую оболочку, которой является сегодня.

Два года назад

Артур не уходит с холма. На нем та же одежда, что и неделю назад, а глаза опухли и покраснели. Он сидит на земле и смотрит в пустоту, не роняя ни слова. Он отказывается есть, отказывается уходить или заходить в дом Ольсенов. Он отказывается двигаться с места, где похоронена она.

Я опускаюсь на его уровень, ставя колени на холодный ковер из травы.

— Сейчас начнется ливень, Артур. Зайди внутрь хотя бы на пару минут. Переоденешься и вернешься.

— Я не могу оставить Лавинию одну, — мурлычет он с заплетающимся от слез голосом.

— Она бы не хотела, чтобы ты заболел, я уверен.

Слеза чертит дорожку по его лицу, пока он впивается пальцами в грязь, словно хочет, чтобы земля поглотила и засосала его целиком.

— Артур, — снова окликаю я его. — Что бы сказала Лавиния, увидь она тебя таким? Она была бы не рада. Сделай это ради неё, пошли со мной.

Он качает головой:

— Я не могу оставить Лавинию одну. Я не совершу ту же ошибку дважды. Я не могу оставить Лавинию одну на холоде. Она так плохо его переносит, у неё сразу синеют пальцы… Я должен быть с ней. Она забывает поесть и пропускает обеды, потому что слишком много работает, мне нужно приготовить ей что-то горячее. Да, потом я пойду заберу её с работы и провожу домой.

Он повторяет бессвязные фразы. Отрицание, шок и боль сменяют друг друга внутри него. Он не может принять факт утери, не допускает мысли, что больше никогда не сможет прикоснуться к ней, и сходит с ума. Он говорит с ней, зовет её, но она не отвечает, и он продолжает этот диалог сам с собой.

— Лавинии больше нет, Артур, — шепчу я. — Ты помнишь?

Первые капли дождя начинают падать с неба.

— Потому что я не защитил её. Потому что я не поверил ей. Потому что я не выбрал её. Потому что я не выслушал её.

С каждым словом он бьет себя по щеке, оставляя багровый след на коже. Я хватаю его за обе руки, стараясь не касаться голой кожи напрямую, и заламываю их за спину. Он вырывается, но крайняя степень истощения позволяет мне одержать верх, приложив чуть больше силы.

Дождь начинает хлестать с еще большей яростью. На его лице слезы смешиваются с водой, и обессиленный, он валится на землю в рыданиях, которые сотрясают каждый сантиметр его груди.

— Почему он не убил меня?..

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Глава 25

Я заставил их поверить, что не способен преодолеть эту никчемную защиту, и забился в угол, наблюдая за ними.

Интересно, каково им будет, когда они поймут, что я могу входить и выходить в любой момент? Я жду по двум причинам: ожидание смерти превратит их в безумных параноиков, грызущих друг другу глотки, и я намереваюсь обрушить их мир изнутри.

Одного за другим.

— Письмо номер 358

Артур

Королевство Америка

Вирджиния

Бал-маскарад.

Ежегодное событие, на котором королевство обожает выставлять напоказ свое богатство. От кухни до развлечений — каждая деталь выверена до мелочей, чтобы продемонстрировать статус самой могущественной нации. Отмеченные звездами шеф-повара со всей страны суетятся на кухнях, выдавая самые изысканные блюда, а королевский оркестр наполняет зал нежными симфониями. И всё это — с какой-то почти абсурдной легкостью, словно наши границы не горели ярким пламенем всего два дня назад.

Дворцовые служанки снуют туда-сюда с подносами, уставленными едой, в одной руке и бокалами вина в другой. Они передвигаются с лицами, скрытыми белыми масками, и отличить одну от другой практически невозможно. Я спускаюсь по последним ступеням и останавливаюсь возле кухни. Встаю на цыпочки и вытягиваю шею.

— А ты разве не должна соблюдать постельный режим?

Голос Терезы долетает до моих ушей с откровенным упреком. Я резко поворачиваюсь, готовая защищаться, но она хватает меня за руку и затягивает за колонну.

— Если дама Ингрид тебя увидит, тебе конец. Ты же в курсе?

— В курсе, но я ищу Габриэля. Это срочно, я не могу сидеть запертой в лазарете, пока снаружи творится настоящий ад!

— Еще как можешь! — шепчет она сквозь сжатые зубы, перекладывая пустой поднос под мышку. — Весь дворец делает вид, будто ничего не произошло, а кто мы такие, чтобы перечить верхам?

— Кстати, ты не знаешь, они поняли, как это произошло?

— Так вот зачем тебе Габриэль? Собрать сведения? Вирджиния, я напоминаю: ты получила разряд током, и тебе жизненно необходимо соблюдать покой, который прописал врач.

Я вздыхаю и опускаю взгляд:

— Я знаю, не переживай и… — Я хлопаю ресницами, уставившись на белые носки её обуви. — Стой, а где каблуки?

— Вот именно. И это просто благословение! Выдержать этот дурдом на каблуках было бы в десять раз тяжелее.

— А дама Ингрид? Она же накажет тебя, если заметит.

— Что ж, тогда ей придется наказывать весь двор, потому что не думаю, что кто-то осмелится ослушаться приказа Короля. — Она едва заметно приподнимает уголки губ в довольной улыбке. — Он запретил каблуки при дворе. Сказал, что цоканье его раздражает, и велел выдать всем нам эту удобную обувь. Ты не представляешь, какое это счастье — ходить и не чувствовать, как горит кожа.

— Оу, странно… — Я чешу затылок. — Он никогда раньше не вмешивался в дела двора.

— Вернемся к делу, я не могу торчать здесь вечно. — Она вытягивает шею и оглядывается. — Поскольку они пригласили всех королей и королев пяти королевств, Габриэль наверняка в зале со своим отрядом — следит, чтобы всё прошло без сучка и задоринки.

Как раз то самое место, куда сложнее всего пробраться. Проклятье. Мне придется войти и найти его так, чтобы не попасться на глаза ни даме Ингрид, ни Эдоардо.

Тереза похлопывает по карманам, достает новенькую белую маску и протягивает мне:

— Держи. Надевай, если хочешь войти, иначе дама Ингрид узнает тебя в ту же секунду, как ты ступишь в зал.

— Ты заранее знала, что я пойду туда? — Я затягиваю тесемку на затылке и поправляю маску на лице.

— У тебя всё на лице написано. Но тебе придется идти следом за мной и держаться подальше от столов. Тебе не стоит лишний раз злить даму Ингрид — она и так на пределе из-за того, что Король Эдоардо вставляет ей палки в колеса. Скажи Габриэлю, что хотела, и убирайся наверх как можно скорее.

Я киваю. Она уже собирается повернуться, но я останавливаю её:

— Подожди… Как Король вообще меня нашел?

— Тебе разве не рассказали?

Я качаю головой.

— Король Эдоардо лично пришел в корпус для слуг, чтобы найти тебя. Он вошел со своей свитой прямо в нашу комнату. Я только-только вышла из душа, в халате и с мокрыми волосами. Увидела его перед собой и подумала, что он сейчас отправит меня на плаху. Но он спросил про тебя! Я сказала, что не знаю, где ты, и он тут же отдал приказ перерыть весь дворец.

Я изгибаю бровь. Её слова оседают у меня в голове, застревая в воздухе: мне трудно найти в этом хоть какую-то логику. Ни один Король не спускается в покои обслуги и тем более не поднимает стражу на уши ради какой-то служанки.

— Ага, вот точно с таким же лицом стояли абсолютно все. Ладно, перетрем после бала, а сейчас пошли, пока никто не заметил, что я застряла.

Я киваю и иду за ней словно тень. Мы вливаемся в вереницу слуг, входящих в королевский зал. С потолка свисают массивные хрустальные люстры, проливая теплый свет на столы, покрытые кремовой тканью, и на танцпол, где несколько пар кружатся в танце. Красные дамасковые обои на стенах и зеркала в замысловатых позолоченных рамах дополняют эту изысканную обстановку.

Я бросаю быстрый взгляд по сторонам. Стражники обычно стоят по периметру зала, но отсюда я не могу разглядеть всё пространство. Тереза едва заметно кивает мне, и я прижимаюсь к занавеске у окна, прячась, пока она идет дальше. Выглядываю краем глаза: дама Ингрид шествует между столами, передвигаясь от гостя к гостю с ослепительной фальшивой улыбкой.

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Я резко отворачиваюсь — по коже бегут мурашки. Я встаю к ней спиной, чтобы не привлекать внимания. Справа от меня возвышается резная деревянная стойка с рядами винных бутылок. Я делаю вид, будто поправляю их, старательно опустив голову.

— Решила приложиться к вину? Отличный выбор. Как еще переживать подобную тоску, если не глушить алкоголь? — Мужской голос заставляет меня поднять взгляд.

Два глаза цвета дубовой коры смотрят на меня из-за красной маски. Незнакомец протягивает пустой бокал и растягивает губы в улыбке, демонстрируя белоснежные зубы.

— Налей-ка и мне немного, а не то я рискую совершить самоубийство от скуки.

Я киваю, сохраняя опущенную голову, но что-то в его голосе кажется мне знакомым. Нет, сейчас не время цепляться за детали. Я беру бутылку и наливаю красное вино в его бокал.

— А вы в Королевстве Америка не слишком-то разговорчивы.

— Дворцовым слугам запрещено разговаривать с гостями. — Я ставлю бутылку на стол и слегка кланяюсь, собираясь отступить. — Надеюсь, вам понравится, Ваше Высочество.

— Ваше кто? — хохочет он. — Я тебя умоляю, зови меня Нанук. — Он протягивает в мою сторону свободную руку, и в моей голове вспыхивает молния.

Вот где я его видела… Правитель Гренландии, пришедший к власти после смерти отца два года назад.

— Нам не положено прикасаться к гостям. Надеюсь, вы не обидитесь, — шепчу я.

Он опускает руку:

— Никаких обид. В чем твоя вина, если у этого королевства дерьмовые правила? — Он делает глоток с закрытыми глазами и утирает уголки губ тыльной стороной ладони, совершенно не заботясь о королевском этикете. — Как тебя зовут, милая?

— Вирджиния, Ваше Высочество.

— Вирджиния, если ты еще назовешь меня «Ваше Высочество», я сгребу тебя в охапку и протащу через весь зал. Что скажешь? Справишься со своей речью без этих унылых титулов?

Я сглатываю, и от одной этой мысли у меня сжимается желудок:

— Да, Ва… — Я прикусываю щеку изнутри. — Как угодно… — Я хлопаю ресницами и замолкаю.

Его смех заполняет пространство, а мои щеки заливает краска. Боже, какой позор.

— Ты становишься цвета помидора… Или, может, вишни? Эдакий микс из всего красного… Дай-ка подумать, м-м-м… — Он наклоняет лицо до уровня моего, и желудок скручивает в тугой узел. Я делаю шаг назад, и он изгибает бровь: — Ты что, боишься меня, Вирджиния?

Я качаю головой:

— Нет, но я не хочу неприятностей с начальством, — шепчу я. — Разговаривать запрещено…

— С гостями, да-да, я усвоил это дурацкое правило. Ты поэтому спряталась за шторой?

Я глотаю воздух. *Он меня видел?* Я бросаю быстрый взгляд влево и вправо. К счастью, на наш угол никто не обращает внимания.

— Ты чего? Разведываешь обстановку? Значит, ты на секретной миссии, я с тобой.

— Нет… Я просто не должна здесь находиться, — поясняю я и отступаю на шаг.

Его глаза следят за каждым моим движением, а губы расплываются в улыбке. Он повторяет мои движения, будто это веселая игра, и начинает рассеянно оглядываться по сторонам.

— Я сама справлюсь, — процеживаю сквозь зубы.

— А что плохого, если я помогу?

— Это привлечет внимание.

— Ты уверена? Потому что, дорогая Вирджиния, прямо к нам движется какая-то жуткая женщина. И судя по служанкам, одетым так же, как ты, это твоя начальница.

Сердце подступает к горлу, мысли путаются со скоростью света. Даже если я отвернусь, она может задержаться или, того хуже, спросить, почему я стою без дела, а не несу пустые подносы. Нужно успокоиться.

— Ты вся побледнела, — шепчет он. — Ладно, пора играть в героя.

Он делает шаг ко мне с бокалом в пальцах, шаг за шагом сокращая расстояние между нами и заставляя меня отступать. Мои лопатки упираются в оконную раму, а его внушительная фигура возвышается надо мной, полностью закрывая меня от посторонних глаз.

Он пожимает плечами:

— Проблема решена.

Мои пальцы сжимают подоконник, снимая напряжение, разъедающее меня изнутри. Я выглядываю из-под его руки и замечаю, как дама Ингрид останавливается у стойки и активно жестикулирует. Я не слышу слов, но служанки хором кивают и начинают собирать пустые бутылки. Я выдыхаю с облегчением и расправляю плечи, наблюдая, как она отходит к другим столам. Была на волоске. Без помощи Нанука она бы меня точно засекла.

— В Королевстве Америка не принято говорить «спасибо», или это тоже запрещено законом под страхом смертной казни через обезглавливание?

Я поднимаю лицо, и наши взгляды встречаются.

— Почему? — шепчу я едва слышно.

— Почему нужно благодарить? Ну, мой папа говорил, что если не скажешь «спасибо», придет медведь и сожрет твои внутренности. Как по мне, быть съеденным живьем — так себе смерть. Не то чтобы я пробовал, но вполне могу себе представить.

Я хмурю лоб:

— Я имела в виду: почему вы мне помогли?

— А-а… — Он кривит губы. — Погоди, ты что, только что обратилась ко мне на «вы»?

Я прикусываю нижнюю губу и собираюсь ответить, но мужской голос раскатом грома разрывает воздух, и каждая клеточка моего тела цепенеет.

— А вот мы с вами видимся лично впервые.

Эдоардо пригвождает Нанука мрачным, тяжелым взглядом. Черная маска закрывает половину его лица, оставляя открытыми губы, изогнутые в жуткой, леденящей душу улыбке. Темно-синий костюм из дорогой ткани, скроенный точно по его поджарой фигуре, придает ему мрачный, но изысканный вид. Волосы зачесаны назад с гелем, на запястье блестят серебряные часы. Справа от него стоит королевский советник.

Нанук поворачивается со снайперским спокойствием, закрывая меня корпусом, и я замираю за его спиной. Я бросаю быстрый взгляд: они стоят друг напротив друга — одного роста, но совершенно разного телосложения. Нанук более крупный и мощный, Эдоардо по сравнению с ним — более поджарый и элегантный.

— Ваше Высочество. Хотел поприветствовать вас раньше, но вы были слишком заняты. Мне нужно кланяться?

— Можем обойтись без любезностей, Ольсен. — Он произносит его фамилию с отвращением, которое даже не пытается скрыть. — Смотрю, вы приятно проводите время.

Кровь стынет у меня в жилах. Если бы я могла, я бы вырыла себе могилу прямо здесь.

— О да, ваши дворцовые служанки просто прелестны, — отзывается Нанук с ноткой веселья в голосе. — Правда, чересчур послушны правилам, если позволите замечание.

Я слегка приподнимаю голову, не веря своим ушам, но он лишь удовлетворенно улыбается своим же словам. *Он сумасшедший.* Ему абсолютно плевать на благосклонность самого могущественного Короля и на хорошие отношения с ним. В отличие от остальных правителей, которые вьются вокруг Эдоардо как собачонки, Нанук не лебезит, а откровенно провоцирует его почти детскими колкостями.

— Правила позволяют удерживать людей на своих местах. Вашим землям это бы не помешало… И кстати, надеюсь, вы оправились после последнего неприятного инцидента?

Нанук перестает улыбаться. Он смачивает губы и приоткрывает их:

— Вы имеете в виду те стратегически заложенные бомбы, которыми вы убили и покалечили десятки мирных жителей, Ваше Высочество?

Эдоардо изгибает бровь:

— Мы ранили мирных жителей, советник?

— Да, Ваше Высочество, — чеканит советник подле него, не моргнув и глазом.

— Оу, какая оплошность. — Легкая гримаса искажает его лицо. — Я совсем этого не учел. Но, надеюсь, вы не держите зла? В конце концов, что было, то прошло.

— Никакого зла, моё присутствие здесь — лучшее тому доказательство, — парирует Нанук, и воздух раскаляется до такого предела, что я с трудом делаю вдох.

— Государь, нам пора объявлять бал, — шепчет советник, опуская взгляд на наручные часы.

— Бал, разумеется. Вы пришли один? Вам не с кем танцевать?

— Моя сестра осталась в покоях, ей не поздоровилось во второй половине дня. Но у вас тут такой богатый выбор… Если, конечно, дворцовым служанкам разрешено выходить на паркет.

Эдоардо прищуривается:

— Советник, проводите нашего гостя к его столу, иначе он пропустит начало бала.

— Слушаюсь, Ваше Высочество. — Советник кивает и полупоклоном приглашает Нанука следовать за ним. — Прошу вас, сюда.

Наконец эта пытка заканчивается. Теперь мне нужно просто убраться отсюда так, чтобы Эдоардо меня не заметил. Я оглядываюсь и замечаю у дверей двух стражников, стоящих спиной. Прищуриваюсь, но с такого расстояния не могу разглядеть, Габриэль ли это. Прическа та же, вполне может быть…

Что-то касаются моей руки: Нанук берет мою ладонь и прижимается губами к тыльной стороне.

— Был рад знакомству, милая.

Мои щеки вспыхивают ярким пламенем. Если бы я могла испариться в воздухе или провалиться сквозь землю, я бы сделала это мгновенно. Он доволен моей реакцией, поворачивается и идет за советником в центр зала. Эдоардо сжимает челюсть, и его взгляд падает на мою руку с такой тяжелой, давящей силой, что по коже бегут мурашки. Я прячу руку за спину и уставляюсь в пол.

— Ваше Высочество, уделите мне минуту внимания. Я представляю интересы ряда европейских торговых операторов, мы бы хотели обсудить с вами предложения по расширению торговли…

Мужчина в пиджаке и галстуке спасает меня в самый последний момент. Я пользуюсь возможностью и ускользаю к главным дверям. *Не оглядывайся, не оглядывайся, не оглядывайся.* Я огибаю танцпол и смешиваюсь с группой служанок, покидающих зал с пустыми подносами. Они выстраиваются в идеальную вереницу, к которой я примыкаю, пока не добираюсь до дверей, а оттуда отделяюсь и подхожу к двоим стражникам.

— Ты какого черта здесь делаешь?! — пораженно спрашивает Габриэль.

— Я тебя искала, — шиплю я.

Он отводит меня в сторону:

— Разве ты не должна лежать? А если дама тебя увидит? — Он понижает голос, тревожно оглядывая зал. — Мне не нравятся твои идеи. В прошлый раз, когда я тебя послушал, ты попала в лапы этой сумасшедшей, получив разряды током, а в качестве объяснения я услышал только историю про тележку для уборки!

— Где она сейчас?

— Ты меня вообще слушаешь?! По-моему, ты совсем отключила мозги.

— Я слушают тебя! Но не могу ничего объяснить здесь. Сначала скажи, где тележка, она мне срочно нужна, и я клянусь, что потом всё тебе расскажу. Обещаю. Я хоть раз втягивала тебя в неприятности, не уладив всё потом?

Он хмурится:

— С первого дня нашего знакомства! Мне напомнить про фарфоровую вазу?

Я вздыхаю. *Да что же мне все сегодня про неё напоминают?!* Я вскидываю руки:

— Ладно, ладно! Но всё всегда было из лучших побуждений! Так что, пожалуйста, скажи, где эта тележка, чтобы я могла отсюда уйти.

— В крыле Жрецов.

— Что?! — я едва не кричу. — Но ты разве не ушел оттуда? — задыхаюсь я едва слышным шепотом.

— Да, но стражник, таскающийся с тележкой для уборки, вызывает подозрения. Мне пришлось оставить её в ближайшей каморке, в боковом коридоре.

Я поверить не могу. Из всех углов дворца он выбрал самый труднодоступный! А если кто-то её забрал? Нет, нельзя паниковать. Я выдыхаю и одаряю его свирепым взглядом, выражающим всю мою фрустрацию.

— Чего ты на меня так смотришь?! Я бы забрал её, но пока дама пытками выбивала из тебя дурь, пока горели границы и организовывался этот маскарад, я был слегка занят!

Я вздыхаю:

— Я пойду забрать её.

— Сейчас?!

— А когда, если не сейчас? Это единственный момент, когда все заняты балом, я не могу больше ждать. — Я поворачиваюсь, но его рука хватает меня за локоть.

— Пойду я. Ты как пить дать устроишь взрыв или что-нибудь в этом роде.

— Очень смешно, правда. Но пойду я. Если ты уйдешь со своего поста, у тебя будут проблемы.

— Не будут, я быстро, а мои меня прикроют. — Он поднимает руку, адресуя жест стражнику чуть дальше по коридору, и тот отвечает коротким кивком. Габриэль ухмыляется: — Видала?

Мы выходим из бального зала. Я следую за ним в холл, но он резко останавливается и оборачивается:

— Ты ждешь здесь, в углу! Не идешь со мной и не усложняешь мне жизнь!

Я вскидываю руки и отступаю спиной к стене:

— Всё что угодно, только поскорее!

— *«Всё что угодно, только поскорее»,* — кривляется он, имитируя мой голос.

Я испепеляю его взглядом, и он тут же принимает серьезный вид.

— В один прекрасный день ты попросишь меня вскрыть Государственный банк, — бубнит он себе под нос, удаляясь по коридору.

— И ты всё равно мне поможешь! — бросаю я вдогонку, но он не оборачивается и идет дальше, пока не скрывается из виду. Не услышал.

Я прижимаюсь плечами к стене и делаю глубокий вдох. Звуки музыки внезапно обрываются, и голос Эдоардо эхом разносится между стен:

— Я знаю, большинство из вас полагало, что это событие будет отложено. Но пара пожаров не способны пошатнуть могущество нашего королевства. Ваше присутствие здесь сегодня — демонстрация для наших врагов. Пусть они поймут: нападение на одного из нас означает нападение на все пять королевств!

Его слова звучат уверенно и твердо, вызывая шквал аплодисментов по всему залу.

— А теперь — пусть бал начнется!

Музыка снова наполняет пространство. Я подхожу к дверному косяку и слегка подаюсь вперед — ровно настолько, чтобы увидеть Эдоардо, танцующего с девушкой с длинными рыжими волосами в восхитительном голубом платье с цветочной вышивкой. Он обнимает её за талию одной рукой, а другой удерживает её ладонь. Они двигаются с такой безупречной синхронностью, что танцпол пустеет, оставляя их одних в самом центре. Они приковывают к себе взгляды всех присутствующих: каждый их шаг рисует утонченную, безукоризненную и величественную картину. Эдоардо шепчет что-то ей на ухо, она смеется, прикрывая рот ладонью, и её золотые серьги переливаются в лучах света.

В желудке сосет, а грудь сжимает глухая пустота — полная противоположность той радости, что сияет в глазах Верховного жреца.

— Наша будущая Королева выглядит мило, — шепчет один из стражников своему напарнику, и мои уши подхватывают их разговор на автопилоте.

— И она очень влиятельна — дочь Короля Европы, — отзывается второй.

— Красивая, могущественная и хваткая. Король Эдоардо не мог и мечтать о лучшем.

Я смотрю, как она прижимается к груди Эдоардо, кладет руку ему на затылок и касается его без тени смущения, без спешки. Не таясь, не нарушая правил и не боясь быть пойманной. Свет софитов следует за ней, заливая её сиянием, а я вжимаюсь в

тень затаившегося угла возле фуршетных столов. Я сутулю плечи. Горькое чувство прорастает во мне, но я тут же хороню его глубоко внутри. Разумеется, ей можно. Она — идеальная кандидатура в момент кризиса: армии Королевства Европа станут колоссальной опорой, и было бы глупо упускать такую возможность. Я провожу ладонями по плечам, гладя их, будто пытаясь стереть дорожку мурашек, бегущих от кончиков пальцев ног до самой макушки.

Сигнал тревоги разрывает романтичную атмосферу, заставляя взбиться всех присутствующих. Вооруженная охрана берет Эдоардо в кольцо, закрывая его от меня, а автоматические защитные жалюзи опускаются на окна, наглухо запечатывая их. Стражники мгновенно перестраиваются в боевой порядок, чтобы обеспечить безопасность гостей, метающихся в общей панике. Никто не понимает, что происходит. Дворцовые служанки выстраиваются вдоль стен в ряд — в позу, которой нас обучали на случай внешнего нападения. *Кто нападает? И откуда?*

Я поворачиваюсь и вижу отряд солдат, на полной скорости несущийся через холл. Не раздумывая ни секунды, я срываю маску с лица и устремляюсь за ними.

— Что происходит?!

— Вернись на место, девчонка! — огрызается один из них.

— Только после того, как узнаю, что случилось!

Он оборачивается с винтовкой в руках, его зеленые глаза тут же метают молнии:

— Сигнал тревоги поступил из крыла Жрецов! А ну марш к остальным, пока мы не проверили… Эй! Ты куда?!

Мои ноги бегут сами собой. Я несусь по коридору под оглушительный стук собственного сердца в ушах, с пересохшим горлом. *Это просто тревога. Обычная тревога.* Но я не могу остановиться и подумать: дыхание вырывается из груди, а разум отказывается слушать логику. Я заворачиваю за угол, но кто-то резко и грубо дергает меня назад.

— Продвигаемся вперед! — Солдат, с которым я говорила, сжимает мое плечо, а мимо нас проносится вооруженный отряд, готовый к бою. — Не дергайся, пока мы не поймем, что происходит. Это опасно.

— Я просто хочу узнать, в порядке ли мой друг… Он стражник, и он был в этом крыле, — мурлычу я с комом в горле, от которого дрожит голос.

Он открывает рот, чтобы ответить, но тут же замолкает и прижимает указательный палец к гарнитуре в ухе. На его лбу залегает глубокая морщина.

— Принято, уже иду. — Он переводит взгляд на меня, отпускает мою руку и делает знак идти за ним. — Возможно, ты понадобишься нам для опознания.

Одна моя часть не понимает этих слов, а вторая слишком перепугана, чтобы спросить, что он имеет в виду. Я иду за ним следом, с каждым шагом дыхание становится всё короче, а воздух напитывается приторно-сладким запахом, вникать в который у меня нет никакого желания. Ковер под ногами покрывается темными пятнами. Я поднимаю взгляд — те же брызги темного цвета покрывают стены. Я прячу дрожащие руки за спину, но это бесполезно.

Ужас, материализующийся передо мной, настолько кошмарен, что я забываю, как дышать.

Пятеро стражников с разорванными глотками лежат на полу в луже крови. Посиневшие губы, широко разинутые рты и застывший в распахнутых глазах первобытный страх. Солдат что-то говорит мне, но его голос не доходит до сознания. Мой взгляд прикован к измятой форме стражника в углу.

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Я делаю шаг вперед, и мое сердце рассыпается на тысячи осколков.
Габриэль.

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Глава 26

Прошу у тебя прощения, Лавиния.
Я не смогу спасти Рантала прямо сейчас,
но обещаю тебе: за каждую царапину, которую я найду на его коже,
я обрушу на них весь ад.
— Письмо номер 386
Артур

Ясмин

— Мне не нужно столько подушек! — взрывается папа. — Ты просто так закрываешь мне телевизор!

Мама вздыхает:

— Без фокусов, Ханс. Врач сказал, что ногу нужно держать вытянутой. Ясмин, доченька, подашь мне тот плед?

Я беру его со стула и протягиваю ей:

— Тебе придется нас слушаться, иначе мы отвезем тебя обратно в больницу и попросим продержать тебя там еще недельку, — угрожаю я.

— Я не хочу видеть больницы как минимум ближайшие лет пять. Я больше не мог есть эту пресную дрянь. — Папа кривит губы в отвращенной гримасе.

Мама укрывает его ноги пледом и подкладывает еще одну подушку под пятки. Он похож на упакованную салями. Я прикусываю щеку изнутри и сдерживаю улыбку.

Лоффи проносится мимо меня и быстрым прыжком сваливается папе прямо на руки. В руках у него миска с попкорном, крошки от которого мгновенно усыпают папину грудь. Ханс сжимает губы и гладит его по голове.

— Лоффи! Осторожнее, ты сделаешь ему больно, он еще не совсем поправился! — журю я его.

— Папа, а когда ты вернешься домой, мы пойдем вместе на рыбалку? — звонко щебечет он, полностью игнорируя мои слова. Как об стену горох. Я опускаюсь в кресло рядом.

— Само собой, сынок! Дорси никогда не сдаются. Нам нужно наловить хорошей свежей рыбы на продажу и скорее вернуться в строй. — Он поглаживает бороду. — С этой нерабочей ногой будет тяжело, но нет ничего, с чем не справилось бы хорошее вино!

Я закатываю глаза. Ханс Дорси верен себе. Алкоголь и деньги — единственные источники счастья, о которых он способен думать. Мама метает в него молнии.

— Даже не заикайся об этом! — отрезает она. — Ты будешь держаться подальше и от алкоголя, и от рынка. Опасность еще не миновала.

— Твоя мать сгущает краски! Ольсены заставили саперов проверить каждый сантиметр земли, там больше нет ни мин, ни взрывчатки. Об этом уже несколько дней твердят по новостям. И если бы ты отодвинулась, я бы смог досмотреть последние новости! — парирует он.

— Я не сдвинусь с места, пока до тебя не дойдет, что нельзя делать всё, что вздумается! Опасность всегда за углом, и я не хочу снова переживать этот дикий страх — потерять хоть кого-то из вас! Я… — Её голос трепещет, она замолкает, и глаза увлажняются. — Мы не знаем, как поступит Королевство Америка. Они

непредсказуемы… и могут решить наказать нас снова, просто чтобы продемонстрировать свою власть!

Её самообладание рушится, и страх тянет уголки её губ вниз.

Я встаю и кладу руку ей на спину:

— Мама, успокойся. Присядь на минутку. — Я глажу её по спине, провожая к креслу. — Посмотри на нас: мы все здесь, и я обещаю тебе, что мы будем очень осторожны.

Она дарит мне хрупкую улыбку, сжимает мою ладонь в своей, и я отвечаю на пожатие.

— Никто не причинит вам вреда.

Она поднимает бровь:

— И тебе никто не причинит вреда, доченька. Ты не должна подвергать себя опасности ни под каким видом, — возражает она.

Я киваю, и её плечи опускаются — она расслабляется. Меня больше не удивляет то, с какой легкостью я лгу. Я скрываю пламя силы, бушующее внутри меня, лишь бы защитить их, и чувство вины растворяется далеким эхом.

Я сажусь рядом с ней. Ханс делает телевизор громче, и с экрана хлынувшими кадрами на нас обрушивается ужас, от которого я вздрагиваю.

— Это что, кровь?.. — задыхается Лоффи.

— Лоффи, закрой глаза, — шепчу я.

— Ханс! — окликает его Мари, и тот закрывает глаза Лоффи ладонью, перекрывая ему обзор.

Камера фиксирует вереницу трупов, лежащих на полу и залитых кровью. Я вглядываюсь в каждую деталь с подступившим к горлу сердцем, и по коже бегут мурашки. Блондинка с микрофоном в руке берет слово, титры под её изображением обозначают её как «специального корреспондента»:

«Предполагается, что нападавшие — опытные и опасные наемники. Они проникли во дворец во время бала-маскарада, обводя вокруг пальца системы безопасности, и убили стражников, находившихся в восточном крыле дворца. Король Эдоардо заявил, что это жестокое нападение не останется безнаказанным. Полиция подозревает наличие "крота" внутри королевства, помогшего им обойти контроль».

В моей голове всё становится предельно ясно. Это были они: Нанук, Алази и Артур. План, о котором говорил Элайджа, предусматривал проникновение, чтобы вытащить человека, запертого в подземельях. И они сделали это, оставив за собой кровавый след из трупов.

— Да благословит Бог этих нападавших, — усмехается Ханс.

Мари пару месяцев назад отчитала бы его за такие слова, но на этот раз она кивает. Я едва узнаю её.

— Теперь и они поплачут над своими мертвецами — так же, как мы плакали над своими, — добавляет она.

Я выдыхаю. Мне хотелось бы порадоваться вместе с ними, но жестокий сценарий, всплывающий в моей памяти, сжимает желудок спазмом.

Дзинь-дзинь. Кто-то звонит в дверь. Мари поднимается на ноги:

— Я пойду посмотрю, кто там. Ханс, переключи канал, а Лоффи, не ешь попкорн на диване, ты засыпал весь ковер!

Лоффи кивает, но стоит маме скрыться из виду, как он набирает полный кулак попкорна и целиком запихивает его в рот. Ханс слишком занят переключением

каналов, чтобы заметить это, и Лоффи повторяет жест еще дважды, рассыпая крошки по полу.

— Лоффи, — шиплю я сквозь зубы.

— Чего? — мычит он.

— Что значит «чего»?! Посмотри, какой бардак ты устроил! — Я опускаюсь на колени и собираю крошки, рассыпанные по ковру.

— Сестрёнка, а почему ты грустная?

— Я не грустная.

— Ты врешь, — парирует он. — Я понимаю, когда ты врешь, я уже не маленький! Ты грустишь из-за тех убитых людей?

Я поднимаю взгляд, и его темные глазенки пристально вглядываются в меня.

— Когда кто-то умирает — это всегда плохие новости, Лоффи.

— Даже если они причинили нам боль?

Я колеблюсь с ответом, опускаю взгляд и собираю последние остатки попкорна в ладонь.

— Да… даже если они причинили нам боль, — шепчу я едва слышно.

Моя ложь растет горой над моей головой. Я участвую в плане Артура, чтобы уберечь свою семью, и ставлю под удар чужие… Но была ли эта бойня действительно необходима?

— Ясмин, это к тебе! — мамин голос доносится из прихожей.

Я поднимаюсь на ноги, смахиваю крошки на стол и иду к двери. На пороге я вижу Алази в темно-коричневой кожаной куртке. Она поднимает руку и делает мне скромный знак. *Они вернулись.*

Я чувствую волну облегчения от вида её живой и невредимой, но маленький пластырь пересекает её лоб, и я задаюсь вопросом, сколько еще ран она скрывает под одеждой.

— Привет, Ясмин. Я говорила твоей маме, что нам нужна помощь с доставкой припасов. Поможешь нам?

Доставка припасов — это планирование последней части плана.

— Оу… — шепчу я. Мари понимающе кивает мне, и я выдавливаю подобие улыбки: — Да, конечно. Только надежную куртку — и я с тобой.

— Жду тебя в машине. — Её губы изгибаются в легкой улыбке. — Госпожа Мари, была рада снова вас видеть!

— Взаимно, милая! Наши двери всегда открыты, если захочешь зайти на чашечку кофе в следующий раз!

Алази отходит, а я иду к вешалке, беру пальто и надеваю его.

— Мама, напиши мне, если что-то случится. Я постараюсь не задерживаться.

Я нагибаюсь и обуваю сапоги.

— Не переживай, милая, — отвечает она.

Я быстро целую её в щеку и спешу к черной машине, стоящей на асфальте у края дороги. Открываю дверцу, сажусь рядом с Алази, и автомобиль тут же трогается.

— Извини, что я так бестактно ввалилась к твоим. Я пришла не вовремя?

— Нет, что ты. Ханса только что выписали из больницы, — объясняю я. — Миссия прошла успешно?

Она кивает и убирает прядь волос за ухо:

— Это был абсолютный успех. Мы вытащили Рантала, Королевство Америка погрузилось в хаос, и всё прошло точно по плану.

— А этот пластырь на лбу?

— А это мог быть удар в грудь. Стражник появился из ниоткуда… Наверное, услышал шум, иначе я не могу объяснить его роковую пунктуальность. Он зашел со спины, я уже думала, что отброшу коньки, но Артур прикончил его одним точным ударом по сонной артерии.

Я сглатываю, отвожу взгляд и поворачиваю голову к окну. Дорога мелькает перед глазами, но в моем сознании снова всплывают кадры с утопающими в крови телами тех людей из выпуска новостей. Я выдыхаю, позволяя напряжению немного отпустить.

— Ты бы предпочла, чтобы тот стражник убил меня?

Мой взгляд резко въедается в её глаза:

— Что ты такое говоришь?! Разумеется, нет!

— Ну, ты не выглядишь особо счастливой. Возможно, ты бы предпочла другой исход.

— Я не выгляжу счастливой просто потому, что не умею радоваться гибели невиновных людей. Вот и всё.

— Это были дворцовые стражники, — поправляет она, и гримаса отвращения искажает черты её лица. — Послушай, я знаю, что ты к такому не привыкла, но суровая реальность такова: либо они убьют нас, либо мы — их. И ты прекрасно знаешь, что милосердием они не отличаются.

Я открываю рот, готовая возразить, но резкая пронизывающая боль простреливает висок, заставляя меня сжать зубы.

«Тебе лучше было не смотреть на него, Лавиния».

Я резко поворачиваюсь. Вирджиния стоит, прислонившись к дверному косяку, и протягивает мне полотенце, которым я вытираю лицо и лоб.

«Я в порядке», — вру я.

«Ну еще бы… И почему тогда у тебя такой вид, будто ты сейчас душу выплюнешь?» — парирует она.

Я хлопаю ресницами и прикладываю ладонь ко лбу. Алази шевелит губами, что-то говорит, но её голос не доходит до меня, а зрение снова застилает пелена.

«Не вини себя, Лавиния. Твоя чуткость — это дар, поверь мне. Ты не должна прятать её или пытаться перекроить в то, что тебе чуждо».

— Ясмин?

Я впиваюсь ногтями в сиденье:

— Что?

— Ты в порядке? Ты бледная как полотно.

Я опускаю стекло и позволяю холодному воздуху обжечь мне щеки. *Что я только что увидела?!* Я закрываю глаза и делаю глубокий вдох. *Кто такая Вирджиния?* Я массирую шею, чтобы снять зажим, но чувствую, будто меня затягивает в зыбучие пески. Я ведь не касаюсь Артура, я даже не рядом с ним… и всё же…

Что-то касается моей руки. Я вздрагиваю и резко оборачиваюсь. Алази протягивает мне бутылочку воды.

— Сделай глоток, тебе станет лучше.

Я беру её:

— Спасибо, — еле выговариваю я пересохшим горлом. Прижимаю бутылку к губам и делаю долгий, жадный глоток, чувствуя долгожданную свежесть.

— Я не хотела нападать на тебя только что, — тихо говорит она, смягчая тон. — Я понимаю, что всё, о чем ты только что узнала, нелегко переварить. И даже если ты мне

не веришь, я всегда была на твоей стороне. Я никогда не намеревалась использовать тебя.

Я закрываю бутылку:

— Я знаю, — я выдавливаю подобие улыбки. — Ты пыталась предупредить меня насчет Артура по-своему, а я тебя не послушала. — Машина притормаживает и останавливается на светофоре. — Это не твоя вина, а моя. Я поддалась эмоциям и не смогла совладать с собственным телом.

— Мне очень жаль, — добавляет она совсем тихо, и машина снова трогается с места.

Я пожимаю плечами и выдыхаю:

— Знаешь, я всегда задавалась вопросом: почему Артур каждый раз смотрел на меня с такой дикой ненавистью? Будто я — его худший кошмар, кость в горле и погибель всей его жизни. Теперь я понимаю. Я — отражение женщины, ради которой он рушит этот мир. И каждый раз, глядя на меня, он вспоминает, что потерял её.

И я была дурой. Я сжимаю пальцы вокруг бутылки, пытаясь заглушить покалывание в подушечках пальцев.

— Я могу спросить, что именно произошло между вами во время первой миссии?

— Ничего из того, что я не смогла бы забыть, — шепчу я, и её глаза следят за мной с тревогой. — Не переживай, я справлюсь. Сама мысль о новой встрече с ним заставляет меня нервничать, но я не собираюсь бегать от него как маленькая девочка. Я доведу этот план до конца, а потом мне больше не придется крутиться возле него и смотреть на его бесконечное насилие.

— Ты правда собираешься так поступить?

— У тебя есть предложение получше?

Она качает головой:

— Нет. Главное — не меняй решения. Я не хочу, чтобы он причинял тебе боль… И я должна сказать тебе кое-что еще, хотя не уверена, что тебе это понравится.

Я усаживаюсь поудобнее:

— Я слушаю. — Краем глаза я замечаю, как открываются ворота Ольсенов.

— Ты знаешь, что мы вытащили Рантала — человека, запертого в подземельях… Врач уже осмотрел его. Так вот: помимо тяжелого истощения и обезвоживания, он диагностировал у него болезнь Паркинсона.

Я приоткрываю губы:

— Оу… — Я даже представить себе не могу, до какого состояния его довели. От одной этой мысли по коже бегут мурашки.

— Дело в том, что сейчас он в спутанном сознании. Доктор настоятельно рекомендовал не шокировать его плохими новостями, а подыгрывать ему.

Тяжелый груз давит мне на грудь, и мои худшие подозрения становятся реальностью:

— Это значит, что я должна притворяться Лавинией. Так?

Она поджимает губы, подтверждая мои догадки. Машина останавливается, и водитель выходит, чтобы открыть нам дверцу. Между нами повисает тишина. Я киваю, ничего не добавляя. Расклад сил в моей голове снова меняется: если раньше я носила облик Лавинии, даже не подозревая об этом, то теперь я должна сознательно играть её роль.

Я выхожу из машины. Алази берет меня за руку, и её глаза пристально изучают мое лицо.

— Я в порядке, — шепчу я. — Мы можем идти.

Она разжимает пальцы:

— Выглядишь не особо убедительно, просто чтобы ты знал.

Она опускает дверную ручку, и я иду за ней внутрь. Мы идем по длинному коридору, но перед самым поворотом она останавливается у вешалки. Снимает куртку и вешает её. Я повторяю её движения, но покалывание в пальцах превращает любое движение в пытку. Я сжимаю и разжимаю кулаки, подавляя порыв призвать огонь, и вешаю пальто.

Он здесь. Присутствие Артура проникает мне прямо под кожу, вгрызается в мои кости, и каждый микроскопический фрагмент моего самообладания разлетается в прах. Я задерживаю дыхание и иду за ней. Сердце колотится всё быстрее, я прижимаю ладонь к груди. Каждая клетка моего тела узнает его еще до того, как я его увижу — и от этого ощущения я будто на седьмом небе от счастья. *Но нужно сохранять спокойствие.* Всё, что я чувствую — лишь результат безумного проклятия. Ничего из этого не реально, и этот кошмар скоро закончится.

— Дядя Рантал, да ты просто мастер! Этак ты меня снова разгромишь!

Голос Артура поднимает целое буйство бабочек в моем животе, но на этот раз он не холодный, не жесткий и не режущий. Его голос звучит мягко и тепло — так, как он звучал лишь в украденных мною воспоминаниях.

Мы останавливаемся на пороге гостиной. Алази замирает, и я вместе с ней. Я следую за её взглядом, и у меня едва не отваливается челюсть.

Артур сидит на коленях прямо на ковре, держа в пальцах веер из карт, и разглядывает те, что разложены на стеклянном столике перед ним.

— Молодой человек, на этот раз тебе не выкрутиться! — скрипит седой старик с белоснежными волосами, сидящий на диванчике напротив Артура. Горб на спине заставляет его сгибаться даже в сидячем положении, а когда он улыбается, морщины на его лице становятся еще глубже. Ввалившиеся щеки, потрескавшиеся губы, багровые синяки вокруг правого глаза и кожа настолько истонченная, что кажется папиросной бумагой.

— Скажите мне, что вы видите то же самое, что и я, — шепчет Нанук.

Я хлопаю ресницами и поворачиваю голову:

— И это… Рантал? — спрашиваю я.

Нанук кивает, прислоняясь спиной к дверному косяку, и разглядывает Артура так, словно перед ним редчайший вид, находящийся на грани вымирания:

— А тот, кто играет с ним в карты — это пришелец, который сожрал Артура, принял его облик, притворился им и теперь пытается понять, как выжить на планете Земля.

— Тебе нужно меньше смотреть всякое дерьмо по телевизору, — мурлычет Алази.

Артур тянет карту из колоды и передает ход Ранталу. Тот протягивает дрожащую руку к колоде, но его пальцы трясутся так сильно, что ему с трудом удается сделать даже минимальное движение вперед. Артур сам пододвигает колоду ближе к его пальцам, и старик наконец вытаскивает карту.

— А вот тебе и тройка пик! — квохчет Рантал утробным голосом, выкладывая карту на стол и демонстрируя улыбку во все тридцать два зуба.

— Ты снова умываешь меня! Поверить не могу, ты стал настоящим асом. Дай-ка подумать… что мне делать? — Артур разглядывает карты в руках, кривит губы и снова тянет карту из колоды.

— Он делает это специально, — шепчу я.

— Это продолжается уже полчаса — бесконечная партия, в которой пришелец, сожравший Артура, тянет карты каждый ход, делая вид, будто у него нет нужных, — отвечает Нанук. — Честно говоря, от этого проявления доброты у меня сейчас диабет начнется.

Алази вздыхает:

— Мне кажется, я сплю… Дайте мне посмотреть на это еще немного. Мы не знаем, когда он снова станет прежним Артуром, а это зрелище граничит с абсурдом. Я вообще не думала, что он умеет улыбаться.

Губы Артура изгибаются в улыбке, и нежность, изливающаяся из его глаз, озаряет всю комнату теплым светом. Мы все замерли с затаенным дыханием, и он это замечает. Естественно, от него ничто не укроется. Он поднимает голову и без колебаний встречается со мной взглядом, его улыбка слегка меняется.

— Рантал, к тебе гости.

Рука Алази толкает меня вперед, и взгляд Рантала падает на меня. Я понятия не имею, что сказать, поэтому выдавливаю улыбку в надежде, что этого хоть как-то хватит.

— Ты пришла! Я так долго тебя ждал… Подойди же, дай на тебя посмотреть!

Неуверенным шагом я подхожу ближе, останавливаюсь перед ним и опускаюсь на колени на его уровне. *Что бы сейчас сказала Лавиния?* Он протягивает руку, его шершавые, дрожащие пальцы скользят по моим щекам. Он разглядывает меня, сдвинув брови, будто я — пазл, который нужно собрать. Наверное, мне стоит что-то сказать… А если я заговорю, и он поймет, что я — не она?

Его глаза изучают меня деталь за деталью. С комом в горле я приоткрываю губы:

— Здравствуй… Рантал, — колеблюсь я. — Я… рада снова тебя видеть.

Проходит секунда тишины, в течение которой я представляю, как лицо Артура превращается в ледяную маску от моей ужасной импровизации. Но глаза Рантала наливаются слезами, и одна капля скатывается по его щеке.

— Я дядя Рантал, милая девица, — его губы расплываются в улыбке. Артур тоже назвал его так, и мне, пожалуй, стоило подстроиться.

— Дядя Рантал, — повторяю я шепотом.

Слова идеально ложатся на кончик моего языка, тепло разливается по груди, оставляя странное ощущение. Что-то, что мне трудно описать, но что заставляет мои руки найти и сжать его ладони в спонтанном порыве, которого я сама от себя не ожидала.

— Многие пытались заставить меня поверить, что ты умерла, но я знал, что это не так. Я знал, милая девица, что моя Лавиния еще не завершила свой путь в этом мире. — Его дрожащий голос сопровождает горькую ложь, чье лицо я сейчас ношу.

— Дядя Рантал, как насчет того, чтобы подняться в комнату и немного отдохнуть? Лавиния никуда не сбежит, она будет здесь и когда ты проснешься, — голос Артура звучит ласково и мягко, будто он боится разрушить его слишком громким тоном.

Но глаза Рантала не отрываются от моего лица, а его руки сжимают мои еще сильнее.

— Подойди сюда, Артур.

Тот подчиняется без колебаний: отсаживается и опускается справа от меня. Краем глаза я бросаю взгляд в его сторону: его глаза прикованы к Ранталу, а улыбка безупречно маскирует неловкость. Он притворяется, будто я — его возлюбленная, пока

настоящая покоится под землей, на холме, который никогда не предаст, — и при всём этом умудряется сохранять холодный рассудок. Усилие, которое он делает, не дрогнув ни на секунду.

Рантал переводит взгляд с него на меня, кивает, и с его губ срывается вздох:

— Это того стоило. Да, это действительно того стоило.

— Ты о чем, дядя? — спрашивает Артур.

— Вся эта боль… Она того стоила, потому что вы снова вместе.

Его слова плетут нити истории, к которой я не принадлежу, и все же мое тело расслабляется, пусть я и чувствую себя обманщицей. Воровкой, которая набивает брюхо краденым добротным куском после месяцев нищеты.

— Помнишь, что я говорил тебе, милая девица? Любовь — это форма психоза, лишающая здравомыслия и способности судить трезво. А вы двое больны ею до мозга костей, потому что нет такого лекарства, что способно вас разлучить — пусть даже ради этого на протяжении истории совершались зверства и причинялись страдания тысячам невиновных. Но даже они знают: нет противоядия для двух магнитов, связанных судьбой. Они всегда будут притягиваться с силой, превосходящей даже их собственную волю.

— Ты… правда видишь всё это? — шепчу я, настолько завороженная картиной любви столь могущественной, что она рушит любые границы, что на секунду забываю о лжи, в которой участвую.

Но Рантал смеется, словно я только что удачно пошутила, и приступ кашля заставляет его умолкнуть. Он хмурится и прикладывает руку к груди. Артур тянется к столу, берет стакан воды и подносит к его губам, провожая жест поглаживанием по спине, полным бесконечной нежности и терпения.

Вау. Внешне перед нами всё тот же Артур, не считающийся ни с кем, но его поступки идут по стопам того человека с мягким смехом, который живет в украденных воспоминаниях. И видеть это наяву невероятно. Но стоит ему поднять на меня взгляд, как я тут же подбираюсь.

— Прости, дядя Рантал, — мурлычу я. — В любом случае тебе нужно отдохнуть, Артур прав.

Он прокашливается:

— За что ты извиняешься? Ты рассмешила меня, потому что ни капли не изменилась, милая девица.

Я смотрю на Артура, но на этот раз он выглядит столь же сбитым с толку, как и я.

— Что ты имеешь в виду? — голос Артура эхом откликается на мои мысли.

— Я имею в виду, что это увидел бы даже слепой, — отвечает старик с ухмылкой, от которой по моей коже пробегают необъяснимые мурашки.

Внезапно виски начинают пульсировать — уже второй раз за короткое время. Со мной такого никогда не было. Не позволяя панике взять верх, я с зажатыми мышцами растягиваю губы в слабой улыбке.

Артур что-то замечает, изгибает бровь и с ног до головы оглядывает меня:

— Я провожу тебя в комнату. Врач сказал, что тебе нужен покой, а мы играем уже почти три часа. Пойдем. — Он протягивает ему руку, и Рантал хватается за нее, поднимаясь на ноги.

— До встречи, милая девица.

Я сглатываю и сжимаю кулаки — я не могу рухнуть у него на глазах:

— До встречи! — Мой голос звучит спокойно, но стоит им повернуться спиной, как темнота застилает мне глаза, а звуки глухо угасают, пока не исчезают совсем.

«Любовь — это форма психоза, лишающая здравомыслия и способности судить трезво. И Артур не способен отличить белое от черного в твоем присутствии».

«Ты видишь всё это?»

«Даже слепой бы увидел».

Мгновенное облегчение снимает напряжение, давшее о себе знать в последние дни. Я чувствую себя невесомой, словно листок, свободно парящий в небесах.

Успокоенная, с блестящими и смущенными глазами, я сжимаю пухлую ручку Рантала в своей…

Я распахиваю глаза, сердце колотится в горле. Лица Алази и Нанука совсем близко, у обоих на лбу залегли тревожные морщины, взгляды полны страха. Я оглядываюсь: чувства постепенно возвращаются, но головная боль не отступает. Я прищуриваюсь и сажусь.

— Ч-что произошло?

— Это мы у тебя должны спросить! — отзывается Нанук. — Ты грохнулась в обморок, едва эти двое вышли из гостиной. Алази сгребла тебя на лету, как регбийный мяч, и уложила на диван. Вызвать врача?

Я прикладываю ладонь ко лбу — капли пота смачивают пальцы.

— Я в порядке, не нужно, — шепчу я едва слышно совсем неубедительным голосом.

— Без обид, но выглядишь ты как девица, из которой только что выпил всю кровь вампир, — парирует он.

Алази упирает руки в бока:

— Я говорила ей это еще в машине, но она и слушать не стала! Прежде чем уйти, ты покажешься врачу, возражения не принимаются.

Жар сжигает меня изнутри до такой степени, что кислород испаряется, затрудняя дыхание, но, похоже, это замечаю только я.

— Здесь не жарко?

— Нет, ты единственная, кто потеет так, будто сидит в турецкой бане. — Нанук протягивает мне стакан холодной воды. — Пойду наверх, позову врача. — Он уходит, скрываясь из виду.

Я осушаю стакан одним махом, но огонь разгорается внутри меня, и сердце бьется о грудную клетку, словно пытаясь вырваться из тела.

Я поднимаюсь на ноги и провожу ладонью по шее:

— Мне нужно глотнуть воздуха, — с трудом выдавливаю я на полувдохе.

Она кивает:

— Слушаюсь. Возьму куртки и выйду к тебе. — Она направляется к коридору.

Я иду самым коротким путем, открываю заднюю дверь гостиной, ведущую в сад, и отдаюсь во власть ледяного ветра. Холодный воздух сталкивается с пожаром, бушующим во мне. Меня тут же накрывает облегчением, и я наполняю легкие кислородом, сделав долгий вздох. Я глажу себя по щекам, температура спадает, оставляя после себя сотни мурашек.

— Что со мной такое?.. Серьезно, я не понимаю… — мурлычу я сама себе. — Что со мной происходит?

— Я не знаю. Ты мне объясни. — Женский голос, сладостный и неторопливый, доносится до моих ушей.

Но я не могу шевельнуться: острое лезвие касается основания моей шеи, парализуя меня. Ноты жасмина наполняют воздух вокруг, и тысячи мыслей наплывают одна на другую.

— К-кто ты такая?

— Ты меня не помнишь? Твою подругу Анну так легко забыть, Лавиния?

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Глава 27

Я чувствую, что бы я ни сделал,
отец обречен ненавидеть это.
Нет способа для сына быть любимым отцом, который его не желал.
Не имеет значения, насколько сильно я пытаюсь угодить ему.
Он меня ненавидит.
— Дневник Эдоардо

Королевство Америка
Вирджиния

Я открываю ящик под раковиной, беру лак и брызгаю на пряди, которые отказываются лежать ровно. Провожу щеткой справа налево — сначала медленно, затем частыми, ритмичными движениями. Кожа на голове горит, но я не останавливаюсь. Смотрю на свое отражение в зеркале, и это напоминает мне стеклянную вазу, покрытую сетью трещин, но всё еще сохраняющую форму. Хватило бы лишь порыва ветра или легкого касания, чтобы она разлетелась в прах.

— Вирджиния.

Я поднимаю глаза. В зеркале я вижу Терезу, застывшую у дверного косяка. Я откладываю щетку и завязываю волосы в пучок на макушке. *Как долго она стоит здесь и смотрит на меня?* Золотая булавка у неё на груди — символ дворцового траура — отбрасывает яркий блеск, резко контрастирующий с печалью, иссушающей её лицо.

Она хмурится:

— Ты же делаешь себе больно…

— Я просто расчесывалась. Ты слышала стражника: по приказу Его Высочества я должна срочно явиться в его кабинет.

— Я слышала, но ты не должна сегодня работать. Ты не в том состоянии… И потом, ты забыла, что сказал врач?

— Нет, но я всё равно должна исполнять свои обязанности. — Я убираю лак на место и закрываю ящик.

— Вирджиния, ты не в порядке, — шепчет она с дрожью в голосе.

Я беру булавку со полки и вонзаю её в ткань формы на уровне ключицы:

— Я в порядке.

Тереза подходит и становится рядом со мной:

— Ты видела себя в зеркале? Ну давай, посмотри на себя.

Я перевожу взгляд на свое отражение: запавшие щеки, покрасневшие глаза и темные круги, которые не способен скрыть ни один консилер.

— Я не спала. — Я отворачиваюсь и делаю шаг к выходу, но она хватает меня за руку и останавливает.

— Ты нашла тело Габриэля, ты была последней, с кем он говорил, и вся твоя реакция с тех пор — лишь это глухое молчание. Ты не плакала и не обронила ни слова. Очевидно, что ты не в порядке!

— Я не могу останавливаться, Тереза. Если я остановлюсь, я начну думать, а если я начну думать… — Слова замирают у меня на губах, ком сжимает горло, и, прежде чем развалиться на куски у неё на глазах, я снимаю её ладонь со своей руки: — Король ждет меня, я не могу опаздывать.

Я прохожу мимо неё и покидаю комнату, не добавляя больше ни слова.

Выхожу из корпуса слуг, и с каждым шагом пустота в моей груди ширится, разрастаясь и удушая меня. Я пересекаюсь с другими служанками: золотые булавки блестят на их форме, но лишь сильнее подчеркивают лица, изнуренные горем, которому я не могу позволить себе уделить ни секунды. Пятеро стражников, зверски убитых… и королевство чтит их память золотыми булавками и речью, полной обещаний о мести. Спазм сжимает мой желудок. Я делаю вдох носом и выдыхаю ртом. *Притворяйся, Вирджиния.*

Главные ворота охраняются армейскими солдатами. Я достаю из кармана пропуск и предъявляю его.

Один из них кивает:

— Проходи.

Я киваю, вхожу и поднимаюсь по парадной лестнице, ведущей к покоям Короля. Коридоры кишат вооруженной до зубов королевской гвардией. Они контролируют каждый угол бдительными, цепкими взглядами. На них тоже приколоты золотые булавки у самого сердца. Никто при дворе не имеет права остановиться. Каждый должен идти вперед и демонстрировать преданность — совсем как пешки на шахматной доске. Я прохожу мимо молодого стражника: его взгляд устремлен в пустоту, но стоит мне опустить глаза, как я замечаю побелевшие костяшки, сжимающие рукоять пистолета. *Притворяйся, Вирджиния.*

Я обхожу его в тишине, подхожу к дверям кабинета. Личная охрана узнает меня и пропускает. Я стучу в дверь.

— Войдите. — Я узнаю голос королевского советника.

Я опускаю ручку и вхожу, закрывая за собой дверь. Эдоардо сидит за письменным столом, очки спущены на переносицу, и скрупулезно изучает карту, расстеленную перед ним. Советник стоит справа от него с блокнотом в руках и не моргнув глазом делает пометки. Я низко кланяюсь, затем отхожу в тень возле книжных стеллажей.

— Государь, мы усилили внутреннюю безопасность и заблокировали все входы во дворец. Чтобы подкрепить охрану границ, мы могли бы принять помощь от остальных королевств. Они готовы предоставить свои армии, особенно Королевство Европа. Они отказались уезжать: хотят оказать нам максимальную поддержку, и мне кажется, дочь правителей действительно прониклась к вам интересом после вчерашнего бала.

Девушка с кожей белой как молоко и длинными рыжими волосами вспыхивает в моей памяти быстрым кадром.

— Советник, подождите снаружи. Я хочу подумать в одиночестве.

— Слушаюсь, Ваше Высочество. — Он подчиняется, и звук его шагов заполняет тишину, пока он не закрывает за собой дверь, оставляя нас наедине.

— У меня два вопроса, Вирджиния. — Резкий голос Эдоардо сминает любые тормоза, которые я пыталась наложить на свои эмоции. Он хочет допросить меня, спросить, что я делала на балу и почему нарушила его приказ. Он хочет отчитать меня, опираясь на свою абсолютную, непререкаемую власть.

— Смотри на меня, когда я говорю с тобой.

Я поднимаю взгляд и встречаюсь с его глазами цвета самой ночной тьмы. Они завораживают меня, но не проникают в разум и не пересекают моих границ. Он лишь опирается локтем о стол и барабанит пальцами по карте, отмеряя ритм. Его взгляд прикован к моим глазам.

— Я готова принять любое наказание, которое вы сочтете надлежащим, Государь.

— Наказание, — повторяет он, поднимаясь на ноги. — С чего ты взяла, что я хочу тебя наказать?

— Я ослушалась вас, — признаю я.

Он обходит стол. Чем ближе он подходит, тем сильнее я хватаюсь за остатки самообладания, которое со вчерашнего дня удерживает меня от падения в пропасть. *Притворяйся, Вирджиния.* Он останавливается в нескольких сантиметрах и склоняет лицо до уровня моего.

— Я позвал тебя не для того, чтобы наказать, — шепчет он.

— Тогда для того, чтобы я исполняла свои обязанности, Государь.

Он качает головой, его взгляд смягчается, и трещины в моем сердце начинают вибрировать:

— Мне очень жаль, Вирджиния.

Я сжимаю губы и замыкаюсь в молчании. Если я заговорю, голос предаст меня, а я не хочу ломаться перед ним. Не хочу рушиться. Не хочу думать. Не хочу чувствовать.

— Он был твоим другом. Габриэль Гарсия. Если ты продолжишь сдерживаться, ты просто взорвешься.

Я делаю вдох:

— Это говорит Король?

— Эдоардо, — выдыхает он. — Только Эдоардо.

Ком в горле перехватывает дыхание, но я тут же загоняю слезы обратно и киваю:

— Вы уже выказали свое сожаление в речи о мести нашим врагам. Для таких, как мы, больше ничего не требуется.

Он изгибает брови:

— Колкость… Так вот как ты собираешься давать выход своей боли?

— Моей боли? — Горькая улыбка искривляет мои губы, и я загоняю обратно слезы, обжигающие глаза. — Нам не позволено даже думать о своей боли, потому что потери пешек не идут в счет. Пока умирает какая-то служанка, кому есть до этого дело? Раздадим по пару золотых булавок и пойдем дальше. Они — стражники, их долг — жертвовать собой ради королевства, и даже тратить время на их похороны было бы пустой растратой.

— Похороны состоятся, как только опасность минует.

Я пожимаю плечами:

— Ну так почему вы просите меня плакать? Я поплачу, когда опасность минует.

— Потому что ты не в порядке. — Он прищуривается, анализируя мое лицо в поисках трещины, которая позволила бы ему проникнуть в мой разум. — Ты совсем не в порядке.

— Мы все как-нибудь с этим справимся, Ваше Высочество.

Он вздыхает:

— Ты злишься на себя, но вымещаешь всё на мне, потому что иметь дело с эгоистичным Королем-ублюдком куда проще, чем с собственным чувством вины.

Прежде чем я успеваю это осознать, слеза скатывается по моей щеке, и трещины в моем сердце расширяются, заставляя меня перехватить дыхание.

Тук-тук-тук.

— Разрешите? — раздается звонкий женский голос.

Дверная ручка опускается, и я отступаю спиной к стене, увеличивая дистанцию между собой и Эдоардо.

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

— Доброе утро, Ваше Высочество! В этом черном костюме вы просто восхитительны!

Дочь Короля Европы подходит ближе в элегантном шелковом платье изумрудно-зеленого цвета. Рыжие волосы касаются её обнаженной спины.

— Ваше Высочество, Фиона настаивала на том, чтобы войти, — объясняет советник, появляясь сразу за её спиной. — Я говорил ей, что вы хотели остаться один, но…

— Но как я могла оставить вас одного? — улыбается она, и одно её присутствие заливает комнату ярким светом. — Вам нужна помощь, и я ни за что не бросила бы вас в столь деликатный момент. Давайте работать вместе. Вы уже поняли, что они искали в восточном крыле дворца?

Эдоардо смотрит на меня, даже не пытаясь этого скрыть. Она следует за направлением его взгляда и впервые замечает меня. Я почтенно склоняю голову, затем поднимаю глаза. Она приоткрывает губы от удивления и обращается ко мне с мягкой улыбкой:

— Прости меня, милая. Я тебя не заметила, но рада, что ты здесь. Я как раз хотела спросить, как ты себя чувствуешь.

Я изгибаю бровь. *О чем она?*

— Эдоардо сказал мне, что ты стала свидетельницей ужасной резни, лишившей вас товарищей. Мне очень жаль. Я и моя семья сделаем всё возможное, чтобы помочь вам.

Я сжимаю кулаки, вытягиваю губы в сухую линию и исполняю безупречный поклон. Кровь закипает в моих венах, но я вонзаю ногти в ладони и выдыхаю, не позволяя ни единой эмоции прорваться наружу.

— Если я вам больше не нужна, я бы хотела пойти помочь девушкам на кухне.

— Нет, ты… — пытается возразить Эдоардо.

— Разумеется! — перебивает его она. — Тебе полезно отвлечься. И потом, что плохого, если мы побудем немного вместе, мой Король?

Ответ Эдоардо не следует. Я лишь слегка поднимаю взгляд — ровно настолько, чтобы увидеть, как Фиона кладет ладонь ему на щеку, а затем скользит ею вниз по его груди. Мой желудок скручивается в узел, а глаза Эдоардо не отпускают меня ни на секунду. Я опускаю голову, чтобы скрыть брешь, разрастающуюся в моей груди.

— С вашего позволения, — шепчу я едва слышно.

Я выхожу из комнаты. Бездна внутри меня грозит поглотить меня с каждым шагом, но я продолжаю идти словно призрак. Если я остановлюсь, мысли догонят меня. И потому я тону с устремленным в пустоту взглядом, бесцельно бродя по коридорам дворца. Куда бы я ни посмотрела, мой разум рисует пятна крови, разбрызганные по стенам и коврам. *Это не реально. Это не реально. Это не реально.*

Но кислород испаряется из моих легких, я дышу с трудом и замедляю шаг. Заворачиваю за угол, прижимаю ладонь к стене, чтобы удержаться на ногах, и оказываюсь перед каморкой в восточном крыле. *Как я сюда добралась?*

Сердце сжимается в груди, и с прерывистым дыханием я тянусь к ручке. Сегодня никто меня не остановил: все слишком обеспокоены возможными новыми атаками, и каждый взгляд устремлен наружу. Я открываю дверь, вхожу и закрываю её за собой. С подступившим к горлу сердцем я смотрю на красную тележку для уборки в углу. На ту самую, из-за которой умер Габриэль.

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Все эмоции, что я пыталась сдерживать, взрываются, отдавая меня во власть рыданий. Дрожащими пальцами я сдвигаю тряпки на поверхности и нащупываю листы бумаги, которые спрятала ранее. На мгновение я замираю. *Вот они.* Я беру в руки листы священного писания, и с лицом, залитым слезами, опускаюсь на пол, начиная пролистывать их.

«Бесплодие Королевы — это наказание Небес за позор Короля. Жрецы знают, что очистить его можно лишь жертвоприношением незаконнорожденного сына. Но видения гласят, что дитя, рожденное благодаря жертве другого, понесет в себе проклятие, скрепленное кровью, и само его существование принесет боль всему царству. Без законного наследника Король обязан отречься от престола. Посему Король принимает риск подвергнуть свой народ великому бедствию и просит провести ритуал как можно скорее», — читаю я сорванным от рыданий голосом.

Это похоже на заметки — возможно, дневник первых Жрецов.

«Начаты приготовления. Стража отправляется в камеры, где заточен сын Короля, и конвоирует его в замковый сад».

Зрение застилает пелена, и слезы мешают читать дальше. Я прищуриваюсь и вытираю щеки рукавом. Переворачиваю лист и вижу другие выцветшие фразы, написанные всё более запутанным, трудноразличимым почерком.

«Час четвертый пополудни. Мальчик привязан к костру. Верховный жрец окропляет его горючим составом и поджигает. Жертвоприношение завершено. Незаконнорожденный сын мертв, позор Короля смыт».

Я вздрагиваю. Хотя я уже знала эту историю, мой желудок скручивается от чтения первейшего свидетельства жертвоприношения, которое привело к появлению Зла. Остальная часть этой страницы пуста. Следующая говорит о рождении законного наследника.

«Королева беременна, и празднования вспыхивают во всех уголках двора. Она родит в июне. Пока нет никаких знамений гнева Небес».

Я пропускаю пару заметок о состоянии здоровья Королевы в ходе беременности, доходя до самых родов.

«Принц родился здоровым и крепким, но Королева скончалась при родах. Король в трауре и отказывается видеть сына».

Эта информация не кажется мне тайной — та же история передается из уст в уста и сегодня… Не понимаю, зачем её скрывать.

«Принц демонстрирует выдающиеся умственные способности в юном возрасте, но Король по-прежнему отказывается видеть его…»

Я думаю о том, как отец обращался с Эдоардо, и понимаю, что история королевской семьи действительно повторяется во множестве деталей. Законный наследник обязан страдать от жестокости отца, караясь за грехи, которых не совершал. Я продолжаю читать.

«Король скончался. Законный наследник восходит на престол, и бедствия начинают рушиться на всё королевство. Земли становятся бесплодными и иссохшими, воды в источниках окрашиваются в черный цвет, а младенцы умирают во сне. Голод сгибает народ. Новый Король приказывает раздать запасы еды…»

Это три знамения. Пятна расплывшихся чернил мешают мне читать дальше, и в смятении я переворачиваю страницу. Я знала, что три знамения должны были явиться перед пробуждением Зла, но в этом отчете они напрямую связаны с присутствием нового Короля на престоле.

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

«Жрецы собираются на совет, чтобы истолковать эти бедствия. Их видения гласят, что проклятая кровь наследного принца изливается на королевство, как и было предсказано. Неправедная жертва, сделавшая возможным его рождение, не забыта Небесами. Происходящие катастрофы предвещают еще более страшное бедствие».

У меня дрожат руки. Я чувствую, что добралась до кульминации, до самого сердца пророчества. Наконец-то я узнаю правду о Зле и, возможно, найду способ остановить катастрофу до того, как она свершится.

«Грядет существо, чьей задачей станет убийство Членов Королевской Семьи и Жрецов за их святотатство. Это существо — реинкарнация сожженного сына, который восстанет с силой пламени, чтобы освободить мир от проклятого Небесами мерзости и снять проклятие с королевства».

Я дочитываю страницу за секунду с зияющей пустотой в груди. Это существо — не Зло… Это существо — мститель, посланный Небесами!

«Пока новый Король не будет убит, проклятие продолжит проявляться в бесконечном цикле реинкарнаций», — читаю я едва слышным шепотом. Добираюсь до последних строк, и дыхание перехватывает у меня в груди.

«Жрецы единодушно соглашаются сохранить это в тайне ради защиты королевства и единогласно утверждают…» — брови сдвигаются на моем лбу — *«…объявить народу, что причиной их страданий является сожженный сын, ищущий мести. Его нарекут Злом, чтобы клеймить как врага всего королевства».*

Это означает, что… нет. Не может быть.

Зло — это выдумка Жрецов. Зло на самом деле — мститель, пришедший освободить народ, который Королевская семья и Жрецы обрекли на века страданий ради своих грязных игр за власть.

Причина всех этих бесконечных бедствий — Эдоардо.

Ясмин

— Ты меня не помнишь? Твою подругу Анну так легко забыть, Лавиния?

Острие лезвия царапает мне шею, и её руки с силой блокируют мои плечи. Она назвала меня Лавинией.

Я сглатываю:

— Я понятия не имею, кто ты такая. Мы можем поговорить без того, чтобы ты приставляла нож к моему горлу?

— Поговорить?! С тех пор как ты появилась при дворе, ты приносишь одни проблемы! Обольстить Артура и затуманить ему мозги тебе было мало? Нет, судя по всему! Ты во что бы то ни стало хотела рассорить двух любящих братьев, стравив их друг с другом!

— Ты путаешь, — парирую я, но мои слова лишь еще больше её раздражают.

Она впивает острие в кожу, и от жгучей боли я сжимаю зубы.

— Ещё одно слово — и я перережу тебе глотку. Ты поняла меня, дрянь? — шипит она. — Шагай вперед.

Сердце выпрыгивает из груди, но я сохраняю спокойствие. Алази должна вот-вот выйти, и, возможно, если я буду медлить с её приказами… Я поднимаю ногу и делаю маленький шаг вперед, но Анна впивается ногтями в мои волосы и притягивает мою голову к своей груди:

— Без штучек, или я поклянусь, что с удовольствием разберу тебя по кусочкам. Знаешь, я стала куда опытнее в этом деле.

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Я прикусываю язык, заглушая позыв закричать, и приятное покалывание начинает подрагивать в подушечках моих пальцев. *Артур.*

— Если ты сорвешь с её головы хоть один волос, я с удовольствием использую твой пепел как удобрение для сада.

Ледяной голос Артура долетает до моих ушей словно ласка. Она цепенеет, сжимает хватку сильнее и волочит меня за собой, оборачиваясь.

— Артур… — мурлычет она, и в её голосе прорывается нотка нежности, которую я с трудом могу понять.

Он наклоняет голову. Его глаза опускаются на мои — но лишь на крошечную секунду, после чего он тут же переводит взгляд на неё:

— Привет, Анна. Прошло два года, а ты не особо изменилась. Всё так же принимаешь паршивые решения.

— Мы всё еще можем всё исправить, поверь мне! Я поручусь за тебя, и мы сможем стать прежними. Я, ты и Эдоардо — вместе. Мы будем защищать друг друга, как в старые добрые времена… помнишь? Тебе просто нужно остановиться и положить конец этому безумию мести.

Артур щелкает пальцами, и кольцо огня смыкается вокруг нас, выжигая траву под ногами. Она вздрагивает и выставляет меня перед собой, прижимая нож прямо к моей сонной артерии.

— Мило с твоей стороны предлагать мне такое, Анна, но время разговоров прошло. Теперь у тебя два пути: либо ты отпускаешь её, и я еще подумаю, испепелять ли тебя, либо она тебя обуглит.

— Она? Эта девчонка, из-за которой ты потерял голову? — хохочет она. — Я не уйду отсюда без тебя. Тебе понятно, кузен? Так что бесполезно пугать меня своими речами. Если потребуется, я с радостью снесу ей голову.

Артур встречается со мной взглядом. Его радужки зажигают жар, который поднимается и разрастается в моем теле. Я закрываю глаза и позволяю этой энергии завладеть мной: огненный след мчится по моим венам прямо к подушечкам пальцев. Я распахиваю глаза, быстрым движением сжимаю её запястья в ладонях, и пламя мгновенно въедается в её кожу, заставляя её рухнуть на колени с диким, душу раздирающим воплем.

Огненный круг вокруг нас распадается. Артур сокращает расстояние между нами и хватает меня за руку, разводя нас. Стоит ее контакту с моей кожей оборваться, как она начинает жадно ловить воздух, тяжело дыша, пока слезы чертят дорожки по её лицу.

— Всё еще хочешь снести мне голову? — шиплю я, пока огонь бушует под самыми костями и выжигает мое дыхание.

Анна с диким ужасом смотрит на отпечатки моих ладоней, выжженные на её коже. Я должна была бы чувствовать вину, но… я ничего не чувствую. Если бы Артур не оттащил меня от неё, я бы, наверное, даже не остановилась. *Да что со мной такое?!*

Что-то касаются моего плеча. Я вздрагиваю и резко оборачиваюсь. Алази смотрит на меня с насупленными бровями:

— Ты в порядке? — шепчет она, и её взгляд опускается на мою шею.

Я прикладываю ладонь к месту, где лезвие царапнуло меня, и киваю:

— Она возникла из ниоткуда, я даже не услышала её шагов.

— Она опытная наемница Королевства Америка, — объясняет мне Алази. — Не давай её соблазнительной мордашке сбить тебя с толку.

Артур опускается на колени перед Анной:

— И ведь я тебя предупреждал. Я был так любезен, — вздыхает он. — Но теперь тебе лучше сказать мне, с кем ты пришла и слышит ли нас кто-нибудь. И под «тебе лучше сказать мне» я имею в виду, что тебе стоит заговорить, если не хочешь получить еще один ожог — только на этот раз куда обширнее.

— По-помо… — задыхается она, и её лицо искажается в гримасе боли.

— Я тебя не слышу.

Она с трудом сглатывает и приоткрывает дрожащие губы:

— Бо-больно… — Пот струится по её лбу.

— Оу, да ты не переживай. У нас отличный врач, он творит чудеса, — отзывается Алази с ноткой яда в голосе.

Артур протягивает к ней руку:

— Не касайся моей кожи, если не хочешь превратиться в живой факел.

Она смотрит на него с сомнением и нерешительностью, но он остаётся неподвижен.

— Я не намерен разговаривать с тобой здесь, это опасно. Ты пойдешь по-хорошему или предпочитаешь, чтобы я применил силу, Анна?

Она протягивает руку, хватается за его рукав выше запястья и подтягивается вверх, но от этого крошечного контакта мои пальцы начинает покалывать так сильно, что огонь буквально умоляет вырваться наружу.

Я отворачиваюсь, прежде чем мое собственное тело успеет предать меня, и делаю шаг к входу, но глухой удар останавливает меня. Темные пятна застилают зрение, и мучительная, разрывающая боль пронзает затылок. Я прикладываю ладонь к задней части головы — горячая жидкость смачивает мои пальцы. Чувства путаются, ноги становятся ватными, и я валюсь на землю.

Руки Алази подхватывают меня на лету. Её лицо искажено тревогой. Она шевелит губами, но до меня долетают лишь обрывки фраз:

— Анна ударила её камнем!..

— Зови Элайджу… Она истекает кровью!..

Веки становятся тяжелыми, и я закрываю глаза.

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Глава 28

Ты опускаешь взгляд в землю и трешь ногтем
большого пальца по указательному.
Ты всегда так делаешь перед тем, как соврать.
— Письмо номер 402
Артур

Артур

Нанук врывается в комнату, его глаза метаются по Анне, лежащей на полу без сознания:

— Кто-нибудь объяснит мне, почему мы до сих пор не прикончили эту безумную убийцу?! Ждем, пока она очухается и попытается напасть на кого-то из нас с ножами, спрятанными в носках?!

Элайджа вздыхает и опускается на колени подле неё:

— Тише, Нанук. — Он связывает её запястья за спиной наручниками. — Нам сначала нужно понять, успела ли она кого-то предупредить. Одно неверное движение — и последняя часть плана пойдет ко дну, — объясняет он, затем пересаживается и скручивает её щиколотки. — И потом, пламени Артура хватило, чтобы вырубить её. Он едва не лишил её жизни.

— Это что, упрек? По правде сказать, я не испытываю ни малейшего раскаяния, и если она попытается сделать это снова, она труп, — отрезаю я, не моргнув и глазом.

Нанук кладет руку мне на плечо:

— Впервые в жизни я с ним согласен, и сам поверить в это не могу. Похоже, конец света близок.

Я одаряю его ледяным взглядом. Он убирает руку и вскидывает ладони. Я снова въедаюсь взглядом в Анну: её веки время от времени подрагивают, но она тут же снова погружается в небытие, а с её губ срывается невнятное бредное шептание. *Я не должен был ослаблять хватку.* Бледное лицо Ясмин занимает все мои мысли, я не способен нормально соображать дольше пары секунд, чтобы снова не увидеть его перед собой.

— Она в порядке? — шепчу я.

— Ясмин? — переспрашивает Нанук. — Знаешь, я заметил, что ты никогда не произносишь её имя. Ты хоть раз слышал, чтобы оно слетало с его губ, Элайджа?

— Нанук, ты хочешь кончить как Анна, или всё же ответишь на мой вопрос? Выбирай: у меня есть время для обоих вариантов.

Он чешет затылок:

— Она потеряла сознание. Врач всё еще осматривает её, Алази с ними наверху. Говорят, у неё и раньше была черепно-мозговая травма… вы знали?

Я изгибаю бровь и перевожу взгляд на Элайджу: тот лишь смущенно хмурит лоб.

— Судя по вашим минам — нет. Закрыли тему. И скажите мне, что у вас есть решение для этой психопатки-метательницы ножей.

Я вытягиваю ногу и наступаю ей на живот, но она не шевелится. Я толкаю её сильнее, и Анна кашляет, широко распахнув глаза.

— Мне хотелось бы сказать «доброе утро», но утро ни черта не доброе, а мое терпение лопнуло слишком давно. Я был весьма великодушен к тебе и не прикончил

тебя на месте, но повтори ты еще раз подобную оплошность — и мое пламя без колебаний выжжет твою кожу дотла.

Она смачивает пересохшие губы:

— Убить эту дрянь было бы благом для тебя, — выдыхает она с дрожью.

Я опускаюсь на колени до её уровня. Её лицо искажается в гримасе боли, но она выдерживает мой взгляд.

Я приоткрываю губы:

— Она — моя Невеста. Тронешь её хотя бы пальцем — и тот урок, что ты получила, покажется тебе детской прогулкой. Я переломаю тебе кость за костью, а затем позволю огню обуглить твое лицо. Я ясно выразился? Я не люблю повторять дважды.

— И так ты обращаешься со своей кузиной?! — Её глаза наливаются слезами. — Я искала тебя как безумная все эти годы!

— Во-первых, ты мне не кузина, Анна. Во-вторых, я никогда не просил тебя меня искать.

— Но разве ты не понимаешь?! — Её нижняя губа дрожит, а слезы чертят дорожки по лицу. Хрупкость, которую она демонстрирует сейчас, не имеет ничего общего с той силой, какую я помнил. — Ты теряешь из виду то, кто ты есть на самом деле! Ты ведь не хочешь убивать Эдоардо и стирать королевство с лица земли! Ты не такой, и никогда им не будешь!

Её глаза пытаются въесться в меня в поисках чего-то, что давно умерло.

Нанук хлопает в ладоши:

— Вау, у девчонки есть яйца!

Она поднимает взгляд и испепеляет его, вытягивая губы в отвращенной мине.

— Рад познакомиться, я — губернатор. А ты, должно быть, та самая убийца, которая в прошлый раз явилась сюда со своей армией и велела заложить бомбы в моем городе. Считай, что ты дома.

— Пошел ты нахуй — и ты, и твоя никчемная дерьмовая земля! — ядовито выплевывает она.

Он улыбается и усаживается на стул за моей спиной:

— Вы в своем королевстве всегда такие жестокие?

— Думаешь, Король оставит вас в живых, когда прободает всё это?! — задыхается она.

Я щелкаю языком за щекой:

— Ты закончила этот никчемный спектакль?

— Ты должен выслушать меня, я…

— Нет. Это ты должна слушать, иначе не выйдешь отсюда живой. — Я раскрываю ладонь и создаю огненный шар, повисающий между пальцами.

Она бледнеет и ползет назад на остатках сил, но не преодолевает и пары метров.

— А теперь слушай меня, не перебивая, или последствия тебе очень не понравятся. Ты пришла сюда, когда вы закладывали бомбы. Остальные вернулись в королевство, а ты осталась тайком, чтобы разведать обстановку. Верно, Анна?

— Если ты знал, почему не выследил меня раньше?! Почему ждал, пока я нападу?!

— Не люблю тратить силы попусту. — Я чуть приподнимаю уголки губ. — И еще потому, что мне весело наблюдать, как вы снова и снова повторяете одни и те же паттерны, словно марионетки.

Она жадно ловит воздух, сглатывает и прячет усталость за холодным взглядом.

— И ты здесь одна. Если бы ты осталась с кем-то, к этому часу они бы уже попытались ворваться в дом, — добавляет Элайджа.

Она прищуривается и впивается взглядом в меня:

— А может, я успела предупредить королевство, что видела Лавинию, перед тем как напасть на неё?! Кто знает… Вдруг они уже спешат мне на выручку?

— Что?! — рявкает Нанук.

— Небо затянет эскадрильями, а море будет кишеть кораблями, готовыми вбить вас в землю. Губернатор готов к войне?! Потому что это место превратится в кладбище! — шипит она, и оскал искажает её лицо.

Я хохочу, заставляя её насупиться.

— Что такое?! Не веришь мне?! — визжит она.

— Артур, сейчас не время терять голову, — процеживает Нанук сквозь зубы. — Если есть хоть малейший риск, что это правда, тебе лучше сказать мне прямо сейчас. У меня тут народ, который надо защищать! — Его голос срывается на панику.

Я перестаю смеяться и прокашливаюсь:

— Элайджа, скажи мне: чем я отличаюсь от предыдущих воплощений Зла?

— Он окончательно свихнулся… — Нанук запускает пятерню в волосы.

— Элайджа? — повторяю я, не сводя взгляда с Анны.

— Что ж… — отзывается тот. — Самое главное отличие в том, что ты жил при дворе как наследный принц, прежде чем пробудиться со своей истинной сущностью.

Я улыбаюсь, и темная искра зажигается во мне. Я смакую её в своем разуме, без спешки, капля за каплей.

— Знаешь, что это значит, Анна?

Она молчит, её глаза метаются от меня к Элайдже в поисках объяснений.

Я приоткрываю губы:

— Это значит, что я знаю, когда ты искренна, а когда хватаешься за отчаянную ложь — ровно так же, как когда ты твердила, что тебе не страшно, перед тем как войти на Арену. Мы все знали, что ты была в ужасе.

Её зрачки расширяются, и она внезапно понимает, что пропала. Я смотрю, как рушится её уверенность, а паника овладевает её сердцем. Она хлопает ресницами и издает легкий вздох. Но затем сжимает челюсти:

— Если хочешь убить меня, делай это прямо сейчас.

Она дрожит от страха, но её голос звучит твердо и непреклонно.

— Убить тебя? — шепчу я. — Думаешь, я настолько глуп? Мы нападем послезавтра, и ты станешь нашим троянским конем.

— А ты не мог предупредить нас заранее, вместо того чтобы устраивать этот эффектный уход? — Нанук идет за мной следом.

Я иду по коридору к заднему выходу, ускоряя шаг, но он продолжат наступать мне на пятки.

— Не, ну сцена была достойная «Оскара», но я чуть в штаны не наложил! Я уже был готов выбросить белый флаг и забиться в бункер…

— Нанук, — я скрежещу зубами.

— Слушаю, Артурино?

Я останавливаюсь на пределе нервов, одаряю его ледяным взглядом, и его улыбка моментально гаснет.

— Может, не Артурино… — Он чешет затылок. — Артуро? Артурито?

— Исказишь мое имя еще хоть раз — и больше никогда не сможешь его произнести. Тебе понятно?

Он изгибает брови и кивает.

— Отлично, — мурлычу я. — Помоги Элайдже караулить Анну. Не недооценивай её: она способна заколоть тебя даже крошечной иголкой.

Он вздрагивает:

— Д-да, конечно. А ты-то куда собрался?

Я снова испепеляю его взглядом.

Он вскидывает руки, и нервная ухмылка расплывается по его лицу:

— Ладно, ладно… всё понял. Настало время твоих свиданий с холмом, которые ты не пропустишь, даже если зазвучит атомная тревога. Ступай, капитан.

Мне хочется уложить его одним ударом. Это желание пульсирует в моих венах с первого дня, и если бы не Элайджа, я бы сделал это уже не раз. Но я подавляю порыв и выдыхаю, позволяя раздражению раствориться.

— Ты только что посмотрел на меня так, будто я муравей, случайно попавший под подошву твоих ботинок, — нервно хохочет он.

— Ребята, простите… — Голос Алази доносится до нас из конца коридора. — …вы не видели Ясмин?

— Разве ты не говорил, что она у врача, Нанук? — шепчу я, пока последние остатки моего терпения опасно сгорают.

Он кивает:

— Я так понял, клянусь! — Он поворачивается к сестре: — Я же оставил вас наверху!

— Я проверю туалеты, может, она пошла переодеться, — кричит она в ответ и уходит.

— Видал? Проблема решена. — Нанук подмигивает.

— Я ухожу, пока желание навалять тебе не пересилило мое самообладание. — Я поворачиваюсь и иду к выходу.

— Это первый шаг к долгой дружбе! — Эхо его голоса долетает до моих ушей, но я игнорирую его, открываю дверь и шагаю к холму.

Я ступаю по стеблям травы, покрытым тонкой корочкой льда. Шаг за шагом тишина обволакивает меня, усиливая брешь, которую я ощущаю в груди. Я поднимаюсь по пустынному склону, но хмурюсь, замечая следы, отпечатавшиеся на земле передо мной. Крошечные, знакомые, а главное — не мои.

Я ускоряю шаг и замечаю светлую шевелюру Ясмин. Она сидит спиной ко мне на вершине холма, устремив взгляд к горизонту. Её лоб обмотан белым бинтом, а на плечи накинуто коричневое пальто Алази.

Я останавливаюсь за её спиной, покашливаю, но она не шевелится ни на сантиметр. *Она это серьезно?*

Я приоткрываю губы:

— Это не лучшее место, чтобы дышать воздухом. Проваливай в другое место.

— Присядь на секунду. — Её голос звучит серьезно, твердо и почти… грустно.

— Я не принимаю от тебя приказов.

— Я тебе и не приказываю, — парирует она. — Не хочешь садиться — можешь стоять.

— Просто чтобы прояснить: я могу спустить тебя отсюда одним пальцем, и сейчас мое терпение реально на исходе.

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

— И с таким паршивым характером ты жил два года? Элайдже, должно быть, пришлось несладко, пока он пытался удержать тебя в узде.

Я хмурюсь, пальцы покалывает, но я подавляю огонь, рвущийся наружу сквозь кожу.

— Какую, блядь, часть ты не поняла? Ты не должна ронять ни единого слова о моем прошлом.

— Я поняла. — Она поворачивается, и её глаза, мокрые от слез, выжигают черную дыру внутри меня, в прах разбивая гнев, отравлявший мое дыхание.

Я отвожу взгляд:

— Если тебе плохо, иди в дом, вместо того чтобы искушать мое терпение.

— Оу, теперь ты больше не хочешь спустить меня вниз?

Я делаю вдох и выдох. Сегодня, судя по всему, абсолютно все решили испытать судьбу.

— Не волнуйся, еще буквально пять минут — и я оставлю тебя в покое.

— Почему?

— У меня в голове давно крутится пара вопросов.

— А я тут при чем?

— Ты обещал мне отвечать на них после каждой тренировки.

— Тренировки уже давно закончились. Забыла?

— Но на последних я ничего у тебя не спрашивала. Технически ты мне должен.

Я сжимаю челюсти:

— Один вопрос.

— Три, — парирует она. — Всего три вопроса — и я больше не буду тебя донимать.

Я встречаюсь с ней взглядом:

— Верится с трудом.

— Потому что я незнакомка, носящая облик женщины, которую ты любил?

Я прищуриваюсь:

— Кто тебе сказал?

— Элайджа. — Она улыбается и снова переводит взгляд на горизонт. — У вас надрывная история любви. Она меня настолько задела, что я не могу перестать думать о ней. Разлученные в каждой жизни, вы не перестаете любить друг друга снова и снова, будто существует невидимая нить, сшивающая ваши сердца в одно. И когда вы наконец находите друг друга, она умирает, а ты живешь, чтобы отомстить за неё.

Я сжимаю зубы:

— Если ты и так всё знаешь, зачем пришла спрашивать? Хочешь посмотреть, как я страдаю, вспоминая её?

Ветер ласкает её светлые волосы, рассыпавшиеся по спине:

— Когда твоя месть закончится, ты думал о том, что будешь делать со своей жизнью?

— Умру, — отвечаю я в мгновение ока.

Её глаза резко въедаются в мои. Порыв ветра заполняет тишину между нашими телами, пока её голубые радужки темнеют, словно грозовое небо.

— Понимаю, — шепчет она, делает вдох и надувает грудь, будто кислород не доходит до её легких.

— Это был первый вопрос. Задавай второй, и покончим с этим.

Она кивает, и её взгляд опускается на мои руки:

— Если бы она была жива, что бы ты сделал?

— Но она не жива.

— А если бы была?

— Я провел два года, пытаясь оживить мертвое тело. Если бы существовал способ вернуть её, я бы его уже нашел.

— Оглядываясь назад, что бы ты изменил?

Я изгибаю бровь:

— И зачем тебе все эти ответы?

— Я же сказала, — её губы изгибаются в улыбке. — Я очарована вашей историей. И если подумать, узнавая тебя лучше, я увеличиваю свою силу.

В ней есть что-то другое. От коленей, которые она прижимает к груди, до того, как она чередует короткие вдохи с еле заметными вздохами. Что-то, что я не способен расшифровать.

— Что бы ты изменил, Артур?

— Я бы выбрал её.

Её улыбка становится шире, но глаза наливаются слезами, которым она не дает скатиться. Контраст, превращающий её лицо в тоскливый портрет.

— Что ты имеешь в виду? — шепчет она. — Это что-то ваше?

— Хочешь притвориться, будто не знаешь, имея доступ к моим воспоминаниям?

Она пожимает плечами:

— Я просто спрашиваю, что ты вкладываешь в слово «выбрал».

— Она умерла, так и не узнав, что я выбирал бы её в каждую секунду своей жизни. И это мой самый главный грех.

Она опускает взгляд в землю:

— Жить с этим грузом два года, должно быть, было нелегко для тебя.

— Нет. Но синяки, оставленные её отсутствием, лучше той пустоты, которая поглотила бы меня, не помни я о ней.

Она погружается в молчание, отворачивается, не роняя ни слова, и ветер треплет её волосы. Возможно, удар Анны спутал её воспоминания, она выглядит сбитой с толку. Мне стоит позвать Алази и попросить её забрать её вниз.

Я опускаю руку в задний карман джинсов, но она внезапно поднимается на ноги:

— Можешь забрать свой холм обратно, — шепчет она.

Нет, мне всё это ни черта не нравится.

— К чему были эти вопросы?

Она стряхивает пыль с пальто одним взмахом ладони:

— Мне было любопытно.

— Я звоню Алази, она отведет тебя вниз. — Я достаю телефон.

— Я дойду сама, — перебивает она меня. — Или ты переживаешь за меня, Артур?

Она произносит мое имя с хрупкостью человека, смакующего его впервые.

— Чего ты так смотришь? — улыбается она, и снова её лицо переполняет печаль, удушающая даже при простом взгляде. — Это была шутка. Улыбнуться хоть изредка тебе бы не повредило.

— Ты другая. — Я даю волю своим мыслям и впиваюсь взглядом в её глаза. — Что-то есть, но я не понимаю…

Она делает пару шагов вперед:

— Я получила сильный удар по голове. Я вернусь в норму, как только перестанет пульсировать в висках. Не переживай, я не сошла с ума и, главное, убираюсь отсюда до того, как ты случайно спустишь меня с холма.

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Она спускается неторопливыми шагами, идя по собственным следам, но мое сердце бьется о грудную клетку так, словно хочет вырваться и побежать за ней. *Да что со мной происходит?!*

Она оборачивается — так, будто услышала мои мысли — и приоткрывает губы:

— И вообще, я соврала тебе раньше. Я видела кое-какие воспоминания… — повышает она голос.

— И что с того?

— И с того, что она знала, что ты всегда выбирал бы её.

Она поворачивается, спускается с холма и скрывается из виду.

Я прикладываю ладонь к груди. Каменный валун, удушавший каждый мой вдох, рассыпается в пыль, оставляя одинокую слезу на моей щеке.

За три часа до этого

Ясмин

Врач наводит фонарик сначала на мой правый глаз, затем на левый.

— В ближайшие часы у тебя может болеть голова. Я оставлю тебе лекарства на случай, если боль станет слишком сильной, и вернусь вечером, чтобы сделать перевязку на лбу. Ты будешь чувствовать слабость, а в ближайшие дни возможны сильные головокружения.

Я киваю.

Он убирает фонарик в карман, берет чемоданчик и улыбается:

— Что ж, оставляю тебя отдыхать.

Он направляется к двери, но я останавливаю его:

— Вы не могли бы… — я прокашливаюсь — …не могли бы вы успокоить остальных? Я очень устала и хочу только спать.

— Разумеется. Я сообщу губернаторам о твоем самочувствии и скажу им, что ты спишь. Не волнуйся и отдыхай. — Он выходит из комнаты, закрывает за собой дверь, и слезы брызжут из моих глаз бесконечным потоком.

«Быстрее, мне нужно бежать быстрее. Дороги на западе кишат стражниками, я не могу вернуться назад, но с наемниками за спиной меня вот-вот схватят».

«Сюда, паршивки!»

«Вы только посмотрите на нее — она даже сбежать не может, спотыкается на каждом шагу!»

«Интересно, сколько нам отвалит Король, если мы принесем ему голову Лавинии Лайен?»

«Ну, я уверен, что он наградит нас так, что нам больше никогда не придется работать, и мы сможем жить в роскоши — совсем как знать из первых секторов!»

«Блядь, я не могу думать!»

Глумливые выкрики людей, наступающих мне на пятки, смешиваются со стуком сердца, оглушающе бьющим в ушах. Я добегаю до развилки, замираю и жадно ловлю воздух. Пот струится со лба, застилая глаза; я прищуриваюсь.

«Птичка остановилась, наконец-то! Тебе больше некуда бежать, дорогая».

Я вздрагиваю, снова пускаюсь в бег, заворачивая вправо. Мышцы ног горят от судорог, но я не останавливаюсь. Их шаги эхом раздаются за спиной — всё ближе и ближе, и цепь сжимает мне горло. Страх овладевает мной, но я замечаю солнечный свет за стеной деревьев и несусь в ту сторону, не оглядываясь. Я несусь с разорванной одеждой, и колючки терновника царапают мою кожу. Я бегу с подступившим к горлу

сердцем, но внезапно передо мной вспыхивают блики морских волн, и паника разверзает бездну у меня в желудке.

«Сюда!» — орет один из них. — «Она в ловушке, живо!»

Слезы чертят дорожки по моему лицу, пока я делаю разбег и бросаюсь в воду, которая укрывает меня в своих объятиях.

Воспоминания заполняют тишину, и я тону в самых запутанных узлах собственного разума.

— Артур… — выдыхаю я сквозь рыдания. — Артур… — Я прикладываю дрожащую ладонь к губам. — Ты так сильно страдал…

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Глава 29

Ненавижу прощаться.
Предпочитаю уходить так, чтобы не видеть
глаз тех, кого бросаю.
— Дневник Эдоардо

Королевство Америка
Вирджиния

Притворяйся, Вирджиния.

Рыдания матери Габриэля эхом разносятся по коридору, и с каждым её всхлипом мое сердце сжимается всё сильнее. Я делаю вдох, застегиваю сумку и беру её в руки.

Тереза выходит из ванной с небольшим футляром в руке:

— Это его, — шепчет она.

— Положи сюда. — Я открываю боковой карман сумки, и она убирает его внутрь.

— Ну вот, мы забрали все его вещи. — Она сжимает губы, пытаясь улыбнуться, но слезы застилают её глаза, угрожая хлынуть в любой момент.

Я открываю рот:

— Я сама ей отнесу.

— Ты уверена? Слушай, я могу, и сама…

— Я уверена, не переживай. К тому же я перед ним в долгу, — шепчу я.

Она кивает. Я сжимаю сумку в пальцах и выхожу из комнаты. Стражники выстроились справа от двери, а дворцовые служанки — слева. Их взгляды опустошены тяжестью утраты — слишком огромной, чтобы её восполнить, и слишком тяжелой, чтобы осознать.

— Смирно! — чеканит старший стражник, и все как один прикладывают ладонь к козырьку.

Я шествую между ними с улочкой в желудке, которая скручивается в тугой узел. Передо мной мать Габриэля сжимает руку своего второго сына. У него те же черты лица, что и у Габриэля, но пухлые щеки и мягкие линии говорят о том, что он совсем еще мальчишка — лет пятнадцати или шестнадцати. Их глаза смотрят на меня с немой мольбой, будто я могу сказать им, что всё это — глупая шутка, и слезы матери ранят меня прямо в сердце.

Я прокашливаюсь, отчаянно надеясь, что мой голос не задрожит:

— Госпожа Клэр, — выдыхаю я. — Это все его вещи… — Я протягиваю ей сумку.

Она поджимает губы и берет её:

— Я советовала ему поступить на службу во дворец, потому что это было самое безопасное место — подальше от голода внешних секторов и нищеты… Но я сама отправила его на смерть.

— Мама, ну же, пошли, — шепчет её сын, и ком сжимает мне горло: даже его голос звучит точь-в-точь как у Габриэля. Мальчик поворачивается ко мне: — Если это всё, мы бы хотели уйти.

— Минутку. — Голос Верховного жреца бьет по моим барабанным перепонкам.

Я поднимаю взгляд: он приближается в своей белой мантии, шлейф которой волочится по полу.

— Я — Верховный жрец. Нам очень жаль, что вы потеряли сына, Себастьян.

Брат Габриэля хмурится:

— Габриэль, сударь.

— Габриэль, разумеется. — Он улыбается, и ярость закипает в моих венах. Я сжимаю зубы. — Его будут помнить, как героя, наряду с остальными стражниками, пожертвовавшими своими жизнями ради защиты королевства. Их имена войдут в учебники истории будущих поколений, а статус вашей семьи в нации станет куда выше…

— Простите, я не понимаю, — перебивает его госпожа Клэр. — Зачем нам всё это? Мы потеряли сына и брата! На что нам ваш статус?!

— Ну как же — чтобы жить лучше! — Он всплескивает руками. — Впрочем, я понимаю, что сейчас тяжелый момент для вашей семьи. Мы сможем спокойнее обсудить это через пару месяцев. В любом случае, не смеем вас больше задерживать. — Он делает знак стражникам за моей спиной: — Охрана проводит вас к машине, которая отвезет вас обратно во внешние секторы.

Госпожа Клэр кивает. Сын берет её под руку, чтобы удержать в коридоре, но перед уходом она оборачивается, и её погасший взгляд ищет мой.

— Ты, должно быть, Вирджиния, — шепчет она.

Я чувствую на себе хищный взгляд Верховного жреца, но не смотрю на него. Лишь слегка приподнимаю уголки губ:

— Да, сударыня. Ваш сын был исключительным другом. Для меня было честью знать его.

Она отвечает на улыбку, её щеки мокры от слез, а слова тонут в рыдании, сотрясающем её грудь. Сын обнимает её за плечи, и двое стражников сопровождают их к выходу. Я загоняю обратно боль, рвущуюся наружу, но глаза увлажняются, а дышать становится всё труднее.

— Пришлите кого-нибудь прибраться здесь, — голос Жреца врывается в мои мысли, а брезгливая гримаса искривляет его губы.

Пол блестит настолько, что в нем можно увидеть свое отражение.

— Простите, Жрец… — шепчет Тереза. — Боюсь, я не совсем понимаю. Где именно вы хотите, чтобы мы прибрали?

— Здесь. — Он указывает на сияющий пол, вымытый служанками всего два часа назад. — Они принесли во дворец вонь внешних секторов. Продезинфицируйте каждый угол, иначе мы заразимся их инфекциями.

Пустота, выжигающая мою грудь, уступает место взрывной, иррациональной ярости, от которой перехватывает дыхание. Я сжимаю кулаки. Ненависть овладевает каждым сантиметром моего лица, и я даже не пытаюсь её скрыть или притвориться. *Низкий, трусливый, лицемерный мерзавец.* Он пролил реки крови своими лживыми сказками, которые его каста плетет веками ради сохранения собственной власти. Они вырезали страницы из священных писаний, переписывая их как им вздумается — слизняки, сбивающие с толку и отравляющие ядовитыми речами.

Верховный жрец встречается со мной взглядом и ухмыляется:

— Фаворитка Короля — везде, кроме как подле самого Короля. Не странно ли?

— Нет, — отрезаю я холодно, даже не моргнув и не заботясь о том, чтобы мой тон звучал покорно и нижайше.

Тереза сжимает мою руку:

— Нет, потому что Король занят с семьей Королевства Европа, — объясняет она, смягчая голос с безупречным мастерством.

Он кивает:

— Разумеется, они обсуждают приготовления к помолвке. Ты правильно делаешь, что не мешаешь им: молодой паре нужно уединение.

Его слова леденят кровь в моих венах. *Притворяйся, Вирджиния.*

Хищный взгляд Жреца смакует каждую тень, пробежавшую по моему лицу. Он удовлетворенно улыбается и поворачивается:

— Вымойте всё как следует, прошу вас.

Тереза разжимает пальцы на моей руке:

— Да что с тобой такое?! Хочешь нарваться на наказание или, того хуже, чтобы тебя убили?!

— Ты слышала, что он сказал?! — выдыхаю я на одном дыхании.

Она хмурится:

— Разумеется! В этом нет ничего нового. Почему ты ведешь себя так, будто слышишь это впервые?

Потому что я больше не могу терпеть этот замок из лжи, которым нас обвели вокруг пальца.

— Ничего, — шепчу я.

— Нет, ты что-то скрываешь! И лучше бы тебе не ввязываться в неприятности, потому что я не могу потерять еще одного человека! — Последние слова срываются с её губ с дрожью.

Я опускаю плечи. Её глаза смотрят на меня с такой тенью ужаса, что я замираю.

— Тереза… — выдыхаю я.

Я открываю рот, чтобы успокоить её, но появление гвардейца из личной охраны Эдоардо прерывает меня.

— Госпожа Вирджиния, Его Высочество ищет вас.

— Иди. Поговорим позже, но без глупостей!

Я выдавливаю улыбку и киваю:

— Вечером поговорим нормальнее, — шепчу я, прохожу мимо неё и следую за стражником на верхний этаж.

Мы поднимаемся по лестнице, и чем ближе мы подходим, тем тяжелее становится каменный валун, удушающий мое дыхание. Я должна оставаться невозмутимой, холодной… я не могу позволить ему проникнуть в мой разум. Не в этот раз.

Я ступаю на последнюю ступеньку и останавливаюсь.

— Вы не знаете, чего он хочет? — спрашиваю я едва слышным шепотом. — Если он хочет заказать что-то из еды для леди Фионы, я могу попросить девушек приготовить…

— Его Высочество один, — отвечает гвардеец. — Прошу. — Он указывает на дверь коротким кивком.

А-а. Я сглатываю ком в горле и за долю секунды привожу мысли в порядок. *Притворяйся, Вирджиния,* — повторяю я про себя. — *Притворяйся так умело, как только можешь. Ни за что на свете Эдоардо не должен узнать правду, которую я скрываю.*

Я сжимаю ручку пальцами и стучу:

— Разрешите?

— Войдите. — Его голос заставляет волоски на моей коже встать дыбом.

Я вхожу и закрываю за собой дверь. Эдоардо поднимается на ноги. Темно-синий мундир перекликается с его темными волосами, и единственными яркими акцентами

остаются три золотые пуговицы. Похоже, он только что вернулся со смотра войск. Или же…

Стол перед ним накрыт на двоих. В центре горит свеча, источающая тонкий аромат ванили. *Ну конечно, это для леди Фионы.*

— Вас что-то не устраивает в ужине, Государь? Или мне пойти позвать леди Фиону?

— Садись, иначе всё остынет.

Я изгибаю бровь:

— Государь, мне не полож…

— Не заставляй меня повторять, — отрезает он, и в его глазах я не могу разглядеть ни единого намека, который помог бы мне разгадать его намерения.

Я подхожу, выдвигаю стул и сажусь. На тарелках лежат вырезки из говядины высшего качества, поданные с изысканным вином.

— Вы должны разделить эту трапезу с леди Фионой.

Он садится, берет бутылку и наливает немного вина в мой бокал:

— И этого ты бы хотела, Вирджиния?

Я встречаюсь с ним взглядом, но не понимаю, шутит он или говорит всерьез.

Он улыбается:

— Не волнуйся, я позвал тебя не для того, чтобы говорить об этом.

— Тогда для чего? — спрашиваю я, готовая принять приказы и убраться как можно дальше от его инквизиторских игр.

— Я хочу, чтобы ты разделить со мной этот ужин без использования пышных титулов.

— Не уверена, что правильно вас поняла.

— Ты всё поняла идеально.

Я хлопаю ресницами, слова замирают на губах, и я не могу сформулировать даже связного предложения.

Он с абсолютной непринужденностью берет вилку:

— Вырезка восхитительна, советую попробовать.

— Погодите, — вздрагиваю я. — Зачем всё это?

— Зачем я хочу поужинать с тобой? Или почему мы будем говорить без оглядки на мой титул?

— Оба вопроса имеют право на жизнь.

Он неторопливо режет мясо, будто это самая обычная ситуация в мире:

— Ну, мы ведь никогда этого не делали. Это моя предпоследняя просьба, а затем я оставлю тебя в покое. Обещаю.

— Предпоследняя? — повторяю я.

— Последнюю я озвучу в конце ужина. А теперь ешь, иначе, как я и сказал, ужин остынет. — Он подносит кусочек к губам и невозмутимо жует. Он ест, не обращая внимания ни на что вокруг, словно проблемы королевства прямо сейчас стали абсолютно ничтожными. — Смотреть на меня как на сумасшедшего — не выход. Ужин продолжится до тех пор, пока ты не доешь всё, что лежит у тебя на тарелке.

— Я не голодна.

— Что ж, полагаю, тогда у нас впереди куча времени.

Я резко цепенею. Эдоардо не любитель шутить, и если он что-то говорит, он это делает. Он действительно продержит меня здесь, пока я не доем, а если я откажусь —

будет просто ждать целую вечность. Ужасный сценарий. Я опускаю взгляд на тарелку, беру приборы и отрезаю кусочек мяса.

Его смешок заставляет меня нахмуриться.

— Что такое? — огрызаюсь я.

— Ничего, мудрое решение. Но не набивай рот, лишь бы покончить с этим как можно скорее. Рискуешь заработать несварение.

— Если мне станет плохо, вас это касаться не должно, — мурлычу я.

— А-та-та, — качает он головой. — Ты должна говорить мне «ты». Переформулируй, я слушаю.

— Если мне станет плохо, *тебя* это касаться не должно… — Мне хочется добавить «Ваше Высочество», но я вовремя прикусываю язык. *Господи, до чего же дико говорить с ним вот так!*

— Эдоардо, — уголки его губ ползут вверх. — Ты что, забыла мое имя, Вирджиния?

— Разумеется, нет.

В его глазах переливается странный свет — сложный, нечитаемый. Но чем больше я пытаюсь понять, что у него на уме, тем затейливее он мешает карты и меняет тему, сбивая меня с толку.

— Чем бы ты хотела заниматься в будущем? — спрашивает он.

Я подношу кусочек мяса к губам, пережевываю и проглатываю:

— Обстановка в королевстве не позволяет мне думать о беззаботном будущем.

Он вертит бокал с вином в пальцах:

— А если в будущем в королевстве наступит мир, чем бы ты хотела заняться?

Я отвожу взгляд. Мысли проносятся в голове с бешеной скоростью, и я не знаю, замереть ли, чтобы попытаться разгадать его загадку, или сосредоточиться на ответе:

— Совершенно точно чем-то, что поможет внешним секторам жить с таким же достоинством, как и остальные.

— Я так и думал.

— К чему этот вопрос?

— Мы просто разговариваем. Тебе это кажется настолько странным?

Я прищуриваюсь, вытягивая глаза в две щелки:

— Это значит, что я тоже могу спрашивать?

Он кивает и указывает подбородком на тарелку передо мной:

— Но пока что ешь.

Я отрезаю еще один кусочек мяса:

— А что бы ты хотел делать в… нормальном будущем?

— М-м-м… — Он делает вдох. — Я бы хотел отдохнуть. Вот уже два года меня терзают ужасные кошмары, от которых я просыпаюсь посреди ночи. Интересно, каково это — спать и не видеть, как твой родной брат убивает тебя во сне?

Я сглатываю кусок. Его слова звучат почти шутливо, но их суть излучает холодную, темную тоску. Он невозмутимо жует свою еду, проглатывает её и снова переводит взгляд на меня.

— Мне вот стало интересно: обувь на плоском ходу удобная? Гораздо лучше каблуков?

Я вскидываю брови.

— Что такое? Это странный вопрос?

— Нет, но… Со всем тем, что происходит вокруг, говорить так, будто мы два… два…

— Два обычных парня и девчонка, — заканчивает он за меня, оставляя неприятную горечь у меня внутри. — Я впервые могу сделать это, и это действительно освобождает. Заставляет чувствовать себя человеком. Не недосягаемым, не внушающим страх, не опасным. Человеком.

Чувство вины сжимает мой желудок, и я выплескиваю поток слов:

— Обувь удобная. Дворцовые служанки вздохнули с огромным облегчением.

— А ты?

— И я тоже, — признаюсь я. — К концу дня от каблуков ноги просто раскалывались. Приятно носить что-то комфортное.

Он расплывается в улыбке. В третий раз меньше чем за час. В нем совершенно точно есть что-то странное — то, что он скрывает с мастерством изощренного актера.

— Что ж, хотя бы одну вещь для тебя я сделал.

Я изгибаю бровь:

— Ты отменил их ради меня?

— Я замечал, что, когда ты ходила, у тебя всегда были сбиты пятки, хотя ты никогда не жаловалась. А потом ты рассказала мне про ту новую девчонку, которую дама наказала из-за каблуков. Тот случай тебя расстроил, поэтому я велел исключить их из дворцового этикета.

— Не может быть, чтобы ты правда сделал это по такой причине, — шепчу я, не веря своим ушам. — У меня… просто нет слов.

— Зато они есть у меня. — Он вытирает уголки губ салфеткой. — Но ты должна есть. Ты знаешь условия нашего уговора.

Я делаю глоток воды и беру вилку в руку:

— Всё это становится каким-то абсурдом. Я не должна сидеть тут и ужинать с Королем. Здесь должна быть…

— С Леди, я знаю. Но я не собираюсь жениться.

— Жрец думает совсем иначе.

— И с каких это пор ты слушаешь Жреца?

Я пережевываю еще один кусок, скрывая мысли, рвущиеся наружу.

— Тебе так трудно находиться рядом со мной, не видя во мне Короля? — спрашивает он.

— Немного, — признаюсь я, затем сглатываю и проглатываю еще один кусочек.

Он молча кивает:

— Какой твой любимый цвет?

— Зачем тебе это?

— Пожалуйста, — добавляет он. — Я не хочу постоянно приказывать тебе, чтобы получить ответ.

— Индиго.

— Индиго, — повторяет он. — Тебе бы очень пошло платье этого оттенка.

— Отец подарил мне такое, — вспоминаю я, — но мне так и не пришлось его надеть.

— Почему?

— Я начала работать здесь и оставила его дома. — Я делаю глоток воды. Его любопытство пытается проникнуть у меня в душу, но не нажимая. — К чему все эти вопросы?

— Чтобы узнать тебя. Я мало что о тебе знаю, а время играет против меня, — отвечает он.

Я изгибаю бровь:

— Время? Что ты имеешь в виду?

— Ты почти закончила. Как и было обещано, эта пытка прекратится, как только ты доешь последний кусок, — объясняет он, указывая подбородком на тарелку передо мной.

Я накалываю последний кусок мяса и подношу к губам.

— Не нужно торопиться, не переживай. Но прежде чем ты доешь, я бы хотел поблагодарить тебя.

Я поднимаю взгляд:

— Поблагодарить меня? За что?

— Ты перебивала отца каждый раз, когда он бил меня. Когда все молчали, ты создавала шум. Ты возникла из ниоткуда и подарила мне мгновение облегчения посреди боли… Я цеплялся за твое присутствие и молился, чтобы ты продолжала работать здесь. Возможно, немного эгоистично с моей стороны, но я знал: мне достаточно закричать чуть громче, чтобы ты вмешалась из тени.

— Это не эгоистично, — выдыхаю я, проглатывая последний кусок.

— Эгоистично, — кивает он. — Ты из кожи вон вылезала, всегда, чтобы найти способ спасти меня при любом удобном случае, невзирая на любые препятствия. Немного упрямая, но Анджелина ценила тебя именно за это.

Имя Анджелины заставляет мое сердце пропустить удар. Я сжимаю вилку в пальцах и непрерывно смотрю ему в глаза.

— На этот раз, однако, ты не сможешь спасти меня — ни разбивая фарфоровые вазы, ни врубая пожарную тревогу.

Он берет с соседнего стула листы бумаги. Я прищуриваюсь и вздрагиваю: я мгновенно узнаю эти оборванные, истрепанные края.

— Это… — шепчу я. — Как они к тебе попали?

— Ты оставила их в тележке для уборки, полагаю, чтобы не привлекать опасного внимания. Но так уж вышло, что после последнего инцидента во дворце я приказал одному из своих людей следовать за тобой — чтобы защитить тебя в случае новых атак. Он доложил мне, что ты просидела в той каморке почти три часа. И я спросил себя… что Вирджиния делала там одна? И так долго?

Вилка выпадает из моих пальцев и со звоном отскакивает от тарелки:

— Ты прочел то, что там написано?

Он пролистывает страницы одну за другой:

— И разве судьба — не странная штука? Сначала меня учат сражаться со Злом, затем я узнаю, что это мой брат, и что я рожден, чтобы убить его… но в конце концов… — Его мрачный смех эхом разносится по комнате. — …в конце концов умирать должен именно я.

Я бледнею:

— Нет, это не так… Я искала другое решение…

— Не в этот раз, — перебивает он меня, качая головой. — Нет ничего, что ты могла бы разбить, чтобы спасти меня.

— Мы просто должны искать лучше! — парирую я, но в его глазах застыла тень смирения. Спазм сжимает мой желудок. — У тебя… есть что-то на уме, верно? — Паника захлестывает меня изнутри.

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Он кладет листы на стол, берет бокал с вином и выпивает его залпом. С каждой секундой дыхание становится всё короче. Я впиваюсь в него взглядом, пытаясь разгадать тени в его глазах, но страх мешает мне соображать.

— Когда ты вошла в эту комнату, я видел, как ты посмотрела на мой боевой мундир.

— Что у тебя на уме, Эдоардо?!

— Ты называешь меня по имени, — улыбается он. — Наконец-то.

— Ответь мне! — я повышаю голос, ком сжимает горло, а голос начинает дрожать.

— Пока мы говорим, Артур проник во внешние секторы. Он взял их под полный контроль, и наши войска не смогли его сдержать. Они сгорели в его пламени. — Я хлопаю ресницами с подступившим к горлу сердцем. — Об этой информации знаю только я, я приказал не сообщать Жрецам. Но это вопрос пары часов, а затем он придет сюда за мной, — продолжает он.

— Так, ладно! Ты должен поднять по тревоге остальные королевства, они вмешаются, чтобы защитить дворец, и…

— Нет, Вирджиния. — Его серьезный голос сопровождается слабой улыбкой. — Конец пути.

— Что… Ты… Что ты собираешься делать?! — задыхаюсь я от дрожи.

— Я бы хотел отдохнуть. — Его улыбка становится шире. — Этот груз давит на меня всю жизнь, я больше не хочу обманывать судьбу или бежать.

Я хмурю лоб, губы поджимаются:

— Ты… ты хочешь умереть.

Он отводит взгляд, гладит листы священного писания один за другим и улыбается:

— Говорят, тот, кто встретил меня однажды, обречен встретить меня снова. Возможно, в следующей жизни…

— Нет! — перебиваю я его со слезами на глазах и ужасом на лице.

— В следующей жизни…

— Нет!

— Давай найдем друг друга снова. Кто знает, может, я смогу увидеть тебя в том платье цвета индиго, о котором ты говорила, и смогу пригласить тебя на свидание как следует. Я не буду Королем, а ты не будешь фавориткой — мы будем просто двумя обычными людьми. Пойдешь со мной в кино в следующей жизни, Вирджиния?

Одинокая слеза скатывается по моей щеке прямо к подбородку. Он следит за её движением, протягивает руку и стирает её большим пальцем, едва касаясь моей щеки.

— Черт, — мурлычет он едва слышным шепотом. — Заставить тебя плакать в нашу последнюю встречу — это совсем не то, чего я хотел.

Я не могу вымолвить ни слова, и он это замечает. Он раскрывает ладонь, и его прикосновение превращается в нежную, неторопливую ласку.

Слезы льются неудержимым потоком, мысли путаются в голове, а тяжелый валун вонзается мне в грудь. Он отстраняется, оставляя меня в глухой пустоте своего отсутствия, и поднимается на ноги.

— Подожди!

Но он приоткрывает губы:

— Охрана! — повышает он голос, и личная гвардия врывается в комнату. — Мы закончили. Сделайте всё, как я велел, и защищайте её до самого конца!

Я округляю глаза, но он больше не смотрит на меня.

Стражники склоняют головы:

— Слушаемся, Государь!

— Погоди… Постой! — Я встаю, протягиваю к нему руку, но стражник встает между нами и тянет меня назад. — Отпустите меня! — кричу я, но мужчина обхватывает меня за талию, крепко удерживая.

Эдоардо поворачивается и встает ко мне спиной.

— Я сказала, отпустите! Ты не можешь сделать это на самом деле! Эдоардо! Эдоардо!

Я вырываюсь, царапаюсь и бьюсь, но он даже не оборачивается. Его силуэт удаляется к двери и скрывается за ней.

Нет.

Нет.

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Глава 30. ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Когда проклятие будет разрушено, последующие жизни
будут освобождены от любых уз и лишены
каких-либо воспоминаний.
— Священное писание

Королевство Америка
Анна

Шаг за шагом, медленно и осторожно, я приближаюсь к стенам королевского дворца. Высотой в пять метров, они охраняются тремя группами стражников: двумя боковыми для поддержки и одной центральной, открывающей и закрывающей ворота. Я подхожу ближе, затаив дыхание.

«Один неверный шаг — и ты труп». Слова Артура эхом отдаются у меня в голове. Он стал совершенно другим, ужасающим… монстром, готовым истребить любого, кто встанет у него на пути.

«Я могу испепелить тебя одним взглядом, так что тебе лучше не делать глупостей. Ты поняла?»

Я сглатываю ком в горле и останавливаюсь перед массивными деревянными створками. Он смотрит на меня. Я чувствую это по жару, щекочущему затылок. Пот струится со лба, и я вытираю его ладонью. *Артур смотрит на меня.*

— Леди Анна! Наконец-то вы вернулись! — Я поднимаю голову: часовой машет мне рукой сверху со стены. — Надеюсь, вы с хорошими новостями?

Не открывайте ворота. Не открывайте ворота. Не открывайте ворота.

Я повышаю голос, чтобы меня услышали:

— Привет, Омар! Не совсем, но мне пора было вернуться домой. — Я впиваюсь в него взглядом, с отчаянным желанием впечатать свои мысли в его разум, но не могу этого сделать.

— Вы правильно сделали, что вернулись: обстановка не из лучших, и снаружи становится опасно. Никогда не знаешь, откуда ждать угрозы. — Он улыбается и подносит рацию к губам: — Открывайте ворота!

Я цепенею, но заставляю себя дышать. Один неверный шаг — и я превращусь в пепел.

«Ты мог бы просто сжечь ворота, будь ты столь могущественным!» — выплевываю я.

«Думаешь, я не знаю, что вы сделали их огнеупорными?» Оскал искривляет его губы. *«Ты сама откроешь их для нас».*

Тяжелый скрип наполняет воздух, створки начинают расходиться, и желание выкрикнуть всё, что я сдерживаю, подступает к горлу. Я сжимаю пальцы в кулаки. *Черт, я должна сорвать его план и…* Артур улавливает мое колебание, и волна жара разливается по моей спине, становясь невыносимой. Я замираю и пытаюсь изо всех сил найти хоть какой-то выход. Вспышка озаряет мой разум, и я решительно прищуриваюсь. Я еще могу что-то сделать — последняя отчаянная попытка. Я выдыхаю, находясь на краю пропасти.

— Я справлюсь, — шепчу я про себя.

Ворота уже почти открыты. Я выдавливаю улыбку и шагаю вперед — ровно так, как того хочет Артур, но с каждым шагом дыхание становится всё короче. Передо

мной простирается длинный каменный мост, соединяющий стены с домами знати из первого сектора, а дальше возвышается королевский дворец во всем своем величественном масштабе.

Вдали я замечаю стражников, размещенных вдоль пути. Один, два… пятеро. Возможно, они смогли бы поднять войска, если бы я предупредила их вовремя, но если у меня не выйдет, и Артур захватит мост… он уничтожит весь первый сектор и за считанные минуты доберется до дворца.

Сжав зубы, я переступаю порог. Времени на раздумья нет — нужно действовать. *Сейчас.* С подступившим к горлу сердцем я бросаюсь в сторону, укрываясь за все еще сомкнутой частью стены. Если он не видит меня — он не сможет меня сжечь!

— ЗАКРЫВАЙТЕ ВОРОТА! — ору я во весь голос.

Часовой высовывается со стены:

— Закрытие автоматическое, леди Анна! Пара минут и…

— НЕТ! ЗАКРЫВАЙТЕ ИХ СЕЙЧАС ЖЕ! — рявкаю я.

Омар ошеломленно хлопает ресницами и уставляется на меня, будто я сошла с ума.

— Это, блядь, приказ!

— Д-да, конечно! — заикается он и снова подносит рацию к губам: — Немедленно закройте вход!

Движение на открытие прекращается. Секунда тишины — и тяжелый скрип снова наполняет воздух. Створки начинают сближаться, и каждая секунда превращается в пытку. Я не чувствую жара на спине, оставаясь под защитой стены и не сводя глаз с ворот.

— БЫСТРЕЕ, ЧЕРТ ВОЗЬМИ! — кричу я.

— Леди Анна, да что происходит?!

— Они здесь!

Он хмурится:

— О ком вы говорите?

— О… — но слова замирают у меня на губах.

Омар округляет глаза, его губы искажаются, а лицо бледнеет.

— Омар?

Он срывается со стены и падает вниз, и от удара его кровь брызгает на меня. С подступившим к горлу сердцем я поднимаю взгляд — и вот они: демоны, пришедшие устроить ад. Они появляются один за другим, и их глаза горят жаждой мести.

Алази Ольсен высовывается со стены и с удовлетворением смотрит на безжизненное тело Омара, распростертое на земле. Она взобралась на стену, пока Омар говорил со мной! Но как…

— Отличный полет! — кричит она.

Трое других стражников, расположенных дальше, несутся к ней, готовые атаковать со спины. Я округляю глаза:

— ОСТОРОЖНО, СЗАДИ!

Но они не успевают повернуться: губернатор Гренландии, Нанук Ольсен, сражает их пулями из своего пистолета, заставляя рухнуть прямо у меня на глазах. Их тела падают одно на другое, черты лиц искажены ужасом, и мороз пробегает по моей коже. Стражники из боковых групп тут же спешат на помощь, наводя винтовки на вторгшихся и брав их в кольцо. Я должна помочь им!

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Я бегу к пяти стражникам на мосту, размахивая руками в воздухе, и наконец ближайший мужчина замечает меня. Я поднимаю четыре пальца — знак внешнего нападения — и он тут же подтягивается по стойке «смирно». Я останавливаюсь, перетягиваю воздух и поворачиваюсь к стенам: отсюда я вижу всю картину целиком, и часовые, кажется, имеют преимущество. Шестеро против двоих: Алази поворачивается к трем часовым справа, а Нанук — к трем слева.

— Приготовиться к открытию огня! — кричит капитан. — Соблюдать спокойствие, не отступать!

Нанук и Алази, даже будучи окруженными, не моргают. Стоя спина к спине, они расслаблены, а на их лицах играют почти насмешливые улыбки. *Что-то не так…* Я расширяю глаза. *Артур видит их, и они об этом знают.*

За секунду пламя охватывает руки солдат, заставляя их выронить оружие. Вопли боли пронзают мои барабанные перепонки, пока они корчатся от судорог. Близнецы Ольсен пользуются моментом и точными ударами сбрасывают их со стены, предварительно зарезав ножами и создав кучу из трупов. Они берут винтовки и занимают боевую позицию: колени на земле, взгляд устремлен в прицел, направленный на мост. Они действуют безотказно, словно тренировались годами ради этого самого момента.

— АННА! — Грозный голос отца гремит за моей спиной, приводя меня в чувство.

Я отступаю, оставляя ворота за спиной, и бегу за колонной вооруженных мужчин, продвигающихся по мосту. Отец в боевом мундире возглавляет отряд элитных войск, подоспевший на защиту дворца.

— СОЛДАТЫ, МЫ ПОД АТАКОЙ! — гремит отец. — ЭТОТ МОМЕНТ НАСТАЛ! СРАЖАЙТЕСЬ ЗА КОРОЛЕВСТВО И ЗАЩИЩАЙТЕ ЕГО ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ!

— ЕСТЬ, СУДАРЬ!

Его глаза падают на меня. Я подбегаю ближе, и он с ног до головы осматривает меня:

— Ты в порядке?! Ты ранена?!

— Я… я в порядке, но… — Слова отказываются слетать с губ. — …у нас нет шансов победить. Мы должны бежать отсюда!

Он цепенеет:

— Никогда. Долг нашей семьи — защищать королевство до самого конца.

— Ты их не видел! — отрезаю я, все больше срываясь на панику. Он хмурится, пока я перетягиваю воздух. — Артур способен поджигать на расстоянии, одним лишь взглядом!

— СОЛДАТЫ! — орет отец. — БОЕВОЙ ПОРЯДОК «Б»! ВЫДВИНУТЬ ЩИТЫ, СНАЙПЕРЫ — НА ПОЗИЦИИ!

— Слушаемся!

Войска перестраиваются в параллельные шеренги и вскидывают прямоугольные щиты, полностью укрывающие их. За спиной отца отряд вооруженных снайперов рассредотачивается по земле, готовясь к атаке.

— Иди во дворец и не вылезай, пока всё не закончится, Анна.

Я качаю головой:

— Ты учил меня не этому, папа! Мы должны отступить и…

Грохот заставляет волоски на моем затылке встать дыбом. Я резко оборачиваюсь: ворота выбиты настежь, их обволакивает серое облако.

— Они вошли, — шепчу я едва слышно. — Прикажи отступать, папа!

— Никогда! Они хотят напугать нас какой-то дымовой завесой?! Мы — Королевство Америка, мы будем сражаться до последней капли крови! — Он поворачивается к солдатам: — ЗАРЯЖАЙ! ПРИГОТОВИТЬСЯ К ОГНЮ ПО МОЕМУ ПРИКАЗУ!

Они подчиняются и быстрым движением досылают патроны в патронники, пока из клубов дыма неторопливыми шагами к нам выступает силуэт. *Это он.* Я задерживаю дыхание.

— Пули против него не работают! — Сердце скачет у меня в груди. — Ты должен приказать отступать!

— Хватит нести эту чушь! Я тебя ничему не научил, что ли?!

Я открываю рот, чтобы возразить, но вот и он. Артур, облаченный в черный боевой мундир, с зачесанными назад волосами, останавливается и разминает шею вправо и влево. Он ухмыляется — так, будто на него не наставлены десятки автоматных стволов.

— Мы ударим по нему со всех стволов и всем имеющимся оружием, без секунды передышки, — отец поднимает руку. — СОЛДАТЫ, НА СЧЕТ «ТРИ»!

Я округляю глаза:

— Погоди!

— РАЗ…

Артур не шевелится ни на сантиметр.

— …ДВА…

Красные точки лазерных прицелов покрывают его тело.

— …ТРИ! ПЛИ!

Шквал свинца разрывает воздух, и каждая жилка в моем теле натягивается. Дым вокруг Артура становится настолько плотным, что полностью скрывает и поглощает его.

— ПРОДОЛЖАТЬ ОГОНЬ! — рявкает отец, и канонада удваивается.

С той стороны царит глухая тишина, и это разверзает бездну у меня в груди. Они не отвечают. *Почему?* Я поднимаю взгляд на стены и замечаю головы Нанука и Алази, замерших на своих позициях.

— Это не работает… — задыхаюсь я от дрожи.

Отец бросает на меня косой взгляд:

— Что я тебе говорил?! — Повышает он голос, перекрывая грохот выстрелов.

Я качаю головой, и первобытный ужас овладевает мной. *Где она?!* Я оглядываюсь по сторонам, но дым мешает мне разглядеть её, а грохот канонады явно не помогает определить её местоположение. У меня не остается выбора.

Я делаю глубокий вдох и набираю полные легкие воздуха:

— СОЛДАТЫ, ПРЕКРАТИТЬ ОГОНЬ!

Выстрелы стихают. Отец испепеляет меня взглядом, способным испепелить на месте, но я игнорирую его и прищуриваюсь, выискивая её.

— Ты хочешь нас всех сгубить?! — взрывается он. — Тебе это кажется шуткой?!

— Она здесь!

— Кто «она», Анна?!

— Его Невеста!

Вспышка ужаса проносится в его глазах, и он, как и я, поворачивается к рассеивающемуся облаку дыма. Мы оба ищем недостающую деталь мозаики, чья сила еще никогда не встречалась в истории королевств.

— И это всё, Тиберий? — Голос Артура леденит кровь в моих венах.

Дым окончательно рассеивается, и он выходит из него невредимым — без единой царапины. Словно пули просто испарились в воздухе. Он поглаживает подбородок:

— А я-то надеялся повеселиться. Какая жалость.

Отец сжимает челюсти:

— Солдаты, наготове!

Артур растягивает губы в улыбке — и настоящий ад разверзается на земле.

Дым исчезает, открывая перед нами жуткую картину. Отряд воинов в красных мундирах — воинов Королевства Азия — выдвигается из ворот во главе с Элайджей, сжимающим в руках меч. Их не меньше сотни… или даже больше.

— ПРИГОТОВИТЬСЯ К ОГНЮ ПО ВОРОТАМ! — громоподобно орет отец. — СОЛДАТЫ, ОТКРЫТЬ ОГОНЬ!

Шквал пуль накрывает Элайджу и его отряд, но никто из них даже не шелохнется. И вот она появляется во всем своем ужасающем могуществе: Лавиния выскальзывает из-за спины Артура, заслонявшего её своим телом, и рвет вперед, швыряя шар из синего пламени прямо навстречу пулям.

Она испепеляет их мгновенно, без малейшего усилия, и одного её присутствия достаточно, чтобы посеять панику в рядах солдат.

— Это же…

— Н-невозможно…

— Да как так-то… Мы погибли!

— Надежды нет! Никто и никогда не побеждал их двоих!

Паника растекается от одного к другому словно заразная, неизлечимая болезнь.

— СОЛДАТЫ! — Голос отца перекрывает панические шепоты. — СРАЖАЙТЕСЬ ЗА КОРОЛЕВСТВО И НЕ ПОДДАВАЙТЕСЬ СТРАХУ! ЕСЛИ МЫ ПАДЕМ, ЧТО СТАНЕТ С НАРОДОМ И ВАШИМИ СЕМЬЯМИ?! ВЫ ПРАВДА ХОТИТЕ ВСЕ БРОСИТЬ И СДОХНУТЬ, ДАЖЕ НЕ ПОПЫТАВШИСЬ ЗАЩИТИТЬСЯ?!

— НЕТ, СУДАРЬ! — отзываются они хором.

— Я НЕ СЛЫШУ!

— НЕТ, СУДАРЬ!

Он вскидывает руку:

— ТОГДА ПЕРВАЯ И ВТОРАЯ ШЕРЕНГА — ВПЕРЕД С ОГНЕУПОРНЫМИ ЩИТАМИ! ТРЕТЬЯ И ЧЕТВЕРТАЯ — В АТАКУ С МЕЧАМИ! СНАЙПЕРЫ — НА ПОЗИЦИИ!

— ЕСТЬ, СУДАРЬ!

Движимые безумным, суицидальным порывом, они бросаются на бушующий огонь с отчаянным криком. *Они все помрут.*

Я выхватываю меч из ножен стражника справа от себя и сжимаю рукоять. Я не буду стоять и смотреть, как они умирают! Я делаю шаг вперед, но двое стражников мертвой хваткой сжимают мои руки, а отец выбивает меч из моих пальцев.

— Уведите её в безопасное место, — приказывает он, даже не встречаясь со мной взглядом.

— Есть, сударь!

Я округляю глаза:

— Что?! Я должна бросить тебя здесь?! Ты шутишь, папа?! Я сама решаю, куда мне идти, отпустите меня, я сказала! Это приказ! — Я вырываюсь, бью ногами и пытаюсь даже укусить их, но они уворачиваются от ударов и заламывают мои руки за

спину. — Папа, это нечестно! Я тоже хочу сражаться! — Они тащат меня волоком. Я пытаюсь упереться ногами в землю, замедляя их как могу: — Почему ты не идешь со мной?! Папа!

— Потому что это проигранная война, Анна, и я не намерена смотреть, как ты умираешь, — произносит он эти слова, даже не удосужившись посмотреть мне в глаза.

Один из стражников подхватывает мои ноги и сжимает их, лишая меня возможности двигаться.

— Но ты-то умрешь! — ору я, пока слезы ярости обжигают мне щеки.

Он не отвечает, оставаясь глух к моим воплям.

— Какой отец пойдет навстречу смерти, бросив собственную дочь?! Какой отец?! — Слезы чертят дорожки по моему лицу, я мотаю руками, но стражник лишь сжимает хватку. — Ты херовый отец! Ты слышишь меня?! — кричу я, не прекращая вырываться. — Ты не можешь вот так умереть!

След из синего и красного пламени вспыхивает по всему мосту.

От отца не остается и следа.

За 20 минут до этого

Лавиния

Я заплетаю волосы в косу и затягиваю ее резинкой на конце. Мы на месте. Я сжимаю ноги вокруг ствола и крепко держусь, чтобы не сорваться вниз. Деревья леса служат идеальным укрытием и в то же время открывают прямой обзор на стены дворца. Мы замерли в засаде на ветвях, ожидая решающего момента.

— Мы уверены, что эта психопатка нас не кинет? — шепчет Нанук, сидящий на ветке прямо подо мной.

— Если она это сделает — она труп, и она это прекрасно знает, — объясняет Элайджа с дерева справа от меня, поднимая бинокль, через который следит за каждым шагом Анны. — Она приближается к воротам.

— Ну, только что она выглядела слегка взвинченной, — вздыхает Нанук. — А если она не заставит их открыть ворота, как отряды, которые мы разместили за спиной, преодолеют стену?

Я опускаю взгляд влево. Артур не сводит глаз с Анны, но что-то в его взгляде зажигается. Я поворачиваюсь: Анна вздрагивает и ускоряет шаг, будто он ударил её на расстоянии.

— Понеслась. Ворота открываются, — объявляет Элайджа. — Нанук, Алази — ваш выход.

Сердце сжимается в груди. Близнецы Ольсен перелезают через ветви и ловко спускаются с деревьев. За спиной у них рюкзаки, на поясах — ножи.

— Веревки для подъема взяли? — спрашивает Артур.

Нанук прикладывает руку к груди:

— Так точно, капитан! Всё необходимое при нас! — Он подмигивает Алази: — Пора устроить феерический выход, сестренка.

— Не паясничай, а главное — береги себя, — отзывается она, скорей обеспокоенно, чем с улыбкой.

— Ты тоже. — Голос Нанука смягчается, а взгляд становится серьезным. — Сделаем это ради папы.

— Ради папы, — повторяет Алази.

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Они смыкаются в объятиях, от которых у меня по коже бегут мурашки. Пожалуй, это первый раз, когда я вижу, как они проявляют нежность друг к другу вместо привычных ироничных подколов.

— Покажем этим кускам дерьма, что нельзя просто так убивать наших и выходить сухими из воды. — Нанук гладит её по волосам, и она кивает. — Ну всё, народ, — он поднимает взгляд. — Увидимся позже. И постарайтесь оставить парочку и для нас! Это я лично тебе говорю, Артуро!

Артур бурчит что-то невнятное. Я смотрю на них обоих и навечно впечатываю в память черты их лиц. Мне хочется сказать так много, но разум затаивается, и я лишь смотрю на них с комом в горле.

— Будьте осторожны, — комментирует Элайджа. — И придерживайтесь плана.

Они кивают. Перед тем как уйти, Алази поднимает на меня глаза, и улыбка изгибает её губы.

— Мы всё еще подруги, верно? — спрашивает она.

Я приподнимаю уголки губ:

— Навсегда, — шепчу я, и её глаза вспыхивают теплым светом.

— Эй, Ясмин! — повышает голос Нанук. — Чего ты смотришь на нас так, будто это в последний раз? Мы не собираемся погибать в этом королевстве, кишащем знатью!

Он выбивает из меня смешок.

— Невеста Зла или нет, а познакомиться с тобой было настоящей честью, — добавляет он с улыбкой, и слова застревают у меня в горле. Его фраза эхом разносится внутри меня, лишая дыхания.

Они оба поворачиваются и устремляются к стенам, а я так и не нахожу слов, чтобы ответить.

— Ты странная. Что с тобой?

Голос Артура заставляет меня вздрогнуть.

— Ничего.

— Смотри на меня, — приказывает Артур.

Я поворачиваю голову и вижу, что он пристально разглядывает меня:

— В тебе есть что-то чужеродное. Ты буквально кричишь об этом, но упорно отрицаешь.

— Ребята, сейчас не время для перепалок, — вмешивается Элайджа.

— Мы не переругиваемся, — отвечаем мы в один голос.

— Как скажете, — мурлычет он. — Главное — сохраняйте концентрацию. Один неверный шаг — и кто-то из нас может не вернуться домой.

Я вздрагиваю:

— Кстати… — я въедаюсь взглядом в Артура. — …оставь Жрецов мне.

Он наклоняет голову и изучает меня:

— Зачем?

— Я хочу убить их сама, — признаюсь я.

— Ты говорила, что не хочешь никого убивать своим огнем.

— Ну, я передумала. — Я пожимаю плечами. — Оставишь их мне?

Он смачивает нижнюю губу, и мое сердце пропускает удар:

— Хорошо.

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Я отвожу взгляд до того, как мое лицо предаст меня, и он сможет засечь что-то аномальное. Что-то, о чем он уже догадывается, но не находит в себе смелости спросить.

А я — признаться.

Огонь заставляет покалывать мои пальцы. Я высвобождаю его веером и обрушиваю на группу солдат в нескольких метрах от нас. Они укрываются за своими щитами и остаются невредимы. *Черт.* Стоит струе пламени иссякнуть, как они опускают щиты и несутся на меня с обнаженными мечами.

— Проклятье, эти ссаные щиты огнеупорные!

— Оставь их Элайдже, — приказывает Артур, становясь со мной бок о бок.

— Их слишком много для него одного! — парирую я.

Артур поворачивается ко мне:

— Не недооценивай его и придерживайся плана. Мы уже прикончили половину. На счет «три» цепляйся за меня! Раз…

Десятки солдат продвигаются вперед с лицами, искаженными смесью ярости и страха — чем-то безумным, что заставляет их идти в атаку прямо по трупам собственных товарищей, распростертых на земле.

— Два… — шепчет Артур.

Я раскрываю ладони, готовая применить огонь в крайнем случае.

— Три!

Артур обхватывает мою талию, я впиваюсь пальцами в его плечи, и он прижимает меня к своему телу. Он высвобождает одну руку и щелчком пальцев окутывает солдат облаком дыма, ошеломляя и дезориентируя их.

— Сейчас, Элайджа! — рявкает Артур.

— Воины! — гремит Элайджа с мечом в руках, и отряд выстраивается за его спиной. — В АТАКУ!

Солдаты королевства смыкают ряды и вскидывают щиты перед лицами.

— Кто-то ведет их… — шепчу я.

— Тиберий, отец Анны, среди них, — отвечает Артур, скрупулезно изучая разглядывая их. — Это он научил меня сражаться.

По тому, как он сдвигает брови, я понимаю: он обеспокоен. Он держит меня за руку и задвигает за свою спину. Передо мной разворачивается жестокая резня на мечах, и я смотрю на нее с подступившим к горлу сердцем. Дым и теснота не позволяют использовать огнестрельное оружие. Люди Элайджи уничтожают противников без жалости, выдергивая их из строя точными, сокрушительными ударами.

Но стоит клубам дыма рассеяться, как солдаты королевства перегруппировываются и свирепо контратакуют. За спиной Элайджи солдат заносит меч. Я вздрагиваю, но Артур сжимает хватку, не давая мне повести и пальцем. За долю секунды пуля пробивает затылок врага, и тот валится на землю раньше, чем успевает задеть Элайджу. Я поднимаю голову: Нанук машет нам рукой, приветствуя нас после того, как снял гада, метившего в Элайджу.

— ИДИТЕ ВПЕРЕД! — кричит Алази. — МЫ ПРИКРОЕМ!

Я выдыхаю с облегчением. Артур сжимает мою руку и увлекает меня к дворцу.

— Нам пора, — приказывает он.

Я киваю и позволяю увлекать себя, цепляясь за него, но продолжаю поворачивать голову, следя за Элайджей. Он наносит удары мечом вправо и влево без остановки,

разя точными, смертоносными выпадами. Его лоб покрыт каплями пота, а щеки измазаны кровью. Он тяжело дышит, но не замедляет темпа.

Он заносит меч, чтобы срубить солдата справа, но за его спиной тяжелораненый враг вонзает кинжал ему в ногу. Элайджа сжимает зубы, и кислород испаряется из моих легких. *Элайджа!* Его глаза встречаются с моими — словно он услышал мой немой крик — и усталая улыбка изгибает его губы. Он сжимает меч и снова бросается в бой.

— ЗА СВОБОДУ! — орет он, клеймя воздух криком восстания.

Мороз дергает мою спину, и слеза скатывается по щеке, но я не вытираю её. *За свободу.*

Тем временем Артур затаскивает меня в пределы первого сектора. *За свободу.* Я сжимаю пальцы в кулаки. Группа стражников несется на нас, но он испепеляет их одним щелчком пальцев. На полпути нам наперерез выбегает еще один вооруженный патруль: на этот раз я вырываюсь вперед и расставляю руки. *За свободу.*

Огонь взмывает из моих ладоней и обволакивает их, подрывая их оружие и оставляя их на земле в обугленных, дымящихся ожогах.

Мы минуем вереницу пустующих особняков, и вот она: парадная лестница, ведущая к главному входу во дворец.

Артур останавливается и затягивает меня за здание:

— Стражники укрылись в саду. Как только мы подойдем к лестнице, они окружат нас и атакуют, прикрываясь щитами, — объясняет он.

— Как и было предусмотрено планом, — шепчу я.

— Ты готова?

Я киваю, создаю огненный шар в пальцах и закрываю глаза. Артур кладет ладони мне на бедра, и его дыхание ласкает мою шею, провоцируя вспышку энергии, которой я даю вырваться наружу. Раскаленный след выжигает траву перед нами — волна синего и красного пламени за секунду разъедает клумбы и бушует в боковых садах дворца. В то же мгновение вопли стражников разрывают воздух.

— Пошли, — приказывает Артур.

Я следую за ним быстрым шагом, оставляя стражников сгорать в огне. Перешагиваю через две ступени за раз. Артур ударом ноги распахивает дверь, и стоит мне переступить порог, как воспоминания накрывают меня удушливой волной.

Артур изучает меня, изогнув бровь, и приоткрывает губы:

— Восточное крыло. Жрецы собрались там.

— Хорошо. А ты куда?

— К Эдоардо. — Он выхватывает меч из-за пояса. — На верхний этаж.

— Откуда ты знаешь, что он спрятался там?

— Я знаю его. Он не прячется, — отрезает он. — Я знаю, что он ждет меня. Теперь иди, и увидимся здесь, когда закончим. Но если что-то пойдет не так…

— Ничего не пойдет не так. — Я заставляю себя улыбнуться. — И потом, только не говори мне, что ты переживаешь за меня.

Он поворачивается и встает ко мне спиной. Не ответив, он поднимается по лестнице, и я провожаю его взглядом, пока он удаляется.

— В тебе есть что-то странное, — говорит он внезапно, бросая на меня косой взгляд. — Я уверен в этом.

— До встречи, Артур, — шепчу я, затем опускаю взгляд и вонзаю ногти в ладони.

Я устремляюсь к восточному крылу дворца, не оглядываясь назад. Я иду по коридору, и воспоминания о днях, проведенных здесь, проносятся перед глазами. Лицо

дамы Анджелины, отчитывавшей меня за опоздания, мешается с образом её тела, заворачиваемого в белую простыню и катящегося по грязи. Я сжимаю кулаки, и ярость взрывается у меня в груди.

— Вот она! ПЛИ! — орет стражник.

Я поднимаю взгляд, и огонь вырывается из моих ладоней в сторону их тел. Я позволяю ему пожирать их плоть, пока их вопли не превращаются в слабые стоны.

Я переступаю порог восточного крыла и иду в самый конец коридора. Запертая дверь привлекает мое внимание. Я опускаю ручку — не поддается. *Они внутри.* Я формирую огненный шар в пальцах и швыряю его в дверь, поджигая её и обрушивая на пол с оглушительным грохотом. Вопли и крики разлетаются по комнате.

— Невеста убьет нас всех!

— Д-да спасут нас Небеса!

Я разглядываю их одного за другим: дворяне, дрожа, прижимают к себе детей и женщин — без прежнего лоска и роскоши. За их спинами пятеро Жрецов неустанно твердят молитвы, их лица покрыты каплями пота, а глаза прикованы к священным писаниям, которые они судорожно сжимают в руках. Лишь один из них бросает мне вызов насмешливым взглядом, и я мгновенно узнаю его: человек, убивший Анджелину. Я подавляю покалывание в руке и выдыхаю:

— Вы, дворяне, можете убираться, — шиплю я.

Им не нужно повторять дважды: спотыкаясь, они очертя голову несутся прочь из комнаты. Жрецы продолжают молиться, качая головами из стороны в сторону и не сводя глаз со своих пророческих текстов.

— Хочешь сжечь нас всех, Лавиния Лайен? — Вязкий голос Верховного жреца заставляет мой желудок скрутиться.

— Имеешь что-то против, Верховный жрец? — Я раскрываю ладонь и призываю огонь, но гул молитв становится всё глуше и глуше, и мое терпение иссякает.

Я создаю четыре огненных шара, подношу их над головами Жрецов и позволяю им обрушиться на их тела словно ушат воды. В мгновение ока они валятся на пол, и пламя охватывает их, сжигая до самых костей. Всех, кроме Верховного жреца.

— Хочешь показать мне, что меня ждет? Думаешь, я испугаюсь?

— Оу, — я сжимаю губы. — Тебя ждет вовсе не это. Это — милосердная смерть. Твоя же будет куда больнее. — Ярость течет по моим венам и выжигает мое дыхание.

Он даже не моргает, поднимается на ноги и поправляет очки на носу:

— И скажи мне, ты хочешь покарать меня за ту убитую женщину, или за то, что сделали с вами мои предки?

— За всё, — скрежещу я зубами. — За всю ту мерзость и боль, что ты причинил.

— Но ты ведь знаешь, что если я и Эдоардо умрем…

Я хохочу:

— Теперь ты хочешь скормить мне ложь, лишь бы не умирать?

Он вздыхает:

— Нет, я говорю правду. В конечном счете решать тебе, но если я и Эдоардо падем от вашей руки, проклятия действительно будут разрушены… но вы все вернетесь в точку отсчета, не помня ничего.

Я раскрываю ладонь и создаю пламя, которое разгорается в моих пальцах всё сильнее и сильнее.

— Ты разве не понимаешь, что это значит? Тело Элайджи умрет, потому что его реинкарнации держались на мести, и как только цель будет достигнута, он перестанет существовать. Он переродится, но без своих воспоминаний.

Я поднимаю взгляд, и его глаза смотрят на меня невозмутимо. *Врет?*

Он вздыхает, нагибается и берет уцелевшую книгу:

— Прочти сама.

— Нет! — кричу я. — Замри и приготовься умирать медленно!

Он вскидывает руки в знак сдачи:

— Как знаешь, но… — Его глаза въедаются в мои мысли: — …таким образом вы разлучитесь.

— И даже если так, мы встретимся снова в следующей жизни, и в последующей тоже! — парирую я.

— Но вы не узнаете друг друга! — злорадно хохочет он. — Вы будете абсолютными незнакомцами! Ты этого хочешь? А ведь прямо сейчас вы могли бы сбежать вместе и пожить счастливо хотя бы раз. Подумай об этом.

Я хватаю его за руку, и огонь мгновенно обугливает кожу его предплечья, заставляя его рухнуть на колени от дикой боли. Я впиваюсь взглядом в его глаза:

— Вы бы заставили нас поверить, будто даете нам жить счастливо, а потом выследили бы и прикончили посреди ночи, так?! Вы всегда так делали, истязали нас веками, а теперь ты просишь меня поверить в твою милостивую сделку?!

Я сжимаю хватку, и звук его воплей ласкает мои барабанные перепонки.

— Ты — Невеста Зла, большего я от тебя и не ждал… — с трудом выдыхает он, корчась от спазмов. — …мы умрем, но вы двое больше никогда не встретитесь.

На его губах появляется подобие ухмылки, которую я с наслаждением уничтожаю. Я сжимаю его челюсть, заставляя распахнуть рот, создаю пламя на указательном пальце и помещаю его прямо в глубину его горла.

— Это за женщину, которую ты убил — за Анджелину Йиферд, — шиплю я со слезами на глазах. — Вспоминай её, пока твои органы взрываются один за другим!

Из его глаз начинают струиться кровавые дорожки. Я разжимаю пальцы и смотрю, как он прижимает ладони к шее. Он задыхается и бьется в конвульсиях. Я опускаюсь на его уровень и шепчу свои последние слова:

— И главное: это за ту любовь, которую вы прокляли и которой лишали меня веками. Пусть твоя душа сгорит в аду!

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Глава 30. ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«У тебя красивый сад, я думал его порезать».
«Зачем?» — мой голос дрожит от холода.
«А почему бы и нет? Поможешь мне?» — он кивает
в сторону мешка с семенами, лежащего на парапете.
«Неси сюда, посадим».
Я тащу мешок с семенами к его ногам: «Я не хочу
ничего об этом знать, мне нужно идти на работу».

Артур

В детстве мы играли в прятки, и Эдоардо любил прятаться на крыше дворца. Я всегда знал, что он там, но делал вид, будто не могу его найти, и бродил по комнатам — только для того, чтобы дать ему выиграть. Сегодня происходит то же самое, с той лишь разницей, что я больше не притворяюсь.

— Привет, брат. — Его голос леденит мои кости.

Он стоит ко мне спиной на самом краю крыши, устремив взгляд на пейзаж. Он поворачивается ко мне: меч зацеплен за пояс, на нем тот же синий мундир, что носил отец. Он сидит на нем как влитой — настолько, что мне кажется, будто я снова вижу отца в нем.

— Прошло два долгих года. Не хочешь мне ничего сказать?

Покалывание в руках заставляет меня сжать пальцы, и огонь рвется наружу.

— Это твои последние слова?

Он приподнимает уголки губ:

— Ну же, неужели мы не можем немного поговорить перед боем?

— Ты не заслуживаешь того, чтобы я тратил на тебя дыхание, — я выделяю каждое слово, призываю огонь в правую руку, и раскаленный шар зависает между пальцами.

— На твоем месте я бы этого не делал, — вздыхает он. — Видишь это? — Он поднимает правую руку и сжимает предмет, похожий на фонарик с красной кнопкой наверху. — Вдоль стен заложена взрывчатка. Возможно, ты не знал, но это система защиты, доступ к которой есть только у Короля в случае внешнего нападения. Один неверный шаг — и бам! Можешь попрощаться со своими друзьями.

— Чушь. — Я делаю шаг вперед, но он переносит палец на кнопку, заставляя меня замереть.

— Советую оставаться на месте, иначе тебе придется собирать останки Элайджи и остальных.

— Ты убьешь и собственных солдат.

— Думаешь, мне есть до этого дело?

Я прищуриваюсь:

— Почему ты не подорвал заряды, когда я был там?

— И упустить возможность поговорить с тобой? Я приготовил отличную речь, но знаю, что ты слушать её не захочешь.

Я гашу пламя:

— Думаешь, это убедит меня не убивать тебя?

— Нет, но не волнуйся… я не собираюсь сбегать. Я тоже здесь для того, чтобы положить всему конец. Но ты куда могущественнее меня, поэтому я не могу позволить тебе использовать огонь. Да и сражаться только на мечах мне кажется нечестным — ты ведь сам учил меня драться. У тебя было бы слишком большое преимущество.

— Говори и кончай со своими играми.

Он кивает и приоткрывает губы:

— Как по-твоему, почему отец бил меня, а не тебя?

— Просвети, — шиплю я, быстро оглядываясь по сторонам. На крыше, кажется, никого нет, кроме нас двоих. Я снова въедаюсь взглядом в него. Он продолжает беспечно вертеть детонатором, перекладывая его из руки в руку.

— Потому что он проецировал на меня грехи всего мира. Мне бы так хотелось увидеть его сейчас и спросить, что он думает… Каково ему знать, что он спас проклятого сына и ввел его в королевскую семью? Нашел бы он способ снова свалить вину на меня?

Я не моргая слежу за движением его рук.

— Или, может… — оскал искажает его лицо. — …может, он гордится мной за то, как я убил Лавинию?

Огонь изливается в мои вены, и все мое тело излучает такой поток жара, что он выплескивается наружу.

— Оу, больное место? — ухмыляется он. — Ну еще бы, ты ведь здесь, чтобы отомстить за неё.

— Ты никогда не должен был прикасаться к ней! — скрежещу я зубами.

— Я не сдержался. — Он пожимает плечами. — Это было сильнее меня. И ты не представляешь, какое наслаждение я испытал, когда её глаза посмотрели на меня с этим диким ужасом…

— Заткнись сейчас же!

— Заткнуться? — его смех растворяется в ветре. — Я ведь еще не дошел до самой сочной части! Как я вонзил меч ей в грудь, и как она содрогнулась от такой дикой боли, что не смогла даже закричать…

Я сжимаю кулаки, и ногти впиваются в ладони. Если я атакую его сейчас, он нажмет кнопку и подорвет стены. *Черт.* Мне нужно подгадать идеальный момент. Если я метну лезвие и отсеку ему руку… нет, он успеет уклониться.

— Ты выглядишь так, будто сейчас взорвешься, — комментирует он, гладя детонатор. — И всё только потому, что я назвал имя Лавинии.

— Держи её имя подальше от своей гребаной пасти, — задыхаюсь я, пока огонь выжигает мое дыхание.

Он улыбается:

— Почему?

— У тебя нет никакого права помнить о ней, думать о ней или произносить её имя!

— Ты прав, но… — Он перекладывает детонатор в правую руку и крутит его с полным небрежением, словно забавляясь моим нетерпением. — …вернись я назад, я сделал бы это снова. Я убил бы её снова, еще и еще — до конца своих дней.

Горячая жидкость капает с моей руки. Я на мгновение опускаю взгляд и вижу струйку крови, стекающую с моих кулаков. Я ослабляю хватку, закрываю глаза и снова открываю их. *Нужно успокоиться, он провоцирует меня намеренно.* У него что-то на

уме. И этот спектакль — лишь часть его изощренного плана. Но в чем он? Чего он добивается?

Он приоткрывает губы и вздыхает:

— Разве тебе не смешно от того, к чему мы пришли? Мы на той же крыше, где играли детьми. Ты бегал за мной, чтобы найти, а теперь бегаешь за мной, чтобы убить.

— Ты спрятался здесь, зная, что я приду. — Я наклоняю голову. — Что ты замышляешь, Эдоардо?

Он пожимает плечами:

— Я здесь для того, чтобы положить всему конец. Я же сказал тебе с самого начала. Впрочем… почему в детстве ты делал вид, будто не знаешь, где я прячусь?

— Какой смысл говорить об этом сейчас? — Он сжимает детонатор, и сердце подступает к моему горлу. — Потому что ты был счастлив, когда выигрывал.

— Настоящий заботливый старший брат, — улыбается он, но уже без прежней наглости и надменности.

— Я был им, — шиплю я. — И всегда им оставался! Но ты испоганил всё. Ты вырвал у меня самого дорогого человека в жизни и заставил пройти через такую адскую боль, что она лишила меня всего, кем я был.

Он опускает взгляд:

— Я не был примерным братом, но у меня не было выбора.

— Выбора?! — ору я. — Дело было не в выборе! Каждый день своей жизни я ставил тебя на первое место! Я защищал тебя от всего и всех! Я написал тебе письмо, где объяснил абсолютно всё, но ты растоптал меня и предпочел убить её у меня на глазах!

— Какое письмо? — шепчет он, и морщина прорезает его лоб.

— О нет, — горький смех вырывается с моих губ. — Только не надо сейчас врать.

— Что ты там написал? Скажи мне!

— Что вместе мы могли бы найти решение.

Он приподнимает уголки губ, и его глаза наливаются слезами.

— Какая жалость, — мурлычет он дрожащим шепотом. — Теперь слишком поздно.

Он сжимает кулак и швыряет взрывное устройство справа от себя.

Сцена проносится перед моими глазами словно в замедленной съемке.

— НЕТ! — кричу я.

Я бросаюсь вперед, расставляю руки, задерживаю дыхание и едва касаюсь детонатора, заставляя его соскользнуть прямо в мою ладонь. *Поймал.* Кислород снова наполняет мои легкие. Я резко поворачиваюсь, но Эдоардо заносит свой меч против меня с молниеносной скоростью. Я качусь влево и уворачиваюсь от удара, но он не дает мне передышки и наносит новый сокрушительный выпад. За секунду я выхватываю свой меч и блокирую его лезвие одной рукой, пока в другой сжимаю детонатор. Он — надпись надо мной, а я распростерт на крыше. Он искажает лицо в ярости, но из его глаз скатываются слезы, и смятение затуманивает мой разум. Он нажимает сильнее, и его лезвие едва не касается моей груди, заставляя меня сжать рукоять еще крепче.

— Пора с этим покончить, брат, — шепчет он и резким, быстрым и неожиданным движением разжимает пальцы и убирает свой меч.

Мое лезвие слегка пробивает его живот, но он сам подается вперед, широко распахнув рот. Он жадно ловит воздух, кровь струится из его рта и капает мне на лоб.

— Что, блядь, ты делаешь?! — кричу я в полном замешательстве.

Он улыбается, и его губы дрожат:

— В к-кармане… — лепечет он и обмякает, валясь на меня — бледный и задыхающийся.

Я поворачиваю его и сажусь. Его рука сжимает мою и направляет её в карман брюк. Я запускаю пальцы внутрь и нащупываю смятый клочок бумаги. Достаю его и разворачиваю.

Сейчас ты, должно быть, шагаешь ко мне. Стражники доложили, что ты проник во внешние секторы и взял их под полный контроль. Меньшего я от тебя и не ждал. И вот я пишу то, что не смогу сказать тебе лично, когда ты поднимешься на крышу.

Ах да, не переживай: детонатор пуст, твои друзья в безопасности.

Твоя жизнь и все предыдущие знали лишь страдания по моей вине. Священные писания покарали меня, отправив тебя убить меня, а Жрецы исказили слова, превратив тебя в монстра, которым ты не являешься. И я охотился за тобой веками, убивая жизнь за жизнью, свято веря, что защищаю благо мира. Каким же дураком я был. Теперь, увы, я не в силах перечеркнуть годы, которые у тебя украл, или вернуть женщину, которую ты любил. Но я обещаю тебе: ничто больше не будет прежним. Моя смерть от твоей руки сотрет любые следы проклятия, и ты сможешь жить снова и любить Лавинию. Я уверен, что в следующей жизни вы узнаете друг друга, и, возможно, однажды вы оба меня простите. Я не рад тому, что сделал с ней, и каждая секунда для меня — медленная пытка; корона давит на мою голову, удушая всё сильнее. Каждое утро я просыпаюсь с единственным желанием — угаснуть. Разве не абсурд? Король, самый могущественный человек в нации, превратился в призрака, мечтающего лишь о смерти. Возможно, это груз прошлых жизней давит на меня, а может, та связь, что объединяла нас все эти годы, пока ты был моим братом, толкнула меня изменить ход вещей. И я знаю, ты скажешь, что мы не братья, ведь нас не связывает кровь, но для меня ты останешься им до моего последнего вздоха и дольше. Быть твоим братом было единственным лучиком света посреди тьмы, в которой я блуждал — между отцовскими оплеухами и экспериментами Жрецов. Ты всегда был светом и всегда им будешь.

Если ты когда-нибудь простишь меня, я хотел бы снова переродиться твоим братом, но на этот раз старшим. Чтобы вернуть тебе всё, чего я тебя лишил.

А пока я начинаю с того, что дарю тебе свою смерть, с которой ты обретешь покой.

Как ты говорил?

«Мы братья, Эдоардо. Я никогда не оставлю тебя одного: тебе достаточно просто повернуться — и я буду рядом. Всегда».

Мы братья, Артур.

Братья.

— Эдоардо

Капли дождя падают с неба. Хватка Эдоардо слабеет, и его рука соскальзывает с моей. Бескровный, с открытыми глазами, испачканными кровью губами и расслабленными чертами лица. Будто впервые в жизни он обрел истинный покой и умиротворение.

Я протягиваю руку к мечу и выдергиваю его решительным движением. Кровь хлещет из его мундира, образуя лужу. Слеза обжигает мое лицо, смешиваясь с дождевой водой, и цепи вокруг моего сердца рассыпаются в пыль.

— Я простил тебя, брат, — шепчу я. — Я простил тебя.

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

В США, где всё началось

Лавиния

Я подскакиваю и распахиваю глаза.

Двое мужчин в белых халатах разглядывают меня с любопытством, а с их губ срываются далекие звуки. Я хлопаю ресницами, горло горит огнем, заставляя меня закашляться. Один из них подходит ближе и направляет мне в глаза раздражающий луч фонарика. Я поднимаю руку и резким жестом отталкиваю его.

— Не трогайте меня, — еле выговариваю я сиплым, хриплым голосом.

— Успокойтесь, мисс Лайен. Мы здесь, чтобы помочь вам. Вы совершили сильное падение с моста…

— Что?! — Я оглядываюсь по сторонам: вокруг больничные койки, а в руку вставлена капельница, подключенная тонкой иглой. — Я… где я?

— Мы в приемном покое. Вас привезли на скорой после попытки самоубийства. Тревогу поднял бездомный.

— Нет! — кричу я, хватая его за запястье. — Это неправда! Он спас меня, и… — Я замолкаю: воспоминания блекнут и растворяются в небытии.

— Кто «он»? С вами никого не было, когда вас вытащили. Вы помните еще кого-то, кто пропал в воде?

Оба смотрят на меня в ожидании ответа, но мой разум застилает пелена, будто происходит короткое замыкание. Я открываю и закрываю рот.

— Не волнуйтесь, мисс Лайен. Вы получили сотрясение мозга, это нормально, что сейчас вы немного сбиты с толку.

Я приоткрываю пересохшие губы:

— Я хочу домой.

Я сбрасываю простыню и опускаю ноги, но они останавливают меня:

— Мы настоятельно не рекомендуем этого делать. Нам нужно понаблюдать за вами и…

— Я сказала: я хочу домой, — повторяю я.

Они обмениваются недоуменными взглядами. Один из них кивает и поднимает глаза:

— Дебби, принеси бланк отказа от госпитализации, пожалуйста! — Он снова переводит взгляд на меня: — Вам придется подписать, что вы уходите вопреки медицинским рекомендациям. Идет?

Я киваю. Медсестра приносит документы и ручку. Я беру её в руку и, несмотря на дрожь, сотрясающую тело, сжимаю пальцы и ставлю подпись на последней странице. Я делаю вид, будто слушаю их наставления, пока медсестра вытаскивает иглу, но даже не чувствую боли на коже. Словно тело отделилось от моей души, превратившись в пустую оболочку, затерянную в собственном мире.

Врачи отходят, и как только они заворачивают за угол, я поднимаюсь на ноги и, пошатываясь, иду по коридору к выходу. Холод заставляет меня содрогнуться еще сильнее, но я не останавливаюсь и шагаю по улице — знакомой и в то же время совершенно чужой. *Почему я чувствую себя настолько не на своем месте?*

Я останавливаюсь на красный сигнал светофора. Машины несутся мимо меня на бешеной скорости, а я ухожу в себя. Мне чего-то не хватает… Чего-то, что занимало огромную часть моего сердца… Чего-то, чье отсутствие истязает меня до такой степени, что я чувствую себя сумасшедшей.

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Звук клаксонов приводит меня в чувство. Светофор загорается желтым. Я перебегаю дорогу. *Что я забыла?*

Я преодолеваю короткий путь, останавливаюсь перед калиткой своего дома и замечаю велосипед, стоящий на привычном месте возле двери. *Где ключи?* Я нащупываю носком ботинка коврик и ощущаю их под подошвой. Наклоняюсь, подбираю их и вставляю в замочную скважину. Открываю калитку, делаю шаг вперед — и мои глаза мгновенно наполняются слезами.

Я окружена бескрайним ковром из синих тюльпанов, посреди которого выделяется папина скамейка, выкрашенная в сиреневый цвет. Дождь капает с неба словно нежная ласка. Я расправляю плечи и закрываю глаза. Аромат тюльпанов рассеивает мое смятение, и облегчение наполняет грудь, освобождая от тяжести, о наличии которой я даже не подозревала.

— Я найду тебя, — шепчу я, и слова слетают с моих губ без участия мыслей.

И все же странным образом они идеально ложатся в мое сознание.

— Я найду тебя, — повторяю я.

Дождь усиливается, будто отвечая мне: *И я тебя.*

Завещание Его Высочества Короля Эдоардо

Составляю сии строки, находясь в полном здравии ума и твердой памяти, не испытывая ни малейшего давления или внешней угрозы. Я, Король Эдоардо Мейер, последний из своего рода, передаю королевскую власть над Королевством Америка фаворитке двора — Вирджинии Хэлли.

Я считаю её проницательность, умение слушать и эмпатию идеальными качествами для нужд народа, разделенного на слишком далекие друг от друга социальные классы. За время своей службы она проявила выдающийся ум, и я убежден, что ей удастся распутать узлы власти и, главное, принести мир на землю Америки. Я оставляю сию волю зафиксированной перед королевским советником, выступающим в качестве свидетеля, коему поручено лично огласить её по завершении битвы.

Эдоардо Мейер

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Эпилог

Первое перерождение

— Ты просто ужасна, — вздыхает Лавиния.

Алази пожимает плечами и подносит трубочку к губам:

— Я не виновата, что мужики — идиоты, — парирует она, потягивая свой алкогольный коктейль посреди белого дня. — Пожалуй, на данном этапе я переключусь на женщин.

— Ты их просто запугиваешь, это другое. Скольких ты уже отшила? Я сбилась со счета.

— Очень смешно, правда. Мне, по-твоему, надо делать как ты — отшивать любого парня, который пытаются со мной заговорить, просто потому, что тебе «что-то подсказывает», будто он — «не тот самый»? Анджелина в курсе, что ты ждешь мистического явления?

Лавиния скрещивает руки на груди:

— Ой, перестань. Мама еще хуже тебя, а когда они объединяются с папой — это вообще конец. Единственный разумный человек в семье — дедушка Рантал, который хоть не пытается сосватать меня с первым встречным. — Она откидывается на спинку стула и вздыхает: — Впрочем, даже если я попытаюсь тебе объяснить, ты всё равно не поверишь.

— Ой, я тебя умоляю! — Она закатывает глаза. — Может, если мы все так переживаем, проблема в тебе, а не в нас? Давай устроим короткую проверку: в этом баре есть хоть один мужчина, с которым ты могла бы представить хотя бы пару фраз перекинуть?

Лавиния скользит взглядом по соседним столикам. Небольшая компания наблюдает за ней еще с самого прихода, но ни один из них не заставляет её сердце биться чаще, и даже при всём желании она не смогла бы изобразить интерес. Она отводит взгляд и упирается им в витрину слева.

— Видала? Что и требовалось доказать! — ликует Алази. — Ты безнадежный случай. Застряла в ожидании прекрасного принца на белом коне или тому подобной херни.

Лавиния прищуривается, вглядываясь сквозь стекло:

— Погоди, это что, Вирджиния?

Алази прослеживает направление её взгляда:

— А-а, ну она-то единственная из нас, кто живет в кайф! Ты только посмотри, как она с ним засосалась — будто дышать без него не может! Вот она, настоящая заварушка, Лавиния.

— Она идет к нам, сделай вид, будто ничего не видела.

— Есть, капитан!

Обе опускают глаза. Дверь открывается, и Вирджиния выискивает подруг среди столиков бара. Она бросает взгляд влево и вправо, замечает светлую шевелюру Лавинии и подсаживается к ним.

— Привет, девчонки! Простите за опоздание, — мурлычет она, опускаясь на свободный стул за круглым столиком.

— Пробки, да? — ухмыляется Алази.

Лавиния дает ей пинка под столом, и та прикусывает язык.

— Вы меня видели, да?

— Ну-у… — шепчет Лавиния.

— Еще бы! Этот засос достоин «Оскара»! — отрезает Алази.

Вирджиния прикладывает ладонь к вспыхнувшей щеке:

— Какой позор… Я даже не заметила.

— Это тот парень, про которого ты рассказывала на прошлой неделе? — улыбается Лавиния.

— Да. Его зовут Эдоардо, и, клянусь, я не знаю, как это объяснить, но… мне кажется, будто я знаю его много лет. Мы просто не способны находиться вдали друг от друга: постоянно ищем встреч, а когда мы вместе, каждая клеточка во мне чувствует себя дома.

— Ну вот, опять началось, — бубнит Алази. — Меня сейчас диабет свалит от ваших соплей.

Лицо Вирджинии сияет радостным светом, глаза блестят, а её улыбка озаряет весь бар.

Лавиния берет её за руку и сжимает её:

— Я так рада за тебя! И не слушай Алази: она просто срывает злость за свои неудачные свидания в Тиндере.

— Я пытаюсь открыть вам глаза! — парирует та.

— Ну да, ну да…

Телефон Вирджинии звонит в сумочке. Она достает его и подносит к уху:

— Эдоардо? — шепчет она с нежностью.

— *«Эдоардо»,* — кривляется Алази, тут же получая очередной пинок от Лавинии.

— В моей сумке? Погоди, сейчас гляну… — Вирджиния шарит свободной рукой в связке и вытаскивает связку ключей. — …да, они у меня. Взяла случайно… Ладно! Целую, любимый!

Она завершает вызов и сталкивается с недоуменными взглядами подруг.

— Я поняла только то, что ты назвала его «любимым», — комментирует Алази.

— Я случайно прихватила его ключи от дома. Он сейчас на работе, но он живет с братом, который остался заперт снаружи. Брат тут неподалеку, должен подойти с минуты на минуту и…

— Будете делать заказ? — Официантка прерывает разговор Вирджинии, и в то же мгновение её телефон вибрирует от нового сообщения, освещающего экран.

— Да, дайте секунду, — отвечает она и снова переводит взгляд на девушек: — Кто-то из вас может вынести ему ключи? Он прямо снаружи.

Алази качает головой:

— На меня не смотри, я хочу заказать еще один коктейль.

— Я схожу. — Лавиния берет ключи и поднимается на ноги.

Вирджиния дарит ей теплую улыбку:

— Спасибо! — Она поворачивается к официантке: — А какие у вас есть десерты?

Лавиния выходит из бара, делает пару шагов по улице, и внезапный порыв ветра треплет её волосы. Она смотрит на небо: облака плывут безмятежно, а солнце целует её лоб. Сегодня не должно было быть непогоды. Но это была не непогода — это была нить судьбы, готовая сплестись снова с той же силой, что и любовь из прошлого.

— Вирджиния? — Глубокий мужской голос заставляет её повернуться вправо. — Ты Вирджиния?

— Нет, я… — мурлычет она, но слова замирают у неё на губах.

Рокиа – Виновна: Сгорая от любви
Rokia - Guilty. Burn for love

Золотистые кудри спадают на лоб белоснежного лица с двумя радужками такой же интенсивности, как у солнца. Широкие плечи и высокий рост заставляют её слегка запрокинуть голову.

Он проводит пятерней по волосам и опускает взгляд на ключи:

— …а вот это, должно быть, мои ключи.

Лавиния прищуривается, оглядывая его с ног до головы:

— Ты брат Эдоардо?

— К сожалению. — Ямочка появляется на его правой щеке. — А ты подруга Вирджинии?

— Да, — кивает она. — Я живу в конце улицы. — *С какого перепугу ей вообще вздумалось ляпнуть эту деталь?!*

— Странно, я никогда не видел тебя в нашем районе.

— Ну, я не особо часто гуляю.

— Да ну? И чем же тебе нравится заниматься?

— Мне нравится… — Лавиния изгибает брови, сбитая с толку тем, куда поворачивает разговор, и одновременно пораженная тем, как легко она себя ведет.

Сжимая ключи в пальцах, она отвечает на его вопросы с интересом, разрастающимся в её груди с каждой секундой:

— …мне нравятся цветы.

— И почему ты до сих пор не зашла ко мне?

— Прости?

Его лицо озаряется сияющим светом:

— Ну вообще-то ты и не могла знать, моя вина. Я флорист. И еще цветовод, для полноты картины.

Лавиния хмурит лоб:

— Серьезно?

— А что? Парень не может выращивать цветы?

— Нет, я не к тому… Это… мило, — шепчет она.

— Мило, — повторяет он. — Значит, я могу пригласить тебя завтра утром посмотреть на мою милую оранжерею? Клянусь, я тебя не сдам.

— Завтра? — Лавиния отводит взгляд с вспыхнувшими щеками.

Он наклоняет лицо до уровня её глаз:

— Я покажу тебе безумно красивые и милые синие тюльпаны. Ты не сможешь отказаться.

— Я…

— Приходи с Вирджинией, заодно я наконец с ней познакомлюсь. Уж очень хочется посмотреть на эту невероятную девушку, которая превратила мозги моего младшего брата в кашу… Договорились?

Лавиния поджимает губы в скромной улыбке:

— Договорились.

— Ты отдашь мне ключи от дома, или их я тоже увижу только завтра?

— Оу, точно… какая я рассеянная. — Она протягивает руку, пальцы парня слегка касаются её кожи, и сердце начинает заходиться в бешеном ритме, лишая её дыхания.

— Спасибо. А как тебя зовут?

Она поднимает взгляд к его медовым радужкам и приоткрывает губы:

— Лавиния, — улыбается она.

— Артур, — отвечает он взаимной улыбкой, завороженный девушкой с глазами цвета неба и чистотой мыльного пузыря.